

П.К. Чекалов

«Сюда пришел я, чтобы здесь остаться...»

Страницы творческой биографии К.А. Мхизе

Москва
2016

УДК 82.....

ББК 84

ЧЗ7

*Научный редактор: доктор филологических наук,
профессор Н.Х. Суонова.*

*Рецензенты: доктор филологических наук, профессор К.Н. Паранук;
доктор филологических наук, профессор М.А. Хакуашева.*

Чекалов П.К.

ЧЗ7 «Сюда пришел я, чтобы здесь остаться...» Страницы творческой биографии К.Л. Мхце. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2016. – 374 с.

Монография «Сюда пришел я, чтобы здесь остаться...» – первый опыт жизнеописания в абазинском литературоведении – воссоздает биографию одного из самых ярких и проникновенных лириков-абазин Керима Леонидовича Мхце. В издании исследуются все стихотворные сборники поэта, что позволяет проследить эволюцию его творческого мастерства. В специальных главах представлен научный комментарий к литературоведческому и критическому материалу по творческому наследию абазинского поэта.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей абазинской литературы, личной судьбой К.Л. Мхце и его поэзией.

На странице 3 использован рисунок Сии Кнуховой

*Книга издается за счет средств
Международного объединения
содействия развитию абазино-
абхазского этноса «Алашара»*

© Чекалов П.К., 2016

© Оформление.

ИПО «У Никитских ворот», 2016

Король
(Памяти Керима Мхце)

Когда король и шут меняются местами
И верховодит зло по всем другим местам,
Тогда лишь тот король, кто во всемирном сраме
Посмеет быть собой,
 послав весь мир к шутам.

Ю. Созаруков

От автора

Керим Мхце – центральная фигура абазинской литературы последней трети XX столетия, так как он в своем творчестве воплотил лучшие достижения национальной поэтической культуры. Однако до настоящего времени нет мало-мальски разработанной биографии человека, которого уже при жизни называли *абазинским Пушкиным*.

Вдумчивый и проницательный ставропольский критик Лидия Анохина, размышляя о поэзии В.Г. Гнеушева, высказала суждение: «Я глубоко уверена, что *настоящим поэтом может быть только настоящий человек*. Это первое условие. Только душа, уязвленная неподдельным чувством, может рождать поэтические звуки и отклик на них. Без этого нет поэзии»¹. Сказанное, на наш взгляд, можно отнести и к Кериму Мхце. Абазинская поэтесса Фатима Апсова в одной из статей сказала примерно о том же: «*Аллах не наделил бы Керима столь мощным поэтическим даром, если бы он не обладал и соответствующей человечностью*»².

Нет сомнения в том, что, будь Керим другим человеком, с иным характером, мировоззрением, житейской судьбой, и творчество его было бы иным. Лучшему восприятию стихов поэта, верной интерпретации их смысла, пониманию связи с породившей их действительностью послужит жизнеописание автора.

К сожалению, Керим не оставил более-менее развернутой автобиографии. В радиопередаче «Мое сердце останется жить вместо меня...», подготовленной и озвученной самим поэтом по национальному радио 5 октября 1991 года, он высказался по этому поводу так: «Я мог бы сейчас подробно познакомить вас со своей жизнью, – мне скрывать нечего, но горскому мужчине это как-то не подобает»³.

Потому нам пришлось обратиться к самым различным источникам в поисках нужного материала. В основу наших очерков легли признания самого поэта, записанные мной если не в ходе самих бесед, то сразу после них. (Частично они были опубликованы в 1999 году, еще при жизни Мхце.) Также мной использован автобиографический материал

¹ Анохина Л. Еще одна страница дневника // Ставрополье. – 1972. – № 1. – С. 67.

² Апсова Ф. Мы никогда не узнаем, кем он был на самом деле // Абазашта. – 2009. – 7 мая. – С. 7.

Здесь и далее все переводы с абазинского, за исключением специально оговоренных мест, – П. Чекалова.

³ Рукопись сценария радиопередачи «Мое сердце останется жить вместо меня...». – Архив П.К. Чекалова.

из публицистического наследия поэта, архивные документы, сохранившиеся отдельные письма и записки Керима, личные документы поэта, предоставленные его дочерью Олесей.

Большую роль в составлении жизнеописания поэта сыграли воспоминания людей, близко знавших и соприкасавшихся с ним в силу родственных и иных отношений в разные периоды жизни. На протяжении более двадцати лет я встречался со многими из них и целенаправленно записывал их воспоминания. В результате накопился достаточный материал для того, чтобы обозначить по крайней мере основную канву жизни Керима. Моя роль заключалась в том, чтобы систематизировать собранный материал, расположить его в хронологической последовательности и описать. Собственного моего домысла здесь нет. Если я выражаю где-либо свое мнение, в тексте оно приводится исключительно как мое личное предположение, не претендующее на истину в последней инстанции.

С самого начала и до конца работы над рукописью этой книги я старался быть максимально объективным в изображении фактов жизни как самого Керима, так и людей, с ним связанных. Могу признаться, что в книге отразился не весь имеющийся у меня материал: о чем-то я умолчал, что-то опустил сознательно, но это я делал из соображений этики и целесообразности.

«Ни один биограф не в состоянии представить чужую жизнь такой, какой она была “на самом деле”, – писал авторитетный литературовед К.О. Конради. – *Биография – это попытка подойти к жизни и творчеству человека, заслуживающего внимания*»⁴.

Отдавая себе отчет в том, что невозможно воссоздать жизнь поэта с абсолютной достоверностью, я тем не менее пытался восстанавливать ее непредвзято и беспристрастно. В характере поэта, его суждениях, отзывах о нем порой встречаются несоответствия. Абсолютно одномерных людей не бывает, противоречия свойственны всякому человеку. Вероятно, не был их лишен и Керим Мхце.

Книга снабжена ссылками, и при желании можно установить источник информации: по сноске в конце страницы (как правило, это литературные источники) или в скобках в самом тексте. Чаще всего в скобки вписано одно число, обозначающее номер информатора в приводимом в конце книги списке. Так как с некоторыми я встречался неоднократно, дни встреч пронумерованы в хронологической последовательности, и, если в скобках указаны два числа, второе уточняет дату.

⁴ Конради К.О. Гете. Жизнь и творчество. Т. 1. – М.: Радуга, 1987. – С. 27.

*Александре Ахмедовне Мхце,
подарившей миру Поэта*

Эта книга не состоялась бы в том виде, в каком она сложилась,
без воспоминаний родных и близких поэту людей.

Низкий поклон всем,
кто помог воссоздать творческий облик поэта.

Автор

*Араба сгайтI араба сгIанхарныс, –
Схъа щтIасцIарныс араба швара швыхъаз...*

*(Сюда пришел я, чтобы здесь остаться,
Чтоб голову сложить здесь ради вас...)*

К. Мхце

*Последующие поколения будут знать Керима
лучше, чем мы, живущие с ним в одно и то
же время, имеющие возможность подойти и по-
говорить с ним, принимающие с газетных полос
еще теплые его стихи...*

П. Чекалов

Из родословной

Любого писателя, как и всякого человека, с самого рождения сопровождают различные люди, оказывающие на него то или иное влияние и тем самым способствующие формированию его судьбы в том виде, в каком она в конечном результате и складывается. Вследствие такого положения вещей при составлении биографии творческого лица невозможно ограничиться описанием только его частной жизни, приходится затрагивать судьбы и других людей, которые так или иначе были связаны с ним. В первую очередь это, конечно, родители и ближайшее окружение. Поэтому свой разговор о Кериме Мхце начнем с краткого представления его родословной.

Мхце Ахмад – дед Керима по материнской линии – проживал в ауле Ново-Кувинск Кувинского района Черкесской области, был женат на Канитат (все ее называли Гвыгва) из рода Шенкао и имел восьмерых детей: Александра, Тамара, Раиса, Мусса, Любовь, Слава, Таисия, Екатерина. У них был большой дом: железная крыша и деревянные полы в начале 1940-х годов являлись неоспоримым признаком состоятельности. В июле 1942 года Ахмад был призван на войну, служил в кавалерии и погиб в ноябре 1943 года (18).

Старшей из детей была Александра, родившаяся 7 августа 1927 года. С восьми лет она пошла в первый класс. В связи с тем, что в

родном ауле была только начальная школа, после ее завершения пятый класс Шура проходила в соседнем черкесском ауле Эрсакон, что в пяти километрах от Ново-Кувинска. Но не успела она доучиться до конца учебного года, как дядя Хазрат, младший брат Ахмада, окончивший Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) и оставшийся работать в Москве, забрал ее, и в школе № 374 Сокольнического района она проучилась полтора года (18). В июне 1941 года Шура приехала домой на школьные каникулы, а через несколько дней началась война. Еще до своего ухода на фронт Ахмад успел направить ее на шестимесячные курсы бухгалтеров в станице Исправной. Призыв отца совпал со временем обучения Шуры, в связи с чем она не смогла проститься с ним (24).

Когда в начале 1943 года территория Карачаево-Черкесии была освобождена от немецких захватчиков, Шура устроилась бухгалтером на Большезеленчукскую машинно-тракторную станцию (ныне – Сельхозтехника), что располагалась неподалеку от аула. Было ей тогда 15 лет, и с этого времени она вместе с матерью стала поднимать на ноги младших сестер и братьев. Шура получала зарплату, помимо того ей ежегодно выделяли участок в 15 соток, обрабатываемый всей семьей: выращивали картошку, кукурузу, фасоль, тыкву. Этим и выживали (24).

Впоследствии Александра поступила на заочное отделение института в Ростове, проучилась год и оставила учебу, потому что сочетать ее, сопряженную с выездами на время сессий, с работой и семейными проблемами было сложно. Она считалась хорошим специалистом. В разное время работала кассиром в МТС, бухгалтером в колхозе и сберкассе, продавцом в сельском магазине. Ее честность порой обретала анекдотические формы: если кто-либо оставлял на прилавке одну-две копейки, она выбегала за ним и возвращала их (9).

В 1948 году Александра вышла замуж за Шавахова Лиуана Ахмедовича, адыгейца по происхождению⁵. Он был участником Отечественной войны, служил в танковых частях, имел боевые награды, внешне выглядел высоким, статным, видным из себя человеком. «Был добр, хорошо разбирался в технике, рисовал красиво», – отзывается о нем Александра (18). О последней его способности Тамара, младшая сестра Шуры, отмечала: «Рисовал

⁵ Отец Лиуана был мулдой и в Ново-Кувинск с семьей перебрался из Красно-го Востока вследствие того, что здесь не было своего эфенди.

так, будто фотографировал» (24). Лиуан работал шофером на машинно-тракторной станции. На вопрос Шуры, почему он выбрал именно ее, тот ответил: «Старики тебя хвалили» (9).

В новой семье Шуру поначалу встретили очень радушно. Свекровь не скрывала радости и все время повторяла: «Мы поймали золотую птичку!» («Ахццис глАхКытI!») (24). 5 мая 1949 года у Шуры родился мальчик, которого назвали Абдул-Керимом⁶. Ему было всего два-три месяца, когда Шура вернулась в дом к матери. О причине этого сама Александра сказала так:

– Маме печь топить было нечем, и мы с младшими сестрами пошли на поле и собрали будылья от подсолнухов. Вечером он (муж. – П.Ч.) перевез их на машине и сгрузил во дворе у мамы. Пришла свекровь со словами: «Ты женился на ней, чтобы работать на ее семью?!» («Ауат уырзынханыс акIвма ари дызгIаугыз?!») (18).

Когда Лиуан переехал жить в Эрсакон, Шура навестила его однажды с ребенком на руках. «Бывает же, нищим подают милостыню. Вот так он протянул сыну конфеты. Всю обратную дорогу возвращалась, выплакиваясь сердцем!» («Арса йгырырымтума арыцхIаква кIанифатквАкI. Ауаса йызгIайраутI. Сгвы тчIвыугIауа сгIайхтI» – 18). С тех пор отец самоустранился от воспитания сына и какой-либо его материальной поддержки. («Па дсымапI-хIва дгыйыштанымкъватI, зынгы дгыйыштамцIгIатI, закIылагы дгыйымбатI, дгыйымхъватI. Данапхъуз шпахIахъаз! ЗакIыла дицхърагIа гьамуашызма?» – 18).

Керим уже учился в областном интернате (предположительно пятый или шестой класс), когда однажды его вызвал мужчина. По воспоминаниям Мухаммеда Шибзухова, Керим подошел к тому, но тотчас возвратился. Когда Мухаммед спросил о том, что произошло, Керим объяснил: «Он сказал: “Я твой отец”. Я ответил: “Ты только сейчас узнал, что ты мой отец?” – и ушел» (29).

По словам Ф. Чекуновой, первой жены поэта, уже после Литинститута Керим с ней и сыном Арсеном навестил отца. Их приняли хорошо, зарезали барана (37). Сам Керим вспоминал, что еще в пору студенчества он отыскал отца и имел с ним продол-

⁶ Имя было дано дедом по отцовской линии, являвшимся тогда муллой аула. Впоследствии первая часть имени отпала, и все называли его просто Керимом, хотя и в более поздних официальных документах он значился именно как Абдул-Керим. Абдул Шенкао (дядя Керима) тем же муллой был наречен Абдул-Сатаром. Любопытно, что в быту его имя сократилось за счет второй части.

жительную беседу. Из этой встречи он вынес ощущение того, что с этим человеком его никакие духовные нити не связывают: ни в характере, ни в мировоззрении, ни в чем другом ничего общего с ним он не обнаружил. Впоследствии, если случайно встречались на улице, они здоровались, обменивались дежурными фразами, но родственные отношения так и не сложились (19, 3).

В силу обозначенных причин Керим еще с первого класса записал себя в школьном журнале как Мхце и во время получения паспорта настоял на том, чтобы ему дали фамилию матери (20). И в историю абазинской литературы он вошел под именем Мхце Керима Леонидовича, хотя формально – по отцу – должен был бы именоваться Шаваховым Абдул-Керимом Лиуановичем.

В 1959 году Александра вторично вышла замуж за жителя Старо-Кувинска, но он оказался «непутевым»: безответственный, жил только для себя и в свое удовольствие: «Йан дбзийын, йара дгъамуытІ. Йхъауыс акІвымкІва закІгъи гыймдыруазтІ» (18). Спустя три года Шура с двумя дочерьми – Любой и Людой – снова вернулась к матери.

Все свое детство Керим провел в доме бабушки Канитат. Через двор от них располагался дом Умара Шенкао, родного брата бабушки. У него тоже была большая семья – семеро детей: Фатима, Рауф, Лев, Абубекир, Айшат, Абдул, Марьян. И как бы ни было тяжело, Умар всегда и всем, чем мог, помогал сестре и ее детям. Последние называли его не иначе как «папа Умар» (30). Все дети Канитат и Умара росли дружно, буквально – одной семьей. И Керим вошел в эту большую семью не внуком и племянником, а сыном и братом. Этому ощущению способствовало и то, что младшие дяди и тети были его ровесниками. Так, например, самая младшая сестра Александры (Катя) была старше Керима только на восемь лет, Айшат Шенкао – на три года, Абдул – на три месяца, а Марьян – моложе своего племянника на два года.

Сам Керим подчеркивал, что в семье у бабушки он чувствовал себя девятым ребенком⁷. Характерно и признание Людмилы, дочери дяди Муссы, что она только после десятого класса поняла, что Керим доводится ей не родным, а двоюродным братом (30). Это говорит о близости сложившихся отношений.

⁷ Мхце К. Человечность, защиты меня, если я тебя сохранил // Коммунизм алашара. – 1990. – 22 сент.

Раннее детство

С самого начала Керим был окружен повышенным вниманием со стороны бабушки, ее сестры Щайдат и многочисленных теток. Бабушка установила порядок, согласно которому никто не смел заходить в комнату, где спал ребенок; она же выделила ему самую красивую чашку, и остальным было запрещено притрагиваться к ней (24).

Одним из ранних воспоминаний самого Керима является следующее: «Вероятно, мне было года три. Не так чтобы свирепствовал голод, но с продуктами было туго, большей частью мы не наедались. Не говоря уже о конфетах и других сладостях, мы к тому времени белого хлеба в глаза не видели. И вот я тяжело заболел. Температура была высокой. Я лежал в мокрой от пота постели, то теряя сознание, то приходя в себя. Временами мне слышался тихий плач женщин. Наверно, они уже не надеялись, что я выживу. Надо мной сидели и по очереди дули на меня сестра моей бабушки Щайдат и старуха-родственница Аминат. В те времена врачей в ауле не было и в помине! Когда я однажды приоткрыл глаза, увидел протянутый кусок белого хлеба. (Я только потом догадался, что это был хлеб.) Я собрал все свои силы, взял хлеб в исхудавшие руки и стал жевать... Поверите ли, сколько потом ни приходилось вкушать разных изысканных блюд, но ничего вкуснее того хлеба за всю свою жизнь мне испробовать не довелось, ничто не могло заглушить его вкус. Я съел половину, а другую положил под подушку.

– Что, мальчик мой, не можешь доесть или не хочешь больше? – донесся до меня чей-то голос.

– Могу, но... не хочется сразу, – ответил я слабым голосом.

Спустя немного времени после того я выздоровел»⁸.

По всеобщему признанию, Керим рос мягким, тихим, спокойным, по манерам иногда напоминал девочку: одно время не расставался с куклой, называя ее «Моя невеста» («Скъащан»). Если на нем появлялась какая-то обнова и ему говорили «О, Керим, до чего красиво! Кто тебе подарил?», он отвечал: «Сам себе подарил» («Са йсыстхтI» – 31).

Не любил темноту. Если приходил к Шенкао и заигрывался допоздна, долго мялся перед уходом. Потом открывал дверь и, не пере-

⁸ Мхце К. Человечность, защити меня, если я тебя сохранил // Коммунизм алашара. – 1990. – 22 сент.

шагивая порог, с угадываемым в голосе страхом проговаривал: «О, как темно!» Тогда Айшат брала его за руку и провожала домой (31).

Всегда выглядел очень опрятно. «Чистюля! – подчеркивает Айшат Шенкао. – Не только потому, что его всегда одевали чисто, он сам по себе был очень аккуратным. Если он пачкался во время игры или за столом, менял одежду» (31).

С детства отличался выраженным самолюбием. Умар Шенкао держал пчел. После того как выкачивался мед и промывалась медогонка, оставшейся сладкой водой угощали детей. Однажды после того, как Керим отпил из кружки, на верхней губе у него образовался пенистый след. Айшат пошутила по этому поводу: «У Керима усы поседели». Тот отставил кружку и, не допивая, молча ушел домой (31).

Дядя Мусса отмечал у племянника-малыша наличие пытливого ума и вспоминал в связи с этим: «В 1953 году я закончил педучилище в Черкесске и вернулся домой на мотоцикле. Посадил Керима впереди себя и поехал в Старо-Кувинск. Неожиданно на дорогу выскочили овцы, мотоцикл перевернулся, и мы оба вылетели из сиденья. К счастью, обошлось без травм и ушибов. Но если дома узнали о случившемся, поднялся бы скандал. Поэтому я предупредил Керима, чтобы он никому ни о чем не рассказывал.

Вечером Щайдат позвала Керима ужинать. “Не хочется что-то, – отозвался тот. Потом подумал и добавил: – И Мусса тоже не захочет”. (“Сгвы йгъазгІайуам, – йхІватІ. УацІыхъван тІакІв дхъвыцын, – Муссагъи йгвы йгъазгІайуашым”, – йхІватІ). Но о том, что мы перевернулись, не проговорился» (20).

Был другой случай, когда Керима посадили на остановившуюся у ворот телегу. Он, недолго думая, хлестнул лошадей хворостинкой, и те понесли, набирая скорость. Дядя Слава, находившийся неподалеку, кинулся наперерез, бросился между лошадьми и остановил их (20).

Со Славой у них сложились доверительные отношения. Когда вдруг обнаружилось, что он начал курить, Канитат и Щайдат ругали его нещадно, а Керим преисполнился сочувствием. По особому кудахтанью курицы угадывая, что она снеслась, он украдкой проникал в курятник, забирал яйцо и тайком передавал дяде, чтобы тот мог купить себе папирос (19, 4).

«Случалось, шалил, как и все дети, но сорванцом не был, – отмечает Марьян Шенкао. – Такой же, как и мы. Если и вытворляли

что-нибудь вместе, доставалось нам, но не ему. Не только потому, что у него не было отца, просто он был всеобщим любимчиком. Мать буквально тряслась над ним, чересчур опекала, и Керим стеснялся этого, хотя сам был нежен и любил ласку.

Щайдат и Нанащ – сестры бабушки Канитат – своих детей не имели и вот всю свою нерастрченную нежность изливали на него. Он рос заласканным ребенком, все его выделяли, одевали, обували. Порой доходило до смешного. Однажды во время дождя Керим убежал во двор босиком. Так Щайдат и Нанащ накрыли его следы тазиком и в течение нескольких месяцев сохраняли их от дождей и ветров. Пылинки с него сдували! Если он устал в детстве от чего-то, то только от чрезмерной ласки. Когда это ему надоело, он приходил к нам. Абдулу приходилось выполнять разную работу по двору и хозяйству, а его приставляли нянькой ко мне.

Был очень скромным, стеснительным. Наверно, сказывалось женское воспитание, а возможно, это в характере у него было, потому что он и впоследствии остался таким же застенчивым. Если нужно было сказать ему что-то, самому становилось неловко от того, что вводишь его в смущение. Он таким нежным и остался, любил ласку, даже когда стал взрослым» (30).

Характеризуя внимание к Кериму со стороны теток и бабушек, Айшат Шенкао использовала трудно переводимый на русский язык национальный фразеологический оборот, означающий, что его носили на руках: «ачІвыла дгьнадмырдзутІ» (буквально: не давали касаться земли). «Мы завидовали, что все к нему относятся столь трепетно, – продолжала Айшат. – А мать не то что бить, даже не ругала его. Бывало, размахнется, а потом опустит руку ему на голову и гладит. Мы это в шутку называли “Шурино битье”» («Шура лкшаца» – 31).

И Софья Аджиева подтверждает: «В детстве мы все жили бедно, хотя и при родителях. Бывало, зимой мы обувь без носков носили, а у Керима всегда было две пары шерстяных носков. И то, что он писал впоследствии «ХІатыкъкІ уызналадрышвуа асаба...»⁹, абсолютно не соответствует действительности» (3).

⁹ «ХІатыкъкІ уызналадрышвуа асаба...» (Бросая в пыль тебе чурек...) – строка из стихотворения «Ива» («Апсахьва»). Во фразе, по всей видимости, отразилось не личное впечатление детства автора, а типизированная ситуация, не буквальное, а образное выражение ощущения сироты вообще. В истинно художественном произведении лирическое «я» поэта всегда шире его биографии, его частной личности.

«Керим с детства был окружен любовью и заботой, – вторит им Люба, младшая сестра поэта по матери. – Мы все его очень любили. Ему не на что было жаловаться, пока он не вышел во взрослую жизнь. Одежда, обувь, еда – все у него было самое лучшее. Ни в чем никогда ему не было отказа» (16).

В 1993 году Керим говорил мне: «Из всей моей жизни самой светлой и самой счастливой порой является детство. Я даже писал об этом в одном стихотворении: «Ай, сара ссабихъа йыба, / Уара шуак! Вывз Эльдорадо!»¹⁰ – 19, 3). В январе 1998 года, возвращаясь к теме детства, Керим отмечал: «Если говорить по правде, меня воспитала бабушка Канитат, особенно ее сестра Щайдат. Помню, как она сажала меня на спину и носила на берег Инжича. Чаще это происходило весной – в начале лета, когда выводились гусята, и мы заодно как бы приглядывали за ними. Много различных сказок и сказаний поведала она мне тогда¹¹. То, что она рассказала однажды, второй раз не повторяла» (19, 5).

Возможно, именно эти сказки Щайдат пробудили воображение ребенка, вследствие чего он и сам полюбил выдумывать различные истории, представляя их как быль. Абдул Шенкао – двоюродный дядя-сверстник, ближайший друг детства, вспоминает: «Однажды Керим рассказал мне, как во двор к ним прилетела ворона с вороненком на спине, присела возле кур и стала клевать зерно. Он якобы взял камень, запустил в ворону, а когда она улетела, поймал вороненка» (33, 1).

Осенью при дуновении ветра высохшие листья кукурузы в огороде издавали слитно-шелестящий шум. Маленькую Марьян это шурушание пугало, и она допытывалась у Керима, что это такое. Тот с напускной суровостью отвечал: «Айныжквва г!айит!Г, рщап!дуква арса йаъата, рнап!дуква арса йаъата! Х!ырфушт!..» (Это айныжи¹² к нам идут вот с такими ногами, вот с такими руками! Они съедят нас!..) И когда Марьян начинала плакать от страха, Керим выходил

¹⁰ «Ай, сара ссабихъа йыба, / Уара шуак! Вывз Эльдорадо!» (Ах, мое сиротливое детство, это ты являлось Эльдорадо!) – строки из стихотворения «Эльдорадо». Эльдорадо – мифическая страна счастья.

¹¹ Вероятно, к этим рассказам Щайдат на берегу Инжича и восходит позднее восклицание поэта, обращенное к реке детства: «Й!г!асах!вх, Й!ьнджыгъ, сзаг!заз уара утурыхквва!» (Повтори мне, Инжич, воспитавшие меня свои истории!)

¹² Айныжи – мифические великаны.

во двор, «сражался» с айныжами, побивал их хворостиной, а потом возвращался и утешал свою маленькую тетю (30).

В семье Шенкао со смехом вспоминают и другой случай. Кериму было года четыре, когда Щайдат шутя спросила его: «Керим, когда я умру, ты будешь хоронить меня?»

– Да, – с готовностью ответил тот. – Когда ты умрешь, я отнесу тебя на кладбище, похороню, а когда буду возвращаться, на меня нападут волки... – Тут он настолько вживался в создаваемый образ, что начинал верить в собственную выдумку и уже с ревом заканчивал: – Если волки съедят меня, кто же принесет обратно лопаты?.. («Абельквашагы сыма сшГайхуа аквыджмакваша сырфарыквын, абелькваша газгуашда?..» – 31).

Сложившиеся отношения с Щайдат и Канитат Керим характеризовал следующим образом: «Самая близкая духовная связь. Даже если я не говорил о том, что творится у меня в душе, они сами догадывались. Не было у меня такой тайны, которой я с ними не поделился бы» (19, 4).

Свидетельством искренней привязанности остались строки дневниковой записи Керима от 25 ноября 1984 года: «Вот и нет больше моей бабушки. Вчера похоронили. Так, как она и просила: возле бедного Славика¹³. Хотелось получше запомнить ее лицо, но когда подошел к ней в последний раз, слезы не дали ничего разглядеть...

Ночью перед тем я сильно плакал во сне. Проснулся с мокрым лицом. Было темно, не удалось рассмотреть время...

Утром позвонила дочь Муссы: «Мама¹⁴ в тяжелом положении. Возле нее только Марджан, Мусса и Тая. Остальные сейчас подъедут».

Я вышел из редакции, сел в автобус, но не успел доехать, как почувствовал себя плохо, затошнило и весь вспотел. Я глянул на часы, они показывали девять...

¹³ «Бедный Славик» – дядя Керима, младший сын Канитат. За год до смерти бабушки, в июле 1983 года, погиб в автомобильной катастрофе под Челябинском. Керим был среди тех, кто ездил за его телом. «Это что-то невообразимо страшное, – писал он жене Ларисе. – Похоронили в ауле. Я не могу до сих пор опомниться. Не могу спать. Едва вздремлю, просыпаюсь, облитый холодным потом. Я ведь очень любил дядю Славу, как-то по-особому. Он был очень добрый. В душе у меня образовалась какая-то холодная пустота». – Копия письма от 19.07.83. – Архив П.К. Чекалова.

¹⁴ Для дочери Муссы, как и для Керима, Канитат являлась бабушкой, но характерно, что оба они называли ее мамой.

Когда я вошел во двор, увидел спешно подметавшую Зою¹⁵.

– Как... мать? – спросил я.

– Умерла...

Как выяснилось потом, умерла она в девять¹⁶ часов...»¹⁷

Изложенные события можно воспринимать по-разному. Сопадение времени смерти бабушки с резким ухудшением самочувствия поэта можно, наверно, счесть случайностью, а обильные слезы во сне накануне – литературным приемом предварения. Если первое предположение имеет право на существование – всякое бывает в жизни, – то второе оскорбительно для памяти Керима: из такого трагического жизненного материала он никогда не стал бы строить избитые литературные конструкции, тем более в дневнике, не рассчитанном на широкую публику. Нам представляется здесь нечто иное.

В книге «Встречи с Александром Блоком» С.М. Алянский воспроизводит эпизод беседы с матерью поэта, во время которой та стала вести себя довольно странно: «Голос Александры Андреевны начал вдруг падать, и последние слова она произнесла так тихо, что ее едва было слышно. Я подумал, что ей сделалось дурно, и бросился принести воды, но Александра Андреевна остановила меня:

– Ничего, ничего, мне показалось...

Скоро голос ее опять окреп, и она продолжала рассказ. Но ей все время что-то мешало, она несколько раз останавливалась, к чему-то прислушивалась: видно, что-то ее тревожило.

– Знаете, с Сашенькой¹⁸ что-то случилось, – чуть слышно проговорила она, при этом голова ее поникла, глаза закрылись и пальцы она прижала к вискам (...). В таком положении она оставалась минуту или две, потом вдруг подняла голову, широко раскрыла глаза, повернулась лицом к двери и воскликнула:

– Сашенька, что случилось с тобой?»

Спустя минуты две после того резко раскрылась дверь и в комнату вбежал бледный и крайне взволнованный Блок...

¹⁵ Зоя – жена дяди Муссы. Они жили во дворе бабушки Канитат.

¹⁶ Время смерти бабушки и ухудшения самочувствия в рукописи подчеркнуто самим Керимом.

¹⁷ Копия рукописи страницы из дневника К. Мхце на абазинском языке. – Архив П.К. Чекалова.

¹⁸ Сашенька – Александр Блок.

Этот эпизод Самуил Миронович завершил обобщением: «Мария Андреевна Бекетова (тетка Блока) как-то рассказывала, что Александра Андреевна и ее сын обладают способностью предвидеть какие-то события и на расстоянии чувствуют тревогу и волнение друг друга. Тогда я скептически отнесся к такой способности (...). Сейчас я убедился, что контакт между матерью и сыном на расстоянии действительно существовал»¹⁹.

Первые 12 лет своей жизни Керим прожил в доме бабушки Канитат. Он предпочел остаться с нею и тогда, когда мама вышла замуж второй раз; у нее же он проводил все школьные каникулы после того, как поступил в интернат. И приведенная страница из дневника, как нам кажется, является свидетельством не только наличия самой близкой духовной связи с бабушкой, но и чувствования на расстоянии того, что с ней происходило.

Кстати, с Блоком Мхце сближает и то обстоятельство, что и великий поэт начала XX века с рождения оказался без отца, с детства был окружен безудержной любовью матери, теток, бабушки.

И о матери своей Керим отзывался тепло: «Она всегда была очень внимательна ко мне и заботлива. Даже когда светило солнце, одевала меня тепло, просила надеть шапку, предлагала поесть то одно, то другое... Когда дела мои складывались неудачно, она выкладывала всю душу, была готова и шла ради меня на самопожертвование. Очень беспокоилась, когда я учился в Литинституте, высылала деньги, хотя я просил не делать этого. И та встреча, описанная в поэме “Воспоминание”, – не выдумана. Там нет ни одного слова, не идущего из сердца. Но все же у нее несколько иное мировоззрение и мироощущение. Иногда мне кажется, что мы с ней существуем на двух разных плоскостях. Когда публикуются мои стихи, выходят книги, она радуется искренно, хотя смысла их и значения не понимает до конца.

Сколько помню себя, мы с ней никогда не жили только вдвоем, всегда в окружении родни. Я ходил во второй класс, когда она вторично вышла замуж, а я остался у бабушки. Видимо, она сочла себя виноватой передо мной, хотя сам я никакой вины в этом не усматриваю. Возможно, из этого чувства проистекает вся ее чрезмерная, излишняя опека... Мне просто жалко ее: за всю жизнь она так ничего хорошего и не увидела...» (19, 4).

¹⁹ Алянский С. Встречи с Александром Блоком. – М.: Детская литература, 1972. – С. 116 – 117.

Керим никогда не забывал о дне рождения мамы, всегда поздравлял. «В июле 2000 года он лежал в больнице, ему делали операцию, – вспоминает Люба Курачинова, сестра поэта. – Выписали его 7 августа. Когда мы с Бубой забирали его, он сказал: “Сегодня день рождения мамы”. Даже в таком состоянии помнил об этом» (16). А за три года до этого он с Али Мхце устроил ей праздник на семидесятилетие.

Об отношении Александры к сыну красноречивее всего говорит следующий факт. Керим уже окончил институт и работал в Черкесске, когда в ауле сосед перерыл улицу, чтобы машины по ней не носились. Шура, боясь того, что Керим может угодить в яму при возвращении ночью из города, взяла тяпку и засыпала ее обратно (16).

Начальная школа

В 1950-е, как и в 30-е, в Ново-Кувинске имелась только начальная школа. В ней же учились дети русского поселка Сельхозтехника, вследствие чего классы делились на русские и абазинские. Директором школы являлся тогда Илья Степанович Мацукатов, учителями работали Мария Семеновна Дробилко, дядя Мусса и его жена Зоя.

К сентябрю 1956 года Кериму и Абдулу исполнилось по семь лет, и они были определены в подготовительный нулевой класс. После его окончания Керима из национального класса перевели в русский, считавшийся более престижным. Он был прилежным, старательным. Никто специально не присматривал за ним и не заставлял учить уроки, занимался самостоятельно и довольно успешно: только на четверки и пятерки. Уже тогда читал много, во всяком случае, значительно больше, чем другие сверстники. У дяди Муссы была балалайка, видно, от него научился играть на ней (31). Природная собранность и аккуратность позволили ему без особого труда усваивать материал по всем предметам одинаково хорошо, и начальную школу он окончил отличником.

Абдул Шенкао отмечает дисциплинированность, пунктуальность Керима уже в это время. «Я был менее организованным. Обычно по пути в школу он заходил ко мне, а я, как правило, еще

завтракаю. Он дожидался, пока я закончу, а потом вместе шли в школу. И раза два мы опоздали на уроки, пока учитель нас не отругал». Он же подчеркивает аккуратность Керима не только в отношении школьных принадлежностей, но и в одежде: следил за ней, чистил и вследствие этого долго носил то, что ему покупали. Не чурался улицы, бегал, играл, как все дети, но все же замечалось, что он больше остальных предпочитает уединение. Не любил драк, вообще насилия, но, когда вынуждали и злили, мог вцепиться и свалить наземь. Много времени проводил с бабушками Канитат и Щайдат, любил слушать их сказки и истории из их жизни (33, 1).

В те же годы обнаружилось пристрастие Керима к рыбалке: уединялся и удил. Был терпелив и, как следствие, – удачлив: часами мог сидеть с удочкой на берегу Тшибляноко или Инжича. Возвращаясь, любил приговаривать: «Сам превратился в пескарика» («СпескаръхатI»).

Пойманную рыбу мальчикам, как правило, приходилось чистить и жарить самим, бывало, что этим занималась Айшат. Но что удивительно – Керим ел совсем немного: попробует одну, другую рыбку – и все (33, 1).

Вообще нужно заметить, что реки в детстве Керима и его сверстников играли большую роль: практически все лето они проводили на берегу – плавали, загорали, играли. Марьян вспоминает, как в самые ранние годы они не вылезали из Тшибляноко, маленькой речки, протекавшей буквально за околицей села. Чтобы пройти к ней, не нужно было даже выходить на улицу: в конце огорода имелась небольшая калитка, которая и вела прямо к речке. Это о ней впоследствии поэт скажет:

Щта, ура уыхъыз, Тшиблянакъва дзкIваргъи,
ЙыргIуштI Парижгъи, Лондонгъи хъагъи.

(Да, и твое имя, речка Тшибляноко, услышат Лондон и Париж.)

Когда подросли, бегали уже к Большому Зеленчуку (Инжичу), на левом берегу которого располагался Ново-Кувинск. Случалось, Абдулу и Кериму доверяли купание коней. Они садились на них, по берегу поднимались вверх по течению, спускались в воду и плыли вниз (32). Большой Зеленчук был тогда многоводным, и можно было позволить себе такую роскошь!

Марьян вспоминает об этой поре: «В детстве мы были очень привязаны друг к другу. Два года каждое утро мы вместе ходили

в школу, и он все это время таскал мой портфель. Однажды зимой выпал большой снег, намело сугробы, и я провалилась в один из них. Керим бегал вокруг и приговаривал: “Не бойся! Я тебя не брошу! Я спасу тебя!” В другой раз (уже летом) клещ вцепился в мою руку. Я закричала от страха, а он успокаивал, как мог» (30).

Характерно, что Марьян не помнит, кто вытащил ее из сугроба, кто извлек клеща – Керим или кто-то другой, но навсегда запомнила, что в эти минуты он не бросил, не отмахнулся, находился рядом, подбадривал и утешал. Уже в этих детских поступках, как мне видится, проявляется рыцарское, благородное начало, ставшее впоследствии характерной чертой личности Мхце.

Довольно рано у Керима обнаружилось увлечение рисованием. (Вероятно, ему генетически передались способности отца.) Чаще всего обращался к теме природы, но наиболее удачно выходили у него лошади. Он и Марьян научил их рисовать. «Никогда не умела водить карандашом, только головы коней и получаются до сих пор», – признается она (30).

Сам поэт печатно признавался: «С тех пор как помню себя и научился держать в руках карандаш, любил рисовать. “Художником станет”, – говорили взрослые, поглаживая меня по голове. И с верой в такое свое предназначение протекло достаточно много времени, но потом меня перестали удовлетворять цветные карандаши и краски: дерево возле наших ворот, кричащий на нашей ограде петух, небо над нашим аулом, поднимающееся ежедневно над большой горой солнце за Инжичом в моих рисунках выглядели бледнее, чем в жизни; как я ни старался, но не мог передать речные перекааты, их гудящий шум»²⁰.

Эти же годы ознаменованы тем, что он впервые почувствовал тягу к стихам. В той же статье, цитировавшей только что, поэт вспоминал: «Однажды в дождливый день, глядя в окно, под наплывом непонятных чувств я заплакал. Помню, что в тот день я взял ручку и записал какие-то слова в виде стиха... В то время я учился в третьем классе. Через два года я уже не мог жить без того, чтобы не писать стихи»²¹.

Первые стихи (Керим уточнял: «Не стихи, а их подобие». – 19, 3) состояли из пяти строф и были посвящены В.И. Ленину. У впе-

²⁰ Мхце К. Еще одна заря занимается // Коммунизм алашара. – 1984. – 6 дек.

²¹ Мхце К. Еще одна заря занимается // Коммунизм алашара. – 1984. – 6 дек.

чатлительного третьеклассника хватило решимости отослать первую пробу пера в газету «Пионерская правда». По словам Муссы Мхце, оттуда пришло письмо, в котором похвалили, но просили больше о вождях не писать²² (20).

Интернат

Летом 1961 года Абдул и Керим окончили Ново-Кувинскую начальную школу, а с сентября были определены в областную национальную среднюю школу-интернат г. Черкесска. Директором интерната была Латокова Гашенаго Делюевна, строгая, но справедливая, неподдельно болеющая душой за своих воспитанников²³. Преподавательский состав был сильным. Евдокия Ивановна Пономарева – учительница химии – была награждена орденом Ленина; Анна Феофрастовна Цимиданова – учительница русского языка и литературы – являлась автором учебника по русскому языку для национальных школ; Федор Михайлович Кущенко – учитель физики – руководил кружком, в котором ученики изготавливали телевизоры: паяли и собирали детали по схеме, делали все самостоятельно, вплоть до ящиков, – полировали, хромировали панели, в результате чего их изделия почти не отличались от заводских, а тогда в аулах редко кто имел телевизор.

В интернат принимали преимущественно сирот или детей из малообеспеченных семей. Важную роль играл и критерий успеваемости: отбирали только тех, кто учился хорошо. Все школьники носили форму в виде гимнастерки с ремнем и подшиваемым воротником; пальто и шапки у всех были одинаковые, вследствие чего горожане в шутку называли их инкубаторскими.

Режим был строгим. Подъем – в 6:00: совместная общая физзарядка мальчиков и девочек, проветривание комнат, уборка, утрен-

²² В первой своей книге «Керим Мхце. наброски к творческому портрету» (Карачаевск, 2001) я писал: «Уже в третьем классе в “Пионерской правде” было напечатано небольшое его стихотворение» (с. 5). Исходил я из слов самого Керима. В Ставропольской краевой библиотеке им. Лермонтова я дважды по возможности тщательно просмотрел подшивки упомянутой газеты с 1959 по 1962 годы (в третьем классе Керим учился в 1959–60 учебном году), но, к сожалению, его стихотворения не обнаружил.

²³ Ныне школа-интернат носит имя Г.Д. Латоковой.

ний туалет, завтрак в школьной столовой. Затем с 8:00 – занятия: обычно пять-шесть уроков. Прямо в учебном корпусе проводили второй завтрак: чай или молоко с булочками. После занятий – обед, отдых и потом самоподготовка. Воспитательница у каждого проверяла выполнение домашнего задания, так что учиться плохо было невозможно. Вообще учителя и воспитатели много работали со школьниками индивидуально. Кто завершал подготовку к урокам, уходил играть в спортзал: дополнительный стимул быть собранным и организованным. Очень хорошо была развита спортивно-секционная и кружковая работа, практически каждый ученик был охвачен внеурочной деятельностью. С 18 до 19 часов проводился ужин, а потом – свободное время: почистить обувь, постирать носки, прогладить брюки и рубашки, просто поболтать с друзьями о том о сем... Затем уже – отбой.

В интернате начальной школы не было и обучение проводилось с пятого класса. В год поступления Керима набрали два пятых: в «А» учились абазины и карачаевцы, в «Б» – черкесы и ногайцы. Мальчиков и девочек было почти поровну. После восьмого класса отсеялись более слабые, и в девятом были объединены лучшие ученики из двух классов. Контингент получился сильным: из 32 выпускников класса две девушки сразу вышли замуж, двое-трое парней призвались в армию или устроились на работу, все остальные в тот же год поступили в высшие учебные заведения. Это было наглядным показателем уровня подготовленности учащихся школы-интерната.

Забегая вперед, отметим, что именно из этого класса вышли кандидат исторических наук Мухаммед Кишмахов, доктор экономических наук Али Гогушев, доктор медицинских наук Мухаммед Мударов, доктор сельскохозяйственных наук Кахар Ерижев, директор 16-й школы г. Черкесска Зули Хунова, главврач черкесской городской поликлиники Гаша Амирокова, директор птицефабрики в Смоленской области Казбич Шебзухов и многие другие достойные люди.

Помимо обучения предметам шла большая воспитательная работа: прививалась этика поведения за столом, в общественных местах, умение вести беседу, одеваться... Регулярно проводились встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, деятелями культуры, писателями, композиторами. Так, на время обучения Керима в интернате выпали встречи с делегацией из Кубы, космо-

навтами Береговым и Николаевым, композитором Пахмутовой, поэтами Добронравовым и Гамзатовым. На Дни дружбы народов Кавказа приглашались представители интеллигенции, деятели культуры Адыгеи, Кабарды, Дагестана...

В год поступления Керима интернат располагался в двухэтажном здании на углу улиц Ленина и Ставропольской (ныне там размещается автодорожный колледж), а жили учащиеся на улице Красноармейской, 74. Между общежитием и учебным корпусом было около трех километров, и на занятия добирались пешком. В одной комнате проживало по 10–12 учеников, и обычно мальчики из одного класса объединялись вместе. С восьмого класса интернат перевели в новое здание (угол улиц Ставропольской и Фабричной), и общежитие находилось уже рядом с учебным корпусом, в комнатах размещалось по четыре человека. В это время с Керимом жили Абдул Шенкао, Мухаммед Кишмахов, Алибек Пшмахов. По периметру комнаты располагались шкафы и кровати, посередине стояли стол и стулья; полы – паркетные, натерли мастикой; каждое утро сами проводили влажную уборку, застилали кровати. Кормили вкусно, сытно. Гашенаго Делюевна лично следила за питанием подопечных. «Деликатесов особых не было, – вспоминает Мухаммед Шебзухов, – но вкуснее интернатской каши я в жизни ничего не ел». Он же отмечает, что здесь у них были все условия для учебы и развития (29).

Воспитательницей Керима с 5-го по 10-й классы была Гайворонская Анна Ивановна. У нее на халате было вышито: «ГАИ». Женщина хорошая, но горластая. Практически весь световой день (за исключением времени школьных уроков) она находилась рядом со своими воспитанниками. Во время отбоя любила шутиливо приговаривать: «Плуты, мошенники, воры, спать ложитесь!» Иногда допускала грубости. И другие сотрудники порой позволяли себе упреки в адрес детей за то, что государство кормит их, одевает, обувает, а они не ценят этого. Нужно заметить, что и дети были, конечно, не идеальны.

Не всем были по нраву строгая дисциплина и почти армейский порядок. Внутренняя атмосфера интерната, конечно, была далека от той, к которой привык Керим. Да и домашним показалось, что он похудел в казенном учреждении, вследствие чего после окончания шестого класса его оставили в Ново-Кувинске. Абдул по этому поводу говорит: «Интернат есть интернат. Там все по рас-

порядку, особой свободы у нас не было. Кериму это надоело, и в седьмой класс он пошел в Эрсаконскую школу, каждый день отмеривая по пять километров туда и обратно, но с третьей четверти снова вернулся к нам» (33, 1).

Во время полугодового пребывания в ауле Айшат как-то спросила Керима о причине возвращения. «Бабушка вернула», – ответил тот и прочитал строфу собственного сочинения, обращенную к сотрудицам интерната:

Прощай, крикливая порода,
Теперь не слышен мне ваш глас.
С мученьем прожил я два года
У вас, безжалостных, у вас!

«Дома слишком изнежили его, – отмечает Айшат, – и, конечно, интернатские условия показались ему несколько жестковатыми» (31).

В те же дни Керим показал Марьян свой дневник, открывавшийся стихами:

Время, начинаю о себе рассказ,
Но не потому, что дела нету более.
Время потому, что каждый жизни миг
Падает на сердце тенью боли.

Любопытно, что уже в самых первых и откровенно подражательных стихах²⁴ пробился какой-то драматизм восприятия мира. Ну не в шестом же классе задумываться о том, что «каждый жизни миг падает на сердце тенью боли»? Возможно, в этом была какая-то наигранность, поэтическая поза, но, если знать, что трагическое мироощущение станет впоследствии одним из характерных признаков лирики Мхце, проявление его уже в ученическом периоде кажется все же не случайным.

На второй странице дневника были нарисованы горы с парящими над ними орлами, а под рисунком была сделана стихотворная подпись:

²⁴ Первая строка первого четверостишия «Прощай, крикливая порода» невольно вызывает в памяти начальную строку стихотворения Лермонтова «Прощай, немая Россия». Характерно, что их объединяет не только тема прощания, но один и тот же размер: четырехстопный ямб. Второе четверостишие является переделкой вступительной строфы В. Маяковского к поэме «Владимир Ильич Ленин»: «Время – начинаю про Ленина рассказ. / Но не потому, что горя нету более, / время потому, что резкая тоска / стала ясною осознанною болью».

Кавказ мой любимый и радостный край,
Поэтов больших утешенье!
Певцов молодых ты к себе призывай,
Пойми их большое стремление.

Первые стихи у Марьян никаких ассоциаций не вызвали, а от последнего на нее повеяло чем-то лермонтовским. Когда она поделилась своим ощущением, Керим твердо заявил: «Нет, это мои стихи» (30).

И здесь важно отметить наличие мотива устремленности, что позволяет говорить о настроенности автора с самых ранних пор на нечто возвышенное, желание совершить что-то большое и значительное, оставить в памяти людей какой-то заметный след.

Я знал, что Юсуф Созаруков дружил с Керимом, и потому встретился с ним для беседы перед зданием драмтеатра в Черкесске, где он тогда работал. Отчетливо помню тогдашнее свое ощущение: записывая в блокнот размышления карачаевского поэта, я ловил себя на мысли, что он все время уходит куда-то в сторону, говорит о вещах, напрямую с Керимом не связанных. И только теперь, пересматривая эти записи, я понимаю, что Юсуф очень хорошо обрисовал мироощущение подростка-сироты, его психологию и строй мыслей. Одним словом, мне кажется, что суждения Созарукова раскрывают какие-то потайные, не находящиеся на виду движения души, характерные и для Керима того периода. В связи с этим воспроизвожу здесь часть воспоминаний Созарукова.

«У нас с Керимом было много общего. Мы формировались в одно и то же время, выросли в одинаковых условиях, стремления были одни и те же, недоставало одного и того же. При нас провели электричество, заговорило радио, заработало телевидение, осуществился запуск космического корабля. Мы ели хрущевский гороховый хлеб, нам обещали, что через двадцать лет будем жить при коммунизме. Это все откладывается в сознании, так или иначе сказывается на становлении личности. На формирование характера повлияла и безотцовщина: и он, и я при живых отцах выросли без них. Это оседает глубоко. Остается обида. Обида вообще. То, что у других есть велосипед, а у тебя – нет. Это уже что-то значит. Обостряются чувства, все воспринимается иначе. Там, где другие могут отнестись снисходительно, ты реагируешь по-другому...

Подсознательное чувство ущербности требовало компенсации. И когда для этого не хватало каких-то внешних условий, возни-

кала необходимость добиваться если не превосходства, то хотя бы уравнивания с другими в чем-то другом. И самым доступным средством являлась начитанность. Мы читали больше, чем сравнительно благополучные сверстники, а книги развивают многое. Керим был эрудированным человеком. Он это никогда не демонстрировал, но это все равно чувствовалось.

Каждый человек имеет комплекс неполноценности, и вся его жизнь превращается в преодоление этого комплекса. И каждый преодолевает его по-своему. Но желание уравниваться и превзойти сверстников возникает. Это ощущение повсеместное, свойственное всем. Для этого не обязательно быть поэтом или художником. Желание утвердиться в глазах тех, чьими стараниями ты наделен этой неполноценностью.

Вообще давно бы надо пересмотреть существующую красивую формулу о том, что все дети изначально добры. На самом деле они бывают и жестоки. И любое проявление неравенства они воспринимают острее. Это все – внутренние позывы, которые потом выразятся в творчестве. А там – кто и насколько это сможет воплотить, насколько бог отпустил тебе таланты» (27).

Мне представляется, что рассуждения Созарукова объясняют многое в подростковой психологии Керима, в мотивации его поведения и выраженных в ранних стихотворениях декларациях. К его умным и тонким наблюдениям мы будем обращаться еще, а сейчас мне хотелось бы сделать небольшое лирическое отступление.

В первой своей книге о поэте я употребил фразу: «К. Мхце еще в младенчестве лишился отца (...). Спустя некоторое время мать вторично вышла замуж, а ребенок воспитывался у бабушки и сполна познал ощущение сиротства»²⁵.

Родней поэта эта фраза была воспринята как упрек в том, что мальчик с детства был обделен материнским вниманием. Осознаю, что высказывание можно истолковать и в таком ракурсе, и потому с пониманием отношусь к словам младшей сестры Керима, обращенным ко мне: «Это до глубины сердца обидно и больно, вызывает возмущение не только у меня, но еще и у близких родственников, и у людей, хорошо знавших нашу маму»²⁶.

²⁵ Чекалов П.К. Керим Мхце. наброски к творческому портрету. – Карачаевск, 2001. – С. 53.

²⁶ Из письма Л.Г. Курачиновой от 31.05.09. – Архив П.К. Чекалова.

Введенная в это издание главка «Раннее детство» наглядно демонстрирует, что ребенок был окружен чрезмерной любовью и лаской. Но разве от этого он переставал чувствовать себя сиротой? Я говорил о внутренних ощущениях Керима, а не о том, что он был лишен заботы. Рассуждения Ю. Созарукова, как мне кажется, подтверждают мою правоту. Если бы было иначе, из-под пера поэта никогда не вышло бы столь пронзительного стихотворения, как «Ива» («Апсахъва»). И тем не менее я сожалею о допущенной некорректности и в этом издании отказываюсь от использованного тезиса.

Но вернемся к нашей теме.

Абазинскому языку Керим учился только в нулевом классе: с переводом в русский класс в Ново-Кувинской начальной школе изучение родного языка прекратилось. В связи с этим и первые свои стихотворения он писал на русском. В интернате с пятого по восьмой классы вели преподавание национальных языков и литератур, и Кериму пришлось самостоятельно вспомнить абазинский алфавит и подтянуть чтение и писание на родном до уровня тех, кто изучал его четыре года в школе. И это ему удалось. Следствием явилось то, что начинающий стихотворец стал писать и на абазинском. Свои пробы он специально никому не показывал, но и совершенно утаить их от окружающих было невозможно. И вот к концу шестого класса (вероятно, во второй половине или в конце апреля 1963 года) дядя Мусса взял своего племянника с тетрадкой его стихов и отвел к Микаэлю Чикатуеву, тогда еще молодому поэту, недавно окончившему Литературный институт в Москве. «Он что-то пишет, – сказал Мусса Микаэлю, – но я не разбираюсь. Посмотри, если будет время»²⁷.

Керим впервые видел настоящего поэта и от волнения покрылся испариной²⁸. В частной беседе Мхце признавался, что выходил из кабинета Чикатуева уже другим человеком, уверенным в необходимости продолжать писать стихи (19, 3). И вскоре после этой встречи, 9 мая 1963 года, в газете «Коммунизм алашара» появилось стихотворение Керима на абазинском языке «Родная страна»²⁹.

²⁷ Мхце К. Еще одна заря занимается // Коммунизм алашара. – 1984. – 6 дек.

²⁸ Нечто подобное происходило и с С. Есениным, когда он встретился с Блоком: «С меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта».

²⁹ В нескольких моих изданиях публикация первого стихотворения К. Мхце соотносится с его обучением в пятом классе. Это – ошибка, и связана она с тем, что так говорил сам Керим. На самом деле в мае 1963 года он учился в шестом классе.

И хотя в напечатанном варианте сильно ощущалась редакторская рука, данное событие повлияло настолько вдохновляюще, прибавило столько сил и энергии, что хотелось писать постоянно, и порой из-под пера Керима за день выходило по 4–5 стихотворений. Естественно, уровень их оставлял желать много лучшего, но некоторые из них все же проникали на страницы национальной периодической печати. Так, за первым стихотворением 18 мая последовало второе – «Родина», 15 июня – «Река подарила нам себя», 13 июля – «Лето»... Всего за 1963 год было опубликовано 9 стихотворений, в следующем – 8, еще через год – снова 8, а в 1966-м – 21! Юный стихотворец серьезно отнесся к увлекшему его ремеслу.

«Он был какой-то особенный с детства, – говорит о своем старшем брате Люба Курачинова. – Допустим, сидим все вместе за столом, он встанет, уйдет в другую комнату и начинает писать. Нам это казалось странным: никто из нашего окружения таким не был. Нам не разрешалось дотрагиваться до его боксерских перчаток, фотооборудования...» (16).

«Когда Кериму нужно было писать, он уединялся, ему нужна была тишина, – вспоминает Мухаммед Шебзухов. – Бывало, заскочишь первым в класс на самоподготовку, а он сидит, пишет. Иногда украшал стихи рисунками» (29).

Подчеркивая, что Керим был учеником дисциплинированным, Абдул отмечал: «Единственное, что он мог позволить себе во время урока, – писать что-либо втихомолку» (33, 2). Он же указывает на его умение концентрировать внимание: «Отключался и сосредоточивался мгновенно, несмотря на шум и гам вокруг. На перемене мы сдвигали столы и книжками играли в теннис, а он мог сидеть в сторонке и писать» (33, 1).

Некоторые стихи Керим читал Абдулу и спрашивал его мнение. Радовался публикациям, но бывало, что и огорчался, если печатали то, к чему он уже охладел или забраковал задним числом (33, 2).

В те же годы увидели свет первые печатные отзывы о стихотворениях Мхце. Так, в феврале 1965 года поэтесса Мира Тлябичева отмечала: «Стихи Керима Мхце радуют, как ничто другое. Какой бы темы он ни касался – природы или родного аула, – пишет он от всего сердца, заставляет слушать себя, размышлять, поверить в написанное им. “Небо приподнялось буркой всадника и смотрит на землю, будто ни разу ее не видело”. Я не знаю других слов, дру-

того сравнения, с помощью которого можно было бы создать образ ночи.

Как мне кажется, Кериму больше удаются короткие стихи, когда же он начинает злоупотреблять словами, стихотворный строй ломается. (...) Если он не торопясь будет выискивать нужные ему слова, безусловно, в будущем его стихи окрепнут и станут еще стройней»³⁰.

Отметим, что для учащегося восьмого класса такой отзыв был большим комплиментом.

Год спустя другой профессиональный поэт, Бемурза Тхайцухов, писал в той же газете: «Юного стихотворца в школе-интернате называют “Наш поэт”. Это хорошие, воодушевляющие слова. И понятно, почему его так называют: помимо того что он хорошо учится, участвует в общественной жизни школы, он еще пишет стихи. И мы желаем ему, чтобы они превратились в настоящую поэзию. Доброго пути, Керим! Большой поэзии, Керим!»³¹

Еще через год тот же автор признавался: «Передо мной лежат четыре тетради. Ровным ученическим почерком в них записано сто небольших стихотворений.

Керим учится в десятом классе областной школы-интерната. И даже тогда, когда он ее окончит, здесь еще долго будут вспоминать о нем, потому что он принимает активное участие и в выпуске школьной стенгазеты, и в подготовке художественной самодеятельности, и в организации музея В.И. Ленина, и в работе литературного кружка, и еще во многом другом. Умным, старательным, ответственным проявил он себя перед одноклассниками и учителями. И первые стихи на абазинском он написал, когда поступил в эту школу. И вот лежат теперь передо мной сто его стихотворений. Они еще не объединились в книгу, но объединятся; некоторые из них еще не совсем зрелы, но – созреют; лучшие из них убеждают, что в будущем они станут еще лучше. Перелистывая тетради одну за другой, чувствуешь, как автор растет на глазах.

Не слышишь разве зова утренней зари! – чего стоит одна только эта строка! Зов зари! Заря, как известно, голосом не обла-

³⁰ Тлябичева М. Неопубликованные стихи // Коммунизм алашара. – 1965. – 27 фев.

³¹ Тхайцухов Б. Юность творит // Коммунизм алашара. – 1966. – 24 мая.

дает, но рождающимся с ней звукам, трудовым ритмам поэт идет навстречу, как самым дорогим гостям.

Несмотря на свой юный возраст, Керим умеет воплощать в своих стихотворениях глубокие философские мысли. Когда знакомишься с ними, возникает ощущение, будто написал их человек, много познавший и повидавший... Он радуется, чувствуешь в нем поэтическую искру. Когда размышляешь над этим, сердце начинает твердо верить: Керим Мхце – поэт, он твердо стоит на дороге поэзии»³².

Подобный отзыв мог оказать честь не только начинающему стихотворцу. И сегодня мы не можем не выразить дани уважения прозорливости Б. Тхайцухова, заметившего в восемнадцатилетнем молодом человеке столь богатые задатки.

Национальные писатели со вниманием отнеслись к вступающему на литературную стезю стихотворцу. В одной статье Керим вспоминал: «Я был тогда еще подростком и успел опубликовать в газете только одно-два стихотворения, когда группа абазинских писателей, собравшаяся в Карапаго для встречи с читателями, на маленьком автобусе подъехала к интернату и взяла меня с собой»³³.

В те же годы его впервые пригласил на заседание абазинской литературной секции тогдашний ее руководитель Хамид Жиров³⁴. Естественно, что такое отношение старших ободряло и воодушевляло, вовлекало школьника непосредственно в литературный процесс, и участие в нем – пусть и пассивное пока – сближало и крепче связывало его со сферой творчества.

Керим еще учился в старших классах, когда на сцене областного драмтеатра (нынешняя филармония) под руководством главного режиссера Берхина была представлена музыкально-художественная композиция, посвященная защитникам Марухского перевала. В постановке были использованы и стихи Керима, написанные на русском языке. Мише Курачинову, поведавшему мне этот эпизод, из них особенно запомнилось «Письмо матери» (17). Возможно, тогда же в областной газете «Ленинское знамя» и было напечатано стихотворение Керима «Солдаты» с посвящением «Защитникам Марухского перевала»:

³² Тхайцухов Б. Зов зари // Коммунизм алашара. – 1967. – 25 мая.

³³ Мхце К. Умоляю вас, стоя на коленях // Абазашта. – 1992. – 18 фев.

³⁴ Мхце К. Профессор Владимир Тугов // Абазашта. – 1995. – 5 янв.

Душой вхожу я в повесть эту,
Иду по огненной земле,
И вижу красную ракету,
И слышу взрывы на скале.

А по камням немым, алея,
Стекает тихо кровь бойца,
Чтоб в вечном мире, пламеня,
Сквозь толщу лет зажечь сердца.

Встает Шарип. Он с миной вместе
Взорвал без страха жизнь свою,
Чтоб миллионы жизней с песней
Встречали солнце и весну.

Ах, горы, горы, почему же,
Суровость не смягчив свою,
Солдат встречали льдом и стужей
Вы в том грохочущем краю?

И той трагедии следы вы
Во льдах таили столько лет.
Не раз листву роняли ивы,
Грустя о тех, кого уж нет.

А нынче – мир. Вдаль отгремели
Годины тяжкие войны.
В стране седых вершин, ущелий
В ушах звенит от тишины.

И снова в памяти не меркнут
Родные образы бойцов,
В своем величии бессмертных,
Отчизну спасших от оков.

Стихотворение было опубликовано 17 декабря 1966 года, и нужно признать, что выполнено оно довольно умело. И подкупает в нем лиризм, пробивающийся сквозь наслоения гражданской патетики.

Русский язык и литературу в классе Керима вела Анна Феофрастовна Цимиданова, и, по словам М. Курачинова, она заметила увлечение Керима стихами, поддерживала и способствовала его развитию (17). Роль этой учительницы в творческом самоопределении Керима более эмоционально выражена другой одноклассницей, Тамарой Кишмаховой: «Это был удивительный человек и учитель. Керима она любила как сына. Это она сумела разбудить в его юной душе творца, художника слова. Это она распахнула настежь окна в волшебную страну поэзии, привила художественный вкус. Это она научила нас вдумчиво читать, поражаться силе, мощи, красоте языка, научила сочувствовать и сопереживать ближнему. Во все то, чего достиг Керим в жизни, Анна Феофрастовна вложила немало» (14). И сам Керим утверждал, что любовью к литературе он обязан А.Ф. Цимидановой: на творческом вечере 17 марта 2001 года он сказал со сцены: «Я храню светлую память и до самого последнего дня буду помнить мою Анну Феофрастовну. Я признаюсь, что именно она поставила меня на дорогу литературы»³⁵.

Зарема Копсергенова, учившаяся в интернате в одно время с Керимом, отмечает, что черные глаза Цимидановой излучали свет, когда, зайдя на урок, она радостно сообщала: «А знаете ли вы, что Керим написал новое стихотворение?» И тут же зачитывала его. Она же вспоминает, как весной 1967 года на встречу со школьниками приехал популярный уже в то время по всему Советскому Союзу аварский поэт Расул Гамзатов. Встретили его тепло, и чтение им каждого стихотворения сопровождалось рукоплесканиями. Потом Гошеная Делюевна сообщила, что у них в интернате есть свой поэт. «Мы надеемся, что он станет таким же известным, как и вы», – добавила она. Зал громко заплодировал, и на сцену вышел Керим. «Тонкий, высокий, грустный, как бы задумавшись о чем-то, он прочитал одно стихотворение. Гамзатов слушал внимательно. Потом по его просьбе Керим прочитал еще несколько, а когда закончил, обнял его и сказал: “Расул завидует Кериму, ибо Керим еще может стать Расулом, а Расул уже никогда не станет Керимом”. Тогда же он выразил несколько пожеланий и подарил Кериму большую сувенирную ручку (15).

³⁵ Видеозапись творческого вечера К.Л. Мхце 17 марта 2001 г. – Архив О. Мхце.

Вспоминая эту же встречу, М. Кишмахов отмечает, что после вечера Анна Феофрастовна и Керим, уединившись, долго беседовали с Гамзатовым (12).

По словам Олеси Мхце, когда Керим заканчивал школу, Анна Феофрастовна подарила ему книгу, надписав: «Кериму, будущему Расулу». Она скончалась во время службы Керима в армии. Узнав об этом, он просто разрыдался. «Никогда в жизни так не плакал», – признавался поэт дочери (23).

Нужно сказать, что в интернатские годы Керим не замыкался на одной только поэзии, это была довольно разносторонняя личность с широким спектром интересов. Он пел в школьном хоре, участвовал в смотрах художественной самодеятельности с чтением своих стихотворений, являлся членом редколлегии школьной стенгазеты, активно занимался волейболом, а в старших классах стал членом сборной команды школы по баскетболу. «Руки у него были пластичными, и по росту он был выше всех в классе», – отмечает Абдул (33, 2). И Хадиль Натхов подтверждает: и сам был длинным, и руки у него были длинными, и когда ему передавали мяч, ему не очень-то и приходилось подпрыгивать, чтобы забросить его в кольцо (25). «Керим был очень цепким, – говорит и Миша Курачинов. – Если во время игры мяч попадал ему в руки, отобрать его было не так-то просто» (17).

Однажды Керим записался в кружок национальных танцев, посетил несколько занятий и забросил. Абдул предполагает, что произошло это вследствие того, что руководитель кружка, Георгий Дзыба, был одаренным хореографом, но грубоватым в обращении с воспитанниками: «Видимо, стиль обучения не пришелся ему по душе» (33, 2).

Около года вместе с Абдулом Керим занимался боксом. Хотя был худощав, но удары его были хлесткими. Вообще в юности он был крепок здоровьем, но однажды во время спарринга ему повредили нос. Пришлось делать операцию, но, видимо, что-то срослось неправильно, и ему потом частенько приходилось потягивать носом. После того случая Керим оставил этот вид спорта, как полагает Абдул, большей частью по той причине, что силовые единоборства вообще не соответствовали его характеру (33, 1).

В те же годы оба друга увлеклись фотоделом: приобрели простенький фотоаппарат «Смена», оборудование, проявители, за-

крепители, научились фотографировать и самостоятельно печатать фотоснимки. Эти навыки пригодились Кериму, когда он стал корреспондентом абазинской газеты, свои очерки и репортажи он нередко снабжал собственными фотографиями.

Еще в пятом классе Керим записался в школьный духовой оркестр и вовлек туда же Абдула. Одновременно с ними в оркестр вошли Мухаммед Кишмахов (альт), Мухаммед Мударов (тенор), Мухаммед Пазов (бас), Мухаммед Шебзухов (баритон), Миша Курачинов (труба), Керим и Абдул играли на кларнетах. (По этому поводу Тамара Кишмахова скажет: «Тоненький, высокий Керим был под стать выбранному инструменту» – 14.) Семь абазин из одного класса через два-три года составили основной костяк духового оркестра и играли в нем до окончания школы.

Руководил оркестром Хлечас Шамиль Магометович, сумевший организовать работу таким образом, что оркестр стал известен не только в Черкесске, но и на Ставрополье, составной частью которого тогда являлась Карачаево-Черкесская автономная область: на краевых смотрах духовых оркестров ребята из интерната неизменно занимали первые места. В 1966 году в качестве приза они получили рояль.

Ни одно более-менее значительное мероприятие города и области не проходило без участия интернатского оркестра: на Первое и Девятое мая, на Седьмое ноября он открывал праздничное шествие на площади Ленина, играл на различных торжествах и чествованиях, партийных собраниях и конференциях разного уровня, включался в сводные оркестры музыкального училища и различных заводов. Оркестр играл на открытии сахарного завода в Эркен-Шахаре, давал концерт в селе Куйбышевка (Туапсинский район Краснодарского края), на родине своего руководителя Ш.М. Хлечаса, в Майкопе, Нальчике, Жако, Алибердуко... Немаловажным представляется и тот факт, что запись марша «Привет, Черкесия!» в исполнении интернатского духового оркестра до сих пор хранится в фондах Карачаево-Черкесского гостелерадио.

Многие считают (и, по всей вероятности, небезосновательно), что участие в школьном оркестре, овладение нотной грамотой сыграли свою положительную роль, когда с конца 1970-х годов Керим стал писать тексты песен на музыку Владимира Чикатуева для ансамбля «Абазинка».

Айшат и Марьян Шенкао до сих пор вспоминают, как Абдул и Керим не расставались со своими музыкальными инструментами даже во время каникул, привозили с собой в аул и играли.

Учащихся интерната ежегодно летом вывозили на море, а оркестранты, пользуясь некоторыми привилегиями, проводили там, как правило, не один, а два потока. Нередко выезжал и руководитель, Шамиль Магомедович, совершал с ними прогулки на катерах, вывозил в Сочи (дендрарий), в Сухум (обезьяний питомник), на озеро Рицу... Днем чаще всего пропадали на море, а вечером играли в волейбол и баскетбол. Приходили местные ребята, начинались стихийные соревнования. В 1966 году в Мюссере (возле Гудауты в Абхазии) школьный физрук организовал встречи учащихся интерната со сборными командами Абхазии по баскетболу и волейболу. И, по словам М. Курачинова, баскетбол они проиграли, а волейбол – выиграли (17).

Керим очень любил море, почти не выходил из воды, нырял глубоко, доставал со дна ракушки (ЗЗ, 2). Выбирал плоские камни и рисовал на них акварелью. «Получалось очень красиво», – свидетельствует М. Шебзухов (29). Детские впечатления о море впоследствии найдут воплощение в стихотворениях «Маленькая пальма» и «У моря».

Осенью 1966 года, накануне пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции, киностудия имени Горького (Москва) подготовила документальный фильм о Черкесском интернате «Дети гор». Снимали духовой оркестр, танцевальный ансамбль, уроки, спящих в общежитии детей... Отдельно записали Керима, читающего стихи на крыше пристройки к актовому залу на фоне ночного неба (12).

Но дети есть дети. И при всей строгости правил общежития они находили время и место для шалостей: порой не слушались воспитателей, сбегали с уроков на Зеленый остров... Кстати, Керим прыгал с десятиметровой вышки вниз головой (12).

В восьмом классе Мурадин Ерижев решил отметить свой день рождения, и на семь-восемь человек распили три бутылки вина. Посуду хотели было выбросить, но пожалели: решили сдать их в пункт приема стеклотары и на вырученные деньги купить новую камеру для волейбольного мяча. Но на следующий день бутылки были обнаружены. Состоялось специальное родительское собрание, провели дознание, но никто не признался. В результате из интерната исключили только именинника (12).

Когда духовой оркестр приглашали для участия в том или ином мероприятии, случалось, ребята возвращались поздно. В таких случаях для оркестрантов в столовой оставляли ужин. Однажды вернулись в полночь, а столовая – закрыта. Несколько человек (в том числе и Керим) спустились в подвал и обнаружили кастрюлю изюма. Понесли в комнату, съели по горсти, запив водой и легли спать. Наутро воспитатели заметили просыпанный в коридоре изюм и провели расследование. Вычислили виновников, встал вопрос об отчислении. И он неминуемо был бы решен положительно, если бы не одна загвоздка: исключение повлекло бы за собой распад духового оркестра, так как почти половина его членов принимала участие в ночной трапезе. Отругали, конечно, пригрозили: «Последнее предупреждение!», но – оставили (29).

В старших классах Керим обрел популярность в интернатской среде. «Его знали все – и старшеклассники, и младшеклассники, – говорит друг и одноклассник Мухаммед Шебзухов. – Учителя любили его. Не помню ни одного случая, когда бы они его отругали или он бы на них обиделся. И мы относились к нему хорошо. Не завидовали. Никто никогда над ним не подтрунивал, не иронизировал и уж тем более не высмеивал, потому что Керим был столь открыт, прямодушен, искренен, что грех было его обижать. Возможно, мы этого тогда еще не осознавали, но чувствовали интуитивно. Мы просто гордились им» (29).

Софья Аджиева, двоюродная сестра поэта, вторит: «Мы гордились тем, что Керим разговаривал с нами. Когда я оказалась в интернате, первой моей мыслью было: теперь я буду видеться с Керимом. Здесь его боготворили» (3).

«Все учителя, даже физик и математик, ставили нам его в пример, – говорит Хадиль Натхов. – А девушки смотрели на него как на бога» («АхИвсаква алахI йапшта бзи дырбун»).

Когда я недоверчиво переспросил: «Это правда?» – Хадиль, не задумываясь, ответил: «Истинная правда. (“ЦабыргдзапI”). “Керим идет”, – говорили они и показывали на него глазами. В этом нет ни капли лжи, все его очень любили» (25).

«И у ребят, и у девчат к нему было особенное отношение, – подтверждает и Мухаммед Кишмахов и, будто опережая чьи-то возможные сомнения, добавляет: – Абсолютно не перехлестываю. Его любили все, особенно младшеклассники» (12). «Керим был

обаятелен. Не любить его было невозможно», – как бы подытоживает М. Шебзухов (29).

Характеризуя свой класс, Т. Кишмахова пользуется эпитетами «дружный», «сплоченный», «шумный», «бойкий», а когда заговаривает о Кериме, у нее даже интонация меняется: «Тихий, спокойный, всегда задумчивый Керим выделялся из той группы ребят. Позже мы поняли, что он был мягкий, отзывчивый, соvestливый, сдержанный, справедливый, порядочный, дружелюбный и очень добрый. Доброта была самой яркой чертой его характера. Поражало его постоянство: он никогда не изменял своим принципам» (14).

Основными качествами личности Керима интернатского периода М. Кишмахов называет честность, искренность, порядочность и добавляет: «После школы мы разошлись по армиям, институтам... Встретились потом, когда он уже работал в редакции абазинской газеты. К тому времени он был уже сложившимся человеком и поэтом, но главные качества своего характера он сохранил». Мухаммед же заметил характерную привычку Керима: если он был недоволен чем-то, – слышно потягивал носом; если отвернул голову, – значит, что-то ему не понравилось: «Он никогда не выражал словесно своего недовольства, но через поведение можно было догадаться о его реакции» (12).

«Был впечатлительным, но не афишировал это, многое сдерживал в себе, скрывал от посторонних глаз, – говорит Абдул. – Был неразговорчив. Не в его характере было показывать свое превосходство над слабым, наоборот, покровительствовал по возможности. Не выносил хамства. Никогда не хвастал тем, что его стихи печатали в газете. Был очень скромн без всякой рисовки» (33, 1).

«После смерти не принято говорить о человеке плохо, но о Кериме и при жизни ничего дурного сказать было невозможно, – делится впечатлениями М. Шебзухов. – Никогда не лгал, был справедлив и порядочен. С годами эти черты только укреплялись в нем. Честнее его я в жизни никого не встречал» (29). «Если бы ему даже пригрозили: “Только зайкнись о правде, мы тебя убьем!” – он все равно высказал бы ее», – подтверждает и Х. Натхов (25).

«Как ученик он был обычным, с учетом того, что класс вообще был сильным», – отзывается о его познавательных способностях М. Курачинов (17). «Керим не был отличником, имел несколько четверок, – продолжает тему М. Шебзухов. – Был лаконичен в от-

ветах, мысли свои всегда выражал ясно и внятно» (29). «Учился легко, без особого напряжения. Любил гуманитарные дисциплины, а к естественным наукам особого интереса не испытывал, занимался ими в силу необходимости. Сочинения всегда писал самостоятельно, бывало, и в стихах. Учился стабильно на четверки и пятерки», – утверждает и Абдул (33, 2).

Сам Керим говорил так: «В начальной школе меня увлекали все предметы, поэтому и учился на одни пятерки. Потом стал относиться избирательно: больше внимания уделял тому, что ближе было сердцу. Но за все время учебы не было такого случая, чтобы я попытался отвертеться или не подготовиться к уроку по литературе» (19, 3).

Если проанализировать оценки, выставленные в аттестате о среднем образовании, можно сказать, что у Керима из 15 предметов по семи шли отличные оценки (литература, русский язык, история СССР, обществоведение, биология, черчение, физкультура), по остальным восьми (алгебра, геометрия, физика, астрономия, химия, всеобщая история, география, иностранный язык) – хорошие.

После школы

В конце июня 1967 года Керим с одноклассниками распрощался со школой: кто вышел замуж, кого призвали в армию, кто устроился на работу, но основная масса разъехалась по разным вузам страны, из вчерашних выпускников превратившись в абитуриентов.

Керим еще до окончания школы твердо решил поступать в Литературный институт, но для этого необходим был двухгодичный стаж. Волей-неволей приходилось выжидать. Тогда, чтобы не терять время, он пошел в военкомат и стал настойчиво проситься в армию. Отказали, потому что в то время призывной возраст начинался с девятнадцати лет, а Керим было только восемнадцать (19, 3).

Учитывая его гуманитарный склад ума, родственники решили определить его на филологический факультет Карачаево-Черкесского педагогического института. По этому поводу Александра говорит: «После интерната я его повезла в Карачаевск. Чтобы не

поступить, он умышленно получил двойку по сочинению. Не захотел. Не поступил» (18).

Комментируя этот факт, М. Шебзухов отмечал: «Керим читал много художественной литературы, учился хорошо. Получить двойку на вступительном экзамене он не мог» (29).

Олеся Мхце, дочь Керима, рассказывала: когда Анна Феофрастовна узнала, что ее любимому ученику поставили неудовлетворительную оценку, она поехала в Карачаевск, потребовала его сочинение и выяснила, что там была пропущена всего одна запятая. После этого Керима будто бы приглашали в институт, но он не захотел (23).

Оказавшись вне вуза после школы, Кериму пришлось какое-то время работать объездчиком колхозных полей. Потом по совету тети Кати устроился учеником прессовщика на Черкесском заводе резинотехнических изделий. На работу он вышел 22 сентября 1967 года. Через четыре месяца ему был присвоен четвертый разряд прессовщика, поработал еще месяц и уволился по собственному желанию 20 февраля 1968 года. Через три месяца, а именно 27 мая³⁶, по повестке из военкомата он был призван в ряды Вооруженных сил.

Попал Керим в строительный батальон, располагавшийся в Подмоскowie. Не успел он пройти до конца курс молодого бойца, как бандеролью получил изданный в Черкеске свой первый сборник стихов «Моя березка».

К 1968 году на страницах газеты «Коммунизм алашара» появилось 51 стихотворение Керима, и, казалось бы, они и должны были составить основу книги. Но нет: из опубликованных в печати в нее вошло только 17, остальные 24 были взяты из тетрадей автора, находившихся в редакции газеты. Вспомним слова Б. Тхайцухова о четырех тетрадях со ста стихотворениями: «Они еще не объединились в книгу, но объединятся». Вероятнее всего, Тхайцухов отобрал из них те, которые, на его взгляд, могли быть включены в сборник, провел через заседание национальной литературной секции, где рукопись прошла утверждение в печать, после чего с ней начала работать редактор – Мира Тлябичева. Она и дала название книге: заголовок стихотворения «Моя березка» был перенесен на весь сборник. Таким образом, и формирование сборника, и вся про-

³⁶ Все даты установлены по трудовой книжке К. Мхце.

цедура издания прошли без участия самого автора (19, 3). И Керим до конца жизни был признателен старшим писателям за такое участие в его творческой судьбе. «Когда малыш только учится ходить, чтобы он не падал и не набивал себе шишек, какое-то время его водят за руку, приучают к ходьбе, – рассказывал Керим. – Точно так же с первых шагов в литературе старшие писатели поддерживали меня, помогали всем, чем могли» (19, 3).

Но здесь, перебивая жизнеописание поэта, кажется, будет уместно дать общее представление не только о первом сборнике, но о всех напечатанных к тому времени его произведениях.

Стихотворения ученического периода³⁷

Несмотря на юный возраст и отсутствие какого-либо литературного опыта, тематика ранних произведений Мхце достаточно разнообразна. Начинал он с темы родины («Родная страна», «Моя родина»), которую в скором времени дополнила тема малой родины («Мой аул», «Где-то далеко», «Петушиный крик»). В это же время у Мхце отчетливо проявляются гражданские и патриотические мотивы, реализовавшиеся в антивоенной теме («Вся моя мощь»), теме борьбы за мир («Мир», «Защитники мира»), дружбы и интернационализма («Интернат»). Последнюю тему дополняет и развивает размышление о судьбе соотечественников, в силу различных исторических обстоятельств оказавшихся на чужбине («Моя ласточка»). Попытка размышления о назначении и смысле жизни обнаруживается в стихотворениях «Жизнь», «Кипи, жизнь, кипи».

В стихах школьника, конечно, не могли быть обойдены вниманием темы детства («Детство»), юности («Юность»), обучения («Моя школа»), любви к матери («Моя мать», «Песня матери»). Отдельный блок образуют стихи, посвященные поэзии («Моя поэзия», «Песни», «Новые стихи», «Голосом жизни звучи»), из которых хотелось бы выделить те, что определяют позицию стихотворца («Мое перо»), осознание собственного предназначения

³⁷ «Ученический период» по отношению к творчеству Мхце понимается в буквальном и переносном смыслах: с одной стороны, он приходится на школьные годы, а с другой – это время обретения азов, навыков стихотворного ремесла.

(«Луна») и служение своему народу («Желания моего сердца»). В стихах данного периода также проявляются взаимосвязанные между собой темы дорог («Собираясь в дальнюю дорогу», «Дороги», «Фонари»), ожидания («Порог матери») и возвращения («Волны Инжича»).

Шире всего в стихах 1963–1968 годов была представлена пейзажная лирика («Весна», «Лето», «Абазашта осенней ночью», «Моя березка», «Ручеек», «Горы», «Ливень в гости к нам пришел», «После дождя», «Звезды плывут»). Также важное место занимает и любовная лирика («Нежные песни», «Не верь им», «Не верится», «Пусть не станет одиноким след мой», «Крапива и цветы», «Ты песни меня заставляешь петь», «Восток всю ночь...», «Тебе удастся, чтоб и зимой взлетела...»); обнаруживается также и попытка философской лирики («Пчела», «Ладья»)..

Естественно, что во всех этих стихотворениях заметно ремесленничество, абсолютное большинство их выступает незрелым, наивным, а порой и примитивным. В принципе, по-другому быть и не могло, потому что стихи писались школьником, не имевшим особого представления о теории стиха, не обладавшим техническими навыками. Именно в эти годы в процессе собственной поэтической практики и обретались первые умения, понемногу усваивался свой и чужой опыт. И здесь как раз интересно остановиться на самых ранних стихотворениях Мхце, предваряющих последующую эволюцию его творчества.

В первых стихах К. Мхце восторгался красотой своей родины, мощью ее армии: «ЙзачIвытагы ушпдзайа, сци кьралыгIва! / ЙзачIвытагы йымчыйа уыр дудзда!» (До чего ты прекрасна, родная страна! До чего сильна твоя великая армия!). Картина страны начинающему стихотворцу, вероятно, представлялась не совсем полной без упоминания колхозов и совхозов, преумножающих богатство родины: «Уара уколхозкви усовхозкви / ЙдыршардитI рымыкв гIальамат». В создании обобщенного образа родины принимают участие большие и быстрые реки («ЙубапI уара хIа хIдзыгIв лас дуква»), белоснежные вершины гор («Аныла ашхъа дуква рхъыквкв / Хъарала шкIвокIвадза йнаубитI»), красоты родного аула («ЙызгIвитI сара хIа хIкыт апшдзара»)..

Такая описательность, стереотипность образов без какой-либо их индивидуализации была характерна для самых первых стихотворений Мхце. В этой же манере написано стихотворение «Лето»,

в котором начало дня передается через голоса птиц, заполняющие весь аул, лучи солнца, проглядывающие сквозь листву, стадо коров, проходящее по улице, отару овец, направляющуюся на пастбище, пчел, покинувших улей, трактор, обрабатывающий поля, отца и сына, торопящихся на ферму...

Если речь идет о горах (стихотворение «Горы»), то они изображаются как «богатыри Кавказа» («Кавказ апельуанква»), чьи вершины высятся над облаками («швхъыккввагы апстхIаква йрылхIвигI»). Неотъемлемым атрибутом горного пейзажа, естественно, выступают орлы, парящие над вершинами («швхъахълагы йхварззауа йпсстгитI апсгIачIв дуква»). Любопытен факт того, что в пейзажном стихотворении юный стихотворец не оставляет без внимания утилитарную сторону предназначения гор: «ШвдзыгIвквагы йдрыхъынхIвигI хIара хIджагыруква, / ЙтлапIу ркъарува гIахIыртитI» (ваши реки крутят наши турбины, вырабатывая дорогу энергии).

Мы видим, что юный Мхце первые свои стихотворные опыты создавал преимущественно из готовых штампов, в них не было индивидуальных черт, им не хватало собственно авторского видения, изображения, оценки. И это было свойством не одних произведений Мхце, это было не только личной «болезнью роста», а свойством и «болезнью» всей национальной поэзии 1950–1960-х годов, за некоторым исключением мыслившей еще не столько художественными образами, сколько идеологическими и публицистическими клише времени. Естественно, не избежал их и начинающий поэт, в чьих произведениях мы то и дело встречаемся с такими выражениями: «ХIа хIпсабара байадапI» (наша природа богата – «Поход»), «ЙтынчызтI адуней, айсра гъхIтахъым» (пусть будет спокойным мир, мы не хотим войны – «Песни»), «АнхагIвы йымгIва – мгIва цабыргыпI» (дорога труженика – верная дорога – «Жизнь»), «ХIчIвырхъитI сатыркIта зымгIвадзугы» (шагаем все единым строем – «Интернат»).

Ранние стихи К. Мхце не лишены назидательности, юный стихотворец может обратиться к читателю с поучением о том, что не следует сидеть сложа руки, ибо уходящее не возвращается: «Заджвгы швуыс кIарышвта швымчIван, / Йцауа гъгIахъынхIвыхуам зынгы» («Время»). В стихотворении «Жизнь» пятнадцатилетний школьник брал на себя смелость поучать человечество тому, как следует жить:

АгІвычІвгІвыс,
тшат уаргы абзира.
РыцхІагІакІ ура йануызнира,
ЗымгІвагы уырбапІ,
ЗымгІвагы надзапІ!
Ужвыгы зны йуасхІвитІ,
агІвычІвгІвыс:
ЦхърагІагІв йазыбжу –
уйыгІвымсын!
ЗымгІвагы швайщчвата шваъазла!
Адуней швапшыгта швыквызла! –
Ауи акІвпІ хІмамыр злащаквгылу,
Ауи акІвпІ са мчыта йсыму!
Амамыр швазгыл!

(Человек, посвяти себя добру. Когда с тобой несчастье случится, все увидят тебя, все придут к тебе. Еще раз говорю тебе, человек: не проходи мимо того, кто нуждается в помощи! Будьте все братьями! Будьте равными на земле! На этом зиждется наш мир, в этом заключается и моя сила! Встаньте за мир!)

Характерным свойством лирического героя ранних стихотворений является его любовь ко всему окружающему. Его признания в любви к творчеству, природе родного края иногда кажутся избыточными:

Бзи йызбитІ сара скъальам,
ЙгГасдыркІыз сугІа!

(Я люблю свое перо, врученное мне моим народом! – «Мое перо»);

Ащхъаква, швыхъаз йсыму *сбзибара*
Гвышхвара ду сызГІанагитІ

(Горы, любовь, которой я к вам преисполнен, воодушевляет меня – «Горы»);

Сара схагІагв йазсыму *абзибара*
Щымтала акъальам чкІвын гІаснаркІитІ

(Моя любовь к родному краю вручает мне перо с утра – «Лето»);

Са бзи йызбитІ йхьшвашву, йпшдзу ашахквва
ТшаныркІвабауа адзын пстІа апны

(Я люблю, когда прекрасные холодные зори купаются в осенней росе – «Вот снова...»)...

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что начинающий поэт риторичен, декларативен, изрекаемые им истины – общеизвестны, над ним довлеют идеологические, публицистические и песенно-поэтические штампы. Но, несмотря на юный возраст и отсутствие опыта, было бы ошибочно считать, что все его стихи данного этапа слабы, незрелы, тривиальны и нет в них поэтической искры. Если бы состояние дел было только таким, если бы автор не умел выйти за обозначенные рамки и вынесенные оценки, нам оставалось бы только заменить исследование его творчества несколькими оценочными эпитетами, и дело можно было бы считать закрытым. Но юный Мхце был не столь прост, его поэтическая одаренность обнаружилась уже в детских и юношеских стихах. И это было замечено поэтами старшего поколения, что нашло свое выражение в приведенных выше публикациях тех лет. Возможно, в них что-то было преувеличено, возможно, какие-то оценки выдавались авансом, чтобы поддержать и ободрить начинающего стихотворца, но тем не менее нельзя не воздать дани уважения первым критикам Мхце, их умению подметить в слабом еще поэтическом ростке большой потенциал, который при благоприятных условиях мог вырасти в мощное ветвистое растение.

И К. Мхце не только оправдал, но многократно превзошел те ожидания и надежды, которые связывались с его именем. И наша задача состоит в том, чтобы поэтапно, шаг за шагом попытаться проследить становление поэта, дать объективную картину его развития, не закрывая глаза и на слабости, которые имели место в его творческой практике.

Одним из лучших стихотворений первых лет творчества можно признать «Звезды плывут», опубликованное 23 июня 1966 года, где намечается переход от декларативности и голой риторики к лирической поэзии, где уже отчетливо проступают черты образного мышления юного стихотворца:

Ауахъ ажвгІванд цІГІвада йала
Схяхьла айачІваквва дэцитІ.

Са сГамГвайситГ амГващ тшвала,
Абыхъв кГышв ду ГамыздитГ.

СхъалитГ абыхъв рыЦа-рыЦа,
СГанаркъахвуа йцкъу апшыхъ,
ЙХГвачвакъбитГ адзКварква сыЦахъ,
ТшГаштГнажватГ сыгвгы, йГакГых!

АжвГванд амГва тыбГаквала
Йджвыквлын сыйачГва йазцитГ...
Схъахъла ажвГванд цГГвада йала
Ауахъ айачГваква дзцитГ.

(В ночном бездонном небе надо мною плывут звезды. Я иду по узкой тропинке, взбираясь на высокую гору. Все выше и выше поднимаюсь по горе, ободряемый чистым ветром. Шумят подо мною ручьи, срывается сердце, попробуй удержи! По широким небесным дорогам идет к моей звезде. Надо мной в бездонном небе плывут звезды).

Не касаясь интерпретации стихотворения, нам хотелось бы обратить внимание на струю чистой лирики, проявляющуюся здесь, на своеобразную интонацию стиха, на его смысловую и формальную завершенность. Данное стихотворение – первая и явная удача Мхце, здесь он впервые нащупал и воплотил то, к чему более всего была расположена его душа, вся его поэтическая натура. Это первое стихотворение, которое с полным правом, без скидок на возраст и неопытность, можно отнести к поэзии.

Нельзя сказать, что последующие стихотворения соответствовали уровню только что приведенного произведения. Нет, конечно, школьник оставался школьником, и в дальнейшем у него преобладали заурядные, во многом еще наивные стихотворения, но через полтора года, в феврале 1968 года в стихотворении «Порог матери моей» он снова возвращается к тому, что случайно или интуитивно отыскал в «Звездах».

В «Пороге матери моей» лиризм проступает еще явственней, образы – зримее и завершеннее; они обретают способность развиваться, трансформируясь и перевоплощаясь, в пределах одного стихотворения. И все-таки главным обретением данного стихотворения является его грустная интонация, которая лексически никак не выражена, не оформлена; она ощущается в ткани самого

произведения как живое органическое свойство; сами слова дышат грустью, предложения составлены таким образом, что печальное состояние лирического героя проступает сквозь синтаксис и стилистику стиха. Именно интонация стихотворения «Порог матери моей» станет самой отличительной особенностью всей последующей поэзии К. Мхце, его поэтической визитной карточкой. Здесь проявился его настоящий поэтический голос, по которому уже безошибочно можно было узнавать автора:

Абыгъ гIважъква тшгIаквырпсатI ашвхъымса,
Сан лшвхъымса, сгIайхра йаздышдзаз.
ЙгIалымшатI йсыгIвсныс сгвы йгIахъымсуа
АйачIва нашхыйа йгIакIашваз.

Абыгъ хьащцква тшгIаквырпситI йачIвата
Сан лшвхъымса, зылахъ аквызцIаз.
ЙгIакIъазытI зджъара, зджъара хъарата
Сан при лыладз ауахъ гIазыркIкIаз.

АйачIваква тшгIаквдырпIлитI быгъ гIважъта
Сан лшвхъымса, хъвыцрала тшхъызгIваз...
Сара счкIвынхъа, счкIвынхъа – уысапI ащга.
ЙхIвастI зъара адгъыл хIыму узынсымцIаз.

ТшгIаквдырпIлитI ас хвыцква бжыкIгъи рхъымцIуа
Сан лшвхъымса, сгIайхра йаздышдзаз...
Уа усызпшитI, усызпшитI, усызпшитI, ашвхъымса.
ЙалудыргIайа сымгIва апны сзынйаз?

(Желтые листья принакрыли порог, матери моей порог, изжаждавшийся по моему возвращению. Не удалось не задеть моего сердца падающей печальной звезде. Золотые листья звездами принакрыли опечалившийся порог моей матери. Задрожала где-то, где-то далеко родной моей матери слеза, осветившая ночь. Звезды падают желтыми листьями матери моей на порог, погружившийся в мысли... Моей юности, юности след – поэзия. Скажи, сколько еще земель, на которых я еще не оставил следа. Падают снежинки бесшумно матери моей на порог, изжаждавшийся по моему возвращению... Ты ожидаешь, ожидаешь, ожидаешь меня, порог. Откуда знать тебе, что случилось со мной в пути?)

Обратим внимание на то, что образ порога родного дома полностью замещает образ матери: он, как и мать, способен изжаждаться по лирическому герою, печалиться, погружаться в мысли, неустанно ожидать. Выделим и образ слезы матери, задрожавшей где-то далеко, но способной озарить беспросветную мглу ночи. Любопытен образ желтых листьев, впервые возникающий в данном стихотворении, который займет свое устойчивое место в поэтике последующего творчества Мхце. В первой строфе именно желтые листья прикрывают материнский порог; во второй эпитет «желтый» заменяется «золотым», что создает ассоциацию со звездами: «*Золотые листья звездами* принакрыли опечалившийся порог моей матери»; в третьей уже *звезды* падают *желтыми листьями* на погрузившийся в мысли порог, и таким образом, происходит полная и изящная замена одного образа другим. В четвертой строфе уже безмолвные снежинки укрывают материнский порог, и они несут свою семантику, указывая на ход времени, сменяемость времен года, на фоне которой еще сильнее оттеняется факт того, что сын все еще не возвращается к изжаждавшей по нему матери.

Продолжая разговор о наиболее совершенных поэтических произведениях начинающего К. Мхце, хотелось бы остановиться и на миниатюре «Крапива и цветы», вошедшей в сборник «Моя березка»:

Бнашхыйата ба
ЙгГасызбрауа ахIврапшдза
СгIанаблитI сара
Ахъваца апшта.

Бсыцхъвмаруа са
ХъвацакI гIасбыркIрыгы,
ЙшхIврапшдзу хъацIа
Са сыхъаз ауыгы.

(Если ты, грустная, протягиваешь мне цветок, он обжигает меня, словно крапива. Если же ты шутя протянешь мне крапиву, поверь, что она для меня станет цветком.)

К сожалению, подстрочный перевод не способен передать ни формы, ни звучания стиха, ни отточенности выражаемой мысли. Но если судить по оригиналу, а не подстрочнику, не может не удивить способность абазинского школьника столь емко и лаконично

уложить в строгую форму миниатюры поэтическую мысль во всей ее завершенности. Стихотворение построено на антитезе, когда восприятие окружающего мира полностью зависит от настроения любимой: если она печальна, то и цветок в ее руках кажется крапивой, а если у нее радостное, игривое состояние, и крапива представляется цветком.

Подчеркнем еще раз: достоинство данного стихотворения заключается в том, что автору удалось уложить ничем не замутненную поэтическую мысль в соответствующую стихотворную форму. Здесь нет никаких излишеств, а есть полная гармония между формой и содержанием.

Отчетливость образов, ясность поэтической мысли, развитие лирического сюжета и его завершенность, полное соответствие формы и содержания можно наблюдать и в стихотворении «Нежные песни»:

ЙгвжважваѡджьитІ апстхІва,
Датша пстхІвакІ йазцитІ.
ПхІвыспаквакІ хъарата
Рашва пшаква рхІвитІ.

АпстхІва хвйтква рапшта,
Стгвжважвауа хъвлапны,
Стгвы стгвытшы йтамшвахуа
СнайитІ бара бпны...

Азаман хъамкІыхла
Шас амдыруа йцитІ...
ПхІвыспаквакІ хъарата
Рашва пшаква рхІвитІ.

ЙагІвсырквынгІ сквшышвквкІ,
АпстхІвакв дзцалуштІ.
Ба сшбызнайуаз апшта
ЧкІвынкІ заджвы длызцуштІ.

СтгйайхІвапсум, дцарагІатІ –
Ба уахъчІва бсызпшитІ!
ПхІвыспаквакІ хъарата
Рашва пшаква рхІвитІ.

(Отчаянно торопится облако, плывет к другому облаку. Где-то вдаль девушки поют свои нежные песни. Так же, как вольные облака, с сердцем, не умищающимся в груди, вечером торопливо иду к тебе. Время уносится неудержимо, не зная остановок. Где-то вдаль девушки поют свои нежные песни. Даже если пройдут столетия, все так же будут плыть облака. Точно так же, как шел я к тебе, будет юноша идти к любимой. Я ему не завидую, пусть себе идет. – Ты ожидаешь меня сегодня! Где-то вдаль девушки поют свои нежные песни.)

С самого начала хотелось бы обратить внимание на прием обрамления, используемый молодым стихотворцем: произведение органично завершается тем же образом нежно поющих девушек, которым и открывается. Но строки «Где-то вдаль девушки поют свои нежные песни» повторяются и в срединной третьей строфе, превращаясь тем самым в симметрично расположенный рефрен.

Любопытно и то, как образ облака, отчаянно спешащего к другому облаку, находит свое естественное развитие уже применительно к самому лирическому герою: «Так же, как вольные облака, с сердцем, не умищающимся в груди, вечером торопливо иду к тебе». Молодой поэт находит точку соприкосновения между образами внешнего мира и внутреннего состояния своего героя, и потому переход от облаков к переживанию лирическим героем счастливого полета от ожидания встречи с любимой кажется столь естественным и органичным.

Стихотворение в целом воспринимается как счастливое озарение, чисто и вдохновенно вылившееся в совершенные поэтические строки без какой-либо авторской правки. Складывается ощущение, будто над этими строками не трудились, не шлифовали, не приводили в порядок, а они единым разом выпелись из сердца в том виде, в каком и предстают перед читателем. В них совершенно непосредственным образом запечатлено счастливое состояние в момент самого переживания этого счастья.

Вот это ощущение неподдельности чувств, сиюминутности их переживания, представление, будто стихи родились самопроизвольно в органически свойственной им форме, будет крепнуть в творчестве К. Мхце из года в год и станет одним из главных признаков его стиха зрелого периода.

Переплетение и трансформация различных мотивов

«Путь – это прежде всего символ образа жизни и судьбы человека», – говорится в словаре символов и знаков и признается уделом лучших представителей человечества: «Человек оказывается на дороге, влекомый страстным желанием открытий и перемен»³⁸.

Мотив пути стал одним из стержневых в поэзии К. Мхце и возник с самых первых шагов в литературе. Данный мотив разрабатывается в стихотворении «Юность», в котором начальная пора жизни зовет молодого человека в сторону удивительной дороги: «ЙчкІвынхъа мгІва джьащахъвакІла йышІнатитІ». В стихотворении «Жизнь» стихотворец декларирует смысловую тождественность понятий «жизнь» и «дорога»: «Бзазара – мгІвапІ, амгІваква – шардапІ. / ХІрылацитІ закІы-закІ мгІва» (Жизнь – дорога, дорог – много. Каждый идет по своей дороге). В контексте стихотворения «Горы» «жизнь» и «дорога» снова выступают как синонимичные, взаимозаменяемые понятия: «Ащхъаква йсцрийу, сынцири сара сымгІви / ЙшвызгІайхуаштІ, датша мгІвакІла спарыгы» (Горы родные, *жизнь* моя и *дорога* вернутся к вам, если даже пойду я другой дорогой).

Таким образом, лексема «дорога» с самого начала творческого пути Мхце помимо своего прямого значения обретает еще метафорический смысл *дороги жизни*.

В первом стихотворении из цикла «Время» мотив пути переплетается уже с темой высоты:

Сыгвгы азаман апш йгвжважвитІ:
ЙсыхъитІ ауи сапхъала,
ЙсыхъитІ ажвІванд ахкІъала

(И сердце мое торопится, как время, тянет меня вперед, тянет меня в поднебесье).

Не просто заявка о высоте, а реальное восхождение лирического героя на горную вершину обнаруживаем мы в стихотворении «Звезды плывут»:

³⁸ Словарь символов и знаков / Авт.-сост. Н.Н. Рогалевич. – Минск: Харвест, 2004. – С. 345, 346.

Ауахъ ажвГІванд цІГІвада йала
Схъахъла айачІваква дзцитІ.
Са сГІамГІвайситІ амГІващ тшвала,
Абыхъв кІышв ду ГІамыздитІ

(В ночном бездонном небе надо мною плывут звезды. Я иду по узкой тропинке, взбираясь на высокую гору).

В данном случае дорога лирического героя выражается образом тесной тропинки, причем и тропинка, и гора обретают дополнительную семантику: тропинка олицетворяет судьбу героя, а гора – жизнь и ее трудности, которые необходимо преодолеть. Обратим внимание на то, что в еще складывающейся только образной системе юного Мхце преодоление жизненных препятствий (горы) возвышает человека, поднимает его на новую высоту. И именно этот мотив устремленности дороги лирического героя в высоту становится основным в последующей части стихотворения:

СхъалитІ абыхъв рыцІа-рыцІа,
СГІанаркъахвуа йцкъу апшыхъ.
ЙхІвачвакъытІ адзкІварква сыцІахъ,
ТшГІащГІнажитІ сыгвгы, йГІакІых!
АжвГІванд амГІва тыбГІаквала
Йджвыквлын сыйачІва йазцитІ

(Все выше и выше поднимаюсь по горе, ободряемый чистым ветром. Шумят подо мною ручьи, срывается сердце, попробуй удержи! По широким небесным дорогам идет к моей звезде).

Таким образом, дорога жизни лирического героя оказывается устремленной в высоту, причем высота эта не ограничивается горными вершинами, а уносится в звездную высь. И здесь уже мотив дороги переплетается со звездной символикой, где звезда олицетворяет собой конечную цель восхождения лирического героя Мхце.

В стихотворении «Наши часы» обычные часы, выступающие олицетворением мудрости и жизненного опыта, советуют герою не торопиться, соизмерять свои шаги со временем, и в таком случае Время, опять же олицетворенное в часах, укажет ему «верную, красивую и трудную дорогу». Очевидно, что для молодого Мхце все три эпитета становятся равнозначными, и *трудная дорога* оказывается столь же желанной, как и *верная*, и *красивая*.

К теме выбора собственного пути из множества жизненных дорог юный поэт возвращается и в стихотворении «О, сколько у жизни дорог!»:

О, зъара мгІвайа абазара йаму!
ШПасдъа сазыпшгІтІ – йгІасауырмищтІ зны
РыцІа йджъащахъву, йпшдзу, йтамаму,
РыцІа йбаргву, йазцауа суагІа ргвы?

(О, сколько у жизни дорог! Ищу непрестанно. Найду ли когда-нибудь самую интересную, красивую, верную, самую трудную, ведущую к сердцу моего народа?)

Обратим внимание на то, что эпитеты, характеризующие нужную лирическому герою дорогу, повторяясь, расширяются, и среди них важное значение обретает последний: наряду с тем, что его дорога должна быть и верной, и красивой, и трудной, и интересной, она еще должна вести к сердцу народа. Это становится определяющим в выборе пути, и здесь мы наблюдаем, как тема дороги переходит в мотив служения своему народу: «Анасып гІа-цІкъыштІ дзыхъ цкъата са сыхъаз, / БзиракІ рызгІазгырквын зны суагІа при» (Для меня чистым родником пробьется счастье, если сделаю что-то хорошее родному народу).

Это уже принципиальная творческая установка, которая может обернуться глубокой, непоправимой драмой, если герой по какой-либо причине не выполнит своего назначения:

Са, йсымшвахскІва сгІазлыцІыз рхарта,
Ашва зхІвуз квцІата йшІчІвузтын сынцІра, –
ЙгІсауашым хъвыщрадъа тынчра чвара,
Адгъыл йгІацІчІвуштІ са сыладзгІи дэкІварта

(Если жизнь оборвется певучей струной до того, как исполню свой долг перед народом, я не забудусь в спокойном, безмятежном сне: мои слезы будут пробиваться ручьем сквозь землю).

Это уже своего рода присяга на верность служения своему народу. Уже в начале жизненного поприща, в период поиска жизненного пути лирический герой осознает, что не найдет успокоения и утешения даже в загробном мире, если при жизни он не успеет свершить что-то доброе и значительное. Заметим, что мотив служения, только наметившись в данном стихотворении, уже незаметно переходит в мотив жертвенности.

Мотив служения народу занимает в поэзии К. Мхце свое устойчивое место и проявляется в первые же творческие годы. Так, в начале стихотворения «Ливень в гости к нам пришел» изображается обжигающая летняя жара, от которой вянут колосья, сбиваются в кучи овцы... Но вот пришел ливень и напоил всех своей влагой... Завершается стихотворение искренним восклицанием лирического героя, в котором он выражает свое желание точно так же, как ливень, утолить жажду людей: «О, йшпастахъу араса, аугІаква, / Шва швдзышра сыргІварныс саргы!» (О, как мне хочется вот так же утолить вашу жажду, люди!).

Мотив служения находит оригинальное воплощение и в стихотворении «Желания моего сердца», в конце которого повторяющийся образ фруктового плода преобразуется: если во вступительном четверостишии описание дерева завершалось тем, что оно приносит плоды и тем самым как бы оправдывает свое природное назначение, то в конце стихотворения образ *плода* переосмысливается в результате жизнедеятельности человека; это то, с чем он подходит к своему жизненному финалу. И стихотворение завершается этим метафорическим образом: «Спри уагІа йрызгІазгныс *швыр ашвата* / Йатахъыра духатІ сара сгвы» (Принести своему народу *плоды песен* стало большим желанием моего сердца).

Заключительные строки, как видим, снова подводят поэтическую мысль к служению народу, что и определяет цель жизнедеятельности лирического героя. Но здесь важным и принципиально новым становится то, что приоткрывается сфера, в которой он собирается реализовать себя, – это мир песен.

Подходя к этим строкам с другой стороны, отметим, что принести родному народу плоды песен – это не просто упражнение в красноречии, это поэтическая декларация своей жизненной программы, и поэт всей своей последующей судьбой подтвердил верность провозглашенному в юности принципу. В этой строке-заявке выразилось естественное желание души юного стихотворца во всей его чистоте и искренности, и искренность в творчестве Мхце станет одной из основных, самых важных и принципиальных установок поэта. Этот принцип был декларирован им еще в стихотворении «Новые стихи», по поводу которых он говорил: «Ауат йгырчвызымдзагІ сара сгвы йту» (Я не скрыл от них ничего, что происходит в моем сердце).

Еще ранее в стихотворении «Моя мать» юный Мхце использовал строку «*Сгвы йГатысхыз сажваквагьи зГвитІ*» (Пишу слова, *вынутые из сердца*). Эту строчку, обращенную к матери, можно перенести на все, о чем писал поэт на протяжении всей своей жизни: искренность и открытость стали его человеческим и поэтическим кредо. Данное наблюдение подтверждает и наполняет конкретным смыслом особенность стихов К. Мхце, которую подметила М. Тлябичева еще в 1965 году: «Чего бы Керим ни касался, он пишет от всего сердца; он заставляет слушать себя, размышлять, поверить в написанное им»³⁹.

Возвращаясь к теме взаимосвязи дальних дорог с поэтическим началом, заметим, что еще определеннее обнаруживается она в стихотворении «Не верь им», где герой, обращаясь к возлюбленной, говорит: «Саргьи йбызнасцуаштІ *ажва гварта*, / ЙГарыквсхта сымГІва хъараква» (Я пригоню тебе *табуны слов*, собрав их с дальних моих дорог).

Таким образом, становится ясно, что лирический герой пускается в путь в поисках необходимых ему для песен (стихов) слов.

Вообще красноречив и характерен тот факт, что первый сборник Мхце «Моя березка» открывается стихотворением «Собираясь в дальнюю дорогу», название которого уже вводит читателя в атмосферу походов и путешествий, но они отнюдь не развлекательного характера. Уже в первой части стихотворения лирический герой говорит о том, что существуют в мире *тяготы странствий* («йыквпІ адуней *амГІвайсраква рГансара*») и что он вступил на свой *долгий путь* («йауыру сымГІва са сывкылГІвацатІ»). Здесь же он в общих чертах приоткрывает то, ради чего выбрал дорогу странствий: «Апшдзараква пхъадзара шрымам апшта, / ЙГансыршара стахъугьи щардазпаІ» (Как нет числа красотам мира, бесчисленно и то, что я хочу свершить).

Данное стихотворение еще раз подтверждает сферу деятельности, в которой предполагаются эти свершения: «Саргьи йыздыритІ щарда цуата йшаГу / Къангыашдъа тшырстныс ашваква сшабгу!» (И знаю я, что давно пора без сомненья отдаться песням целиком!)

Здесь, как и в предыдущих текстах, раскрывается осознание лирическим героем своего предназначения: это – поэзия. (Песни и стихи в поэтике К. Мхце всех периодов – синонимичные поня-

³⁹ Тлябичева М. Неопубликованные стихи // Коммунизм алашара. – 1965. – 27 фев.

тия.) Лишним подтверждением тому служит и заключительная строфа стихотворения:

Ауаса са сьанызлакІгьи сазгІайхуашгІ
 Ари адгьыл тшыт, сгвы атшгІва мцата йту,
 Йгьи ауи согІата са йазгІазгуашгІ,
 Ашвата йсчпуштІта, адуней шабгу!

(Но где б я ни был, я вернусь к этому кусочку земли, огнем пылающему в очаге моего сердца, и в виде подарка ему поднесу весь мир, воплощенный в песне!)

Эту строфу можно принять в качестве программного заявления юного поэта. (Видимо, не случайно данное стихотворение и открывает весь сборник.) Она обретает важное значение в идейно-смысловом аспекте: герой не просто дает клятву верности своей Абазаште; из дальних странствий возвратясь, он обещает поднести родине *весь мир, воплощенный в песне*. Таким образом, окончательно утверждается, что дорога, на которую он вступает, – это *дорога поэзии*, и трудности ее заключаются в том, чтобы суметь воплотить мир в песне. Вот эта установка, стремление перевоплотить мир в песенное слово и является, на наш взгляд, программным заявлением молодого поэта, по собственному признанию, предполагающего без остатка посвятить себя песням.

Как видим, в поэтике Мхце мотив дороги трансформируется в дорогу жизни, а дорога жизни в свою очередь оказывается дорогой поэзии, а поэтическая дорога перекликается и переплетается с мотивом служения своему народу. И впоследствии эти, казалось бы, различные мотивы будут неоднократно переходить, перетекать друг в друга.

3 августа 1968 года на страницах национальной газеты Б. Тхайцухов опубликовал положительную рецензию на сборник стихов «Моя березка» и выделил главную черту его поэзии: «Керим – лирик, до самозабвения любящий родину и свой народ, лирик, обращающий внимание на каждый полевой цветок»⁴⁰.

⁴⁰ Тхайцухов Б. Слышатся звуки земли // Коммунизм алашара. – 1968. – 3 авг.

Стихотворения армейского периода

К сожалению, мы не располагаем какими-либо развернутыми сведениями о жизни Керима в армии, как и о первом годе после окончания школы. Однозначно можно говорить только о том, что службу свою он нес достойно: ему было присвоено звание сержанта, назначен заместителем командира взвода, избран секретарем комсомольской организации роты и членом комитета комсомола воинской части. В феврале 1970 года он стал кандидатом в члены КПСС, а в апреле того же года в ознаменование столетия со дня рождения В.И. Ленина награжден медалью «За воинскую доблесть». Заметим: награждение солдата срочной службы медалью – это далеко не рядовой, а исключительный в своем роде случай. Приведенные факты говорят о том, что Керим сумел показать себя с наилучшей стороны, вследствие чего командование было благосклонно к нему.

Новые условия не располагали к творческой деятельности, и в первые полгода – особенно сложный период адаптации к армейской жизни – Мхце ни одного стихотворения не опубликовал. (В скобках заметим, что в июне 1968 года в национальной газете были напечатаны четыре стихотворения, но все они были написаны и сданы в редакцию еще до призыва в армию.) Если судить по публикациям, то и остальные полтора года окажутся не столь плодотворными: с января 1969 по июнь 1970 года Мхце было опубликовано лишь 13 стихотворений, но это говорит лишь о том, что Керим посылал в газету не все свои сочинения или не все из посылаемых печатались в ней.

Когда я спросил, не трудно ли было ему писать по-абазински, находясь в другой языковой среде, Керим ответил: «Трудность была только в одном: в части, где я служил, не было ни одного абазина. Я очень нуждался в том, чтобы показать кому-то свои сочинения, услышать отзыв о них, но такой возможности у меня не было. Это отчасти компенсировалась нашей газетой. Я очень благодарен тогдашним ее работникам: и Кали Джегутанову, и Бемурзе Тхайцухову, и Джемуладину Лагучеву... За редким исключением они печатали посылаемые мной стихи, а вдобавок к тому высылали мне в часть номера газет с моими публикациями. Это очень связывало меня с моей малой родиной, и я не чувство-

вал себя одиноким, оторванным от нее. И родной язык повсюду сопровождал меня. В то время бывало, что одно письмо матери я писал в течение целой недели, а то и двух. Времени свободного не было вообще. И тем не менее во время утренней пробежки, строевой подготовки, политзанятий – в моем сердце всегда жила поэзия. Поэтому мне и удалось незадолго до окончания службы подготовить и послать в издательство рукопись небольшой книжки» (19, 3).

Второй сборник под названием «Дороги и звезды» был издан в самом начале 1971 года. Отметим, что из 13 опубликованных в газете стихотворений в сборник вошли только три.

Сопоставляя стихи предыдущих лет с теми, что были написаны в армейский период, мы не обнаружим какой-либо кардинальной разницы: и тематика, и проблематика, и образная система, и язык произведений достаточно сходны. Любопытен сам факт того, что в стихах этого времени армейская жизнь никак не отражена. Отсутствие видимых отличий объясняется, вероятно, тем, что жизненный опыт автора, его духовная культура, знания в области теории и техники сложения стихов особых изменений не претерпели. И потому в сборнике встречается немало посредственных произведений, а вот хороших и отличных – единицы. И тем не менее встречаются и они. Лирическая интонация, найденная счастливым образом в стихотворениях «Звезды плывут», «Порог матери моей», «Нежные песни», используется и в произведениях 1968–70 годов: «Помню», «Льетса дождь», «Подруга», «Высветись из-за туч, далекая моя звезда», «Моя мать», «Ах, снова льется дождь»... Но мы начнем свой разговор с совершенно безыскусного стихотворения под названием «Раннее утро». Как и в самых первых стихах, в нем используется описательный метод, когда одна утренняя картинка или сценка сменяется другой:

ЙлашарахитI ажвгIванд –
 Амара гIаргванхитI.
 ЙгIатшкIарырцитI ажвква,
 Ауасаква гIатшкIарырцитI.
 Дтшыжвлын амхыхча
 Архъаква гIамидитI,
 АцIис чкIвынква гъвычIгъвычIуа,
 Йхъахъла йпссгIитI.

(Светлеет небосвод, вот-вот взойдет солнце. Выгоняют коров, овец выгоняют. Объездчик оседлал коня и объезжает поля, щебечущие птички летают над ним.)

И в заключительной строфе эта зарисовка раннего утра, представленная картинами внешнего мира, дополняется чисто бытовой деталью, озаряющей вдруг все стихотворение каким-то внутренним светом:

Мма йгГалгылитГ
Ахш йбахырчуа.
Ацыгвгыг ГагылитГ
ГшапцГнарххвауа.

(Мама вносит парное молоко, и кошка встает, потягиваясь.)

К сожалению, подстрочный перевод даже в малой степени не передает всей безыскусной прелести последних строк. Для всякого абазина, живущего в ауле, картина того, как мать вносит в дом ведро с только что надоенным молоком, ничего поэтического не представляет, для него это очень знакомая бытовая проза. Но строки Мхце делают эту картину живой и зримой, и хорошую услугу в этом поэту оказывает слово «парное». Дело в том, что в русском языке словосочетание «парное молоко» стало устойчивым и никаких эмоциональных чувств не вызывает. По-абазински то же самое звучит совсем иначе: «ахш йбахырчуа» – словосочетание, вызывающее живое представление о том, как от ведра с молоком исходит пар.

Вообще вызывает некоторый внутренний восторг то, что оказалось возможным опозэтизировать такое бытовое явление. В этом плане и сцена с потягивающейся кошкой тоже имеет любопытную особенность. Четырехсложное слово из 12 фонем «тшапцГнарххвауа» (потягиваясь) на фоне коротких строк выглядит длинным. Своим непритязательным эффектом обладает и то, что одно это слово занимает отдельную заключительную строку, тем самым как бы уравниваясь по длине с предыдущими полнокровными строками, что вызывает некие ассоциации с тем, как долго и неторопливо потягивается кошка.

Мы не можем не заметить, что уже в ранний период творчества К. Мхце удается из примелькавшихся обыденных реалий извлечь поэтическую искру, способную придать незамысловатому изло-

жению отблеск новизны, когда предметы и явления предстают уже в преображенном виде.

Данное стихотворение, особенно заключительная строфа, напоминает одно из ранних стихотворений С. Есенина «В хате», где тоже опоэтизирован крестьянский быт. Достоянием поэзии и здесь стали шелуха сырых яиц, квохчущие над оглоблями куры, заползающие в хомуты щенки, старый кот, крадущийся к махотке на парное молоко...

В первое пятилетие творческой практики К. Мхце редко прибегал к стихотворениям малой формы: из 70 рассмотренных произведений этого периода мы обнаружили лишь одно шестистишие и четыре четырехстишия. В 1968–70 годах интерес к ним у молодого автора заметно повышается: из-под его пера выходит одно двустишие, три шестистишия, 13 четверостиший. И основная часть их (четверостиший) представляет собой шутливые зарисовки, юмористические наброски. И эта попытка введения некой веселой ноты в свою поэзию оказывается новой для Мхце данного периода, другое дело, что не всегда она увенчивалась успехом. Обратимся к «Жалобам Иналя»:

Ай, ари пхIвысыргIа, пхIвысыргIа! –
 АнцIра йгъузыкIрым ршIаква.
 УахъыкI сбызнайызтын гIващагIала,
 Щта, йазыруйсIа аугIаква?

(Ох, эти женщины, женщины! Никогда не удастся закрыть им рты. Ну, если однажды по ошибке попал к тебе ночью, какое дело до этого им?)

При всем том, что стихотворение содержит определенный и завершенный смысл, все же структурно оно представляется несколько рыхловатым; ему не хватает емкости, отточенности, полного соответствия формы и содержания. Снижению уровня восприятия миниатюры способствует и ритмический перебив, сказывающийся в том, что стихотворение открывается строкой трехстопного дактиля, а затем переходит в четырехстопный ямб. Эти же недостатки оказываются характерными и для другого четверостишия:

СгъажвгІвым са, момо, зджъкІ рапшта ансимшгги
Сгвы гъызджвджвум аркъала.
Ауаса къахв сымамкІва сгъйымбастІ заджвгги
Бара сбнйийжътара.

(Не пьяница я, нет, как некоторые, не полоскаю водкой сердце ежедневно. Но с тех пор, как встретился с тобой, никто меня не видел, чтоб я не был пьян.)

Понятно, что стихотворцу хотелось высечь поэтический пламень из столкновения двух состояний: быть пьяным от водки и быть пьяным от любви. И в этом действительно есть свое зерно, своя искра, но она не вспыхивает должным образом и не придает стихотворению необходимый поэтический уровень. Оно оказывается слабо сработанным, и в первую очередь слабость эта сказывается в недостаточности лаконизма миниатюры; автор не умеет сжать свою мысль и выразить ее точными и емкими словами, в результате чего достойная поэтическая находка оказывается выраженной недостаточно эффектно. Помимо того и здесь, как и в первом четверостишии, наблюдаются формальные погрешности: если первая и третья строки представляют собой пятиударный тактовик, то вторая создана в размере трехстопного хорая, а четвертая – в размере двустопного амфибрахия. Такой метрико-ритмический разнобой в пределах четырех строк, конечно, не способствует улучшению впечатления от стиха.

Приблизительно в таком же ключе выполнено и посвящение «К.», где автор выражает свои шуточные опасения по поводу того, что зеркалу, к которому девушка ежечасно подбегает прихорашиваться, надоеет и оно покажет героине обезьяню мордочку. Наиболее удачной из миниатюр представляется «Богиня»:

МшкІгги гъзымгатІ алахІ сгвы дтата,
ЙыгъызсымраутІ зынги сынцІра,
Ауаса балзарквныз ба нчвата,
СбдинкъвгагІвхарын бара.

Вместо подстрочника представим вполне адекватный перевод, выполненный московским поэтом Андреем Галамагой:

Аллаха мое сердце не искало,
 Душою от рожденья не был с ним.
 Но, если б ты богинею предстала,
 Я б сразу стал священником твоим.

Здесь мысль выражена четче, яснее. Созданию наибольшего эффекта способствует некое противоречие, как бы взаимоисключающие друг друга две позиции лирического героя, когда он, с одной стороны, – атеист, не признающий бога, а с другой, – готов стать служителем культа, если в качестве богини явится любимая.

Очевидно, что все эти шуточные зарисовки отмечены авторскими находками, в них присутствует поэтическая мысль, но стихотворец еще не умеет отточить ее как следует и воплотить в строгие и совершенные формы.

Первая неудачная попытка создания сатирического произведения Мхце относится к 1966 году, когда он в антирелигиозном стихотворении «Милосердие» в резко сниженном свете выставил образ Аллаха с трясущейся редкой бородкой. К жанру сатиры автор обратился еще раз в четверостишии о представителе золотой (в буквальном смысле) молодежи:

Йпыцквaгъи хьaпщI, йсaхIaтгъи хьaпщI,
 Йхьaпщ ьaтлын дугъи тшыкI йaпсaпI.
 Ауи йлaктaгъи йквшырaгъи хьaпщI...
 ЙызчIву йaкIвымкIвa, зымIвa хьaпщ цкьaпI.

(И зубы у него золотые, и часы – золотые, и большой золотой перстень стоит коня. И лицом и одеждой он весь золотой... За исключением самого обладателя, все – из чистого золота.)

И данная миниатюра страдает теми же погрешностями и недочетами, что отмечались выше: желание молодого автора столкнуть блестящий вид юноши с несоответствующим его внешнему облику внутренним миром не совсем удалось вследствие многословия. Свойственная миниатюре метрическая неопределенность, выраженная в смешении дольниковых и тактовиковых строк, тоже не способствует повышению уровня стиха.

Небезынтересен тот факт, что молодой поэт осознавал слабость своих произведений и был не удовлетворен ими. По этому поводу он признавался: незрелую песню выпускаю из груди

(«суарад йымшвыс гатысциттI ствы» – «Подошел к яблоне с густой зеленой кроной...»). С другой стороны, возможно, он понимал, что, не испытывая свое перо, не практикуя его, не переболев болезнями роста, вряд ли можно обрести мастерство, создать совершенные произведения.

Наибольшего успеха, на наш взгляд, в стихах малой формы К. Мхце добивался тогда, когда наполнял их философским содержанием. Автору было не более 20–21 года, когда он писал:

ХIхъалитI абыхъв щымтахъата,
ХIцитI апшыхъ цкъа хIгIанаршыцуа,
Ари йкъахву хIымшгъи цата
Зны хIшгIалбгIахуаш хIазымхъвыцуа.

(Поднимаемся на гору утром рано. Идем, обновляемые чистым ветром, не задумываясь о том, что пройдет этот бодрый день, и нам придется спуститься обратно.)

Стихотворение, на первый взгляд, ничего особого не представляет и рисует молодых людей, бодро преодолевающих горные склоны. Но картина эта имеет метафорический характер и философский подтекст: обычная гора трансформируется в гору жизни, и первая часть отведенного человеку срока уходит на подъем, преодоление крутых уступов, а вторая – на спуск. Причем молодой автор концентрирует внимание на том, что во время «утра жизни», переполненного бодростью, верой в себя и в лучшее, никому не приходит в голову задуматься о том времени, когда придется спускаться с покоренных вершин. Мысль о том, что надо бы заблаговременно подготовиться к тому, что свершится во второй половине жизненного пути, является главной. И удивляет то, что в столь раннем возрасте автор уже всерьез относился к тому, с каким багажом покорит он вершину жизни и с чем будет спускаться с нее.

Философское осмысление жизни продолжается и в четверостишии «Предки наши веровали в рай»:

АпхъанчIвиква йайгвгъун аджъанат,
ЙырхалакIгъи, йгъалрымщгуазтI рхъвыцра.
АугIаква угIарылахарныс – рыцIа
Йшбаргву гърымдырузмищтI ауат?

(Предки наши веровали в рай. Что б они ни делали, их мысли были обращены к нему. Неужели они не понимали, что человеку труднее остаться среди людей?)

В подстрочном переводе поэтическая мысль, к сожалению, размывается, теряет ясность и очерченность. А она такова, что предки, чем бы они ни занимались, соотносили все свои дела и начинания с возможностью попасть в рай, приблизиться своими деяниями к загробному блаженству. Поэта же волнует не вопрос о вечном блаженстве в райских кущах, а возможность остаться в памяти людской исполненными при жизни делами.

В рассматриваемый период у Мхце обнаруживается несколько стихотворений, четко разделенных на две части. В первой из них, как правило, речь идет о событиях или явлениях, происходящих во внешнем мире, а во второй намеченная тема так или иначе преломляется в личной судьбе лирического героя. Возьмем, к примеру, следующее четверостишие:

Йтшы штшайрышщуш дгъазхъвыцуам ачкІвын –
 Йбзибара дылзыпсгІитІ ауи, йгвы сачІуа.
 Сгвы штшасрышщуш сгъазхъвыцуам сара –
 ЙстахъпІ ауысара апны снадзара.

(Юноша не думает о том, чтобы дать отдых коню, – с пылающим сердцем летит он к любимой. Я не думаю о том, чтобы дать отдых сердцу, – хочу достичь поэзии.)

Нельзя сказать, что четверостишие обладает какими-либо особыми поэтическими достоинствами. Нет, это – декларация, прямолинейное выражение желания героя достичь поэтических вершин. И эта мысль оттеняется фоном мчащегося на горячем скакуне наездника. Параллелизм помогает перенести и на лирический субъект степень горячности, самозабвенной устремленности к предмету обожания.

Двучастность, параллельное развитие двух сюжетных линий можно рассмотреть и на других примерах. Так, в первой половине стихотворения «Подошел к яблоне с густой зеленой кроной...» выводится образ мальчика, набивающего себе оскомину незрелыми плодами, а во второй эта ситуация переносится на героя, незрелыми песнями набивающего оскомину слушателям. Еще в одном стихотворении («Где ты?») мальчик-рыболов закидывает удочку

«СЮДА ПРИШЕЛ Я, ЧТОБЫ ЗДЕСЬ ОСТАТЬСЯ...»

на середину реки в надежде поймать золотую рыбку, во второй же части удочку на середину *реки раздумий* забрасывает уже сам герой, чтобы выудить лучшее свое творение.

Отметим, что в последнем случае образ героя-лирика достаточно органично вписывается в ткань произведения, и он бы оказался не столь удачным и завершенным без предшествующей части, которая помогает зримо представить себе стихотворца, забрасывающего удочку в реку собственных раздумий.

Из стихотворений двучастного плана наиболее совершенным мы считаем «Когда солнце нагревало землю...», состоящее из двух трехстиший, построенных идентично:

Амара йангІанаршуаз ачІвыла,
Ащхъа дзыхъ йхъшвашву, йцкъу адзыла,
ЙцІасыршвкІвалуа, йызджвджвалун сшІахъа.

Сбазара ангІагылрыз шуара чІвыхъта,
Быбра пшкала, йспхъадзауа щхъа дзыхъта,
ЙцІасыршвкІвалуа, йызджвджвалун сшІахъа...

Вместо подстрочника воспроизведем перевод А. Галамаги, который представляется довольно удачным:

Когда мир под солнцем раскалялся,
я водой холодной умывался,
что ручей с высоких гор принес.

Когда в жизни было вдруг неладно,
я, как будто бы в ручей прохладный,
окунался в шелк твоих волос.

И здесь мы наблюдаем две лирические картинки: в первой из них юный герой во время жары охлаждает свое лицо, опуская его в холодный горный ручей, а во второй он же в дни горячей влюбленности опускает свое лицо, как в горный ручей, в волосы любимой... И это было явлено лаконично, без излишеств; миниатюра обрела завершенный характер, в ней все уместно, образы цельны и поэтичны. Но в первую очередь привлекает, конечно, воображение молодого поэта, умеющего осязаемо представить закончен-

ную лирическую картину. Оригинальное звучание стиху придает и то, что оно было написано редкой для абазинской поэзии формой строфы – трехстишием, в котором первые две строки каждой строфы создают парную рифму, а третья строка первой строфы рифмуется с третьей строкой второй строфы.

Само название сборника «Дороги и звезды» выделяет и обозначает главные мотивы стихов 1968–1970 годов, поэтому остановимся на них кратко.

Мотив пути становится ведущим и в произведениях данного периода. В финале стихотворения «Малая Кува» лирический герой, обращаясь к родному аулу, признается: «ЙгIасутыз счкI-вынхъа сджвыквнагатI сара» (подаренная тобой юность повела меня), а в стихотворении «Дни укорачиваются на глазах» тот же герой констатирует, что дорога его удлиняется все более и более («сымгIва ауырахитI рыцIа-рыцIа»).

Если ранее лирического субъекта ожидали мать и родной порог, то в стихах 1968–1970 годов возникает иной образ, выполняющий ту же функцию, – возлюбленная, но и ей герой не может обещать ничего утешительного: «Долго ли придется тебе ожидать, – я не знаю, всю жизнь ли придется тебе ожидать, – я не знаю» («Дни укорачиваются на глазах»). Герой уже в начале пути осознает, что нелегкая дорога, избранная им, – пожизненна, и она не сулит ни покоя, ни уюта, ни семейного счастья. Подтверждением этой мысли, усилением и даже наполнением ее трагическим смыслом выступают заключительные строки стихотворения «Вот снова...»:

СнабыхIвахиттI, сбмыркъванчан, о сбзибара,
Стшы йахъазыта йгIайхырквын мшкIы.

(Прошу тебя, любовь моя, не вини меня, если однажды конь мой возвратится один.) Таким образом, лирический субъект не исключает возможности того, что на этом пути он может сложить голову.

Герой К. Мхце не просто пускается в путь, им овладевает убыстряющийся темп, будто он боится, что не сможет одолеть свою поэтическую дорогу за отпущенный судьбой срок. И этот мотив ускорения впервые обнаружился в стихотворении «Вот снова...»:

Абар йатаркІвах сджвыквылхитІ, слашара,
ХъамкІххла датша дгъыл хъатакІла сцитІ

(Вот снова пускаюсь в путь, моя светлая, *неудержимо* иду в другую сторону земли).

Подчеркнем: «хъамкІххла» – значит *неудержимо*, так быстро, что невозможно удержать человека, пустившегося в дорогу. Этот же мотив со всей очевидностью проявляет себя и в стихотворении «Малая Кува»:

Саргьи *сгъжсважвитІ*, сцитІ зджъара хъарата,
Ашахв ахъбахІызгІайлауа счІвырхъитІ

(И я *тороплюсь*, шагаю вдаль, иду в сторону, откуда приходит к нам заря). Обратим внимание, что в данном случае дается конкретное определение направления пути: в сторону зари.

У абазин «север» обозначается словом «лагъбы», «юг» – «ГІвадахъы». В смысловом плане русские и абазинские слова адекватны друг другу. А вот «восток», например, с абазинского переводится как «место восхода солнца» («амарагІатшкІларыцІырта»), а «запад» – «место заката солнца» («амараташварта»). И поэтому совершенно не случайно, что лирический герой шествует в сторону зари: абазинский вариант «востока» дает поэту возможность обыграть образ, обогащая семантику, превращая его в символ, олицетворяющий свет вообще. Таким образом, герой шагает не просто на восток в географическом смысле, а в сторону света.

Образ звезды в творчестве К. Мхце впервые возникает в стихотворении 1966 года «Звезды плывут»:

ТшгІащгІнажватІ сыгвгьи, йгІакІых!
АжвгІванд амгІва тыбгІаквала
Йджвыквылын *сыйачІва* йазцитІ

(Сорвалось мое сердце, попробуй удержи! Пустилось по широким небесным дорогам и идет к моей *звезде*).

В данном случае метафорическим смыслом наполняется не только образ сердца, но и звезды – воплощения высокой цели жизнедеятельности героя. Эту же символическую функцию данный образ выполняет и в стихотворении «Слова жизни», где эти

самые слова, вдохновляя, заставляют задумываться, ведут лирического субъекта к его *далекой звезде*: «Ауат сдыргвышхвауа, сдырхъвыцуа / СазыргитI *сыйачIва хъара*».

В стихотворении «Юность» смысловое наполнение звезды становится несколько иным: она олицетворяет судьбы юношей и девушек, окончивших школу и собирающихся вступить в большую жизнь: «Чакъ гъазхIымам йшаквшвуш хIтахъыра, / Сквшызкъ йшымчвуаш *хIыйачIва хъара*» (Мы не сомневаемся, что все наши желания исполнятся, что тысячу лет не погаснет наша *далекая звезда*).

То, что свет звезды не погаснет в течение тысячелетия, говорит о вере молодых людей в то, что жизнь будет благоприятствовать им очень долго, почти нескончаемо.

На первом ученическом этапе звезды в стихах Мхце упоминаются шесть раз, а на втором использование лексемы «звезда» увеличивается почти втрое – 17 раз. Это не случайность: символический образ звезды для молодого поэта данной поры становится одним из ведущих, семантическое поле, связанное с ней, расширяется. В первую очередь она воплощает в себе переживания самого лирического героя: «ЙГаншаз *гъазвынгIвуам айачIва чIыхвгъи*» (случившегося *не понимает* и синяя звезда), «АйачIва *нашхыйа гIакIашван / Адзын ахIвра хъапщ апны тшарыдзхитI*» (упала *грустная* звезда и спряталась в золотой осенней траве). С другой стороны, звезды пленяют героя, словно живые существа: «Сзыргъарта тшызрыдзхыз агIвыйачIва бзакI» (пленившие меня и исчезнувшие две живые звезды), они волнуют его сознание, беспокоят мысли: «АйачIва хъшвашваква, швнурцкъа тыртырквала / Схъвыцра нашхыйа гъшвыртынчуам швара» (звезды холодные, ваши трепещущие лучи не дают покоя *грустной мысли* моей).

Еще отчетливее связь между звездами и тревожным состоянием лирического героя обнаруживается в стихотворении «Что это за голоса нахлынули на меня среди ночи?..»:

Швара швбжъы акIвма са цIыхквта йгIасгвыквгIвыз,
Сгвы змыртынчуа йджвыквызгаз пшгIара?
АйачIваква – сгвыгъараква йсыгIвсыз,
Схъвыцра пшаква, йсчвыгIанхаз зджъара

(Это ваши голоса нахлынули на меня среди ночи, выводите на поиски, не давая покоя моему сердцу? Звезды – прошедшие мои надежды, нежные мысли мои, оставшиеся где-то).

Звезды оказываются тем беспокойным, будоражающим душу элементом, вынуждающим лирического героя пускаться на поиски даже ночью, они становятся олицетворением надежд его и дум. Попутно обратим внимание на пессимистическую ноту: о прошедших надеждах и оставшихся позади нежностях говорил молодой человек не старше 20–21 года.

В июне 1970 года К. Мхце публикует стихотворение «Высветись из-за туч, далекая моя звезда...» (в скобках заметим, что эпитет «далекая» по отношению к звезде в поэтике Мхце данного периода становится обычным явлением), в котором лирический герой с мольбой обращается к скрывшейся в тучах звезде:

УгІалкІкІгІах апстхІва, сыйачІва хъара.
УгІайта угІаквчІвах псайсна снаІсыргвыцІа.
Ствы ура йшузыбжу рыцІа-рыцІа
ЙгІаснардыритІ хьагІакІла сара

(Высветись из-за туч, далекая моя звезда, приди и тихо присядь на мою ладонь. То, что сердце мое нуждается в тебе все более и более, мне подсказывает моя боль).

Звезда и здесь несет метафорический смысл. В этом убеждает факт непосредственного обращения к ней, как к живой, то, что сердце героя осознает жизненную необходимость этой спрятавшейся в тучах звезды. А что конкретно воплощено в ней, приоткрывает последующий текст:

Ашва пшката угІалалхта сынцІра,
Уа угІархъадзгылх суыса шІыцква ргара.
Йыгъуымбума ствы шшшгІауа, слашара?
УгІалкІкІгІах апстхІва, сыйачІва хъара.

(Нежной песней влейся в жизнь мою, встань над изголовьем колыбели новых моих стихов. Неужели ты не видишь, мой свет, как блуждает в поисках мое сердце? Высветись из-за туч, далекая моя звезда.)

Как свидетельствует вторая строфа, звезда выступает своеобразной вдохновляющей силой, покровительницей, способной влиять на молодого поэта позитивно или негативно в зависимости от того, сияет она или прячется в тучах. Этот момент становится самой важной частью стиха: лучшие мечты и чаяния лирического субъекта связаны с поэзией, и когда она лишается вдохновляющего света звезды-покровительницы, рушатся высокие помыслы, и сердце, выражая боль, мечется в поисках. Именно поэтому, чтобы не страдала поэзия, чтобы она обрела необходимую высоту полета, и умоляет герой звезду не лишать его путеводительного своего сияния.

В рецензии на сборник Керима «Дороги и звезды» Б. Тхайцухов с удовлетворением отмечал видимый творческий рост автора, его углубляющееся мышление, расширяющийся взгляд на жизнь: «Стихи Керима Мхце, как правило, невелики по объему, но в каждом из них обнаруживается глубокая мысль. Это – осязаемый успех молодого поэта»⁴¹.

Отметим тот факт, что за первые девять лет приобщения К. Мхце к поэзии в национальной периодической печати появилось пять положительных, ободряющих, свидетельствующих о растущем даровании молодого стихотворца отзывов.

Литературный институт

Керим вспоминал: «Мне повезло в одном: я служил в Московском военном округе, а на второй год меня перевели в часть, расположенную в самой Москве. И вот я чувствовал, что где-то здесь находится Литературный институт, в который я стремился всей душой. И то обстоятельство, что можно выйти из части, сесть в троллейбус или вагон метро и доехать до института, подбадривало и воодушевляло меня. И вот к концу службы (в конце февраля – начале марта 1970 года) я взял увольнительную и отнес свои стихи с подстрочным переводом на творческий конкурс Литинститута. Там такая система: прежде чем сдавать вступительные экзамены, ты должен пройти творческий конкурс, состоящий из трех туров. В комиссии, как правило, сидят известные поэты, писатели, лите-

⁴¹ Тхайцухов Б. «Дороги и звезды» // Коммунизм алашара. – 1971. – 13 фев.

ратуроведы. И только те, кто прошел этот конкурс, допускаются к экзаменам. В год, когда я поступал, на одно место было подано свыше 200 заявлений. После первого тура мне сказали, чтобы я готовился к экзаменам. Прошли и следующие два тура. И вот через какое-то время в часть, где я служил, пришло извещение о том, что я прошел творческий конкурс. Теперь нужно было сдавать вступительные экзамены, и командование, благодаря тому, что я был не на плохом счету, пошло мне навстречу и разрешило принимать в них участие. Командир роты оставлял мне ключи от канцелярии, и ночью, после отбоя, я заново изучал нужный мне учебный материал. Через три года после школы, конечно, многое забывается. Тогда мы сдавали пять экзаменов: сочинение, русский язык, литературу, историю, иностранный язык. Я готовился добросовестно и первые четыре сдал на отлично. Я прямо в военной форме и ходил на экзамены. Остался последний – немецкий. Я начал повторять школьный курс, и тут меня взяло сомнение: одолею ли? До экзамена оставалось два-три дня, а я практически ничего не помню⁴². Но вот и день последнего испытания настал. Я вошел. Мне дали текст для перевода. Смотрю на него – и ничего не смыслю. Мне дали словарь, сижу, листаю его... Ну не сидеть же целый день. Вызвали меня. Сел я и стал отвечать из рук вон плохо.

Экзамен принимали мужчина и женщина. Когда я закончил, мужчина взглянул на женщину и произнес: “Фир”. Я забыл, что “фир” по-немецки “четыре”, почему-то подумал “два” и поблелел. Женщина в ответ согласно кивнула: “Я, я”, – и стала заполнять экзаменационный лист. Я затаил дыхание и слежу за ее ручкой. Смотрю, она выводит “4”. Я не мог поверить: как во сне... Встал и неуверенно пошел к двери...⁴³

Потом я понял: это были люди неравнодушные, участливые к чужой судьбе, и если они были в состоянии оказать кому-то по-

⁴² В личном деле студента К.Л. Мхце есть справка, выданная 4 июля 1967 г. и подписанная Г.Д. Латоковой: «Дана Кериму Мхце в том, что он действительно закончил десять классов в областной национальной школе-интернате и немецкий язык изучал в объеме восьми классов» // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 2.

⁴³ Впоследствии Кериму придется изучать немецкий язык по вузовской программе с первого по четвертый курсы. По этому предмету он сдал четыре зачета и три экзамена. Все экзамены – на отлично // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 35–42.

мощь, они такой возможности не упустили. Так вот мне посчастливилось» (19, 3).

Таким образом, еще не сменив военную форму на гражданскую, Керим оказался студентом Литературного института имени А.М. Горького. Приказ о зачислении в институт вышел позднее, и он гласил: «На основании результатов творческого конкурса и вступительных экзаменов ЗАЧИСЛИТЬ с 1 сентября 1970 года на I курс дневного отделения следующих товарищей:

Поэзия

10. Мхце Керима Леонидовича.

ОСНОВАНИЕ: Решение Приемной комиссии Литературного института от 11 августа 1970 года»⁴⁴.

Окончание сдачи вступительных экзаменов совпало с увольнением в запас, и Керим с легким сердцем поехал домой в конце июня, женился тем же летом и к началу учебного года вместе с женой вернулся в Москву уже в качестве студента.

Он был определен на семинар поэзии, которым руководил известный литературовед А.А. Михайлов, автор крупных монографий по творчеству В. Маяковского. Античную литературу вела профессор А.А. Тахо-Годи, зарубежную литературу XVII–XVIII веков – профессор С.Д. Артамонов: они тогда являлись авторами учебников, по которым обучались студенты филологических специальностей в вузах всей страны. Советскую литературу преподавал проректор института по учебной и научной работе А.М. Галанов, основы театрального искусства – ректор В. Пименов, зарубежную литературу средних веков и эпохи Возрождения – В.А. Дынник, специализировавшаяся на провансальской лирике: на лекциях она читала стихи на французском языке и тут же приводила собственные переводы. Это не просто впечатляло – восхищало!

Воздействовала и сама демократическая атмосфера, царившая в стенах института. «Сопоставлять интеллектуальный и культурный уровень преподавателей с нашим – смешно. Между нами была огромная разница, и при этом они обращались к нам как к равным, уважительно, как бы советуясь. Для меня это имело большое значение, и потому я признателен им душой и сердцем до конца своих дней» (19, 3).

⁴⁴ Выписка из приказа по Литературному институту им. А.М. Горького СП СССР № 150 от 11 августа 1970 г. // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 1.

О руководителе поэтического семинара Александре Алексеевиче Михайлове Керим отзывался так: «Был человеком большой культуры. Семинары его были удивительны. Он очень много дал мне. Он, как из пластилина, вылепил из меня то, что я сейчас собой представляю. При всей эрудиции Александр Алексеевич был очень скромен. С 17 лет принимал участие в Отечественной войне, обе стороны груди были увешаны орденами и медалями. А мы ничего не знали, только на выпускном вечере и увидели. До сих пор интересуется нами, следит за своими питомцами. Когда меня приняли в Союз писателей, специально позвонил по телефону, чтобы поздравить, а я-то про него совсем забыл...» (19, 2).

Первую зимнюю сессию Керим сдал довольно слабо: две четверки (новая и новейшая история, древнерусская литература) и две тройки (античная литература, введение в языкознание). Следующую, летнюю, – уже значительно лучше: введение в литературоведение, русскую литературу XVIII века, зарубежную литературу средних веков и эпохи Возрождения – на отлично, а историю СССР и современный русский язык – на хорошо. И далее экзаменационные отметки держались на этом же уровне, хотя изредка в зачетную книжку пробирались и удовлетворительные оценки.

В феврале 1971-го исполнился год, как Керим еще в армии стал кандидатом в члены КПСС. И вот по истечении испытательного срока в стенах Литинститута он был принят в партию. Уже со второго курса он входил в состав партбюро института, являлся секретарем студпрофкома⁴⁵.

К концу первого курса Кериму была дана письменная характеристика, подписанная парторгом, профоргом и старостой группы: «Мхце К.Л., член КПСС, за время учебы в институте зарекомендовал себя серьезным, добросовестным студентом, к учебному процессу относится ответственно, активно участвует в работе семинаров и практических занятий. Много читает, аналитически следит за событиями в жизни страны, интересуется жизнью трудящихся зарубежных стран. Активно участвует в жизни коллектива, является членом стипендиальной комиссии, членом народной дружины. В быту скромн, морально устойчив. 12.5.71»⁴⁶.

⁴⁵ Общественная характеристика на члена КПСС Мхце Керима // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 6.

⁴⁶ Характеристика // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 4.

Тогда же отзыв на своего студента написал руководитель семинара А.А. Михайлов: «Несмотря на свою молодость (ему 22 года), Керим Мхце издал две небольших книжечки стихов на абазинском языке. К поэзии относится серьезно. Его недостаток в том, что он рано “помудрел”, очень хочет казаться старше своих лет, боится выразить себя молодого, страстного, сегодняшнего. К этому я и призываю Керима. А все остальное у него есть. Доверие к себе и к темам современности может вывести его на большую дорогу поэзии. Заслуживает перевода на 2 курс. 20.05.71»⁴⁷.

Такой же отзыв Михайлов дал Кериму и после окончания второго курса: «Серьезный студент. Кажется, даже несколько замкнутый в себе, редко выступает на семинарских занятиях, только по поручению. По сравнению с прошлым годом заметно некоторое движение по преодолению традиционности, локальности, образной и тематической ограниченности. Шаги в этом направлении сделаны еще робкие, но обдуманые. Пытается переводить на русский язык свои стихи и стихи товарищей. Речь идет о художественных переводах. Пока оценивать их воздержусь. Заслуживает перевода на 3 курс. 11.05.72»⁴⁸.

На третьем году обучения Керим написал курсовую работу по теме «Традиция и современность в творчестве абазинского поэта Микаэля Чикатуева». Рецензируя ее, проректор по учебной и научной работе А.М. Галанов писал: «Это очень добросовестная и искренняя работа, содержащая немало серьезной информации относительно проблем, какие стоят перед абазинской литературой, да и, видимо, перед литературами других малых народов. К. Мхце откровенно пишет о своих тревогах насчет судьбы родного языка и судьбы своей литературы, которая возникла лишь в советское время и которой, как он пишет, надо совершить почти невероятное – за кратчайший срок догнать литературы других народов. В рассуждениях автора немало спорного или же прямолинейного, и все же его тревоги и опасения, видимо, основательны, и о том ему было подробно сказано, когда была беседа о достоинствах и недостатках этой его работы. Приятно отметить

⁴⁷ Керим Мхце // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 5.

⁴⁸ Керим Мхце // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 7.

хорошие, уверенные знания автором русского языка: он допускает совсем немного не только орфографических, но и стилистических ошибок и огрехов»⁴⁹.

Заслуживает внимания и тот факт, что в следующем году темой курсовой работы Керим избрал для себя стих раннего Маяковского. Выбор удивляет тем, что пролетарский поэт никогда не числился среди его любимых авторов и в своих творческих исканиях он на него не ориентировался, хотя нужно признать наличие некоторых переключек лирического героя Мхце с героем Маяковского⁵⁰. Значит, Керима что-то в нем все же привлекало, чем-то Маяковский ему был дорог и интересен.

Работу проверил доцент Бирюков, и 26 декабря 1973 года им был выставлен зачет. Отзыв его, правда, оказался довольно сух и лаконичен: «К теме подходит правильно. В работе много материала. Излагает логично. Умеет рассуждать, доказывать свои положения»⁵¹.

Отметим и следующие вехи в студенческой жизни Мхце:

– с 20 по 23 ноября 1972 года проходил производственную практику в г. Туле, где вместе с другими сокурсниками принимал участие в литературных встречах с трудящимися предприятий и жителями города⁵²;

– немногим ранее он вместе со студентом С.А. Луцким побывал в Германской Демократической Республике в составе делегации Литинститута⁵³. Возглавлял группу Юрий Бондарев, автор известных романов «Горячий снег» и «Берег»;

⁴⁹ Рецензия на курсовую работу студента 3 курса Керима Мхце на тему «Традиция и современность в творчестве абазинского поэта Микаэля Чикатуева» // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 14.

⁵⁰ Чекалов П. Традиции Маяковского в абазинской поэзии // Маяковские чтения. – Грозный, 1990. – С. 85–86.

⁵¹ Рецензия на курсовую работу студента 4 курса Керима Мхце на тему «О стихе раннего Маяковского» // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 19.

⁵² Выписка из приказа по Литературному институту им. А.М. Горького СП СССР № 224 от 17 ноября 1972 г. // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 11.

⁵³ Выписка из приказа по Литературному институту им. А.М. Горького СП СССР № 226 от 21 ноября 1972 г. // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 12.

– с 5 апреля по 30 июня 1974 года прошел преддипломную учебно-производственную практику в отделе культуры абазинской газеты «Коммунизм алашара» («Свет коммунизма»)⁵⁴;

– 13 марта 1975 года под руководством доцента А.А. Михайлова выполнил и с оценкой «отлично» защитил дипломную работу на тему «Когда проснутся белые акации»⁵⁵;

– 3 июня того же года сдал государственный экзамен по марксистско-ленинской философии с оценкой «хорошо», а через неделю – второй госэкзамен по русской и советской литературе (тоже на хорошо)⁵⁶;

– и уже 20 июня вышел приказ по Литературному институту, подводивший итог пятилетнему сроку обучения: «Считать окончившими Литературный институт им. А.М. Горького СП СССР с присвоением квалификации “литературный работник” и выдачей обычных дипломов следующих студентов:

21. Мхце Абдул-Керима Леонидовича⁵⁷».

За годы обучения в Литинституте Керим изучал историю СССР, новую и новейшую историю зарубежных стран, историю КПСС, политэкономия, основы научного коммунизма. Была пройдена вся зарубежная литература, начиная с античной и заканчивая современной, вся русская литература от фольклора и древнерусской до второй половины XX века. Важное значение имели теоретические курсы: введение в литературоведение, теория и практика стихосложения, драмы, художественной прозы и перевода. В программе свое прочное место занимали языковедческие курсы: история русского литературного языка, введение в языкознание, современный русский язык, практическая стилистика, теория и практика редактирования. Большую роль в расширении культурного кругозора играли также дисциплины по основам музыкального, изобразительного, театрального искусств,

⁵⁴ Выписка из приказа по Литературному институту им. А.М. Горького СП СССР № 54 от 15 марта 1974 г. // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 21.

⁵⁵ Зачетная книжка // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 46.

⁵⁶ Зачетная книжка // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 45.

⁵⁷ Выписка из приказа по Литературному институту им. А.М. Горького СП СССР № 182 от 20 июня 1975 г. // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 32.

кинодраматургии и киноискусства. Всего было освоено 45 дисциплин, из них только четыре были сданы на удовлетворительно, две из них – языковедческого направления. Судя по приложению к диплому, Мхце получил зачеты по 21 предмету, спецкурсу и семинару, 11 хороших и 9 отличных оценок⁵⁸. Помимо того им были сданы государственные экзамены по марксистско-ленинской философии, русской и советской литературе, защищена дипломная работа по творчеству.

Керим Мхце в воспоминаниях друзей студенческой поры

Ногайский прозаик Иса Капаев, друг и сокурсник Керима, вспоминает, что на первых порах Керим был замкнут и сдержан. «Сказывалось и то, что он пришел из армии, где вступил в партию, а коммунистов литинститутская среда не приветствовала. Первые два года к нему как бы присматривались. Мы чувствовали эту замкнутость и все время говорили ему: “Ну что ты? Веди себя проще”. Он знал, что нельзя все выставлять напоказ. И вообще в нем много было горского» (11).

Со слов того же Капаева, внутренняя раскрепощенность в Кериме наступила где-то на третьем курсе благодаря общению с кавказскими ребятами, учившимися и проживавшими с ними в общежитии. Это кумык Атав Атаев, лакец Казбек Мазаев, чеченец Вахид Итаев, абхазы Рауф Эбжноу и Гена Аламиа. В своих воспоминаниях Иса воссоздает атмосферу студенческого мира: «Что ни говори, а жизнь в общежитии была буйная. Мы с Атавом любили “наводить порядок” на своем этаже, вмешивались во все дела, устраивали разборки. Особенно Атав. Он был энергичным, эмоциональным, реагировал на все, считал себя поборником добра и справедливости, любил веселье, был организатором многих вечеринок, играл на гитаре и пел свои песни. Керим был человек тихий и застенчивый, но его уважали все.

⁵⁸ Приложение к диплому // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 26.

Мы с Атавом, иногда к нам приставал и Казбек, часто подтрунивали над Керимом, в основном из-за его влюбчивости. Да и девушки часто влюблялись в Керима. Несмотря на свою сутуловатость, внешне он был привлекательным молодым человеком. Размолвки с девушками переживал глубоко и долго не мог решиться оборвать связь с поднадоевшей пассией. Его попытки избежать преследовавших его девушек нас раздражали, и из-за того, что не мог резко дать от ворот поворот, он становился объектом наших подтруниваний. Но это продолжалось недолго, в один момент Керим взрывался и посылал ко всем чертям и девушку, и нас. А нам только этого и надо было. Мы радовались и тому, что допекли своего друга, и тому, что он наконец разорвал обременительную для себя связь...»⁵⁹

Касаясь отношения Керима к занятиям, Капаев говорит: «Учился как все. Особых стараний не было. У нас у всех не было особых стараний. Для нас главное было творчество и семинары по творчеству. Мы готовились к ним, посещали, переживали за результаты... Керим был довольно начитанным и до Литинститута. Видно, ему достаточно было прочитать немного, и у него складывалось представление...» (11).

«Учился неплохо, – констатирует абхаз Рауф Эбжноу, – но больше внимания уделял творчеству. Он оставлял впечатление настоящего поэта, зрелого творческого человека. Понять все тонкости я не мог, но суть все равно улавливал. Он часто читал стихи на абазинском и русском во время дружеских вечеринок, застолий. Читал задорно. Он от природы был талантливый человек, просто так ничего не писал. Он выделялся среди сокурсников, от него исходило тепло. Он был нестандартный, аккуратный, опрятный, выглаженный, выбритый...» (39).

«Он был поэт и много читал поэтов, – отмечал Вахид Итаев. – Одним из его любимых был Гарсиа Лорка. Это я запомнил, потому что он, читая Лорку, качал головой и говорил: “Клянусь Эльбрусом, этот парень был абaziном. А как он попал в Испанию, не понимаю!” Еще я помню, как он мне читал Бодлера, его “Альбатроса”. Словом, он весь был в поэзии. По моей просьбе читал мне стихи на абазинском языке» (10).

⁵⁹ Капаев И. Воспоминания о поэте Кериме Мхце // Мониста. – М.: Голос-Пресс, 2008. – С. 210.

«То, что он гениальный поэт, – в этом никакого сомнения, – говорит Геннадий Аламиа. – Я знал его стихи. Он великолепно читал, необыкновенно. Он был притягательным. У нас был маленький институт, и было видно, кто к кому как относится. Вокруг него никогда не было пустоты. Единственный момент, когда его достать было нельзя, – это время творчества: запирался и писал» (4).

Когда я поинтересовался у Исы Капаева, из чего складывалось впечатление о Кериме как поэте, ведь в институте никто абазинского языка не знал, тот ответил: «Во-первых, Керим писал и на русском. В меньшей степени, чем на абазинском, но все же. Во-вторых, мы тогда обращали внимание не только на тексты, но и на все, в чем мог выразиться талант: образ мышления, поведения, гражданская позиция, речевые обороты, высказывания о литературе и литераторах, представления о жизни... Вот из всего этого и складывался образ. Ну, все чувствовали, что он поэт. Поэтическая натура его проявлялась довольно зримо» (11).

Возможно, в силу обозначенных причин уже на втором курсе издательство «Современник» (не без участия А.А. Михайлова) решило издать переводной сборник стихов Мхце на русском языке. Естественно, Керим с радостью воспринял такое известие и предложил в качестве переводчиков своих сокурсников, знакомых с его мировоззрением, поэтической манерой, стилем, но издательство отказалось, сославшись на то, что у них есть свои профессиональные переводчики. Но на деле «профессионалы» оказались литературными шабашниками. Когда перед изданием сборник передали автору для утверждения в печать, тот своих стихов просто не узнал. Это была откровенная халтура, и Керим отказался выпускать их под своим именем.

– Как так? – удивились в издательстве. – Мы заключили договор с переводчиком, уже выплатили 60% аванса. Как мы это теперь закроем?

– Это не мое дело, – твердо заявил Керим.

К делу подключили руководителя семинара:

– Что ты теряешь от издания? Пусть выпускают. Потом, когда встанешь на ноги и обретешь известность, будешь выставлять свои условия.

Кериму удивительно было слышать такое от уважаемого наставника, и тем не менее он не согласился. И в этом эпизоде

наиболее явно проявился характер, его принципиальное отношение к творчеству. Уже в конце обучения, после защиты диплома, Михайлов подошел к нему, вспомнил про тот случай и сказал:

– Извини. Я тогда был не прав и чуть было не сбил тебя с толку. Оставайся таким до конца. В поэзии, в творчестве не должно быть никаких компромиссов.

«Я и остался таким», – заключил Керим разговор о несостоявшемся издании сборника его стихов на русском языке (19, 3).

За всю последующую жизнь ему так больше и не представится другого случая издания книги переводных стихов.

Олеся Мхце, вероятно, со слов отца, рассказывала, что курить он начал не в армии, а в Литинституте, потому что там курили все: и молодые люди, и девушки (23).

Рауф Эбжноу говорит, что Керим периодами выпивал, а порой это приобретало бесконтрольный характер. При этом он подчеркивает, что окружение его было абсолютно нормальным и не способствовало пагубному пристрастию, а Вахид Итаев, чеченец, живший с Керимом в одной комнате, вообще не употреблял спиртного и выговаривал, когда тот перебирал. Рауф же отмечает, что выпивка в общежитии была распространена и многие этим увлекались (39). По этому поводу Иса Капаев сказал: «Да мы все выпивали. Керим даже меньше остальных. Пристрастия такого не было, только по случаю: кто-то приехал, кто-то стихи напечатал, кто-то книгу издал...» (11). И Гена Аламиа сообщает: «Мы не раз выпивали вместе. Бывало, что он перебарщивал, и я его ругал за это, но обычно он пил как все мы. Кажется даже, что он пил меньше меня» (4).

«В еде привередливым не был, – замечает Эбжноу. – Питался как все студенты. Единственное, мы не употребляли свинину. Керим тоже». Он же вспоминает, что одевался Керим в ту пору со вкусом и в соответствии с молодежной модой (39). И Иса подтверждает: «Он всегда был подтянут. Заросшим никогда не ходил. Внешний вид свой держал подчеркнuto аккуратно» (11).

«Его очень любили девочки», – вспоминает Аламиа. И Иса: «Имел успех у женщин. Ну красивый же человек. Он производил впечатление. Мы замечали, что девушки сразу обращали на него внимание как на красивого мужчину. Он заметный был всегда» (11).

Из женщин, с которыми у Керима были тогда лирические отношения, друзья называют одну прибалтийку, московскую поэтессу, татарку из Казани.

Во время учебы в Литинституте Керим подрабатывал время от времени: дворником в театре имени Пушкина, грузчиком на товарной станции Москва-Киевская и в фирме «Русский квас» (19, 5).

Рауф Эбжноту вспоминает, как однажды они с Керимом ушли на ночь на Киевский вокзал разгружать вагон с трубами. Керим тогда был крепким, жилистым, физически вполне сформировавшимся. Поэтому, когда закончили разгрузку, принялись за погрузку другого вагона. В результате на двоих заработали 150 рублей. Уже под утро они зашли в привокзальный буфет. Пельмени оказались из свинины, поэтому ограничились кефиром с булочками. Потом взяли такси и вернулись в общежитие. Правда, на занятия в тот день они уже не попали: отсыпались весь день. Вспоминая этот эпизод, Рауф оговаривается, что подобные вылазки были не столь часты: Кериму хватало стипендии и домашней поддержки (39).

Когда у Керима заводились деньги, он не прочь был побаловать себя, иногда выбирался в ресторан с девушкой, приглашал Абдула, учившегося в Московском институте инженеров сельхозпроизводства. По мнению последнего, в женщинах Керима прежде всего прельщали не внешние данные, а душевный строй. Так, об одной из них он отозвался: «Серая мышка. Не привлекла бы внимания. За весь вечер в ресторане ни разу даже не станцевала» (33, 2). Но такие походы по увеселительным учреждениям случались редко, не потому, что Керим чурался их, просто финансовые возможности были ограничены. В связи с этим ему порой приходилось самому шить себе одежду: однажды купил материал, выкройки, взял у девушек швейную машину, сам скроил и сшил двое брюк (23).

Если студенты других вузов на летние каникулы выезжали в стройотряды, то у литинститутовцев была своя специфика: в составе агитбригад они разъезжали по городам России и читали свои произведения. Перед выездом утверждалась программа, предполагаемые для чтения произведения подписывались, скреплялись печатью, и выходить за обозначенные рамки не позволялось. «Однажды отправили нас в Тульскую область во главе с нашим физруком, – вспоминал Керим. – Аудитория попалась хорошая. Я увлекся и прочитал кое-что вольное вне программы. Не прошло

и недели после нашего возвращения, как меня вызвали. Пятое отделение, кажется, недалеко от нашего института располагалось. Вызвали раз, второй... Я пошел к нашему ректору Пименову и сказал: так и так, пристали, не отстают. Или пусть оставят меня в покое, или я напишу заявление и уйду из института. Не знаю, что он сделал, с кем переговорил, но больше меня не беспокоили. Как выяснилось потом, наш физкультурник у них осведомителем числился» (19, 4).

Керим объездил несколько городов Центральной России, был в Бурятии, в гостях у пограничников на Амуре (19, 2). По словам Олеси, и с ее мамой он познакомился на такой встрече с читателями в Новомосковском технологическом университете, где она тогда училась.

В институте часто организовывались встречи студентов с известными писателями: Валентином Распутиным, Василием Беловым, Василием Шукшиным... На старших курсах тогда еще продолжал учиться Николай Рубцов, частенько захаживал в общежитие Юрий Кузнецов, о котором тогда уже ходили легенды (11). Керим лично был знаком с Евгением Евтушенко. Однажды он с друзьями зашел к нему. Поэт принял их радушно, угостил. Всю ночь читали стихи и улеглись только под утро (23).

На вопрос о значении института в его судьбе поэт ответил буквально следующее: «Мой интеллект и общий уровень культуры до поступления в Литературный институт, можно сказать, были равны нулю. Когда я окончил, может быть, не столь глубоко, но тем не менее какое-то представление о мировой культуре у меня сложилось. Для пишущего человека это имеет огромное значение. Если я абазинский писатель, это никак не означает, что я должен ограничиваться традициями только своей литературы, что я не должен иметь иных культурных корней, иных ориентиров. Так я ничего не создам, и литература наша и шага не ступит вперед, если все мы начнем придерживаться такого мнения. В этом отношении трудно переоценить то, что дал мне Литературный институт: это бездонный кладезь»⁶⁰.

В двадцатых числах июня 1975 года Кериму был вручен диплом об окончании полного курса Литературного института, и он вернулся домой.

⁶⁰ Мхце К.Л. «Часть истории моей жизни...» / Записал П.К. Чекалов // Абазашта. – 1999. – 5 окт.

Сборник «Эта земля»: общая характеристика

С возвращением Керима на родину совпал выход в Черкесске коллективного сборника абазинских писателей «Дорогой счастья», в состав которого вошли 73 стихотворения Мхце под общим заглавием «Эта земля». Напомним, что первый сборник его состоял из 41 стихотворения, второй – из 55. Даже если исходить из соображений количественного порядка, становится ясно, что 73 стихотворения могли составить не просто раздел в коллективном сборнике, а отдельную книгу стихов. Вероятно, поэтому и сам автор третьей по счету своей книгой считал «Эту землю». Думается, есть основания и нам придерживаться такого взгляда, так как объем раздела не только не уступал, а даже превосходил предыдущие сборники. Но, видимо, в силу того что стихи вышли не отдельным изданием, в последующий сборник «В одном мире» (1979) Мхце включил 28 стихотворений из «Этой земли», еще 10 перенес в сборник «Рассветные цветы» (1983) и еще 5 – в «Миг полулета-полуосени» (1994).

В «Эту землю» за очень редким исключением вошли стихи, написанные во время обучения автора в Литературном институте: с 1970-го по декабрь 1974 года. (Коллективный сборник «Дорогой счастья» был сдан в набор 25 декабря 1974 года.) Установлено, например, что стихотворение «Свет» было опубликовано в национальной газете еще 7 декабря 1965 года, а «Антенны» – 11 ноября 1969 года. Возможно, что в книгу были включены и другие стихи, созданные ранее.

Если первые два сборника начинающий поэт писал, не владея теоретическими знаниями о метрике, то третий создавался в период профессионального освоения законов и техники стихосложения. Естественно, что это сказалось на общем поэтическом строе книги. Поэтому «Эта земля» представляет собой качественно иной уровень поэзии, отличный от первых двух сборников, и является в какой-то степени итоговой книгой, завершающей ранний период творчества Мхце.

«Эта земля», как и первые два сборника, обладает оптимистическим мировосприятием, правда, частично это осуществляется за счет ранних произведений. Так, например, это свойство со всей

определенностью проявляет себя в стихотворении «Свет», созданном еще в 1965 году. Оно открывается противопоставлением тьмы и света: персонифицированная тьма (олицетворение темных сил) подступает к окну лирического героя и дожидается, пока погаснет лампа, чтобы овладеть им и его жилищем. Но рабочая лампа горит всю ночь, а с приходом рассвета тьма рассеивается сама собой. Данный немудреный сюжет воплощается в первых двух строфах, завершающихся третьей:

ЙшпапшIагылрыз алащара мчымхъа
 Амара, хIдуней гIазырхауа,
 ЙгIанаршвузтын, амара ду ныжьхта,
 Амза хвыц, са спещ апны йкIкIауа!

(И как слабосильной тьме противостоять солнцу, согревающему наш мир, если она страшится даже маленькой лампы, светящейся в моей комнате!)

Идейная направленность стиха совершенно прозрачна: силам мрака не одолеть мощи света. И восклицательный знак, завершающий последнюю строфу и стихотворение в целом, придает этой мысли некоторую пафосность.

Оптимистические ноты со всей определенностью звучат и в стихотворении «Родные акации»:

Скаца цриква,
 ШIвхъыкккIва нашвмыркъвын, –
 СгIахъынхIвыхуаштI!
 Акъанджъа квайчIва,
 Ауаса угIасхъамцIрын, –
 СгIахъынхIвыхуаштI!
 СыгIвза, сыгIвза,
 Уылахъ аквуымцIан, –
 СгIахъынхIвыхуаштI!
 СыджъагIвагIв,
 Уаргъи уымгвыргъгъачIван, –
 СгIахъынхIвыхуаштI!

(Родные мои акации, не склоняйте свои кроны, – я вернусь!
 Черный ворон, не кричи надо мной, – я вернусь! Друг мой, друг

мой, не грусти, – я вернусь! Недруг мой, не радуйся и ты, – я вернусь!)

Оптимизм мироощущения в данном случае выражает себя в убежденности лирического субъекта, что он непременно вопреки всем обстоятельствам сумеет вернуться на родину, к своим истокам. И уверенность его в том, что все свершится именно так, как он задумал, снова подчеркивается рядом восклицательных знаков в конце каждой поэтической фразы.

В «Этой земле» заметно усиливается этнический колорит, углубляются мотивы, связанные с национальным фольклором, эпосом, бытом, ритуалами. На это в первую очередь указывает новая, доселе не использовавшаяся лексика: Сосрыкъява, Барамби – героини нартского эпоса, Кына йпхIа – дочь Кыны (Минат – персонаж популярной народной песни), айныжв – великан (отрицательный персонаж), батыр – богатырь, пельуан – силач, блягIва – дракон, уyd – ведьма, аджынквайчIваква – черные джинны, замзамдз – святая вода, кIыжкIыж – зурна, уаридада – старинная свадебная песня... Наиболее сильно и ярко национальные мотивы проявились в цикле стихотворений «Абазашта». Но для «Этой земли» характерным является не только углубление национального элемента, но и резкое расширение географических границ: книга оказалась наполненной различными экзотическими наименованиями (Аргентина, Гренада, Сьерра, Сантьяго, Вириям), образами (синьорина, петенера, сомбреро), названиями звезд (Альдебаран, Зухра – название Венеры на Востоке), именами писателей (Шекспир, Пабло Неруда), представителями античной мифологии (Диана)...

Вероятнее всего, именно это имел в виду А.А. Михайлов, когда говорил о заметном «движении по преодолению традиционности, локальности, образной и тематической ограниченности»⁶¹.

Мотив пути остается одним из ведущих и в третьей книге. Характерными здесь выступают такие строки, как: «*СъIацмтшуа сиун сара зджъарала*» (не оглядываясь, шел я в одну сторону), «*СцитI, апша гIасшIасуа*» (иду, ударяемый ветром в грудь), «Абар ужвы ашахв аблыра / *СъышIнатитI са датша зджъара*» (вот теперь пожар зари зовет меня в другую сторону), «*УыжвгIы съацци*

⁶¹ Керим Мхце // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 7.

хъарапI» (еще мне далеко *идти*), «Акъырльуква рапшта *амIва ськвпI аниIрала*) (как журавли, и я всю жизнь в пути)...

Обреченность на вечное странствие подчеркивается и стихотворением «Когда я не вернулся». В название выносятся одно слово «СанГамидзах», рефреном повторяющееся на протяжении всего стихотворения и буквально означающее «когда я окончательно не вернулся». Характерно и то, что эта же центральная в эмоционально-смысловом плане строка выносятся поэтом в качестве названия целого раздела своей книги.

Мотив убыстряющегося темпа жизни, впервые обнаруживший себя в стихотворениях «Вот снова...» и «Малая Кува» (сборник «Дороги и звезды»), находит свое продолжение и в третьей книге: «*Са сIацапшысгьи сьбахадзум, сгьжважвауа сцитI*» (я не успеваю оглянуться, иду торопливо. – «Годы снегом ложатся»). В стихотворении «На встрече», соотнося себя с пронесшимся за окном летним ливнем, лирический герой признается: «Саргьи *сгьжважвитI* сбазарныс араса» (и я *тороплюсь* прожить вот так же). И еще раз степень захваченности жизненными перипетиями проявляется в стихотворении «Там, где расходятся пути поэта»: «Абар саргьи *гьжважвагIва сала / Йьрхвыз ашахв апныла сцитI*» (вот и я в *отчаянной спешке* иду в сторону раненой зари).

Но если ранее путь героя Мхце преимущественно пролегал по горизонтали – по поверхности земли (в редких случаях – моря), то в «Этой земле» он (путь) оказывается вертикальным: странствие героя заключается уже не только в преодолении земных (и морских) пространств, а в овладении горными склонами.

Известный кабардинский литературовед Ю.М. Тхагазитов проницательно заметил: «Адыгские писатели часто выносят горы, как духовно окрашенное пространство, в название своих произведений (...). Но даже тогда, когда они не выносят горы в название, они, как правило, изображают их ориентирами духовной эволюции героев, выстраивая устойчивую “диагональ” восхождения в гору»⁶².

Думается, что замечание Ю.М. Тхагазитова верно не только по отношению к адыгской, но и ко всей северокавказской литерату-

⁶² Тхагазитов Ю.М. Адыгский роман. – Нальчик, 1987. – С. 67.

ре. Именно как «духовно окрашенное пространство» выступают горы и в поэзии К. Мхце. Уже в одном из самых ранних стихотворений горы становятся жизненным ориентиром, своеобразным маяком, к которому лирический герой обещает непременно вернуться, что бы ни случилось на жизненном пути:

Ацхъаква йсцрийу, сынцІри сара сымГІви
ЙшвызГІайхуаштІ, датша мГІвакІла сцарыгы

(Горы родные, судьба моя и дорога вернутся к вам, если даже пойду я другой дорогой. – «Горы»).

Ориентиром духовной эволюции героя горы выступают и в стихотворении «Моя жизнь», открывающем «Эту землю»:

АГІапын тыцІхитІ,
 апхын ГІаталитІ.
АпстхІвакка срылсуа
 абыхъвду схъалитІ.
Апхынгы тыцІхуаштІ,
 адзын ГІаталуаштІ.
АпстхІвакка срылсуа
 абыхъвду схъалуаштІ.

(Заканчивается весна, наступает лето. Пробираясь сквозь облака, поднимаюсь на высокую гору. Закончится лето, наступит осень. Пробираясь сквозь облака, буду подниматься на высокую гору.)

Сразу обратим внимание на бодрость духа лирического героя, на общий мажорный строй стиха: герой полон решимости, внутренней сосредоточенности, он целеустремленно возносится вверх по горным уступам, невзирая на смену времен. Характерно, что решительное, убежденное его состояние проявляется относительно не только настоящего, но и будущего: он не сомневается, что и в последующие времена он с тем же упорством будет преодолевать горные склоны. Но какой бы семантической завершенностью ни обладала первая строфа, все-таки идейно-смысловой центр стихотворения переносится на вторую, заключительную строфу:

Зны швангІагылра,
 абыхъв швапшырквын,
Йхъалуаз амГІвайсыГІв
 дГІажвымбарыквын,
ШвымГІвын сГІашваухныс
 ацапІ апныла, –
Ащхъаква рхъахъла
 ауарбаква швырлапш.

(Когда вы, однажды проснувшись, взглянете на гору и не увидите взбравшегося путника, не бегите к подножию, чтобы найти меня, взгляните на орлов поверх вершин.)

А. Галамага данное стихотворение переложил таким образом:

Лето приходит
 вслед за весною.
Я пробираюсь
 горной тропой.
Осень наступит,
 лето сменяя,
Движусь к вершине
 сквозь облака я.

Если случится
 вверх посмотреть вам
И никого там
 взглядом не встретить,
Выше взгляните.
 Видите сами, –
Просто я в небе
 вместе с орлами.

Горы – «это символ трансцендентности, предел восхождения, духовного возвышения»⁶³. Но духовные ориентиры лирического героя Мхце не ограничиваются горными вершинами – воплощением конечной цели человеческой деятельности, он уверен, что преодолеет этот предел и устремится еще выше, в поднебесье, где царят орлы.

⁶³ Жюльен Н. Словарь символов. Иллюстрированный справочник. – Изд-во «Урал LTD», 1999. – С. 79.

Мифологическую модель мира Ю.М. Тхагазитов объясняет следующим образом: «Диагональ, соединяющая начало пути человека с вершиной, – это реальный, земной путь его. От вершины горы путь человека разветвляется: по вертикали вверх – бессмертие, слияние с беспредельностью, или вниз, по другому склону – прошлое, к забвению»⁶⁴.

Если соотнесем данную схему со стихотворением Мхце, мы можем сделать однозначный вывод относительно символики восхождения героя: конечным пунктом его духовного возвышения является бессмертие.

В третьей книге поэт продолжает успешную разработку произведений с двухчастной структурой, но если в предыдущие годы мы нашли только одно стихотворение, выполненное безукоризненно в формальном и содержательном отношениях («Когда солнце нагревало землю...»), то все три стихотворения подобного плана третьей книги («Одиночество», «Как Шабат поехал в Карачаевск», «Журавли возвращаются...») можно признать вполне самодостаточными, состоявшимися поэтическими произведениями.

В стихотворении «Как Шабат поехал в Карачаевск» незадачливый персонаж, доехав до места назначения, как оказалось, забыл о цели своего визита:

Послали раз Шабата в Карачаевск.
И все бы ничего – да вот беда:
Дорогою он позабыл случайно,
Кем и зачем отправлен был туда.

Во второй строфе эта комическая ситуация переносится на судьбу самого лирического героя:

Вот так и я – прошел почти полсвета
(Видать, Шабат похож был на меня),
Но так и не сумел найти ответа,
Кем и зачем на Землю послан я.
(Перевод А. Галамаги)

⁶⁴ Тхагазитов Ю.М. Адыгский роман. – Нальчик, 1987. – С. 70.

Как видим, комизм первой строфы обретает драматический оттенок применительно к лирическому герою, забывшему о своем предназначении, зачем, с какой миссией явился он на этот свет.

Становится очевидным, что в «Этой земле» поэтический образ лепится руками умелыми, обретшими определенные навыки и опыт; с первых стихотворений, с первых строк ощущается оригинальное образное мышление, изобразительно-выразительные средства языка рассыпаны щедрой рукой, молодой поэт свободно демонстрирует умение оттолкнуться от будничной бытовой детали и затем, обозначив зигзаг поэтической мысли, подвести стихотворение к неожиданному обобщению.

В этой связи попытаемся проследить лирический сюжет некоторых произведений.

Стихотворение «Антенны» открывается будничной картиной того, как повсюду в воздух поднимаются антенны, не пропускающие ни одной радиоволны. (Молодой поэт создает отсутствовавшую в абазинском языке кальку русской «радиоволны» – «*бжъы толкъвын*»: буквально – звуковая волна.) Далее в стих вступают покачивающиеся антенны машин, проносящихся с такой скоростью, будто они догоняют упущенные звуки. В третьей строфе поэт обычные антенны замещает их образным эквивалентом: и деревья, возносящиеся над аулом, ассоциируются с антеннами, которые ловят доносящиеся со всех сторон шумы и звуки. В заключительной четвертой строфе происходит окончательная метафоризация образа: «И сердце мое – антенна, – признается герой. – И оно разыскивает днем и ночью голос сердца одной девушки и голос сердца большой земли».

Сердце-антенна, улавливающее звуки, исходящие из сердца любимой девушки и из сердца огромной планеты, оказалось удачной поэтической находкой, естественно и органично вступившей в образную систему абазинского произведения.

Стихотворение «Михаил Харитонович» затрагивает уже социальные вопросы и интересно тем, что здесь в ироничном свете вырисовывается образ аульского паренька Мухамада, пожелавшего стать городским: «СгородскІойхуштІ», – йхІван, / ДтыцІтІ акыт МухІамад...»

Оставив мать в ауле, он переезжает в город, женится на городской девушке, обзаводится детьми, получает чины... Герой благополучно вписывается в городскую жизнь и даже преуспевает.

И все бы ничего, да сослуживцы стали обращаться к нему по имени-отчеству, а они не только неблагозвучны, а, по мнению героя, принижают его городской статус, портят его благопристойный облик. В самом деле, ну что такое «Мухамад Хаджьгериевич»? На фоне имен жены Ани, дочери Люси и сына Бори, в его представлении, это выглядит анахронизмом, не соответствующим духу времени, занимаемому положению, наконец: КытхыздзапI «МухIамад», / Йаба йыхъыз – уакъвыцIх. (Совершенно аульское имя «Мухамад», об имени отца – и говорить нечего.)

Герой решается и переименовывается в Михаила Харитоновича, после чего уже окончательно становится городским...

К. Мхце задел достаточно распространенное и в 1970-е, и в настоящее время явление: молодые люди покидают аулы, переезжают в города и осваиваются там, быстро перенимая и усваивая все городское. Казалось бы, что в этом плохого? Естественный процесс. Но поэта в данном случае интересует не явление в целом, а только один его аспект. В понимании героя Мхце, городское – более современное, культурное, цивилизованное, и именно эта сторона привлекает его вначале. Разумеется, ничего предосудительного в этом нет, но беда в том, что в этом стремлении к лучшему герой начинает жертвовать многим, без чего нравственной и духовной личности сохраниться невозможно, а он и так не был обременен этими качествами. Характерно, что поэт, говоря о переменах, происходящих с героем, отмечает только, что он все больше и больше толстел («рыцIа-рыцIа дшвIахитI»), то есть нравственно он не возвышался, а, наоборот, деградировал: герой начинает стыдиться своего прошлого, национального происхождения, собственного имени, имени отца... На обращения друзей детства он по-русски отвечает: «С кем-то спутали», – и идет своей дорогой. Кстати сказать, как это ни покажется странным, но предпочтение русского языка родному является одним из ярких показателей нравственного перерождения героя: он не только изъясняется, но и мыслит уже по-русски. И Мхце воспроизводит этот процесс достаточно оригинально для национального поэта: он вкрапляет в абазинский поэтический текст не только отдельные русские слова, произносимые героем, но и целую строфу:

Так вот я и решил,
В этом будет резон:

МухІамад – Михаил,
ХІаджъгъари – Харитон.

Таким образом, в стихотворении Мхце иронии подвергается не само стремление стать городским, более цивилизованным человеком, а способность героя стыдиться и отрешиваться от своих национальных корней. Образ Михаила Харитоновича – это абазинский вариант айтматовского манкурта.

Своеобразная антиномия любви представлена в небольшом лирическом этюде «Сверкает небо...». Приведем стихотворение полностью и попытаемся прокомментировать его:

АжвгІванд гІамачвыситІ,
ЙгІакІапсситІ аква.
Псейспадза йкІаызытитІ
АцІлаква рбыгъква.

АжвгІванд гІамачвыситІ,
ЙгІаласхитІ аква.
ЙадхъачІва йчвасыситІ
АцІис багІдзаква.

Са сыгвгъи йампшуата
Дшаъам бара багъ
ЙычвитІ цІис багІдзата
Датша хъышвкІ апахъ...

(Сверкает небо, моросит дождь. Медленно подрагивают листья на деревьях. Сверкает небо, усиливается дождь. Сидя рядышком, дремлют мокрые пташки. И мое сердце, несмотря на то, что нет тебя лучше, дремлет мокрой птицей у другого окна.)

Небезынтересен сам факт того, что в стихотворении, посвященном любовной теме, две строфы из трех занимает описание природы, причем первые две строчки обеих строф почти повторяют друг друга, разница только в том, что в первом случае дождь моросит, а во втором он усиливается. Насколько уместны эти повторы и вообще вся пейзажная часть? Не заслоняют ли они собой основную любовную тему стиха? Представляется, что нет, не заслоняют, а, наоборот, оттеняют. Как это происходит?

Во-первых, однообразие картин объясняется реальным кругозором лирического героя в данный момент: молодой человек, стоящий под деревом, в вечерней мгле не способен больше ничего увидеть. Но почему мы решили, что влюбленный герой стоит именно *под деревом* и именно *вечером*, если об этом в тексте прямо не говорится? Потому что естественно даже для влюбленного юноши защиту от дождя искать под деревом, а еще потому, что на это указывает угол зрения: стоящему под деревом человеку удобнее заметить подрагивающие от дождевых капель листья и сидящих на ветке птичек. На то, что дело происходит вечером (или ночью), указывают те же *дремлющие* птички.

Во-вторых, это однообразие только кажущееся и выполняет свою немаловажную смысловую функцию. Как было замечено, в первой строфе упоминается *морсящий* дождь. Мелкий, морсящий дождь, как правило, долгий, не скоротечный, и это дает читателю понять, как долго ожидает герой свою любимую. Изменяющееся поведение дождя, его убыстряющийся характер позволяет наблюдать эту же картину в развитии: герой все-таки ждет, не уходит. И вот это выраженное (именно *выраженное*, а не *высказанное*) долгое ожидание должно пропорционально соотноситься с любовью героя, о которой, впрочем, тоже в стихотворении ничего не говорится. То есть картина природы, не переставший, льющий дождь позволяет нам уверовать в то, что парень, так долго и при такой погоде ожидающий девушку, действительно любит ее глубоко и трогательно.

А почему трогательно? Потому что соотнесение собственного сердца с промокшими, продрогшими дремлющими воробушками не может не тронуть сердце читателя. Это не просто выразительное средство, не просто украшательство, это лирическое сравнение, создающее настроение стиха, а настроение стиха в свою очередь накладывается, определяет состояние и испытываемые лирическим героем любовные переживания.

Как видим, К. Мхце умеет сказать о многом, не говоря этого буквально. Он создает психологическую ситуацию, активизирующую воображение читателя, позволяющую ему домыслить детали.

Но вернемся к главной мысли стихотворения. В чем же и как проявляется отмеченная нами любовная антиномия? В том, что лирический герой предпочитает лучшей на свете девушке другую,

вероятнее всего, менее привлекательную и не отвечающую ему взаимностью.

Почему же не отвечающую?! Да потому, что если бы она любила юношу так же, как он ее, она находилась бы рядом с ним, а не заставляла бы его ожидать бесконечно под бесконечным дождем.

Стихотворение «Возвращение» не обладает какими-либо броскими, эффектными свойствами. Здесь тихо и кротко повествуется о том, как после долгих странствий лирический герой наконец вернулся к родным пенатам:

АлахІгъи йгъйымдыруазІ
Арыла сІганагхуашта ужвы.
Сгвы пшката йтыртыра
Са срыгІвситІ угвашв хвыцквa, Хъвжвы.

(И сам Аллах не ведал, что меня снова занесет сюда. С нежно трепещущим сердцем я прохожу мимо твоих калиток, Кува.)

Благостное состояние лирического героя, кажется, не омрачается даже картиной того, что любимая девушка, завидев его издали, сворачивает с дороги. И об этом сообщается в том же интонационном ключе, что и весь предыдущий текст:

Съаджвыкквыз щардала,
АпхІвыспа, «СуызшшуаштІ»-хІва йызхІваз,
ДмыгІвхъыцІитІ зджъарала...
ЙазхъалцІитІ ауи дшгІазымбаз...

(Оттого, что я отсутствовал долго, девушка, обещавшая: «Я буду ждать», свернула в сторону... Она верит, что я ее не заметил.)

Подчеркнем еще раз, о случившемся сообщается настолько спокойно, без какого-либо интонационного акцента, что никакой драмы не ощущается; данное событие не выделяется каким-либо образом в ряду других рядовых событий: собака, вилявшая хвостом, провожавшая героя до моста в свое время, встречает его ныне лаем; старик, забывший о существовании лирического героя, наблюдая за ним из-за забора, задумывается о том, кто бы это мог быть...

Но так или иначе мы чувствуем, что именно здесь намечается основной конфликт произведения: как бы ни облаивала героя со-

бака, стоит подойти к ней и погладить, как она признает его; стоит подойти к старику и поздороваться, как он улыбнется и отпустит шутку, но...

Ауаса

АпхIвыспа, «СуызпшуаштI»-хIва йызхIваз,

Йгъсыздырам йшласхIвуаш

Ауи данмыгIвхъыцIуаз дшызбаз...

(...Но девушке, обещавшей «Я буду ждать», не знаю, как сказать, что я видел ее, когда она сворачивала с дороги...)

Коллизия, наметившаяся между двумя лирическими субъектами, переносится в сферу внутреннего мира одной личности: как перебороть смущение, робость, нерешительность и сообщить девушке о том, что он ее тоже заметил?.. Казалось бы, в чем проблема? С той же простотой, с какой он погладил собаку, пожал руку старику, он может подойти к любимой и устранить недоразумение. Но, оказывается, не все так просто. Здесь мы вступаем в область психологии. Лирический герой отсутствовал долго, и если девушка делает вид, будто не замечает его, значит, произошли перемены в ее отношении к нему. Лирический герой, а вместе с ним и читатель догадываются об этом. И обозначившаяся коллизия оборачивается уже другой стороной: в этой ситуации для лирического героя сказать девушке о том, что он ее видел, когда она переходила улицу, равнозначно тому, чтобы упрекнуть ее в том, что она его не дождалась. А укорять он не может, так как осознает, что вина за случившееся лежит и на нем.

Подчеркнем еще раз: в тексте буквально говорится только: «Не знаю, как ей сказать, что я видел ее, когда она сворачивала с дороги». Проблема оказывается не в том, что декларируется прямо, а в том, какую смысловую подоплеку обретает декларируемое. Благодаря психологизму семантика поэтической лексики оказывается богаче того, что она реально представляет.

Для абазинской поэзии тех лет ново было не только то, что Мхце сделал ее предметом внутренние колебания лирического героя, его нерешительность, но и *насыщение текста психологизмом*. Внешней своей неброскостью, простотой и смысловой насыщенностью данное стихотворение напоминает «Раннее утро» из предыдущего сборника.

Стихотворение «Помню, однажды...» в сюжетном плане выступает как продолжение «Возвращения». Оно открывается яркими, полными динамики и любовного пыла строками:

ЙыздырхитІ зны, момо, йыгьсхьмаштылтІ, зны
Йшбызпшлуз араъа, пшката йсачІуа сгвы...

(Помню, однажды, нет, не забыл, как когда-то ожидал тебя здесь с нежно пылающим сердцем.)

Автор даже не объясняет, была ли увлеченность молодого героя взаимной, но метафора «с нежно пылающим сердцем» позволяет надеяться на такое расположение. Отметим и факт того, что о поре горячей влюбленности вспоминается, о ней говорится в прошедшем времени, что волей-неволей подводит к мысли о том, что ныне уже что-то не так. Что именно «не так», снова не объясняется, но дается ряд изменившихся, «*ставших другими*» внешних примет, что указывает на изменившиеся отношения двух влюбленных:

УахьчІва снапшитІ *йдатиа*ахаз ба бгвашвла.
Ауаса ауаъа дгылапІ *датиа* чкІвынкІ.
ЙчвитІ ауи ддзыргІвуа *датиа* тутынкІ.
ЙызбитІ йаргы *датиа* заджвы длызпшуазшва.

(Сегодня смотрю на ставшие *другими* твои ворота. Но возле них стоит *другой* юноша. Молча курит он *другие* сигареты. И мне представляется, что он ожидает *другую*.)

Сам факт того, что и *сегодня* лирический герой смотрит на ворота девушки и что вопреки всем внешним данным ему кажется, что курящий возле ворот юноша ожидает другую, говорит о том, что пыл его еще не совсем угас, что в нем еще живет надежда на взаимность, но отчетливые признаки изменившегося мира дают читателю понять невозможность возвращения былых отношений.

Стихотворение «Люблю тебя...» уже более философского, чем любовного содержания:

«Бзи уызбитІ»-хІва щардагІвы йсдыргІатІ,
Дыгьзаджвым тшгІасыкІвзыршахьу пшката.

Сара сылахь, брылазмиштI ауат?
Щта, тшызгIасбмырдырIа ба зджыакIквата?..

(«Люблю тебя», – мне говорили многие, не одна обнимала меня нежно. Судьба моя, была ли ты среди них? Почему же ты не дала мне знать об этом?..)

Признание о том, что лирического героя любили и обнимали многие, естественно, нельзя расценивать как самолюбование героя: эти факты сопровождаются совершенно бесстрастной интонацией. Поэту важно опять столкнуть внешнее благополучие, праздничную сторону собственной жизни с истинно печальной ее сутью: любимый многими герой оказался без той единственной, которая ему жизненно необходима. И здесь противоречие, и здесь какая-то жизненная нестыковка между тем, что есть, и тем, что нужно, необходимо герою.

Стихотворение «Ты никогда суровой не была ко мне, судьба...», на первый взгляд, тоже посвящено любовной теме:

Судьба ко мне суровой не была,
Прямой дорогой к радости вела;
В лучах вечерних приносила мне
Прекрасный образ девушки в окне...
Тебя, судьба, не смею я винить,
Что не пришлось ее мне полюбить...
(Перевод А. Галамаги)

Как видим, любовная тема становится лишь материалом для философских размышлений: при самом благосклонном, благоприятном расположении судьбы к лирическому герою, оказывается, она не может гарантировать полного исключения неудач в его жизни, не все, оказывается, зависит от нее; готовность героя принять подарки судьбы, его способность реализовать их – вот то главное, по мысли автора, что решает положительный или отрицательный исход.

И в данном случае показательно то, что лирический герой не старается переложить на судьбу собственные неудачи, а пытается взглянуть на проблему объективно и там, где это возможно, принять вину на себя. Это станет характерной чертой лирического героя Мхце и последующих периодов.

Любопытную ситуацию наблюдаем мы в стихотворении «С тех пор как я пишу...», в котором лирический герой, с удивлением разглядывая свои книги, вдруг как бы засомневался в подлинности собственного авторства: «Сара сакІвызмищтІ арат згІвыз? / Йгь-сакІвзарым, йшсакІвым анчва йныс!» (Неужели это я их написал? Наверно, нет, свидетель бог – не я!)

И подобное признание происходит отнюдь не от умиления перед собственной творческой значительностью, а совсем наоборот: «Арат згІвыз дгьуысагІвым йара... / ЙашІырпшызтІхІва хІыхьыз-ква хІара...» (Их автор вообще не поэт... Хотя наши имена схожи...)

Несколько повзрослевший поэт не просто снисходительно, а резко критически оценивает то, что вышло из-под его пера несколько лет тому назад: он не находит в этом ни грана поэзии. Таким образом, через неузнавание стихов юности поэт хочет оттенить не только факт того, что они еще не достигли зрелости, но и изменившийся взгляд на собственное творчество, которое когда-то его вполне удовлетворяло, на обретение иного уровня поэтического видения, образного мышления... Другими словами, нынешний лирический герой осознает себя уже причастным к поэзии и именно с этой позиции строго судит первые свои книги.

Казалось бы, определившаяся тема вполне самодостаточна и могла служить основой самостоятельного стихотворения, но, несмотря на то, что поэтическая мысль обрела уже заверченный характер, Мхце дополняет стихотворение несколькими строками, которые, несомненно, еще больше углубляют его содержание, придают ему философский характер:

СадзхъачІвапІ сара ари асахІат
ЙыбжагІвыркІву суысаква ртетрадь...
АлахІ йдыритІ сара сакІлма йзчІву
Ари скнига шыщгь, ужвы сызшІу...

(Вот и теперь сижу я над незавершенной тетрадью с рукописями... Аллах ведает, мне ли принадлежит и эта книга, над которой сейчас работаю...)

Мхце находит поэтическую изюминку в экстраполяции ситуации сегодняшнего дня на будущее, в том что и стихи, над которыми он работает сейчас, осознавая себя состоявшимся поэтом, через какое-то время могут показаться ему недостойными поэзии,

как бы написанными не им, к тому времени еще более повзрослевшим и достигшим еще большего поэтического мастерства. И в этом проявлялся диалектизм абазинского поэта, его непрекращающийся профессиональный рост.

К образу белой акации, введенной в абазинскую поэзию М. Тлябичевой, Керим обратился еще в сборнике «Дороги и звезды» («Старые мои белые акации», «Малая Кува», «Возвращение»). И в «Этой земле» мы неоднократно встречаем этот же образ: «йҕІаҕІвугІ ладз хьапщла скацажв хІпахь» (заплакала золотыми слезами старая моя акация перед нашим двором. – «Когда я не вернулся»), «пшакІ гІашІыхан акацажв тыртыритІ» (проснулся ветер и задрожала старая акация. – «Журавли улетели, курлыча...»), «скацажв ачҕІвыча апша йашІнажвжвитІ» (одежду старой моей акации разрывает ветер. – «Журавли»), «скаца приква, швхьыкквкв нашвмыркьвын, – сҕІахьынхІвыхуашт» (родные мои акации, не склоняйте свои кроны, – я вернусь. – «Родные мои акации»)... Но наиболее полное и яркое воплощение акации нашли в одном из самых лучших произведений исследуемой книги – «Когда проснутся мои белые акации». Какие мысли и чаяния связываются с ними на этот раз?

ЙсызшвыргІва йьасзымхчаз агвыгъара,
Са уахъа йьасхъазхаз сызшвыргІва. –
Скаца шкІвокІваква анҕІашІыхара,
ЙсызҕІайхуаштІ йсчвыдзыз зымҕІва

(Простите, что я не смог сохранить надежду, простите, что сегодня я остался один. Когда проснутся мои белые акации, вернется ко мне все, что потеряно мной).

Мы застаем лирического героя в критический для него момент, в момент духовной рефлексии, когда пришло осознание одиночества и потери надежд. Ситуация накладывает на речь лирического героя ноту исповедальности, искренности и чистосердечности. И в таком состоянии герой связывает поворот к лучшему в своей судьбе со временем пробуждения белых акаций:

Са йсызҕІайхуаштІ йсхъаштылхыз ашваква,
ЙсызҕІамрайгваз ашахв абыжквва,
ЙшвасхІвра сгвалата йшвасымхІвыз ажваква,
ШвытшҕІва снадхъазгуш амҕІвац тшваква

(Ко мне вернутся позабытые мною песни, голоса зари, которых я не сумел приветить; слова, что я хотел высказать вам и не высказал, тесные тропинки, что приведут меня к вашему очагу).

Лирический герой надеется, что с пробуждением акаций к нему вернутся отдалившиеся друзья, прекрасные девушки одним взглядом выразят свои потаенные мысли; герой верит в то, что к нему вернутся мелодии Инжича, из тумана выступит потерянная им дорога и лицо любимой девушки...

В заключительной строфе, используя прием обрамления, поэт снова возвращается к образу ждущих пробуждения акаций, но если в первой строфе речь велась спокойно, то здесь она обретает накал и пафос, высокую лирическую патетику:

ЙГабзагылхуаштІ йсымхчаз агвыгъара,
Сгвы гІатыхта срызцуштІ аугІаква...
Скаца шкІвокІваква анГІашГыхара,
Йырхъагыла ашахв абыжъква!

(Возродится надежда, которую я не сумел сохранить, вынув сердце, я к людям направлюсь... Когда проснутся мои белые акации с возносящимися над ними голосами зари!)

Таким образом, белые акации в поэзии К. Мхце становятся символом возрождения, обновления жизни, свершения самых светлых, добрых надежд и намерений.

В данном случае нельзя не поразиться художественному чутью молодого абазинского поэта: в Литературном институте, где он еще учился в период создания рассматриваемой книги, не изучали семиотику, но Мхце интуитивно почувствовал и превосходно воплотил в своем произведении устоявшуюся в мировой культуре символику образа. Напомним, что в Древнем Египте акация почиталась как священное растение и выступала в качестве *символа обновления*; в индуизме считалась *воплощением жизненной силы и бессмертия*; в христианской традиции выступает в качестве *символа души и бессмертия*; в эзотерической традиции являлась *символом тайного знания, посвящения*⁶⁵.

⁶⁵ Словарь символов и знаков / Авт.-сост. Н.Н. Рогалевич. – Минск: Харвест, 2004. – С. 6.

Вполне адекватный перевод данного стихотворения на русский язык выполнен современным московским поэтом Андреем Галамагой:

Пусть надеяться больше не смею я,
Одинок бреду наугад.
Но однажды акации белые,
Пробудившись, мне все возвратят.

Песни вновь зазвучат недопетые
Голосами прозрачной зари;
Неприметной тропинкой заветною
Я дойду до забытой двери.

Там старинных друзей своих встречу я,
Чтобы снова поверить в мечту.
Там во взглядах девичьих застенчивых
Все сердечные тайны прочту.

Дней моих непростую мелодию
Мне Инжич серебристый вернет.
Вновь в тумане увижу дорогу я,
Вновь лицо дорогое мелькнет...

Возродится надежда, и смело я
Сердце настезь свое отворю...
Лишь проснутся акации белые,
Светлой песней взмывая в зарю!

Предварительные итоги

В этом месте попытаемся сделать некое промежуточное заключение относительно раннего творчества Керима Мхце, охватывающее время от первой газетной публикации в шестом классе до третьей поэтической книги, выпущенной им на выпускном курсе Литинститута. Это начало творческого пути, и потому совершенно естественно, что стихотворец должен был пройти период проб

и ошибок, обретения практических навыков и умений, вследствие чего ему не удалось избежать ремесленнического подхода к поэзии, описательности, повторения общеизвестных истин, декларативности и даже назидательности.

Первые стихи, как говорилось об этом выше, преимущественно создавались по литературным шаблонам и штампам, юный стихотворец чаще мыслил не художественными образами, а идеологическими и публицистическими клише. Но понемногу, исподволь в это же время формируется и начинает проявляться струя чистой лирики, образы становятся зримее, обретают способность развиваться и перевоплощаться в пределах одного произведения. В лучших стихотворениях молодому автору удается укладывать ничем не замутненную поэтическую мысль в соответствующие стихотворные формы.

Заметим еще раз, что между ученическим и армейским этапами общего в образно-тематическом и художественно-эстетическом планах оказывается больше, чем различия. И это объясняется тем, что жизненный опыт автора, его духовная культура, знания в области стихосложения не претерпели существенных изменений. Студенческий период по сравнению с ними представляет собой качественно иной уровень поэзии. Мхце уже умеет находить новые грани и повороты в поэтических образах, создает психологическую ситуацию, в которой читатель ориентируется самостоятельно, домысливая и дополняя представленную поэтом картину.

Для национальной поэзии тех лет было ново не только насыщение стихотворного текста психологизмом, но и то, что Мхце сделал ее предметом робость и нерешительность лирического героя, его внутренние колебания, его незащищенность, обнаженность чувств. Крепнущее мастерство молодого поэта проявляется и в том, с какой свободой может он обыграть и прекрасно оформить поэтическую мысль.

В ученическом этапе творчества Мхце сильно ощущается публицистическое начало. Оно проявлялось не только в стихах соответствующего направления, но и в темах, имеющих чисто лирическую окраску: «Песня матери», «Моя поэзия», «Мой аул», «Юность», «Рассвет», «Голос петуха»...

Публицистическая струя во второй период заметно убавляется, а в третий почти сходит на нет: даже в тех случаях, когда она, казалось бы, напрашивается сама собой («Поэтам Чили», «Сонгми»,

«Нашим современникам», «Нашим наследникам», «Священнослужителю...»), поэту удается избежать ее. Это говорит о том, что он наработал определенное мастерство в лирическом разрешении фактически любой темы, обрел свой голос, нащупал свою интонацию, манеру письма, что в нем сложились основные черты и параметры настоящего поэта и художника.

Процесс овладения мастерством и профессионализмом можно попытаться представить и некими статистическими данными. Вспомним, как известный пушкинский персонаж (Сальери) говорил о том, что он поверил (проверил, измерил) алгеброй гармонию. Это, конечно, своеобразный троп, представляющий высшую степень внутренней организации музыкального текста. На самом деле на свете не существуют такие весы, с помощью которых можно было бы с точностью измерить и соотнести все достоинства и недостатки произведения искусства, будь то музыка, живопись или поэзия... При попытке анализа художественного произведения, как бы мы ни старались быть объективными, какие бы научные методики ни применяли, элемент индивидуального, субъективного, эмоционального восприятия все же сохраняется, и потому выносимые оценки и суждения оказываются несколько условными. И нужна проверка временем, мнения и оценки других исследователей того же материала, чтобы вынести какой-то более-менее приближенный к объективности вердикт. Частные же мнения скорее можно признать стремлением к объективности, чем самой объективностью. И тем не менее, вполне осознавая относительность собственного суждения, присутствие в нем личного подхода и восприятия художественного текста, если бы было возможно оценивать стихотворные произведения раннего периода К. Мхце по четырехбалльной системе, мы осмелились бы предложить следующую статистику: из 70 стихотворений ученического этапа (1963–1968 годы) откровенно слабыми мы признали бы 23, посредственными – 40, хорошими – 4 и превосходными – 3. Если перевести в проценты количественные показатели наших оценок, то выяснится, что треть стихотворных текстов (32,8%) оказывается ниже допустимой качественной планки; большая часть (57,2%) – сносными, возможными в качестве литературных произведений, но при этом не вызывающими особых эмоций, и лишь 5,7% и 4,3% стихотворений данного периода хороши и замечательны, вызывают сопереживание, удивление, восторг. Если

попытаться подойти с теми же мерками к армейскому периоду (1968–1970), то окажется, что из 66 стихотворных текстов слабыми мы посчитали 12 (18,2%), посредственными – 38 (57,6%), хорошими – 12 (18,2%) и превосходными – 4 (6%).

Вглядываясь в приведенные цифры, особенно в данные слабых и посредственных произведений (их, конечно же, абсолютное большинство), не будем забывать, что речь идет о начинающем стихотворце, который не знал теории стиха, разницы между тоническим и силлаботоническим стихосложением, слабо разбирался в размерах силлаботоники, не имел ясного представления ни о выразительных возможностях языка, ни о стилистических фигурах, ни о звукописи. Он писал по интуиции. И нужно удивляться не тому, что у него оказалось много слабых и посредственных стихов (они неизбежны для всякого пишущего, особенно – начинающего), а тому, что и с такой подготовкой он сумел создать несколько прекрасных произведений. Это говорит о том, что ему с самого начала был присущ природный талант, научиться которому или позаимствовать у другого невозможно. И это главный из тех выводов, которые можно сделать, обозревая стихи К.Л. Мхце начального этапа.

Сложившаяся ситуация кардинально меняется в рамках того же раннего периода: уже в студенческие годы из 73 рассмотренных стихотворений слабыми мы признали бы только 2 (2,7%), посредственными – 22 (30,2%), хорошими – 33 (45,2%) и отличными – 16 (21,9%). Отметим, как резко падают показатели слабых и посредственных стихов и столь же резко возрастают данные хороших и отличных!

Данная методика при всей ее условности и субъективности все-таки дает возможность наглядно представить динамику развития поэтического дарования К. Мхце. Если в 1963–1968 годах слабые произведения занимали треть стихотворного пространства (32,8%), то в 1968–1970 годах стихи такого уровня сокращаются до 18,2%, а в 1970–1974 годах – до 2,7%; количественные показатели посредственных стихов в первые два этапа практически не меняются: 57,2% и 57,6%, а в третий они значительно уменьшаются (30,2%); хорошие стихи с 5,7% ученического этапа возрастают до 18,2% в армейский и 45,2% студенческого периодов. Та же тенденция намечается и в стихах, которые мы обозначили как превосходные: 4,3% – 6% – 21,9%.

Отметим и следующее: если посредственные и хорошие стихи К. Мхце соотносимы с общим уровнем национальной поэзии конца 1960 – первой половины 1970-х годов, то отличным, превосходящим его произведениям зачастую противопоставить бывает нечего, они олицетворяют собой вершину абазинской поэтической культуры того времени. И это в ранний период, когда Мхце не вошел еще в полную творческую силу!

Мы видим, что от одного этапа к другому, от сборника к сборнику поэтический голос Мхце крепнет, его перо становится избрательней, мышление – более образным, но в то же время чувствуем, что нет еще в его стихах той тонкости, изящества, филигранности, что окажутся свойственны его произведениям зрелого периода. Последняя из рассмотренных книг – «Эта земля» – при всем качественном отличии от предыдущих двух все-таки еще не настоящий Керим Мхце, но уже преддверие, последняя ступень к нему.

Алла Чекунова и ее место в жизни и творчестве Керима Мхце

Структурно книга «Эта земля» разделена на две части: «Звезда счастья» и «Когда я не вернулся». Во второй из них были собраны стихи любовного плана, посвященные Алле⁶⁶ Чекуновой, но прежде чем перейти к разговору о них, думается, будет уместным обратиться к ее личности и человеческой судьбе.

Алла родилась 1 мая 1949 года в Киргизии, куда ее родители – карачаевцы – были депортированы еще в военные годы. Детей в семье было много: 9 сестер и единственный брат, умерший в трехлетнем возрасте.

После возвращения на родину семья Чекуновых обосновалась в ауле Таллык. Обучение в школе, начатое в селе Юрьевка Киргизской ССР, Алла продолжила в областном национальном интернате, но, вероятно, из-за переезда и обустройства на новом месте она потеряла год, в связи с чем училась не со своими сверстниками, а с теми, кто был моложе на год. Она сразу влилась в но-

⁶⁶ Алла – домашнее имя, по паспорту – Фатимат Закировна Чекунова.

вый коллектив, потому что была общительной, открытой и отзывчивой. Училась хорошо, была одной из лучших в классе. Любила литературу, читала, обладала хорошим голосом, пела в школьном хоре, играла в волейбол и баскетбол. Еще в школьные годы сама себе шила платья. При том, что их кормили четыре раза в сутки, научилась готовить вкусно (38).

Была очень дружелюбной, покладистой, но при этом обладала чертами лидера, могла уладить любой конфликт, никого не обижая. Умела быть объективной к людям и обстоятельствам, всегда находилась в приподнятом настроении, любила людей и с самого детства и до конца жизни старалась сделать для них все, что было в ее силах.

Природа щедро одарила ее не только внутренней красотой, но и внешней: была яркой, привлекательной, нравилась мальчишкам, и многие хотели дружить с ней, но она выбрала Керима (38).

«Алла была неординарной личностью, – отзывается о ней близкая подруга школьных лет и всей последующей жизни Соня Чимова и тут же добавляет: – И Керим в те годы был уже человеком глубоким и абы на кого не стал бы обращать внимание» (38).

У Мухаммеда Шебзухова, друга и одноклассника Керима, с Аллой сложились дружеские отношения, и они раза два сходили вместе в кино, благо кинотеатр «Комсомолец» находился неподалеку. Однажды Керим попросился в их компанию. Мухаммед не только не возразил, но, пользуясь тем, что билеты находились у него, посадил его рядом с Аллой, а после фильма они, разговаривая, приотстали... Так у них начиналось. И было это в конце восьмого класса.

Характеризуя их дальнейшие отношения, Мухаммед говорит: «Керим и Алла сильно полюбили друг друга. В тот момент мне казалось, что они не могут жить друг без друга». И чуть ниже: «Тогда Керим был однолюб и любил только Аллу» (29).

«Относились друг к другу красиво («ращтанькьва пшдзан»), – говорит Соня Чимова. – В школе все – и учителя, и ученики – знали про их чувства. Уж насколько Латокова была сурова к морально-этической стороне поведения своих подопечных, но и она ни разу не сделала им ни одного замечания. Никто не сомневался в чистоте их отношений. Уже тогда Керим посвящал ей много стихов, целый блокнот. Я не идеализирую их отношения, все на самом деле выглядело возвышенно.

И никто из подруг не завидовал, все были только рады. Они были достойной парой» (38).

На эту тему Хадиль Натхов выскажется лаконично: «Я такой красивой любви в жизни не видел» (25). И Лиза Ионова повторяет: «Все, кто знал Керима и Аллу, говорили о том, что подобной любви они не встречали» (9).

«Я ходила в шестой класс, – вспоминает Софья Аджиева, – когда зашла в столовую не в свою смену. Алла была дежурной и выгнала меня. Мне стало так обидно!.. Но потом, когда она узнала, что я сестра Керима, чуть ли не на руках меня носила.

...Должны были состояться какие-то выездные соревнования, а Аллу в команду не включили. Керим сказал, что у него разболелась нога, и потому не сможет принять участие. Когда Аллу ввели в команду, нога у него сразу выздоровела.

Я была уже в старших классах, а они закончили школу, когда однажды навестили меня вдвоем, спросили от самоподготовки, повели в кафе, угостили мороженым и дали на прощанье 10 рублей. Для того времени такая сумма была большой и для взрослого человека» (3).

Когда Керим окончил школу, он держал связь с Аллой через Хадилу Натхова: вручал ему готовую записку или на словах просил передать, что он пришел. Хадиль исполнял поручение, возвращался и докладывал. Тогда Керим передавал ему деньги и посылал за билетами в кино. «Я тогда не задумывался, нужен я им или нет, и всегда покупал три билета: два на задних рядах и один подешевле впереди», – признается Хадиль (25).

Соня Чимова вспоминает: «Когда мы оканчивали школу, все делились планами: кто в какой вуз собирается поступать. Алла никогда не упоминала о каком-либо институте, она говорила: «В какой город призовут Керима в армию, туда я и поеду». Мы называли самые дальние города: а если туда попадет, а если туда?.. Она неизменно отвечала: «Все равно поеду туда» (38).

Алла сдержала свое слово и после школы поехала в Москву, где Керим проходил службу, устроилась на работу в магазине и ходила к нему на свидания. Во Всесоюзный заочный институт советской торговли она поступила лишь на следующий, 1969-й год. Сдача летней сессии за первый курс совпала с окончанием срока службы и поступлением Керима в Литинститут. К тому времени они уже решили пожениться. Возвращались из Москвы поездом

вместе с Леной Накоховой, двоюродной сестрой Керима, учившейся в Институте народного хозяйства им. Плеханова. Она и уведомила письмом родных о том, что у Керима с Аллой дело идет к свадьбе. Дядя Слава на машине встретил их в Невинномыске и сразу перевез в Абаза-Хабль к Накоховым. Снарядили и направили мужчин в Таллык для извещения родных Аллы о том, что она вышла замуж за Керима. От Чекуновых приехала делегация. В комнату невесты проводили тетю, и через некоторое время оттуда донесся плач Аллы. Выяснилось, что у нее умер отец, но ей не сообщили об этом, чтобы не расстраивать во время сессии. Для Аллы это был большой удар, но она сказала, что уже вышла замуж и домой не вернется.

Недели две она находилась у Накоховых в Абаза-Хабле. Керим приезжал из Ново-Кувинки, но, стесняясь заходить в дом, две ночи провел в машине Муссы. Свадьбу сыграли 16 июля 1970 года. Регистрация состоялась в Эрсаконе. Основное торжество проходило в доме бабушки, молодежь праздновала у Абдула Шенкао. Приехали родственники из Инжич-Чукуна, все прошло пристойно и красиво (9).

Остаток лета молодожены провели в Ново-Кувинске, а с началом нового учебного года уехали в Москву, сняли квартиру. Алла работала и продолжала учиться заочно, Керим учился и по возможности подрабатывал. Несмотря на то, что мама одна воспитывала двух маленьких девочек, она ежемесячно высылала им часть своей скудной зарплаты⁶⁷. Абдул навещал их несколько раз, и от этих встреч у него осталось благостное впечатление (33, 2).

Соня Чимова, знавшая людей, у которых семейная пара Мхце снимала квартиру, помнит их отзыв о Алле: исключительная хозяйка, чистоплотная, готовила очень вкусно, у мужа каждый день чистое белье, выглаженные брюки, рубашка... И все это она делала не столько по обязанности, сколько из глубокого чувства (38).

В ноябре 1972 года у Керима и Аллы родился сын Арсен. За несколько месяцев до этого события будущая мама вернулась в Ново-Кувинск и жила с матерью и младшими сестрами мужа,

⁶⁷ В личном деле студента К. Мхце сохранилась справка следующего содержания: «Выдана Мхце Александре Ахмедовне в том, что она работает в Адыг-Хабльском стройучастке СМУ Облмежколхозстроя в должности счетовода с месячным окладом 75 руб. 12 мая 1972 г.» // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 9.

а Керим перешел жить в общежитие и на каникулы с радостью приезжал к своим домочадцам. Именно эта пора найдет свое описание, выполненное с ностальгической теплотой и нежностью, в поэме «Воспоминание» (1983):

Сан лыгIвнапIпхатшакI
са йатагIасхьысхитI
пшката-пшката,
Спахвыц йхьыччабыжь
апещква йгIаргIвынгIитI,
Чай гIаталчвитIта
йгIалгитI спхIвысыгIи
дпшдзата-дпшдзата.
Саргы ауи
мадза-мадза сылпшитI

(Шершавые ладони мамы снова касаются меня нежно-нежно, из комнат раздается смех моего маленького сына, разливает чай и подносит мне жена, красивая-красивая, и я смотрю украдкой на нее).

Тамара Накохова, тетя Керима, во время беседы проронила фразу о Кериме и Алле: «Они соответствовали друг другу» (24). И мне думается, что у них действительно было много общего: и мировоззрение, и мироощущение, и представления о жизни, и отношение к людям... Аргумент, возможно, слабый, но мне показался не случайным, а многозначным тот факт, что оценки по предметам в аттестатах о среднем образовании у них практически одинаковые. Разница заключалась только в том, что у Аллы по русскому языку была четверка, у Керима – пятерка, по биологии – четверка, у Керима – пятерка, по географии – пятерка, у Керима – четверка. По всем остальным 12 предметам отметки идентичны, вплоть до отличного поведения у обоих.

Марьян запомнила Аллу красивой, полненькой и нежной. «Мы все ее очень полюбили. Была приятной, общительной, ладила со всеми» (30). И Люба Курачинова говорит ей в унисон: «Мы все обожали ее: гостеприимная, приветливая, веселая... Я не помню, чтобы она хоть раз поспорила с нашей мамой» (16). Люба Агирбова отозвалась просто: «Алла была необыкновенна» (1). Хадиль Натхов: «Другой такой мягкой я не встречал. Была очень радуш-

ной, заботливой. Все делала так, как нравилось Кериму. В то время и для Керима все мысли сходились на ней. («Алла лакIвын хъ-выцрата йымаз»). Я могу свидетельствовать об этом, потому что являлся посредником между ними. И до армии, и после я видел, с какой теплотой и бережливостью он держал ее руку» (25).

Когда Керим окончил институт, Александра купила им посуду, диван, кресла, и молодая семья почти сразу же переехала в Черкесск, сняла квартиру на улице Привокзальной, за шестой школой. Хадиль помогал вносить и расставлять мебель, присутствовала Марьян и тоже помогала прибираться. Потом Алла накрыла стол, и Хадиль запомнил слова, произнесенные Керимом в тот вечер: «Мне от жизни много не нужно: стол, за которым я могу работать, кусок хлеба и чистый воротник рубашки. Буду писать и писать не переставая». Тогда же под настроение он прочитал из Евтушенко «Со мною вот что происходит...» (25).

Тем же летом 1975 года Соня Чимова навестила семью Мхце и свои тогдашние впечатления выразила кратко: «Между ними все было великолепно». Когда закончились каникулы, она уехала в Саратов, в свой юридический институт, и там получила письмо от Аллы с сообщением о том, что они с Керимом расстались. «Когда я узнала об этом, у меня началась депрессия. Разрушилась красивая сказка», – с грустью завершает Соня рассказ на эту тему (38).

На развод подал Керим. И решением Черкесского городского суда от 13 октября 1975 года они были официально разведены. При этом Алла восстановила свою девичью фамилию. По этому поводу Соня замечает: «Если бы Керим не обидел Аллу сильно, она никогда не сменила бы фамилию» (38).

Керим ничего не сообщил родственникам, и последние ждали их вдвоем на свадьбе двоюродного брата. Приехал один Керим. На вопрос: «А где Алла?» – ответил: «Болеет» (31). Только потом все разъяснилось.

«Когда они разошлись, это явилось трагедией для всех нас, – говорит Марьян. – Мы просили его вернуться к Алле, но он отказался» (30). И Лиза Ионова утверждает: «Все мы хотели, чтобы он вернулся к Алле, упрашивали его. Он отмалчивался и оставался при своем мнении» (9).

О реакции матери на это событие поведала Люба Курачинова: «Это не передать на словах, сколько слез выплакала она тогда, как просила, умоляла его не сиротить сына. Но Керим был упрям, не-

преклонен и не слышал мольбы. Гордость, упрямство никогда не позволяли ему исправить те ошибки, которые он совершал сгоряча. Следствием этого скоропалительного решения и явилась вся его дальнейшая трагическая судьба. Мама очень надеялась, что он одумается и вернется к жене и сыну. Но все ее надежды рухнули в одночасье, когда она в очередной свой приезд увидела его с другой женщиной. (...) Она просила Керима расстаться с ней, не совершать ошибки, о которой он будет потом очень жалеть, на что он грубо (это было впервые) ответил: «Я сам знаю, что мне делать». Всю дорогу из Черкесска домой мама проплакала и за пеленою слез не заметила, что над нею все время стояла старушка, которой она не уступила места. Я помню ее неутешное горе, ее слезы. Я удивляюсь, как она вообще не ослепла»⁶⁸.

Я пытался разобраться в причинах произошедшего, выслушал много мнений, но сейчас мне не хотелось бы выносить это на всеобщее обсуждение. Просто остановимся на констатации факта как такового. Скажем только об одном: разлад начался не осенью 1975-го, а раньше, и Керим совершал свой роковой шаг не легко и бездумно, а страдая и мучаясь. Он встал перед дилеммой, когда, с одной стороны, не мог не развестись, а с другой – не желал этого, осознавал пагубность принимаемого решения. Мне кажется, что Керим оказался заложником собственных принципов, и в первую очередь – бескомпромиссности в отношениях с людьми, в том числе и самыми близкими.

В октябре 1925 года, завершая заметку «О себе», Есенин обмолвился многозначительной фразой: «Что касается остальных автобиографических сведений, – они в моих стихах»⁶⁹. Думается, Керим мог бы с полным правом повторить эти слова применительно к себе и своей поэзии. 25 августа 1993 года на мой вопрос «Между лирическим героем вашей поэзии и вами, Керимом Мхце, есть ли принципиальная разница?» поэт ответил буквально следующее: «Я не скажу: это не я, это мой герой; и здесь ошибся он, и здесь слезы свои пролил он, и здесь рассердился, и здесь споткнулся и упал... Мой лирический герой и я – одно и то же лицо. Все, что происходит со мной, я пишу от своего имени, не пытаясь сгладить или приукрасить. И если мышление моего героя,

⁶⁸ Из письма Л.Г. Курачиной от 26.06.09. – Архив П.К. Чекалова.

⁶⁹ Есенин С.А. О себе // Есенин С.А. Собр. соч. в 2 т. Т. 1. – Минск: Мастацкая літаратура, 1992. – С. 24.

испытываемые им чувства где-либо не совпадают с моими, – такие стихи я считаю неудачными» (19, 3).

Еще ранее в публикации «Еще одна заря для меня занимается» Мхце писал: «С тех пор, как я осознал себя поэтом, я пытаюсь выплеснуть в свои сочинения все, что происходит в моей душе. И если сегодня мне не удастся это в полной мере, то завтра или послезавтра я добьюсь этого обязательно»⁷⁰.

Таким образом, мы можем говорить о полной идентичности автора и его лирического героя.

Теперь вернемся к любовной лирике книги «Эта земля», собранной в разделе «Когда я не вернулся».

Юношеский задор и максимализм, свойственные лирическому субъекту ранней поры, находят отдельные отклики и в стихах начала 1970-х годов, но не мажорное настроение становится его определяющей чертой в это время. Восторженный герой уступает свое место зрелому, уравновешенному мужчине, чуждому кокетства и легкомыслия. Он серьезен, как серьезны и чувства, испытываемые им. Ярким примером тому служит «Сонет», где пребывающий в печальном состоянии герой (стихотворение открывается мотивом стона-жалобы проводов, несущих грустные вести о любимой) со скорбной интонацией, которой нельзя не верить, признается, что любимая – единственное, чем он обладает; и благодаря только ей светит его солнце, крутится его земля, просыпается луна. Испытываемая героем любовь настолько сильна, что сердце его болит до рассвета... И эта физически ощущаемая боль, понимание неподдельности испытываемых ощущений позволяет молодому человеку бросить вызов самому Шекспиру, утверждавшему, что он не торгует любовью, вследствие чего и чурается славить ее (только торгаши расхваливают свой товар):

Шекспир йхІвун: «Сара йгъстиуам сбзибара.
Ауи акІвпІ ауи зынги йызсмыртшхъвауа.
Ймарата йа ймызшІата зсымхІвауа».

(Шекспир говорил: «Я не продаю любовь. Поэтому никогда ее не расхваливаю, сравнивая ее с солнцем или молодой луной»).

⁷⁰ Мхце К. «Еще одна заря занимается...» // Коммунизм алашара. – 1984. – 6 дек.

Лирический герой К. Мхце придерживается противоположной точки зрения:

Саргы йгыстиуам. Ауаса санйиштара
Саштамсуата йсыртшхъвитІ сара ауи,
Ййжвдырныс ахъаз йызсымтиуагы.

(И я не торгую любовью. Но с тех пор, как встретился с ней, непрестанно славлю ее, чтобы знали вы, почему я ею и не торгую).

Немалым мужеством нужно было обладать двадцатичетырехлетнему поэту, чтобы вступить в полемику с классиком мировой литературы, не боясь дискредитировать себя и свой слог на фоне освященных веками гениальных строк. И нужно признать, что Мхце показал себя достойным оппонентом, в чьей поэзии обнаруживается своя твердая логика, еще более усиливаемая интонацией внутренней убежденности в своей правоте. Отметим и факт того, что в «Сонете» нельзя выявить ни одного изъяна формального и содержательного характера, здесь все совершенно, и стихотворение можно признать одним из самых лучших в третьей книге Мхце⁷¹.

Своеобразием и оригинальностью обладает и стихотворение «Последние известия...»:

ЙцІыхъвахауа адуней ахабарква
РадиуакІ псейспа зджъара йгІанахІватІ...
Бара бсальамшвъа гъсызгІамитІ йатаркІвах,
Бара бсальамшвъа зджъара ймыгІвхънагатІ.
ЙгІасгвыквгІвитІ арыбакІ абжы хъарачІвыла.
Спсыта сгІагылхшва, ашахв гІацІнапитІ.
Антенната сгвы тшнанархан бара бпныла
ЙцІыхъвахауа ахабарква йрызпшитІ...

(Последние известия где-то тихо передает радио... Твое письмо не пришло ко мне снова, твое письмо свернуло куда-то. Издали

⁷¹ Анализ формальных признаков «Сонета» К. Мхце дан в книге Чекалова П.К. и Тхайцуховой А.М. «Ранняя лирика К.Л. Мхце» (Невинномысск, 2008. – С. 107–109). Немаловажно отметить и то, что данное стихотворение явилось первым примером сонета в абазинской поэзии и было опубликовано в национальной газете 13 ноября 1973 г.

доносится крик петуха, разгорается заря, словно я умер и ожил снова. Сердце мое повернулось к тебе антенной и ожидает последних известий...)

В данном случае помимо основного и прекрасного образа сердца-антенны привлекает внимание и то, что стихотворение открывается бытовой деталью: звучащими по радио последними известиями. Этот же мотив повторится и в финале стихотворения, но здесь он несет уже совершенно иную эмоциональную и смысловую нагрузку. Если во вступительной части известия о мировых событиях выступают безучастным фоном переживаний лирического героя, то в конце они связываются с любимой, по которой герой соскучился, изжаждался, и именно поэтому сердце его, перевоплощаясь в антенну, пытается выудить из равнодушного эфира хоть какие-то сведения о возлюбленной. Заметим, что заключительные строки живо представляют воображению читателя раскрывающееся антенной сердце, жаждущее известий о любимой.

Если в последнем произведении мы видим покорного судьбе влюбленного, безропотно ожидающего милосердной весточки от любимой, то в стихотворении «До меня доносится голос девушки...» все меняется резко и кардинально: в герое обнаруживается горячность, решимость, способность предпринять гибельный для себя роковой шаг, не согласующийся с его же здравым смыслом:

ЙгПасгвыквгІвитІ пхІвыспа бжъыкІ:
 «Зны угІасызпшы,
 Уымгвжважван, сара сакІвпІ йазалху уылахь!»
 Ауаса йгвыжвкІтІ сызсыз къамчыла стшы,
 ЙсызгІашамрысхуа станагитІ ахъылагъ.

(До меня доносится крик девушки: «Подожди, не торопись, это я предназначена тебе судьбой». Но взвился ударенный камчой мой конь и неудержимо уносит меня в пропасть.)

Образ вышедшего из повиновения коня олицетворяет личную судьбу героя, уже не властного, потерявшего контроль и управление над самим собой⁷².

⁷² О творческих переключках данного стихотворения с произведениями В. Высоцкого, А. Блока, Ф. Петрарки – в книге Чекалова П.К. и Тхайцуховой А.М. «Ранняя лирика К.Л. Мхце» (Невинномысск, 2008. – С. 105 – 106).

Можно предположить, что в миниатюре отразилось поведение самого поэта в кризисный для его семьи и личной жизни момент. Заметим, что герой ясно осознает гибельность и неправимость предпринятого горяча шага; также остается большая доля вероятности в том, что девушка, чей крик доносится до него, действительно предназначена ему судьбой, но в силу довлеющих над ним принципов он принимает роковое для себя решение.

Наметившаяся тенденция драматизации любовных отношений находит свое продолжение и в стихотворении «Зухра», в первой части которого в виде диалога со звездой излагается восточная легенда о том, что некогда земная красавица, обманутая своим любимым, вознеслась в небеса и засветилась звездой. Во второй части создается сходная с легендой ситуация, когда лирическому герою представляется, будто по его вине вот-вот вознесется на небо новой звездой еще одна женщина:

СГґацамшшуа сцун сара зджъарала,
Баргъи бсызпшуан датша зджъара.
Сыгвгъи нашхыйахун мадзата, –
Йызбун схґатырла хъвлапынхъакґ
Йґлакґкґушшва хґхъахъла хъарадзата
Уахъчґвала йпхґвыспаркґву йачґвакґ.

(Не оглядываясь, шел я в свою сторону, а ты ждала меня в другой. И сердце наполнялось тайной грустью, – все казалось, что из-за меня вечерней порой высоко над нами загорится еще сегодня являющаяся девушкой звезда.)

По неведомой для читателя причине лирический герой осознанно идет в обратную от того места, где ждет его любимая, сторону, не оправдывая, обманывая ее надежды и ожидание, вследствие чего, по восточной традиции, девушка может перевоплотиться в звезду. Если перевести язык высокой метафоры на обычный, выяснится, что лирический герой своим обманом попросту убивает любящую его девушку.

В стихотворении «Ушедшая любовь» (название подлинника «Йырдаз абзибара» прочитывается как «Совершившая побег любовь») происходит персонификация человеческого чувства:

...Зны уахъыкІ, йыздырхитІ, уахълащцаран,
ЙгвыжвкІыз йапш, ажвакІгъи амхІвауа,
Йырдан йтшкІарыцІтІ сара сбзибара,
СбызГаннажъын йалалхтІ аквашуа.
Йахъазыта йыквылтІ архъа гъвгъвара,
Йъацауи йъагайуи амбауа.
Абараса йсчвырдатІ абзибара,
Ащтаквагъи аджвджвахтІ аквашуа.

(...Однажды ночью, помню, ночь была темной, будто затаив обиду, не говоря ни слова, ушла со двора моя любовь; оставила меня тебе и ушла в ливень. Одиноко вышла она на равнину поля, не разбирая дороги. Вот так от меня сбежала любовь, и следы ее смыл ливень.)

Благодаря персонификации любви создается впечатление, будто она способна самостоятельно принимать и реализовать решения, не согласовывая их с самим обладателем любви и даже как бы вопреки его желанию: в последующей строфе лирический герой выбегает вслед за любовью, но не догоняет ее, зовет, но она не возвращается. Бесповоротность принятого решения и безвозвратность любви подчеркивается потерей ее следов, смытых дождем. Символично и то, что любовь совершает свой побег в неблагоприятное для лирического героя время суток – ночью, причем подчеркивается темнота. Таким образом, наряду с дождем ночь и темнота становятся олицетворением враждебных герою сил. В заключительной строфе к ним добавляются еще и тучи:

Аквашуа гІакІачІвитІ ауищтара,
ХІпсыХІва йгъгыцІхуам апстХІва жвпІаквагъи.

(С тех пор не переставая льет ливень и нашу долину не покидают густые тучи.)

Углубление кризиса взаимоотношений наблюдается в стихотворении с характерным названием «Ты ушла...», где лирический герой уже не выбегает за любимой и не зовет ее обратно; ее образ удаляется все дальше, дальше и растворяется в тумане. Здесь констатируется не только то, что уже произошло, но и то, что так или иначе должно свершиться:

Зны йГасыбтыз бара бпыкквва рпхара
Адзын апша хышвашваквва йыдрыдэхтI.
Бышцагы сыргIващущтI, йанГаталра
Абыгыь гIважъквви айачIвакви рыцIх.

(Подаренное тобой когда-то тепло твоих губ разнесли холодные осенние ветры. И следы твои потеряю, когда наступит ночь желтых листьев и звезд.)

В стихи врываются осенние мотивы с негативной семантикой: холодные осенние ветры, ночь желтых листьев... И окончательный разрыв с любимой связывается именно с ними. Но здесь проявляется один любопытный момент: мотив забвения, потеря, неразличение следов любимой происходит не само собой, не естественным путем; в этих строчках просматривается некая психологическая установка на необходимость забыть любимую.

Стихотворение «Просил тебя я про себя...» каким-либо внешним эффектом, скрытым или явным парадоксом не обладает, но оно подкупает лирической интонацией, проникновенностью, настроением грусти, незримо разлитым по всему тексту, хотя при этом сами слова «грусть» или «печаль» в шестистишии не используются ни разу:

Ба сбыхIвун ствыла: «ЙIсыргIвах сара
Аурам апны бара санбынйара
Бъананадасхуа сылапш бгвашв апныдза».

Ауаса йгьсызбмыргIватI бара закIгы:
ЙатаркIвах сычва счвыбдзатI уахъагы,
ЙатаркIвах сбызбырхъвыцитI ба шарпныдза...

(Просил тебя я про себя: «Прости меня за то, что при встрече на улице мой взгляд провожает тебя до твоих ворот». Но ты не простила мне ничего: снова ты увела от меня сон и снова заставляешь думать о себе до рассвета.)

Любопытно в первую очередь то, что просьба о прощении проговаривается про себя. Во-вторых, герой извиняется не за то, в чем действительно виноват, а за безвинное в общем-то занятие. Но это как бы подразумевает более тяжелую вину, на что указывает твердая и категоричная фраза «Но ты не простила мне ничего», пере-

бывающая интонацию проникновенной нежности. И само звучание стиха, и бессонная ночь, и мысли до рассвета неопровержимо свидетельствуют о том, что вопреки всем предпринятым усилиям в душе лирического героя остаются нити, связывающие его с этой женщиной. Последующие стихи выразят этот же мотив с еще большей очевидностью.

Стихотворение «В комнате...», включенное в «Эту землю», впоследствии было несколько откорректировано, в результате чего получило еще большую выразительность. Поэтому сразу обратимся к окончательному варианту:

Апещ апны бари сари хІхъазы,
 ХІсабихъа гІайхшва, хІасуан тшкъачІвахы.
 Сара йскъазуун – сылаква хъызгІватІ,
 Спсы гвжважвауа гІважвадзагъи спхъадзатІ.
 ЙгІважвизакІхуз... сгІашІхатІ. ЙгІашаркІкІун.
 Ба тшыкъабчІвахта спец быгІвнашшва йзбун.

(Мы с тобой играли в прятки в комнате, будто к нам вернулось детство. Настала моя очередь. Я закрыл глаза, с торопящейся душой досчитал до двадцати. На двадцать первом я... проснулся. Рассветало. Мне все еще казалось, будто ты спряталась в моей комнате.)

Миниатюра построена на столкновении сна и яви. Сны неподвластны человеческому разуму, в них не срабатывают принципы и установки, по тем или иным причинам принятые в качестве программы действия в реальной жизни. В этом смысле человек во сне является в своей естественной ипостаси, свободным от регламентации и рационализма, и именно поэтому свободная от диктата разума душа лирического героя во сне стремится объединиться с любимой. И вот они одни в комнате, как дети, играют в прятки... И особое значение здесь обретает то, с каким волнением считает лирический герой до двадцати. Словосочетание «спсы гвжважвауа» (с торопящейся душой) придает тексту некую сакральность, ощущение того, что вот-вот случится нечто чудесное, судьбоносное. Стиху придается эмоциональное напряжение, и на этом фоне неожиданность того, что следует за многоточием, обладает гораздо большим эстетическим воздействием. Контраст между тем, что герой мгновение назад во сне был в шаге от любимой, а в реально-

сти оказывается в одиночестве, осуществлен эффектно. Последняя строка подразумевает куда больше того, что она на первый взгляд означает. Здесь передано не просто состояние человека, не до конца отошедшего от сна и механически воспринимающего реальность как продолжение сна; здесь выражено желание вопреки всему, что произошло ранее, чтобы любимая не только во сне, но и наяву была рядом. И вот эта мысль, обнаруживающая себя подспудно, вторым планом, придает стиху особое настроение трагизма оставленного любимой человека, и тщетность его желаний, и жалость, и сопереживание его безрадостному одиночеству.

В стихотворении «Ночь темна...» образ ночи выступает олицетворением тьмы и уже поэтому несет в себе негативную семантику. Символическое значение ночи и тьмы близко символике черного цвета, отрицающего свет. Любопытно, что в геральдике черный цвет помимо других обозначений имеет еще семантику *постоянства в грусти и несчастиях: он связан с комплексом одиночества, неотделим от меланхолии и часто сопровождается страхом жизни и отчаянием*⁷³.

Образ лающих в ночи собак, проявляющих свою агрессивную сущность и опасные инстинкты, усугубляет и без того неблагоприятную картину, а беззвучно опадающие листья снова навевают связанный с печалью осенний мотив. Немаловажно и то, что в окно к лирическому герою заглядывает звезда, предельно уменьшающаяся в своей величине: «йачIва хвыцдзак» можно перевести как «самая маленькая звездочка, меньше которой просто не бывает». Характерен и тот факт, что звезда представляется на грани реального и нереального: «йгIацIалшва сыла» – то есть будто примерещилась...

На протяжении первых двух строф лирический герой еще ни единым словом не обмолвился о собственном состоянии, но нарисованная картина уже не сулит не только ничего оптимистического, она настораживает, настраивает на некое неблагоприятное. Особенно важна здесь роль звезды – символа человеческой и творческой судьбы героя: мало того что она уменьшается до таких размеров, что, кажется, вот-вот погаснет (убавление света в поэтике Мхце – недобрый знак), возникает еще ощущение, будто эта звезда не настоящая, будто она только привиделась герою.

⁷³ Жюльен Н. Словарь символов. Иллюстрированный справочник. – Изд-во «Урал LTD», 1999. – С. 457.

Вторая половина стихотворения разъясняет все предчувствия, овладевшие читателем:

ЙшитІ алагварта,
ЙдрыгвжважвитІ сгвы,
Сынасып шкІвокІва:
ЙсрахІаз зны,
Сгвашвхъа йазГайхта
Ари асахІат
ЙГІатшкІларарымжъхуазшва
Ауат...

Общее содержание этих строк можно передать приблизительно так: лает стая собак, заставляя тревожиться сердце, будто они не пускают ко мне белое счастье мое, вспугнутое мной однажды, но вернувшееся к моим воротам...

При подстрочном переводе мы специально оговорились «приблизительно», потому что русский синтаксис не позволяет вполне адекватно передать то, что выражено в этих строках. В подлиннике важное значение приобретает последовательность событий: лающая стая собак (стая олицетворяет значительность угрожающей силы агрессивной стороны), состояние тревожности сердца, белое счастье (олицетворение любимой; белый цвет – символ света, божественной сути⁷⁴; эпитет подчеркивает не только чистоту и целомудрие, но и трепетность отношения), возвращение счастья к воротам героя вопреки нанесенной обиде, непропускание собаками его к герою...

Вынесение драматической развязки о том, что собаки не пропускают к герою возвратившееся к нему белое счастье, в самый конец стиха, конечно же, привносит больше впечатляющей силы, но здесь важным становится не только то, что и где сказано, но и *как*.

Строки стихотворения «Ночь темна...», как правило, состоят из двух слов, и при этом длина нечетных строк достигает пяти слогов, а четных – четырех. Такая структура выдерживается до самого финала, и только последние две строки нарушают этот строй: каждая из них состоит только из одного слова, причем предпоследняя – нечетная, на которую выпадало обычно пять слогов,

⁷⁴ Жюльен Н. Словарь символов. Иллюстрированный справочник. – Изд-во «Урал LTD», 1999. – С. 452.

растягивается до шести, а заключительная – четная, предполагавшая четыре слога, вдруг сокращается до двух.

ЙгІатшкІарарымжъхуазшва
Ауат...

Будто не пропускают
Они...

Получается так, что К. Мхце не только смысловым наполнением предпоследнего, главного в семантическом аспекте слова, но и его растянувшейся формой, выпирающей за обычные пределы предыдущих строк, показывает величину преграды, вставшей на пути пытающегося возвратиться счастья, и сразу за этим следует обрыв повествования краткой строкой в два слога...

Невозможность возвращения счастья оттеняется изменением и общего ритмического рисунка заключительных строк, не вписывающихся, нарушающих привычный размер усеченного двустопного дактиля. Таким образом, не только содержательный, но и формальный план выражения обретает предельную отчетливость.

Несомненный талант К. Мхце в данном случае заключается и в том, что все эти элементы стиха, которые приходится объяснять пространно, просто и безыскусно воплощены всего в **30 словах**. Но при этом они выстроены в такой синтаксической взаимосвязи, наполнены таким настроением, что старая, как мир, человеческая драма предстает в совершенно оригинальной форме, во всей свежести и неподдельности.

Осенние и ночные мотивы, ставшие почти постоянным атрибутом любовной лирики К. Мхце начала 1970-х годов, снова проявляют себя в стихотворении с характерным названием «Осенней ночью»:

Акаца махъвда хъапщ ду йгІаквчІван амыз,
ЙгІаспшитІ сара, нашхыйадза йдзыргІвуа,
Баргьи араса акІвзарын бшгІаспшуашыз,
ЙхІымдырдзакІва хІанйахзарквныз уахъчІва...

(На ветке золотой акации присевшая луна смотрит на меня в молчаливой печали. Наверно, и ты смотрела бы так же, если бы мы случайно встретились сегодня.)

Мотив печали в первую очередь связывается с луной, а затем уже, как предположение, – с любимой. Последний штрих позво-

ляет судить о том, что и возлюбленная переживает разлад и разрыв с героем, и ей сложившаяся ситуация радости не доставляет. Но при этом состояние самого лирического героя как бы остается в тени, на этом внимание в тексте не акцентируется. Но заметим, что луна сама по себе быть грустной или веселой не может, это человек может преобладать в том или ином настроении и рассматривать окружающие предметы и явления сквозь призму собственного психологического состояния. Таким образом, становится ясно, что это не луна смотрит печально на лирического героя, а он печально – на нее. Помимо того отметим, что размеренный пятистопный ямб с пиррихией преимущественно на предпоследней стопе удачно оттеняет общую атмосферу грусти, разлитую по всему произведению.

Во второй строфе продолжается перекрещивание ощущений человека и природы:

Сгъарычвуам сылахь. СцитІ апша гІасшІасуа.
Йнымшас насыпкІ йазыпшгІитІ апшагы.
Шарпныдза абыгъь хъапщква бхъышв йангІасуа
ЗакІы базхъвыцуа бгъзымчвхумищтІ баргы?

(Судьба не позволяет мне заснуть. Иду, ударяемый ветром в грудь. Небывалого счастья ищет и ветер. Когда до рассвета золотые листья стучатся в твоё окно, может, и тебе не удастся заснуть?)

Лирический герой уже не просто предполагает. Сквозь вопросительную интонацию последнего предложения прорывается желание, чтобы и любимая не спала, чтобы и она переживала, сожалела о случившемся, как он, бредущий в ночи в поисках небывалого счастья навстречу ветру.

Но герой может предположить и другой расклад, иное положение дел:

Ауаса, хъгІата бычвхызтын, бгІапсата,
Бпа хвыц йбыкІву пхызла дыббауа, –
О бзила йгІабхъашатІ... Ашва пшкадзата
Сбзибара кІъаса бзалыргІатІ бара.

(Но если ты, устав, заснула сладко, видя во сне своего маленького сына, лежащего рядом с тобой, – о, доброго тебе рас-

света... Пусть нежной песней станет для тебя поздняя моя любовь.)

Это кульминация. Герой не только однозначно выражает свое отношение к спящей женщине, он окружает этот сон бесконечной добротой и нежностью, желанием не потревожить его даже своей любовью. Беспредельность гуманизма лирического героя проявляется особенно отчетливо на фоне того, что он обращен к женщине, с которой счит нужным (возможным) расстаться.

Развязка стиха реализуется в заключительной четвертой строфе:

Саргыи сГашПамсуа хКыт хвыц аурам тшвала
Агвашквва йадыркГыхыз срыГвсуа сцитГ...
ЙГпачврыкГьачврысын, ажвГванд алактала
Ладзцыра цкязшва айачГва гГалбГитГ.

(И я, не останавливаясь, иду мимо закрытых ворот по тесной улочке моего маленького аула. По лицу неба, словно чистая слеза, падает, просяив, звезда.)

Образ чистой слезы, возникающий в самом финале стихотворения, символизирует оплакивание драмы любовных отношений двух заплутавших в своих чувствах людей, невозможность, невозстановимость их любви.

* * *

К рассматриваемому в данной главе материалу тематически примыкает раздел «Была ли ты в жизни моей?» книги К. Мхце 1979 года «В одном мире». Нет никакого сомнения в том, что почти все стихи, вошедшие в него, были адресованы Алле Чекуновой. Поэтому, забегая вперед, остановимся на некоторых из них.

Стихотворение «До свиданья» состоит из четырех строф, каждая из которых открывается заглавным словом, образующим анафору. Но при этом выявляется одна любопытная психологическая особенность: прощаясь с любимой навсегда, герой как бы не вполне уверен в правильности предпринимаемого шага, и внутренние его колебания на письме выражаются многоточиями, сопровождающими это слово в начале первых двух строф: «До свиданья...» К третьей герой, вероятно, свыкается с принятой на себя ролью, голос его крепнет, и после прощального слова следует

уже точка: «До свиданья». Характерная для лирического героя Мхце модель поведения: данная строфа завершается пожеланием счастья женщине, с которой он расстанется:

Сара йбыстра сгвалата
Йсызбымтыз
Анасып бызГайыргIатI
Бара

(Счастье, которым я хотел, но не сумел одарить тебя, пусть придет к тебе).

В четвертой, заключительной строфе герой окончательно осознает, что возврата к прошлому быть не может, и бесповоротность принятого решения закрепляется восклицательным знаком: «До свиданья!» Но – психологический парадокс! – при этом лирический субъект признается: когда стемнеет его день (темнеющий день – метафора наступающей смерти), возможно, он обернется в сторону любимой для того, чтобы поведать ей, что всю жизнь любил землю, по которой она ступала... Тонкая иносказательность! Герой прощается с женщиной навсегда, попросту – бросает ее. Интуитивно он чувствует: в данной ситуации сказать ей, что он по-прежнему продолжает ее любить, будет нелепо, и он переносит свое невысказанное чувство на землю, которой она касалась. Явная неуместность снята, а признание в любви – осталось, потому что ясно: он и землю любит только потому, что его любимая почтила ее своими ногами.

На наш взгляд, поэт Андрей Галамага довольно удачно перевел это стихотворение на русский язык:

Прощай... Пора мне уходить...
Последний взгляд в твою бросаю сторону,
Словно желаю молча возвратить
Всю нежность, что тобою мне дарована.

Прощай... Меж нами сто путей
Проляжет пропастью неодолимою.
Ты не сумела стать судьбой моей,
И я твоей так и не стал, любимая.

Прощай. Пусть завтра на заре
По вешним травам поступью стремительной
Земное счастье явится тебе,
Которым не сумел я одарить тебя.

Прощай! День навсегда остыл,
А сердце разрывается от памяти
О том, как бесконечно я любил
Ту землю, на которую ступала ты...

Стихотворение «Non dolet» в истории абазинской литературы явилось первым и пока последним, в чем наименовании были использованы иностранные слова. Поэт сделал специальную сноску, в которой пояснил значение выведенных в заголовке слов и воспроизвел связанную с ними трагическую сцену. Перед интерпретацией стиха и нам придется возвратиться в историю Древнего Рима.

В 42 году нашей эры против правившего императора Клавдия был составлен заговор, среди участников которого находился и Авл Цецина Пэт, консул суффекта. После подавления восстания у него оставался только один выход – самоубийство, но на это у него не хватало решимости. Тогда жена его Аррия мужественно заколола себя и затем со словами «Пэт, не больно» передала кинжал супругу⁷⁵. Образ Аррии в искусстве стал популярным, и чаще всего изображался тот момент, когда она произносила ставшие крылатыми слова: «Paete, non dolet».

Стихотворение Мхце открывается строфой, в которой обнажена драматическая ситуация:

СырзабакІГІ сара шардара
Сгвыгъара мадзаква.
Ауаса... уачІвы сбзибара
Щра йдырцуштІ аугІаква...

(Долго боролся я со своими тайными мыслями. Но... завтра мою любовь люди поведут на казнь...)

Сразу отметим мотив борьбы, внутреннего сопротивления мучительным тайным мыслям. Герою не только сложно противостоять

⁷⁵ Беккер К.Ф. Мифы древнего мира. – Саратов: Надежда, 1995. – С. 665.

ять им, ему вообще трудно говорить на эту тему, на что красноречиво указывает знак многоточия после «но». Ощущение такое, будто ему не хватает воздуха, будто дыхание перехватывает уже от сознания того, что ему предстоит выговорить.

Как в стихотворении «Ушедшая любовь», и здесь чувство персонифицируется, словно оно самостоятельное существо, отдельное от лирического субъекта. Повествователь находится в таком подавленном состоянии, что даже не способен повлиять на ход событий, изменить что-либо: все происходит как бы вопреки и независимо от его желания.

Лирический герой Мхце, который постоянно находился в пути, подстегивал и себя, и поезд судьбы, впервые изображается в статике. Кажется, что время остановилось для него:

Ахвагаква рдуней сГалалын
Саргы схвагахатГ.
Сыггвжважвахуам са зджъаралагы
Ари асахIат

(Я вступил в мир теней и сам превратился в тень. Уже не тороплюсь никуда я в этот час).

В первую очередь строфа призвана передать психологическое состояние героя, его отрешенность от всех иных проблем бытия: весь мир сконцентрировался для него на том, что неминуемо должно свершиться завтра. Это же самое оттеняется и в следующей строфе: «Стынчра гъазрыхIум амзала / Ахъышв хъарала йГIакIкIаз» (мое спокойствие не может вспугнуть и свет, зажегшийся в дальнем окне). «Спокойствие» лирического субъекта в контексте стиха прочитывается как прострация, полное безразличие ко всему окружающему.

Обратим внимание и на то, как ненавязчиво вводится во второй и развивается в третьей строфе мотив теней, привносящий с собой зыбкое, ирреальное начало, когда герой оказывается на грани действительности и фантазии: «Ахвагаква сырпшумцара / ЙГIарныштит сгвы йГIаташваз» (глядя на тени, разгадываю то, что вселилось в сердце). И таким образом намечается плавный переход к историческим персонажам, Пэту и Аррии, чье появление мотивировано образом теней:

Абан дсызгІайитІ Аррия
СихълыргІващалгІан Пэт.
ЙгІалггІитІ апша ахъвмарра:
«Paete, non dolet...»

(Вон идет ко мне Аррия, перепутав меня с Пэтом. Сквозь игру ветра доносится: «Пэт, не больно...»)

Образ Пэта обретает важное значение не только в связи с необходимостью оттенить слабодушие лирического героя Мхце, его значение более глубоко: объединение, слияние с обреченным на смерть человеком переносит и ставит в его положение и лирического субъекта. И в сознании читателя исподволь происходит понимание того, что для героя потеря любви равносильна смерти, и именно поэтому он лишается воли. И хотя в начале стиха было сказано, что любовь на казнь поведут совершенно посторонние люди, читатель понимает, что это всего лишь условность: судьбу любви определяет только тот, кто ею обладает. И герой сейчас, на наших глазах решает, быть ей или не быть. И мы становимся свидетелями смертельного поединка разума, диктующего необходимость убийства, и сопротивляющегося сердца: этого делать нельзя, это равносильно самоубийству! И, таким образом, слабодушие героя, его нерешительность оборачиваются для читателя величием любви, на которую невозможно поднять руку. И чтобы воодушевить себя, выполнить долг, диктуемый сознанием, герой вызывает в памяти образ мужественной Аррии. И чаша весов перевешивает...

До сих пор мы наблюдали внутренний поединок между героем и его любовью. И теперь, когда уже принято решение, вводится образ самой любимой:

Бычв, спсы йапшу, бымгврымуа,
ЙлащарадзахатІ...
Саргы сыгъЧвыуам, йыббуа,
Ари асахІат

(Спи, подобная душе моей, бестревожно, уже стемнело совсем. Видишь, и я не плачу в этот час).

В ситуацию убийства вовлекается любимая. Подчеркиваем: не бывшая, а любимая сейчас, сию минуту, о чем красноречиво гово-

рит нежное обращение к ней. И над ее любовью – над ней – возносится кинжал. Казнь любви оборачивается казнью самой любимой. Страшная трагедия! И что поразительнее всего при этом? Безбрежная нежность, которой убийца поневоле окружает свою жертву, желание успокоить ее, не разрушить, сохранить сладость последних мгновений. Чтобы выработать стойкость в любимой перед лицом неизбежного, запрограммированного историческим сюжетом финала, герой приводит в пример собственное спокойствие, скрывая от нее то, через какие душевные мытарства пришлось ему пройти ради принятия решения. И скрывает опять же для того, чтобы продлить последние ее счастливые минуты, так как знание о страданиях любимого ее саму повергнет в мучения. Решение принято. Остается только страх боли. И герой по аналогии с Аррией пытается уверить себя в безболезненности конца:

ЦіскІ йгвжважвауа йпссГахитІ:

«Нон долет!»

АцІлаквагы тшдыршвшвахитІ:

«Нон долет...»

(Птица улетает поспешно: «Нон долет!» И деревья листву отряхают: «Нон долет...»)

И снова обратим внимание на знаки препинания. После упоминания о стремительно уносящейся, будто испугавшейся того, что сейчас свершится, птице «Не больно!» произнесено с восклицательным знаком. Это последнее самовоодушевление перед роковым взмахом клинка. Сама картина убийства любви в стихотворении не воспроизводится, для поэта это – вне искусства, но свершившийся факт удостоверяется знаком многоточия: после образа отряхающихся деревьев, ставших невольными свидетелями произошедшего, «Не больно...» звучит как последний вздох умирающего.

Выделим и следующую деталь. Образ дерева в мировом искусстве закрепился как аналог жизни: «Дерево в качестве воплощения жизненного начала олицетворяет стадии существования: рождение, рост, увядание, смерть»⁷⁶. Характерно, что в финале стиха Мхце оно выступает сбрасывающим листву, то есть осен-

⁷⁶ Словарь символов и знаков / Автор-составитель Н.Н. Рогалевиц. – Минск: Харвест, 2004. – С. 89.

не-предзимним, символизирующим близкую смерть. Помимо того, отряхающееся дерево ассоциируется с существом, содрогающимся от увиденной страшной картины расправы над собственной любовью.

По обнаженности чувств, пронзительности переживаемого трагического момента, четкости смысловой картины, формальному совершенству данное стихотворение Мхце выходит в разряд лучших произведений не только абазинской или северокавказских литератур, но и русской, и европейской, и мировой.

Стихотворение «Наше счастье» констатирует окончательный разрыв, произошедший между двумя близкими людьми:

ЙыгьхІзымхчатІ хІынасыпгы... Хамадза
АнцІрала хІанакъвыцІуаз
ХІа йыцІахІцІатІ ауи мадза-мадза
ХІгІвыджь хІымгІваква ъалыцІуаз.

ЙапшитІ амгІвайсыгІвчва гІашІаситІта.
ЙапшитІ щардала
Ауи йахъадзгылу хъадасата
Бари сари хІбзибара

(Не сумели мы сохранить свое счастье... Когда мы навеки расставались, словно чужие, мы похоронили его в том месте, где расходились наши пути. Прохожие останавливаются и смотрят. Смотрят долго на возвышающуюся надгробным камнем нашу любовь).

Великолепная развернутая метафора! Конец (гибель) счастья как самостоятельного живого существа; его погребение у развилки жизненных дорог людей, некогда любивших друг друга; надгробный памятник, на который подолгу взирают прохожие, отдавая дань уважения прекрасной любви!

За тысячелетия существования поэзии трудно найти в ней новую, никем не апробированную тему. Тема же разрыва отношений между людьми стара, как мир. Но при этом важен не столько повтор сам по себе, а умение выразить по-своему то, что прозвучало раньше у других. Достаточно молодой еще Керим блестяще справился со своей задачей, совершенно своеобразно и мастерски представив тему расставания. Это небольшое стихотворение –

еще одно неоспоримое свидетельство зрелости таланта абазинского поэта.

Названием раздела любовной лирики в книге «В одном мире» послужила первая строка следующего стихотворения:

Сбазара балазма кІаран?
МомкІва бгІасхъвыцма бара?
Сгвы йгъатахъым уыжвгІандзара
Бшхамаказ хъанацІара.

Сымшквагы цитІ закІакІымца,
Схъабрагы псейспадза йшлитІ.
СадзхъачІва сылахъ амгъымца
Суыса нашхыйаква згІвитІ.

Ужвы съабыйахуаш гъсыздырам,
ЙбасхІвуашын йцІасымкІуа
ЙшбызсыргІвахыз схъазыра,
БазыргІвара спазымпшуа.

ЙбасхІвуашын пхызла бшзымбахуа,
Сачвымшвауа сымцхІвара –
Тынчта, быгвгы сгІатамшвахуа
Ббазарныс ахъаз бара...

(Была ли ты в жизни моей? Или я тебя выдумал? Сердце мое до сих пор не желает верить в то, что ты стала чужой. И дни мои проходят один за другим, и волосы постепенно седеют. Сидя перед костром своей судьбы, я пишу свои грустные стихи. Я не знаю, где мы с тобой встретимся теперь. Я бы тебе рассказал, не скрывая, о том, что простил тебе свое одиночество, не дожидаясь прощения от тебя. Не страшась собственного обмана, сказал бы тебе, что ты не снишься мне больше, чтобы ты, не думая обо мне, жила спокойно.)

Выделим наиболее важные смысловые узлы.

1. «Сердце мое до сих пор не желает верить в то, что ты стала чужой». В принципе, здесь и комментировать нечего, состояние лирического субъекта выражено откровенно и недвусмысленно:

невзирая на состоявшийся разрыв, его сердце по-прежнему воспринимает оставленную женщину как родственную душу.

2. «Сидя перед костром своей судьбы, я пишу свои грустные стихи». «Грустные стихи» – свидетельство преобладающего настроения героя: будучи веселым, печальных стихов не пишет. Но здесь присутствует существенная в эмоционально-смысловом плане деталь. В оригинале слово «костер» («мгъымца») образовано из двух слов: «мгъы» – колючки, «мца» – костер. Получается не просто костер, а костер из колючек. И так как в стихотворении речь идет о *костре судьбы*, смыслообраз колючек напрямую соотносится с судьбой героя, тем самым подчеркивая болезненность его мироощущения.

3. «Я бы тебе рассказал, не скрывая, о том, что простил тебе свое одиночество, не дожидаясь прощения от тебя».

Существует узбекская поговорка: «Аплудисменты хлопаньем одной ладошки не получают». Это указание на то, что разногласия между двумя людьми возникают по вине не одного человека: повинны оба. И лирический герой безоглядно прощает любимой ее вину, не дожидаясь ее прощения: свою вину он готов нести до конца.

4. «Не страшась собственного обмана, сказал бы тебе, что ты не снишься мне больше, чтобы ты, не думая обо мне, жила спокойно».

Ключевым во всей фразе выступает слово «обман», обнажающее ложность утверждаемого. То есть вопреки сказанному адресат (любимая) продолжает сниться, значит, она не ушла из сердца, следовательно, любовь еще жива. Но зачем при этом нужно лгать? Почему нельзя называть все вещи своими именами? Чтобы не причинять любимой дополнительной боли. То, что произошло, – произошло. Возврата к прошлому – нет. Лирический герой понимает, что женщине проще примирить себя с мыслью о том, что ее бросили в результате того, что разлюбили. Но как ей жить с сознанием того, что человек, обрекший ее на одиночество, продолжает любить ее? И, чтобы не беречь ее раны болезненным напоминанием о своей любви, он предпочитает обман.

Люди, как правило, расстаются врагами, и в эту минуту им не до сантиментов. Лирический герой Мхце – исключение из этого правила: и в ситуации разрыва он остается великодушным, нежным, гуманным, как это ни покажется парадоксальным, по отношению к покидаемой женщине. «Трогающая душу гуманность»

(В.Г. Белинский) – только так можно охарактеризовать его поведение во время расставания.

Стихотворение «Вот звезды встали надо мной» открывается образом беспокойного, мечущегося во все земные пределы ветра, олицетворяющего весть о судьбе двух любящих. И он беспрестанно напоминает герою былое. И далее: «ЙгашарыкIвын амара пажы / СдзамгIва апны йарбахуаштI аптIа цыра» (с ранним рассветом высушит солнце каплю росы на моей щеке). Росинка – метафора слезы. Лирическому герою – горскому мужчине – неловко признаваться в том, что воспоминания о любимой вызывают у него слезы, но выстраиваемый образный ряд не позволяет усомниться в этом.

О том, что любимая не забывается, говорят и следующие строки: «Йсылшумишт йсхаштылхырны зны / БмачвкIыс апIхынадзара шаъаз?» (удастся ли забыть когда-нибудь, как выглядел ноготок на твоём мизинце?). Ощущение такое, будто герой тщится, старается забыть любимую, но память цепко держит и сохраняет ее облик вплоть до мизинца во всей первозданности.

Вопреки внутренней установке на необходимость забвения герой готов вывести ее образ на просторы вселенной, на всеобщее обозрение чистым и прекрасным («Бцкъата, бпшдзата бгIаквсцIуштI асатей»), и делает он это несмотря на то, что до сих пор у него болят раны сердца («Йсыхьыргы ствы ахвырта уыжвгIандзара»). Вопросный ряд: «Спокоен ли твой мир сегодня? Или тебе по-прежнему снится наша любовь?» («Йтынчума уахьчIва бара бдуней? / МомкIва пхызла йббаркIвума хIбзибара?») позволяет предположить, что и любимая тоже может быть подвержена тем же мучительным переживаниям, что и герой. Именно этот мотив дает поэту возможность завершить стихотворение обращением к ней:

МачкI йчIах. ЙцитI хIынцIра айшыс,
МачкI йчIах. Ауахь, ауахь хъарата
Зны хIанийахпIта хгIалагахпI шыц-шыц.

(Потерпи немного. Проходит наша короткая жизнь, потерпи немного. Там, где-то там далеко когда-нибудь мы встретимся снова и начнем все заново.)

Герой даже не определяет место будущей встречи более-менее точно, но читатель понимает, что слова «там, где-то там далеко» обозначают иной мир, где, по поверью, родственные людские души соединяются вновь.

* * *

В автобиографичном во многом романе В. Катаева «Алмазный мой венец», где под «Ключиками», «Птицеловами», «Королевичами» угадываются реальные писатели 1920–1930-х годов, есть одна знаменательная фраза: «Такова была подруга ключика – его первая любовь! – а то, что “она лукава”, выяснилось позже и нанесло ключику незаживающую рану, что оставила неизгладимый след на всем его творчестве, сделала его гениальным и привела в конце концов к медленному самоуничтожению»⁷⁷.

Через два десятка страниц Катаев возвращается к этой же теме относительно уже другого персонажа: «“Зинка” была его первая любовь, его бывшая жена, родившая ему двоих детей и потом ушедшая от него к знаменитому режиссеру. Королевич никогда не мог с этим смириться, хотя прошло уже порядочно времени. Я думаю, это и была та сердечная незаживающая рана, которая, по моему глубокому убеждению, (...) лежала в основе творчества каждого таланта»⁷⁸.

Можно догадаться, что речь здесь идет о Сергее Есенине и Зинаиде Райх.

С Керимом произошло нечто подобное: крушение первой любви, личная человеческая драма превратила молодого стихотворца в настоящего поэта; боль от потери любимой женщины придала его стиху драматизм, неподдельность чувств, пронзительность, способствовала обретению им неповторимо-исповедального поэтического голоса. Неслучайно, что именно с третьей поэтической книги в поэзию Мхце начинают прорываться трагические ноты.

Вероятно, не только сам развод, но причины, повлекшие его за собой, глубоко ранили чувствительное сердце поэта, повлияли на его мироощущение и мировосприятие, наложили неизгладимый отпечаток на лирику: грустные интонации, проявлявшиеся в отдельных стихах предыдущих лет, настроение непреходящей

⁷⁷ Катаев В. Алмазный мой венец. – М.: ДЭМ, 1990. – С. 101.

⁷⁸ Катаев В. Алмазный мой венец. – М.: ДЭМ, 1990. – С. 123.

печали становятся устойчивым фоном, постоянным спутником его лирического героя. И если даже потом, в последующих книгах будут встречаться светлые и безмятежные краски, все равно остается ощущение, будто они проявляются сквозь пелену грусти. Думаю, не ошибусь, если скажу, что преобладающим характером поэзии К. Мхце с этого времени становится элегический. Реальная судьба поэта, отражаясь в стихах, так или иначе формировала душевное состояние лирического героя, определяла общий дух и настроение его лирики.

* * *

Мухаммед Шебзухов сообщил: «Керим очень страдал после развода» (29). Сам поэт по этому поводу выразился: «Со мной не трагедия даже, катастрофа произошла в личной жизни» (19, 5). Но, вероятно, в силу причин, о которых писала сестра поэта (гордость, упрямство), он не смог своевременно выправить трагический зигзаг собственной судьбы.

Хадиль Натхов, хорошо знавший пару Мхце, полагает, что Алла продолжала любить Керима и ждала его возвращения. «Поэтому она так долго не выходила вторично замуж, хотя с ее красотой и обаянием ей это ничего не стоило» (25). И Соня Чимова, ближайшая подруга со школьных лет, утверждает: «Она его любила до последнего». И чуть ниже добавила: «В глубинном смысле она его не предала» (38).

Летом 1987 года, через 12 лет после разрыва с Керимом, Алла вышла замуж.

После смерти Керима среди его немногочисленных рукописей было обнаружено небольшое стихотворение:

Ба хъацIа бйыццатI, бчкIвынхъа гIайхызшва
ТшбыртачакIвынуа бчIвапI абар.
Ужвы тшыбчпаргъи анцIрала сбхъаштылхшва,
Хвагата йбыцызлуштI схабар.
Ба хъацIа бйыццатI бзи сшыббузымца,
Ауи са сакIвдзыбщитI уахъа.
ЙбыршапI зджбакIкIвата са бсызхъвыцуамца,
Ах, бшпаташшуаш щымта йшIахъа?

(Ты вышла замуж. И вот сидишь невестой, будто к тебе вернулась молодость. Хотя ты и притворяешься, будто забыла меня навсегда, весть обо мне будет следовать за тобой тенью. Ты вышла замуж, продолжая любить меня, тебе представляется, что он – это я. В мыслях обо мне ты как-нибудь дождешься рассвета, но, ах, как же ты взглянешь в лицо его утром?)

Не вдаваясь в рассуждения о художественном уровне произведения и его психологических нюансах, заметим только, что реакция подобными стихами на замужество Аллы говорит о равнодушии, безразличии автора к ее человеческой судьбе.

Со вторым мужем Алла прожила несколько лет, но впоследствии они расстались.

Светлана Закиосова, Леля Ионова, Соня Чимова свидетельствуют, что Керим в последние годы время от времени навещался к Алле. Характеризуя их взаимоотношения, Светлана использовала сравнение: как голубь и голубка. «Когда он видел Аллу, у него глаза всегда увлажнялись. Он говорил, что они расстались нелепо, и, если бы все начать заново, никогда бы не оставил ее. Я это слышала своими ушами. Когда я спросила его однажды: “За чем ты развелся с ней?” (“Ари дызк!ауыжыйа?”), он постучал себя по голове вот так: мол, дураком был» (7).

Алла пережила Керима только на четыре года: умерла в ноябре 2005 года. Незадолго до смерти увидела сон: она в белом свадебном платье на фоне природы, кругом цветы, навстречу бежит Керим, подхватывает ее на руки и уносит. После этого она сказала: «Скоро умру. Керим забирает меня к себе».

Про этот сон мне рассказали в разное время в разных местах Лиза Ионова (9) и Светлана Закиосова (7).

Я встречался с Аллой единственный раз – 25 октября 2004 года. И тогда я спросил ее, не осталось ли каких-либо писем и фотографий от Керима. «Нет, – ответила она. – Во время ссоры я при нем бросила их в огонь» (37).

Проблематика и стилевая манера сборника «В одном мире»

В автобиографии Керим утверждал, что во время обучения в Литинституте он создал две книги стихов: «Эта земля» и «В одном мире». Вероятно, у поэта были основания относить и второй сборник, изданный в 1979 году, к студенческому периоду. Во-первых, из предыдущей книги он перенес в него 28 – треть всех стихов. Помимо них сюда же вошли произведения, созданные за последнее полгода обучения в вузе, наиболее активное и плодотворное время, так как именно тогда он напряженно трудился над дипломной работой по творчеству «Когда проснутся белые акации». Есть основания предполагать, что и поэма «На поле Курском» тоже создана в студенческие годы. Но исходя из того факта, что сборник был сдан в набор 5 июля 1978 года, трудно себе представить, что автор не ввел в сборник ничего из того, что было создано им за три года после окончания института. Видимо, основной состав книги был сформирован из произведений студенческой поры, но исключать возможность включения туда стихотворений 1976–78 годов, кажется, будет не совсем осмотрительным. К этому мнению склоняет и рассмотренный уже раздел «Была ли ты в жизни моей?», название которого предполагает, что между разрывом с первой женой и стихами, посвященными ей, пролегла определенная дистанция, за время которой лирический герой успел забыть, вспомнить и усомниться: привиделась или на самом деле была в его судьбе женщина, которой его стихи адресованы? С учетом того, что в поэзии, в литературе вообще нельзя воспринимать все буквально, какая-то художественная условность все-таки сохраняется, тем не менее нельзя усомниться в том, что большая часть стихов раздела «Была ли ты в жизни моей?» написана уже после того, как развод был оформлен. Таким образом, будем исходить из того, что сборник «В одном мире» составили произведения, созданные как во время учебы в институте, так и в первые годы работы автора сотрудником национальной газеты.

Поэт вел отсчет своего серьезного творчества именно с этой, четвертой книги, предыдущие три считая ученическими. Таким образом, она становится пограничной между ранним периодом и порой зрелой профессиональной деятельности, вследствие

чего представляет особый интерес в художественно-эстетическом плане.

Выше мы говорили о том, что в школьные годы Керим вместе с одноклассниками неоднократно бывал на море и результатом тех впечатлений явились два небольших стихотворения с морской тематикой. Первое из них называется «Маленькая пальма» и вошло в «Эту землю»:

Апальма чкІвын хвынгылапІ
Атенгъыз атшпы.
ЙгІакІвритІта атолкъвынква
ТшгІахъырцитІ ащапІы.

«Бсызпшы! Бсызпшы! Бсызпшы!»-хІва
ЙджвыквылхитІ зджъара.
Апальма чкІвынгы рыуа
Йгъадырам йзызпшра.

(Маленькая пальма стоит на берегу моря, подползают к ней волны и омывают ей ногу. «Жди меня! Жди меня! Жди меня!» – говорят они и убегают обратно, а маленькая пальма не поймет, какую из них ожидать.)

Стихотворение представляет собой лирическую зарисовку о влюбленных в пальму морских волнах. И здесь в первую очередь удивляет воображение молодого поэта, придавшего новый любовный смысл обыденному явлению. Стихотворение одухотворяется, обретает лирическую высоту уже одним фактом того, что возможность влюбляться придается вещам, изначально лишенным какого-либо чувства. Но поэт углубляет содержание стиха антиномичным положением влюбленных: волны и пальма при всем их желании оказываются несоединимы. Но драматизм данного явления в стихотворении сводится к минимуму, у читателя остается впечатление, что в принципе любовь между пальмой и волнами возможна, нужно только выяснить, какую из них ожидать. А то, что ожидание это будет вечным, выносится как бы за рамки стиха.

От «Маленькой пальмы» веет какой-то детскостью, наивной, возвышенной и чистой одновременно. Это ощущается не только в представленных образах, но и в том, как они преподнесены, в самом строе речи стиха. И это позволяет нам сделать предположе-

ние, что стихотворение выросло именно из детских впечатлений автора.

Позже Мхце вернулся к теме взаимоотношений моря и пальмы и создал новое стихотворение. Здесь можно использовать и глагол «пересоздал», потому что стержневой мотив стиха остается тем же, видоизменяется только атрибутика любви. Стихотворение «У моря» (сборник «В одном мире») тоже повествует о романтической влюбленности:

АчІнышква алалпссГитІ йхъвмаруа,
Йтынчхым адзы тшаквначитІ...
Атенгъыз ду абзибара
Апальма чкІвын ачвшвитІ...

(Чайки летают, играясь, беспокойно хлещет вода... Любви огромного моря страшится маленькая пальма...)

Кардинальное отличие второго стиха от первого заключается в том, что там любовное чувство придавалось в какой-то мере равноположным категориям: волны с одной стороны и пальма с другой; а здесь – разновеликим: само море – это все-таки не то же самое, что волна. И в порыве нежности влюбленное создание объясняется: «Знаешь ли, что я прячу много всего в своей глубине? Не пугайся, никогда я не возьму больше того, что отдам. Только за то, что моя волна омывает твою ногу, я выбрасываю на берег жемчуга своего сердца...»

В первом стихотворении если и не декларировалась, то угадывалась какая-то зыбкая возможность взаимности, а здесь именно несопоставимость влюбленного и предмета любви приводит в трепет саму пальму:

Ауаса апальма кІъазызитІ
Тшаланарпан атшпы.
ТшГІащГІнахын ауи йазыГІвитІ
Збзибара йарлагаз адзы!

(Но пальма трепещет, вцепившись в берег. Приподнявшись, несется к ней обезумевшая от любви вода!)

Во втором стихотворении драматизм положения вещей обнаженной, чем в первом. При всей силе любви, при всей готовности

выплеснуть к ногам пальмы все сокровища сердца, пальму пугают мощь и буйство чувств моря. Отсюда и усиление ощущения невозможности взаимности.

В данном стихотворении, конечно, в первую очередь привлекает образ огромного моря, способного влюбиться в прибрежную пальму. Определенный эффект произведению придает и то, что громадное существо чувствует, страдает, сходит с ума от такого, казалось бы, маленького по сравнению с его величиной чувства, как любовь. И какую-то монументальность образу придают заключительные строки, в которых одуревшая от страсти вода, приподнявшись, несется к пальме. Как видим, поэт умеет находить новые грани, повороты, играть на возможно-невозможном, стилизовать разновеликие величины, заставляя их влюбляться...

Одним из самых удачных стихотворений сборника представляется «Альдебаран», продолжающий и развивающий звездную тематику. Любопытен факт того, что ранее судьбоносная для героя звезда выступала безымянной, и обычно ее сопровождал эпитет «далекая». Теперь она конкретизируется, и в сноске дается пояснение названию: «Альдебаран – самая большая звезда в созвездии Тельца. Еще ее называют звездой цыган». Последняя оговорка не случайна, потому что звездная тема в стихотворении открывается и развивается в связи с цыганской:

Ауахъ гІаталитІ,
ЙгІаш҃ыхатІ абан
Ац҃г҃анква рыйачІва
Альдебаран.

(Ночь наступает. Проснулась вон там звезда цыган Альдебаран.)

Попутно заметим, что здесь Мхце подхватывает и развивает традиции обращения к цыганской теме М. Чикатуева, чьи традиции в свою очередь восходят к пушкинским «Цыганам».

Обобщенный образ цыган Мхце представляет тонко, романтически, влюбленно. В сознании героя проступает пора детства, когда возле их аула располагались белые шатры; недалеко под сиянием звезды паслись кони, горел костер, и цыгане беззаботно пели песни, поглядывая вверх на свою звезду...

Прошло детство, и вместе с ним исчезли шатры цыган, но по-прежнему светит с небосклона звезда их счастья. И здесь, в финальной части, намечается переход к основной идее стихотворения, ради которой оно и было создано:

ЙГГалсын ачГыхвра,
ЙГГасхъадзгылтГ ауи...
Ацгъанква рылахь
ЙапшзапГ са счГвгы.

Ауи акГвапГ дыззымчвхуа
Йшплаз сара сан,
Лхъышв йанГакГылпшра
Альдебаран.

(Пронзив синеву, повисла она надо мной... Наверно, схожа с цыганской доля моя. Видимо, поэтому не может заснуть седая моя мать, когда заглядывает к ней в окно Альдебаран.)

Природная страсть цыган к странствиям становится определяющей чертой лирического героя Мхце, и в этом обнаруживается сходство их судеб, родственность душ, а вследствие этого и звезда счастья цыган становится личностной, избранной для самого героя. Текст стиха не оставляет сомнения в том, что и сама звезда сознательно берет его под свое покровительство: «Пронзив синеву, повисла она надо мной...» Существующая между звездой и лирическим героем духовная взаимосвязь осознается и матерью. И факт того, что заглядывающая к ней в окно символическая звезда, замещающая сына, лишает ее сна, вносит в заключительную часть стихотворения ноту щемящей грусти и нежности.

При знакомстве со сборником нельзя не обратить внимание на стихи, которые композиционно делятся на две части, причем каждая из них развивает свою тему, но поэт находит точку пересечения двух, казалось бы, различных мотивов и объединяет их в единый лирический поток. Таково, например, стихотворение «Издали смотрю на свой аул», в котором лирический субъект при наступлении вечера замечает: вот загорелся в начале селения огонек, а вот зажегся другой в конце. Они смотрят друг на друга, но не могут (в контексте стиха «не могут» прочитывается как «не смеют») встретиться, хотя выказать что-то, но – стесняются. А между

тем, загорая и разъединяя их, встает между ними множество других огней...

Этот лирический сюжет занимает первую половину стихотворения – первые две строфы, а в последующих двух происходит соотнесение судеб огней с человеческими судьбами:

Абараса зны апхъала,
Сквшы гІважвижвбакІ цІыма схІвитІ,
Ба бГІадритІ акыт ахъала,
Са – ацІыхъвала сГІадритІ.

ХІахъвлапшуан – хІыгъзадымгылуазтІ.
ЙГІахънымхІвыхуа йцун хІынцІра...
ЗъарагІвуда йГІахІбжагылыз
ХІабамйаухырныс хІара?

(Вот так же когда-то, лет двадцать девять тому назад, ты родилась в начале аула, а я родился в конце; разглядывали, но не смели подойти друг к другу, бесповоротно проносила жизнь... Сколько же встало людей между нами, чтобы мы потеряли друг друга?)

Вторая часть, как видим, практически повторяет все элементы сюжета первой: как и огни, два человека родились одновременно в начале и конце аула, стыдились встретиться и заговорить, а потом оказались разъединенными. Но тем не менее семантически и эмоционально вторая часть оказывается насыщеннее. Когда между двумя огоньками, преграждая и разбивая возможный счастливый союз, встают другие огни, становится грустно за неудавшееся счастье, но переживание наше не столь острое, так как сознание подготовлено к тому, что изначально они и не могли встретиться и предначертано им было жить (гореть) в разлуке. Но когда то же самое случается с двумя юными и робкими душами, это уже вызывает горькое сожаление, потому что на этот раз не сбывается то, что было возможно. Если в первом случае ночные огни механически, не сознавая, разрушают чужое счастье, и мы даже не можем упрекнуть их в чем-либо, так как участь их такова – зажигаться в свой срок, а за драматические последствия ответственности они не несут, то совсем другое дело – люди, которые при наличии доли чуткости и доброты в состоянии были не помешать соединению двух юных сердец, но невнимательность и пренебрежение к окру-

жающим становятся роковыми для лирического героя и его избранницы. Горестное впечатление усиливается в заключительных строках, где герой заочно обращается к потерянной навсегда второй половинке: «Сколько же встало людей между нами, чтобы мы потеряли друг друга?»

Следует заметить, что вопросительный знак в конце стихотворения – один из распространенных поэтических приемов К. Мхце. Он интуитивно почувствовал, что мысль, высказанная в вопросительной форме, звучит ненавязчивее, проникновеннее, вызывает больше сочувствия, нежели то, что декларируется прямо.

Структурно рассмотренному стихотворению соответствует и «Журавли возвращаются...» Оно тоже состоит из четырех строф, тематически делящихся на две равные половинки. Развитие поэтической мысли берет свое начало с констатации: журавли возвращаются, и люди выходят из домов и смотрят в небо, но они не догадываются, что в стае не хватает одного журавля, получившего тяжелую рану и погибшего в пути... Вот все содержание первой части. И если здесь в центре внимания находятся журавли, то во второй половине это место занимает уже лирический субъект. И происходит это благодаря тому, что поэт находит в характере и судьбе своего героя то, что сближает его с птицами: «Как журавли, и я в пути всю жизнь». И это прямое сравнение лишено какой-либо искусственности, оно совершенно естественно вплетается в ткань стиха, намечая переход от первой части ко второй. И далее лирическая мысль развивается следующим образом:

Зны, сГапшумца хІкытла,
 Спсыхырквын зджьара,
 Йанырпылуа асхъан
 ЙГайхквас гвыргъарала,
 ЙгвартырмиштГ аджвыраГв
 СшГамихыз сара?

(Если однажды, оглядываясь в сторону нашего аула, я умру где-то, когда будут радостно встречать возвращающихся, заметит ли хоть кто-нибудь, что я не вернулся?)

Мысль завершена в логическом и эмоциональном планах; конец стиха, возвращая нас к образу погибшего и не замеченного людьми журавля, еще одним крепким узлом связывается с на-

чалом, и эта перекличка еще прочнее объединяет два различных тематических пласта в единое лирическое целое. Но основное достоинство стихотворения, на наш взгляд, заключается не в том, что поэт сумел спаять воедино разные темы, и даже не в соотношении двух родственных по трагической судьбе образов. Если первая часть, по сути, повествовательна и только дает информацию о незамеченном не вернувшемся журавле, то вторая – соslagательна. Здесь констатация возможных трагических событий в судьбе героя переводится в вопросительную интонацию: заметят или нет его невозвращение? И за этим вопросом встает скрытое жгучее желание, чтобы заметили, чтобы обязательно вспомнили, погрузили... И помимо естественного человеческого желания людской благодарности в этом же вопросе звучит готовность лирического героя прожить так и так послужить своему народу, чтобы он был достоин если не долгой и доброй памяти, то хотя бы того, чтобы в определенный час заметили его отсутствие. А что он достоин будет такой участи, косвенно указывает то, что даже в минуту гибели он будет оглядываться в сторону родимого аула.

Стихотворение не может не покори́ть совершенством формы, лаконизмом и смысловой емкостью, четкостью развития лирической мысли, оригинальностью ее раскрытия и завершенностью. Покоряющее воздействие на читателя оказывает сама манера изложения, доверительность интонации, вопросительная форма, предполагающая сомнение и неуверенность. Кажется, стихотворение много потеряло бы, если бы заключительное пожелание было выражено иначе.

У К. Мхце практически нет произведений пейзажной лирики, которые так или иначе не были бы обращены к человеку, его миру, не имели бы философского звучания или обобщения. Одним из таких представляется стихотворение «Годы сыплются снегом»:

Асквшквa сытa йґґаситІ, алахь хвыцквa хьыргІвитІ.
 Са сґґацапшнысґы сґґахадзум, сґґвжважвауа сцитІ.
 Сылахь амґґваґы псейспадза йґґаквпІлитІ асы.
 Амш айшысґы гґалахьвлуштІ абар ужвласы...

(Годы сыплются снегом, заслоняя маленькие судьбы, а я не успеваю даже оглянуться, торопливо шагаю. И на дорогу моей судьбы медленно падает снег, и скоро погаснет короткий день...)

Стихотворение построено в виде разворачиваемой цепи метафор. В первой строке это годы-снега. Соотнесение летящих лет с падающим снегом позволяет поэту расширить метафору далее, используя глагол «заслоняют» по отношению к маленьким судьбам. В следующей строфе поэт уже индивидуализирует обобщенный образ: «И на дорогу моей судьбы медленно падает снег». И когда метафора обретает личностно-лирическое звучание, в стихотворение вводится тема матери, стряхивающей снег с одежды сына. Здесь образ снега дан в своем природном значении, а в заключительной строфе: «ЙскЫнбырпЛахуашшва йзбитІ санбызгІайхра уыжвгы / Схьабра псейспадза йгІаквпЛауа ари асгы...» (мне и сейчас кажется, что, когда я вернусь, ты стряхнешь с моих волос оседающий на них снег) под снегом подразумевается уже седина. Снег-седина в контексте стихотворения сближается с семантикой судьбы. И в сознании читателя эта цепочка взаимосвязей раскрывается не поэтапно, одна за другой, а благодаря выразительности образа – одновременно в первоначальном и метафорическом значениях. И подкупает не то, что поэт использовал расхожую метафору «седина – снег», а то, как при этом раскрывается лирическое переживание героя и его отношение к матери. Мы ощущаем, что повзрослевший герой сохранил свою детскую душу, раз живет в нем сознание того, что от прикосновения рук матери может перемениться, возможно, нескладно сложившаяся жизнь. Вот эта детская вера в магическую силу материнских рук, когда она так же просто, как стряхивала в детстве снег с одежды, может стряхнуть снег – седину – судьбу с головы (души) повзрослевшего сына, действительно покоряет.

Воспроизведем в этом месте перевод, выполненный А. Галамагой:

Годы снегом заносят чью-то радость, беду.
 Я дорогою жизни без оглядки иду.
 Мне судьбу замечает ровный, медленный снег;
 Вспыхнул день мой недолгий и погаснет навек...
 Помнишь, мама, встречала ты меня у дверей
 И сметала ладонью снег с одежды моей?
 Вот бы к дому родному снова ветер принес,
 Чтоб снежинки у сына ты смахнула с волос...

В другом стихотворении с образом снега ассоциируется мотив совести:

ЙшкІвокІвасышта архъа йыквпІ асы,
ХІара хІанхвыцыз хІнапа цкъа йапшдзата...
Асы йГІанылуаштІ ащтаква ласы
ЙГІвабджьадза, хъарала йнаубауата.

УацІыхъван йГІайуаштІ амара кІкІауа,
Асы ратыхуаштІ, йыггІанхушым щтакІгы.
Ауаса хІнапа щтата йанхІцІауа
ХІпсы ъадзату йгъазрартуашым маракІгы.

ХІпсы ъадзату хІхъазы хІангІанхара,
ХІгвы щтипхъадза йхІнарыхълуштІ хвырта чвъгата.
Апсра хІызгІайта срычвхІвала йангІашвшвра
Ауи асхъан акІвпІ хІанзычвуаш хІа тынчдзата.

Ауи асхъан йазхІыргІвахуаштІ хІхъа зымгІва,
АугІа разыргІвара-хІва хІазымпшуата.
Джъугъальата йхъаранагуштІ хІгшпынхІва,
Ауаса... хІа йгъхІыздырхуашым ауатква.

(Белый снег лежит на поле, подобный чистой нашей совести в детстве. Скоро на снегу появятся серые следы, заметные изда- лека. Потом придет, сверкая, солнце, растает снег, и не останется следов. Но след, оставляемый на совести, пока мы живы, никакое солнце не растопит. И пока жива в нас душа, совесть будет болеть тяжелой раной. И когда придет смерть и засвистит метелью, лишь тогда мы сможем уснуть спокойно. И только тогда мы простим себе все, не ожидая прощенья людей. И перекаати-полем унесется вдаль молва, но... мы уже об этом не узнаем.)

Нельзя не поразиться тому, с какой естественностью рожда- ется образ в произведениях Мхце. Ведь снег и судьба, снег и со- весть – понятия далекие друг от друга, а в стихотворениях поэта они сливаются и объединяются так легко и просто, будто самой природой они сращены были изначально.

Первые две строки, в которых проведена четкая параллель между чистотой снега и совестью ребенка, воздействуют поко-

ряюще, настолько они прекрасны, неожиданны и естественны одновременно. Далее мотив совести уходит как бы в сторону и развивается тема следов на снегу: какими бы грязными они ни были, придет яркое солнце, растопит снег, и они исчезнут. И вот здесь, во второй половине второй строфы, опять-таки естественным образом мотив совести возвращается и становится основным: но те следы, что оставляем мы на совести, пока мы живы, никакое солнце растопить не в силах. И в последующих двух строфах главенствующей становится тема большой совести, беспокоящей, как тяжелая рана. Только смерть избавит нас от боли, и только с ее наступлением уснем мы спокойно. Здесь уже логика развития поэтической мысли по четкости не уступает самим поэтическим образам. И великолепная концовка звучит достойным заключительным аккордом: только смерть может исцелить, примирить человека с большой совестью, а людская молва и пересуды удалятся и исчезнут сами собой, но мы об этом уже не узнаем...

Близость поэта-абазина к природе наложила отпечаток на всю образную систему. Все просто и, казалось бы, общеизвестно, и в то же время в какой оригинальной поэтической форме преподнесена тема большой совести! Как здесь все четко и выверено! И как горько столь поздно полученное прощение...

Но человек и природа в произведениях К. Мхце не всегда предстают в неразрывной гармонии, порой они и противопоставляются. Вот лирический герой идет по улице с опущенной головой («Иду по улице»)... Вообще для героя Мхце грусть настолько обычное состояние, что поначалу мы даже не обращаем внимания на то, как он идет. И, совсем как у Маяковского в известном стихотворении, солнце начинает беседу с поэтом, посмеивается над его печалью, до такой степени несущественной кажется ее причина. Грусть лирического героя оттеняется мажорностью образа солнца.

Вторая строфа открывается радостным пением птиц, заполнившим весь мир, и они провожают своей песней уходящий день. Но их веселая песня рождает в душе героя как бы мимолетную, спонтанно возникшую мысль: кто знает, может, они верят, что никогда не потеряют своего языка...

И только после того как стихотворение прочитано и конец его соотнесен с началом, мы понимаем, что упоминание в заключительной строке о языке птиц оказывается совершенно не случайным, а, наоборот, слово «язык» выступает узловым, и к нему

смещается смысловой центр всего стихотворения. Почему? Горестная интонация, которой сопровождается, казалось бы, невинное наблюдение, приоткрывает нам другую, прямо в стихотворении не высказанную мысль: в отличие от птиц люди способны терять свой язык. Таким образом, предметно выраженное противопоставление в первой строфе (человеческая печаль и ликующее солнечное сияние) во второй переходит в противопоставление на уровне логическом: птицы не могут лишиться языка, а люди – могут. И тогда только становится ясно, почему герой с самого начала шел с опущенной головой, какие мысли его отягощали, о чем была его печаль...

Уже за рамками разговора о стихотворении можно заметить, что проблема языка для абазин сегодня – одна из актуальнейших, и потеря его в не столь отдаленном будущем не представляется чем-то невероятным. Особенно ощущается это сейчас, но поэт уловил ее симптомы еще в студенческие годы. Вспомним отзыв на его курсовую работу проректора Галанова: «Это очень добросовестная и искренняя работа, содержащая немало серьезной информации относительно проблем, какие стоят перед абазинской литературой (...). К. Мхце откровенно пишет о своих тревогах насчет судеб родного языка и судеб своей литературы»⁷⁹.

Как видим, в дальнейшем эти проблемы не только не исчезли, а углубились еще больше, вследствие чего заняли свое место и в поэзии Мхце.

В стихотворении «Иду по улице» проблема языка обозначена на лирическом уровне: герой задумывается над безрадостной перспективой, и его одолевает печаль... Но это же стихотворение можно рассматривать своеобразной прелюдией к следующему стихотворению сборника – «Монолог», где снова ставятся вопросы языка, литературы, культуры, этноса, но ставятся они уже непосредственно – остро и страстно, с осязаемой болью в голосе...

Вообще лирический герой Мхце в обычной, не экстремальной обстановке преимущественно тихий, спокойный, несколько флегматичный человек, больше сосредоточенный в себе. Мягкий, как будто не уверенный в себе, в своих силах и возможностях, он, ка-

⁷⁹ Рецензия на курсовую работу студента 3 курса Керима Мхце на тему «Традиция и современность в творчестве абазинского поэта Микаэля Чикатуева» // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 14.

жется, не способен на эмоциональные всплески, пылкие порывы. Но в «Монолог» мы встречаемся с совершенно иными чертами героя: из тихого лирика он вдруг превращается в воинственного публициста. Ранее вечно сомневающийся, будто стесняющийся каких-либо твердых убеждений, здесь он занимает откровенно поучающую, назидательную позицию; в порыве страсти голос его обретает поэтический накал, доходит до иронии и сарказма. Такие перемены в облике лирического героя, думается, не могут быть случайными и вызваны болезненностью затронутой темы, горячим желанием указать современникам на бедственное положение этноса и национальной культуры.

Характерно и то, что в отличие от других рассмотренных произведений «Монолог» написан белым стихом. И форма его как бы призвана подчеркнуть, что все высказываемое – давно накопело и внезапно прорвалось наружу из горячей груди поэта в виде необработанной породы, еще не остывшей лавы, не успевшей принять канонические формы силлаботоники:

В такие вот мгновенья и часы,
когда ты убежишь,
оставив далеко
людей, отчаянно спешащих,
как будто убегающих от смерти,
когда наедине ты сам с собой,
из сердца поднимается, клубясь,
что было спрятано на дне глубоко,
и разом вырывается все то,
чего бы никогда ты не сказал...

Невольный глашатай собственных мыслей вводит в стихотворение персонифицированное, как в древнегреческих трагедиях, Время, которое с бесстрастностью судьи возвещает о постепенном исчезновении малых народов и языков. Но лирического героя такая перспектива нисколько не прельщает, он не может смириться с тем, что по каким-то общепризнанным законам его народ обречен на вымирание или ассимиляцию среди крупных этносов. И единственное, что он может противопоставить подобной нивелировке, – подчеркнуть свою неповторимость, исключительность, уникальность:

И снова прикасаюсь я к груди.
Вот здесь,
 левее чуть
подпрыгивает что-то,
как будто хочет выскочить.
Кто знает плоть мою?
Но
сердце беспокойное мое
соткано
из абазинских атомов,
и вокруг их абазинских ядер
кружатся абазинские электроны!

Это – протест не сознания даже, а самой плоти человека. По мнению поэта, она генетически измениться не может, и если это произойдет под воздействием различных объективных или субъективных – неважно! – факторов, – это будет насилием. Лирический герой за то, чтобы каждому этносу были предоставлены условия для полного раскрытия своего внутреннего потенциала, для развития того особенного, яркого, неповторимого, чтобы оно могло стать достоянием всего общества.

Но одно дело получить такую возможность, а другое – суметь воспользоваться ею. И здесь страстный спор со временем и его диктатом переходит в нелिцеприятный разговор поэта с земляками-современниками и братьями-писателями, живущими одним днем. Когда они с радостью возвещают о растущем материальном благополучии, он выступает против того, чтобы в угоду времени менять на вещи судьбу, культуру, нравственность народа. Его воображаемые оппоненты, с обидой возражая ему, указывают на достижения национальной литературы, но, не оспаривая того, что есть, герой в то же время резонно замечает, что в век ракетных скоростей велосипедист не может умилять. Он утверждает: чтобы его народ среди других не растворился, сохранил свое лицо перед ликом Времени, – необходимо сделать его культуру яркой, самобытной, неподражаемой. Спасение – только в этом!⁸⁰

⁸⁰ Данное суждение Керимом было выражено еще в студенческой работе. В цитированном выше отзыве Галанов воспроизвел его так: «Надо совершить почти невероятное – за кратчайший срок догнать литературы других народов». // Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело студента К.Л. Мхце. – Л. 14.

К мысли, выраженной лирически в 1970-е годы, поэт вернулся в 80-е в публицистической статье: «Хотя есть малочисленные народы, но нет маленьких по своей значимости народов. Если же нет маленьких народов, не должно быть и “маленьких литератур”. Не имеет права быть “маленькой” и абазинская. Это – наше лицо, наша совесть, история и судьба нашего народа, это – дорога, по которой мы вступаем в круг других народов, песня, по которой узнает о нас мир»⁸¹.

И потому делать свою национальную литературу достойной, представительной, чтобы по ней могли судить обо всем народе, нужно теперь, оставив благодушные надежды на будущее. Поэта как раз волнует вероятность того, что у его народа и культуры будущего может не оказаться. И в порыве гнева он засыпает оппонентов – национальных деятелей культуры и литературы – резкими бескомпромиссными вопросами: «Кто следует за нами? Много ль их? И где они? Появятся когда? А если не придут? Кто наши доведет дела? Кто выскажет все то, что мы не досказали, когда по одному вернемся вновь в природу, которая произвела когда-то нас?» Вопросы – риторические, они не требуют ответа, они требуют одного – действительности в укреплении национальной культуры сегодня, сейчас, при жизни, иначе...

А после сколько хочешь –
 лейся хоть дождем,
 скребись в окно,
 осенним ветром плача...
 Кто из людей поймет тогда, что ты
 отчаянно пытаешься сказать,
 чего ты не успел или не смог при жизни?

Мы не можем не почувствовать, что такие мысли могли родиться только в сердце поэта, неподдельно страдающего за будущее своего народа. «Монолог» является свидетельством не только профессиональной зрелости поэта, но и его гражданской зрелости. Посвященное проблеме этнической идентификации произведение удивительно по смелости выраженных идей, по той решительности, с которой поэт протестует против закона поглощения

⁸¹ Мхце К. Наше трудное, наше удивительное время // Коммунизм алашара. – 1987. – 25 июля. – С. 9.

малых народов более крупными. И если учесть, что в 1979 году К. Мхце было всего 30 лет и среди тогдашних абазинских писателей он был самым молодым, его стихотворение не может не вызвать уважения к автору хотя бы из-за четко определенной гражданской позиции, которая не изменилась и впоследствии.

Летом 1993 года в частной беседе поэт с болью в голосе говорил: «Сегодня если даже мы попытаемся обмануть кого-то, то себя обмануть мы не сможем. Наша литература возникла и существует как факт, но я никогда не считал ее настоящей, уверенно стоящей на своих ногах, потому что она не имела и не имеет до сих пор многого из того, чем должна обладать зрелая литература. Даже по сравнению со временем, когда в полную творческую силу работали Х. Жиров, П. Цеков, К. Джегутанов, нынешняя наша литература очень сдала свои позиции. Очень! Меня тревожит не только то, что она отступила назад: я не знаю, когда и каким образом она поднимется обратно на некогда завоеванные высоты. Многие из тех, кто подрастал вслед за старшим поколением писателей, бросили писать в связи с происходящими в обществе переменами. Я уже не говорю о том, что молодежь перестала присылать в редакцию свои пробы пера, как бывало раньше. Я уже не говорю о том! Но даже многие из тех, кто еще в творческой силе, кто еще способен творить, – ничего не делают. Ничья душа не обернута в жесть, понимаю, что силы не бесконечны, а усталость накапливается, но и старшее поколение пишет и горит не так, как прежде. И, если, не дай бог, сегодня они уронят уголек, я не вижу тех, кто мог бы подхватить и понести его дальше. Вот что печально!» (19, 3).

И сейчас, через 23 года после того разговора, обрисованная поэтом картина если и изменилась как-либо, то только в худшую сторону.

Как и в предыдущих книгах, мотив пути становится основным и для сборника «В одном мире». Наиболее сильно и полно он проявляется в стихотворении с характерным названием «Мой путь», в котором последнее слово выступает как в значении реальной дороги, по которой шествует герой, так и в метафорическом смысле жизненного пути. В то же время семантика земных путей героя переплетается с символической сущностью звезды: «ЙагагІагылхуан амгІваква йсызпшуа. / ЙагагІаншахуан сыйачІва лашара» (и снова вставали предо мной ожидавшие меня дороги, и

снова возникала светлая звезда). Таким образом, целенаправленное шествие по земным дорогам и метафорическое движение в сторону звезды становятся близки по значению, они как бы совмещаются. И здесь же, как в юношеских стихах, лирический герой снова декларирует конечную цель своего творческого пути: «Сара йстахъыпІ сынцІра уарадта йсчпата / ЙасырхІварныс сара сугІа рхабар» (я хочу жизнь свою превратить в песню, воспевающую судьбу моего народа). Эта декларация общего плана находит свою конкретизацию в последующем тексте:

ЙГаштІыцІуаштІ Абазашта ахабаргы
 Йпщдзата, йГаргвынгІвуата зымгІвагы.
 Щта, ура уыхъыз, Тшыблѣанакъва дзкІваргы,
 ЙыргІуштІ Парижгы Лондонгы хъагы.
 ЙджьарщущтІ апирамидаква йкъвакъвыхыз
 Йынджыгъ адзы анГалачІвара рпхыз.
 ЗакІгы гъазхІвам Хеопсгы дГабзагылхныс
 ХІара хІпхъырца мачІдзакІ дадзыргІвырныс.
 ЙадзхъахІырчІвуштІ Минати Лорелеи –
 Ауат уарад ацырхІварныс хъвлапны.
 ЙабахІыркІуаштІ Сосрыкъви Прометей
 Индус тацанадылра пщдзакІ апны.
 ХІа хІкъахвра бжъы Памир шлагы йахъысуаштІ,
 Йдымрыхъуата йкъацахыз ацхІашвква.
 ХІнашхІйарагы дзыцкъата йГархъысуаштІ
 ЙхъаргІачІвауа Флоренция атшпква...

(Об Абазаште разнесется весть прекрасная, доступная всем. Да, твое имя, речка Тшибляноко, услышат Лондон и Париж. Осевшие пирамиды изумятся, когда в их сон вольются звуки Инжича. Возможно, оживет Хеопс, услышав игру нашей пхярцы⁸². Усадим рядом Лорелею⁸³ и Минат⁸⁴, чтобы исполнить песню вместе. Пустим бороться Сосруко⁸⁵ с Прометеем⁸⁶ на какой-нибудь прекрас-

⁸² Пхярца – абаз.: пхярца – национальный музыкальный инструмент.

⁸³ Лорелея – имя русалки из стихотворения Гейне.

⁸⁴ Минат – автор, исполнительница и героиня абазинской песни-плача.

⁸⁵ Сосруко – абаз.: Сосрыкъва – главный герой национального эпоса о нартах.

⁸⁶ Прометей – герой из древнегреческой мифологии.

ной индусской свадьбе. Наш задорный голос пролетит над седым Памиром⁸⁷, и его не охладят вековые льды. И наша печаль чистыми волнами омоет берега изнеженной Флоренции...⁸⁸)

Что представляется принципиально важным в этом четырехстрочном фрагменте? Здесь выражена романтическая мечта поэта, его жгучее желание ввести культуру своего народа в общемировое культурное пространство. Именно поэтому название маленькой речушки, огибающей безвестный абазинский аул, ставится рядом с наименованиями известнейших столиц мира, в единый смысловой поток объединяются Инжич и древние, осевшие от времени пирамиды; имя египетского фараона сопровождает название национального музыкального инструмента, персонажи абазинского фольклора и эпоса соседствуют с образами древнегреческой мифологии и немецкой поэзии, хмельной и задорный голос соотечественников приподнимается над вековыми льдами Памира, а волны народной печали соотносятся с безмятежными берегами итальянской провинции...

Выстраивается великолепная картина соотношений! И восхищает смелость сближения своего узконационального с вершинами тысячелетней культуры человечества как равноположных категорий. Казалось бы, такой безрассудный шаг изначально мог быть обречен только на провал, способный резко обнажить несостоятельность сопоставлений, бесплодные потуги ставить в один ряд несоотносимое и несовместимое. И это неминуемо так и произошло бы, если бы автор не оказался на требуемой поэтическим замыслом высоте и не соответствовал поставленной задаче. Мхце подобрал такую интонацию, усилил ее такой ощутимой страстью, так гармонизировал лирический поток, что в нем сами собой, без какой-либо искусственности и натяжки маленькое и великое уравновесилось. Снисходительной улыбке, насмешке свысока на губах читателя не позволяет появиться и высокий уровень поэтического мастерства, явленный как во всем стихотворении, так и в выделенном фрагменте. Безукоризненный монументальный пятистопный ямб одним своим звучанием убеждает: на такой ритмической и риторической волне не шутят и высокую тему разговора до балагана не низводят. Керим в очередной раз выдержал

⁸⁷ Памир – горная система в Средней Азии.

⁸⁸ Флоренция – провинция в Италии.

экзамен на зрелость. Это была еще одна осязаемая творческая победа национального поэта!

Но прекрасная романтическая картина, нарисованная в воображении художника, в явь сама собой не превратится, и кто-то должен реализовать этот грандиозный замысел. И в таком качестве в первую очередь поэт видел самого себя: именно он должен был явиться проводником и транслятором национальной культуры в мировое пространство. И название «Мой путь», и развитие основного мотива подводят нас к мысли о том, что решение этой титанической, непосильной для одной творческой личности миссии и должно было обозначить последнюю точку его жизненного и творческого пути, именно в этом он видел конечную цель своих странствий. И какую мощь нужно было чувствовать в своей груди, каким поэтическим темпераментом и уверенностью в себе нужно было обладать, чтобы во всеуслышание объявить об этом миру?! Вызывает восхищение сама творческая дерзость, способность молодого поэта возлагать на себя задачи общенационального масштаба!

Одним из самых важных достижений сборника «В одном мире» является обретение Керимом Мхце собственного поэтического голоса. То, что когда-то счастливым образом проклюнулось в стихотворениях «Звезды плывут» и «Порог матери моей», а потом развивалось и укреплялось в сборниках «Дороги и звезды», «Эта земля», окончательно вызрело в четвертой книге. Это доверительность интонации, искренность звучащего слова, постоянная грустинка, сопровождающая речь. Самое странное, что вычислить и предметно представить, в чем и как выражается эта черта, – невозможно, так как обозначенные элементы лексически не выражены никак, а только интонационно. Керим интуитивно почувствовал, осознал и применил в своей поэтической практике такой тон, которому не верить невозможно. Никто до Керима и после него не разговаривал с читателем таким голосом, на такой доверительной волне. Все, что ни говорил поэт, выпевалось из его души и напрямую перетекало в душу читателя. Неподдельность, участливость, беспредельная доброта, чуткость, робость, неуверенность в себе – все эти личностные качества поэта перешли и к его лирическому субъекту. И читатель полюбил героя, а через него – и самого автора. Но это произошло не сразу, не одномо-

ментно, и уж точно – не после выхода сборника «В одном мире», а позже, во второй половине 1980-х.

Приведем в качестве примера две строфы из стихотворения «...И часы никак не перестанут»:

ЙгГашаркІкІтІ зджъара хъарата...
Скыт аугІа, нхара йгІагылуа,
МачІпІ йшвзыхІвахъу ашвата
Йсыхъуа сгвыла, йсыхъуа сгвыла...

СанымгІвайсуа швара сшвыла
Сара йсыласхІвитІ мадзата
Азаман шахъысуа швылахъ
Август пшата, август пшата...

(Где-то далеко забрезжил рассвет... Встающие на работу люди моего аула, мало еще посвятил я вам песен болеющим сердцем, болеющим сердцем... Когда шагаю вместе с вами, я чувствую, как время проносится над вашей судьбой августовским ветром, августовским ветром...)

Представим себе, что вынесет из этого подстрочника русскоязычный читатель. Что поэт жалеет о том, что мало произведений успел посвятить своим землякам, что над ними, как и над всеми остальными людьми, властно время... То есть смысловую основу стиха. И все. И он никогда не сообразит, что же такого поэтического кроется во всем этом. А читатель-абазин (естественно, тоже не всякий, а чуткий, чувствующий поэзию) одновременно с содержанием улавливает и впитывает в себя спаянные воедино ритмику, рифму, интонацию и настроение стиха, все то, что в конечном счете и возводит стих в ранг поэзии, и то, что никакими математическими средствами вычислить и представить невозможно. У Керима – поэзия в самой ткани стиха, в строе его национальной речи, в самом звучании обычных слов. Повторимся еще раз, это лексически никак не выражено, но явно ощущимо при том. Самую существенную черту поэзии Мхце – интонацию по-русски передать невозможно. Проникновенность, исповедальность окрашивает эти в общем-то ничем не примечательные слова в особые поэтические тона.

Еще более обнаженно выделенная черта проявляется в стихотворении «Сон»:

Хъарата, ауахъ хъарата
Мадза-мадза адз гIахIвитI.
Ауаъ заджвгъи йымхчауата
Атшы шкIвокIвасышква хIвитI.

Амыз ахва йгIахъадзгылтI.
АхакIва ахъа гIащтIнахтI,
Псейспадза амыз йадсылтI,
Псейспадза йщтIанацIахтI.

Хъарата, ауахъ хъарата
XIаджърат дгыланхан дгIапшитI:
Псы зхъу заджвгъи йымхчауата
Атшы шкIвокIвасышква хIвитI!

Йынджыгъгъи толкъвын-рызнала
ЙхъанапсалитI адзы...
Дтшыжвлын XIаджърат, гIврала
ДымгIвайсхитI уахъа йхъазы.

Хъарата, ауахъ хъарата
АйачIва ква гIаквитI.
Ауаъ заджвгъи йымхчауата
Атшы шкIвокIвасышква хIвитI!

Мы сознательно не воспроизводим подстрочный перевод стиха, так как он не даст читателю-неабазину никакого представления об этом головокружительном стихотворении, прекраснее которого, может быть, нет ничего во всей абазинской поэзии.

* * *

Осенью 1979 года, почти одновременно с четвертой книгой Мхце, вышел в свет сборник литературно-критических статей абазинского литературоведа В.Б. Тугова «Пора размышлений». В нем несколько страниц было отведено анализу ранних произведений Керима. Остановливаясь на стихотворении «Охотник»,

авторитетный исследователь отметил в нем, а именно в образе охотника, пустившегося на поиски золоторого оленя, черты нового поэтического мышления: «Образный язык поэта ясен, – “золоторогий” олицетворяет счастье. Такие стихи для нашей литературы новы. В стихах вчерашнего дня человек был преисполнен счастья, вопрос о том, найдет он его или нет, не ставился вообще. Теперь стало возможно и ставить такие вопросы, и размышлять над ними...» И чуть ниже Тугов делал обобщение иного свойства: «Если раньше стихи наших поэтов напоминали барабанную дробь, то теперь в них слышится и звучание скрипки»⁸⁹. «*Звучание скрипки*» – вот то, новое, что, по мнению литературоведа, привнес с собой в национальную поэзию молодой автор. Новаторская черта Керима Мхце была сформулирована образно, но точно.

В начале следующего года на страницах абазинской газеты большую и восторженную рецензию на сборник «В одном мире» поместил М. Чикатуев, ведущий поэт национальной литературы в 1960–70-е годы. Он признал за Керимом наличие несомненного таланта, обозначил сущность его поэзии как *лирику человечности*, воспроизвел наименования 23 лучших, на его взгляд, произведений и при этом подчеркнул, что во всей книге нет ни одного слабого стихотворения: «Всё вошедшее в сборник отмечено печатью большой, высокой поэзии» («АзкІкІра йаншвалыз зымгІвагы ауысара ду ахІара рныпІ, ауысара хІгІа адамыгъа рыквпІ»). Подробно останавливаясь на интерпретации формы, содержания, музыкальной инструментовке стихотворений «Моя жизнь» и «Ребенок», Чикатуев приходил к мнению: «Вот так, наверно, и должно выглядеть то, что именуют поэзией».

Будучи полностью удовлетворен сборником, автор рецензии возлагал на поэта еще большие надежды в будущем: «Я надеюсь, что он продвинет абазинскую поэзию вперед, поднимет множество тем, которые в ней еще не рассматривались, воспроизведет прекрасные звуки жизни, которые не звучали еще. У него достаточно мощи для этого» («Ауи амч йымапІ»).

Вспоминая время обсуждения рукописи сборника в секции абазинской литературы и выступление П. Цекова, Чикатуев обнародовал и национальные литературные традиции, проявившиеся в творчестве Мхце: песенное начало поэзии П. Цекова, граж-

⁸⁹ Тугов В.Б. Пора размышлений. – Черкесск, 1979. – С. 132, 133.

данственность К. Джегутанова, философскую направленность Б. Тхайцухова, воодушевленность самого М. Чикатуева.

В конце публикации автор выражал твердое убеждение в том, что имя молодого поэта, излучающего свет своей поэзией, зазвучит и встанет в один ряд с лучшими представителями национальной культуры⁹⁰.

Работа в газете

Как и во все предыдущие годы, во время учебы в институте Керим не терял связи с родной газетой: во второй половине 1970 года он опубликовал большую подборку из восьми стихотворений, в 1971-м – восемь, в 1972-м – четыре, в 1973-м – пятнадцать, в 1974-м – семь... Помимо того, 12 апреля 1972 года была напечатана его рецензия на сборник стихов Дж. Лагучева «Время», а в апреле – мае 1974-го, во время преддипломной учебно-производственной практики при редакции абазинской газеты, – семь корреспонденций самой различной тематики.

В своем выступлении на вечере памяти К. Мхце 5 мая 2012 года Мухадин Шенкао сказал, что после окончания Литературного института Керима приглашали на работу в редакцию журнала «Юность», но он посчитал, что больше пользы своему народу принесет на своей малой родине, и потому, завершив обучение, вернулся домой и устроился на работу в газете «Коммунизм алашара» («Свет коммунизма»).

В личном деле Мхце, хранящемся в редакции, лежит краткая автобиография, составленная 17 апреля 1975 года (за два месяца до окончания института) и завершающаяся фразой: «В данное время поступил на работу в редакцию областной газеты “Коммунизм алашара”». В том же личном деле хранится заявление Керима о приеме на работу, написанное 9 июля 1975 года, с резолюцией редактора П.Т. Лагучева: «Принять на работу с 16 июля на должность корреспондента». В трудовой же книжке записано: «Принят на должность корреспондента редакции “Коммунизм алашара”. Приказ № 10 от 27.06.75 г.»

Сейчас трудно объяснить, чем вызван такой разницей в датировке. Можно предположить следующий ход событий. Так как

⁹⁰ Чикатуев М. Новый свет // Коммунизм алашара. – 1980. – 9 февраля. – С. 3–4.

между защитой дипломной работы в марте и госэкзаменами в июне пролегало более двух месяцев, вероятнее всего, Керим вернулся домой и в апреле устроился на работу в газете, в связи с чем он и написал автобиографию. Но официально оформить трудоустройство, наверно, было нельзя, так как на тот момент диплома на руках у него еще не было. Когда же он был выдан, документально оформили уже свершившийся факт.

На вероятность такого хода событий указывает и фраза, оброненная Керимом во время выступления на партийном собрании 11 сентября 1975 года: «Я в редакции работаю всего несколько месяцев...»⁹¹ Если бы он приступил к журналистским обязанностям 16 июля, вряд ли он мог говорить о нескольких месяцах, так как до 11 сентября насчиталось бы всего неполных два месяца. Скорее всего, с 17 апреля он работал неофициально, а при получении диплома трудоустройство оформили по всем правилам.

С первой зарплаты Керим купил сестрам – Любе и Люде – одинаковые круглые золотистого цвета наручные часы «Чайка». В школе тогда редко кто носил часы, а тут – семиклассницы, и уже с часами! Сестры были счастливы (16).

После первого года работы в газете Керим стал членом Союза журналистов. С 1 января 1977 года его перевели старшим литературным сотрудником, и в том же году его приняли в Союз писателей СССР. 4 марта следующего года в национальной газете появилась информация об этом событии. Еще через год, в сентябре 1979 года, он уже проходил повышение квалификации при Высшей партийной школе в Ростове, жил в общежитии, посещал занятия. «Слушаю идейно выдержанные лекции, – писал он жене. – Мне от души жаль ребяташек, которые учатся в партшколе. Господи, какая скука, тоска и сумбур!» Через два дня он расширил представление о собственных занятиях и людях, которые учатся здесь на постоянной основе: «В моем существовании здесь нет ничего заслуживающего сколько-нибудь внимания. Слушаем лекции – уши вянут. Хорошо, что не надолго. А то и мозги бы высохли. Отгородились тут вэпэшэшники от жизни и готовятся к руководящим должностям. Ну и хрен с ними. Я – поэт, у меня – свое государство». И тут же шутливо угрожал жене: «Я вернусь домой

⁹¹ РГУ «Центр документации общественных движений и партий КЧР». Ф. 124, оп. 1, ед. хр. 18. – С. 63.

уже более серьезным, звеня идеологическими подковами и выражаясь лишь цитатами»⁹².

Поэт не терял своей «государственности» даже на курсах повышения и сообщал: «Я сижу в комнате, пачкаю бумагу. Решил перевести книгу своих стихов и кое-что нацарапать. (...) В понедельник не ходил на занятия. Уж слишком хорошо писалось с утра. Попросил отметить, что я на занятиях, и замкнулся в комнате»⁹³.

На курсы Высшей партийной школы Керим попал, скорее всего, не случайно, ведь он был членом КПСС и заместителем секретаря первичной партийной организации редакции газеты «Коммунизм алашара». На эту должность на собрании 11 сентября 1975 года его рекомендовал У.Д. Ерижев, охарактеризовав Керима дисциплинированным и исполнительным коммунистом. Предложение было принято единогласно⁹⁴. На отчетно-выборном собрании 28 октября 1976 года секретарем и заместителем снова были избраны С.К. Симхов и К.Л. Мхце, и такой тандем сохранялся долго. Помимо того Керим часто выступал в роли секретаря собрания и вел протоколы. И по ним сегодня можно восстановить журналистское лицо Мхце, его отношение к работе и отмечаемый коллегами уровень профессионализма. Так, например, на собрании 16 июля 1977 года молодой журналист отмечал: «Критических статей мало, недостаточно также и рейдовых материалов. Имеются также недостатки и по освещению выполнения сообразительств. В материалах, публикуемых по этому вопросу (ход весенне-полевых работ. – П.Ч.), не делается глубокого анализа, не всегда вскрывают причины невыполнения плановых обязательств»⁹⁵. На отчетно-выборном собрании в октябре того же года он говорил о нарушениях трудовой дисциплины некоторыми сотрудниками редакции, но на местном серьезного разговора с ними не состоялось. В связи с этим он призывал секретаря быть более требовательным⁹⁶.

⁹² Копия письма К. Мхце жене от 7.09.79 и 9.09.79. – Архив П.К. Чекалова.

⁹³ Копия письма К. Мхце жене от 4.09.79. – Архив П.К. Чекалова.

⁹⁴ РГУ «Центр документации общественных движений и партий КЧР». Ф. 124, оп. 1, ед. хр. 19. – С. 46.

⁹⁵ РГУ «Центр документации общественных движений и партий КЧР». Ф. 124, оп. 1, ед. хр. 20. – С. 71.

⁹⁶ РГУ «Центр документации общественных движений и партий КЧР». Ф. 124, оп. 1, ед. хр. 20. – С. 123.

Вообще выступления Керима чаще всего носили критический характер. Вот и 31 июля 1979 года он снова возвращался к вопросу о дисциплине: «Как вы помните, отмечалось, что партийная организация слабо помогает местному в работе по укреплению трудовой дисциплины. Видимо, вы согласитесь, что это же самое можно сказать и сейчас. Думаю, что нам необходимо конкретно обсудить, как, в какой форме осуществлять это руководство и эту помощь. А пока у нас укрепление трудовой дисциплины носит в основном административный характер, а не партийный, общественный»⁹⁷.

Забегая несколько вперед, заметим, что поборник укрепления дисциплины в скором времени сам пострадает из-за нарушения дисциплины.

Керим признавался, что начало журналистской деятельности ему давалось тяжело, никак не мог приноровиться к новым условиям труда, в результате чего в течение первого года получил от руководства 13 выговоров⁹⁸. Творческая натура поэта и впоследствии с трудом подчинялась регламентированной редакционной работе, давала сбои, выпадала из общего трудового ритма. Об этом свидетельствует приказ № 28 от 2 августа 1982 года по редакции газеты. Он гласил следующее: «Зав. с/х отделом Мхце К.Л. систематически не выполняет задание редакции, опаздывает на работу и уходит с работы раньше времени, допускает прогулы, употребляет спиртные напитки, за что неоднократно наказывался. Однако он о своем отношении к своим служебным обязанностям соответствующих выводов не делает. Так и за последние дни, т. е. с 26/7 по 30/7, пьянствовал вместе с гостями-абхазами и не являлся на работу. На основании вышеизложенного считаю нецелесообразным держать его на работе, и в связи с этим освободить тов. Мхце К.Л. от занимаемой должности»⁹⁹.

Правда, по прошествии месяца, а именно 1 сентября 1982 года, приказом № 32 Керим снова был зачислен в штат редакции, и на ту же самую должность, с которой был уволен. Как видим, и в этом случае «укрепление трудовой дисциплины» носило чисто административный характер.

⁹⁷ РГУ «Центр документации общественных движений и партий КЧР». Ф. 124, оп. 1, ед. хр. 22. – С. 59.

⁹⁸ Мхце К. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. – Черкесск, 2014. – С. 27.

⁹⁹ Приказ № 28 от 2 августа 1982 г. по редакции газеты «Коммунизм алашара».

Очень любопытным с позиции сегодняшнего времени представляется протокол партийного собрания № 6 от 27 апреля 1978 года по вопросу «Об итогах проверки правильности уплаты членских партийных взносов». Дело в том, что эта проверка выявила недоплату трех коммунистов: З.К. Хачукова – 5 руб. 73 коп., Р.И. Анзорова – 3 руб. 14 коп., К.Л. Мхце – 2 руб. 02 коп. И они вынуждены были оправдываться перед товарищами за допущенный проступок. В своем выступлении Хачуков сказал: «Задолженность по партвзносам образовалась по причине того, что издательство, включая в выпускаемый учебник отрывок из моей книги, не предупредило меня об этом. Не знал также о том, что издательство начисленную сумму перечислило в феврале на мой счет. Безусловно, я не хочу себя оправдывать этим, вину свою признаю и обещаю, что подобное в дальнейшем не повторится».

Керим держал ответ в том же ключе: «У меня задолженность образовалась по той же причине, что и у коммуниста Хачукова. Оказалось, что книжное издательство в феврале месяце при выпуске литературы для четвертого класса включило отрывки из моих книг, перечислило в феврале 34 руб. 02 коп. и в августе – 34 руб. 30 коп. Эти деньги наличными я не получал, об этом издательство меня не предупредило. Я понимаю, что это меня не оправдывает. Даю слово, что больше таких случаев не будет».

Несмотря на признание вины коммунистами и данное ими слово, выступление редактора газеты П.Т. Лагучева отличалось суровостью интонации и поучающим характером: «Товарищи, факт недоплаты партийных взносов для коммуниста – это проявление недобросовестности. Каждый коммунист обязан точно знать, откуда и сколько получил, и не по извещению, а по начислению. Я поддерживаю предложение т. Ерижева и предлагаю предупредить коммунистов... Если они допустят еще раз недоплату, то на них будет наложено строгое партийное взыскание». И собрание единогласно проголосовало за принятое постановление: «За халатное отношение к уплате членских партийных взносов и недоплату их коммунистов Анзорова Р.И., Мхце К.Л., Хачукова З.К. предупредить»¹⁰⁰.

В следующем году секретарь партийной организации положительно отзывался о работе отдела культуры, которым руководил

¹⁰⁰ РГУ «Центр документации общественных движений и партий КЧР». Ф. 124, оп. 1, ед. хр. 21. – С. 34–35.

Мхце: «Отдел организует и публикует много интересных материалов о работе школ, пионерских отрядов, дружин, школьных комсомольских организаций, об организации летнего отдыха учащихся. Выполняя решения партийных собраний, отдел активнее стал освещать работу учреждений культуры, ученических бригад и студенческих отрядов, освещать работу по интернациональному воспитанию учащейся молодежи. Отдел с помощью юнкоров, рабочих, учащихся регулярно выпускает специальные полосы, посвященные жизни, учебе и работе молодежи, и страницы “Пламя”. Оперативнее стал освещать спортивные материалы, публикует интересные фельетоны, в которых остро критикуют такие антиобщественные явления, как спекуляция, пьянство, соблюдение религиозных обрядов, которые воспринимаются читателем с большим интересом». И тут же: «Отдел недостаточно освещал ход подготовки школы, учебных заведений, а также учреждений культуры к работе в зимних условиях, особенно на селе; работу учительских коллективов по выполнению задач, вытекающих из решений XXV съезда КПСС и последних пленумов...»¹⁰¹

С января 1977 года Керим был назначен завотделом культуры, с 19 октября 1979-го – завотделом сельского хозяйства, со 2 февраля 1981-го – завотделом писем, с июля 1981-го – завотделом промышленности... Не совсем понятна кадровая политика редактора газеты: зачем нужно было так часто перемещать сотрудника с одного направления на другое? Естественно, Керим всегда старался выполнять свою работу добросовестно, но все же ближе всего ему были вопросы культуры, а личные склонности и предрасположения журналиста почему-то в расчет не брались совершенно. И вот 29 сентября 1981 года в докладе С.К. Симхова «О личном вкладе и личной ответственности коммунистов за осуществление решений XXVI съезда КПСС» отмечалось: «Немало вопросов охватывает завотделом промышленности коммунист т. Мхце. Выполняя мероприятия, разработанные в свете решений XXVI съезда партии, Мхце стремится полнее освещать работу промышленных, транспортных предприятий, строительных организаций. Публикует статьи, выступления о ходе соцсоревнования в трудовых коллективах за успешное выполнение планов и соцобязательств, регулярно освещает работу предприятий истроек по

¹⁰¹ РГУ «Центр документации общественных движений и партий КЧР». Ф. 124, оп. 1, ед. хр. 21. – С. 88.

выполнению квартальных планов. Коммунисту Мхце удается на высоком художественном уровне и правдиво показать в своих очерках и статьях образы рабочих, строителей, работников транспорта и связи.

Однако в работе коммуниста Мхце имеется много недостатков и упущений. Слабо освещается ход выполнения планов и соцобязательств, нет статей, глубоко раскрывающих причины и недостатки, мешающие успешному выполнению планов и соцобязательств... Коммунисту Мхце необходимо принять меры по устранению этих и других недостатков, имеющихся в работе отдела»¹⁰².

В ответном слове Керим признал наличие недочетов в своей работе: «Надо сказать, что я как заведомом промышленности недорабатывал многое. О них было сказано в докладе правильно. В отделе я недавно, опыта мало, поэтому мы должны при перемещении работников более глубоко смотреть на то, сможет ли тот или иной сотрудник дать ту пользу, которая ожидается от него»¹⁰³.

Как видим, протоколы собраний помогают раскрыть некоторые черты, которые были характерны для Мхце-журналиста, и дальнейшее изучение их могло бы восстановить отдельные факты его биографии, например, жизненную основу маленькой поэмы «Эти», посвященной закрытому собранию коммунистов редакции, обсуждавших персональное дело К.Л. Мхце. Но, к сожалению, в партийном архиве КЧР хранятся протоколы собраний сотрудников абазинской газеты лишь с 1957 по 1981 годы. Куда делись остальные документы – неизвестно.

В своих воспоминаниях Иса Капаев воспроизводит один диалог с Керимом, касающийся его журналистской деятельности:

«– Как же ты можешь работать в газете, ведь это подневольный труд?

– А что делать, Иса? – вскидывал он плечами.

– Для поэта писать по заданию – это же смерти подобно, – не отставал я.

¹⁰² РГУ «Центр документации общественных движений и партий КЧР». Ф. 124, оп. 1, ед. хр. 24. – С. 125 – 126.

¹⁰³ РГУ «Центр документации общественных движений и партий КЧР». Ф. 124, оп. 1, ед. хр. 24. – С. 152.

– Знаю, но не работать не могу, – глубоко вздыхая, говорил Керим.

Он никогда не жаловался, но работа в газете – это сущая каторга для поэта»¹⁰⁴.

А.Т. Губин, превосходный ставропольский писатель, в свое время отдавший дань журналистике, размышлял на эту тему так: «Газета необходима поэту, эта школа учит работать не в стол, не на потом, а сразу в свет. Но долго задерживаться в газете поэту – если он в самом деле поэт, – не следует, ведь и хлебы в печи не передерживают»¹⁰⁵.

Керим проработал в газете 24 года...

Я имел некоторое представление о сути проблемы, по поводу которой рассуждал Губин, и потому поставил перед Керимом вопрос: вредит или приносит пользу работа в газете поэтической стороне творческой личности. «Вредит. Очень вредит. В этом нет никакого сомнения, – ответил Керим однозначно. – С первых своих шагов в литературе и по настоящее время у меня никогда не было возможности заниматься исключительно только поэзией, не отвлекаясь на посторонние предметы. Не я один – все наши писатели в таком положении. Случается, когда в порыве отчаяния я говорю про себя: “Да хоть бы два года дали мне заниматься только поэзией, чтобы я ни о чем другом не думал! Больше ни о чем не просил бы!” Но получается так, как ты видишь...

Когда у нас появится достаточно настоящих журналистов-профессионалов, когда я пойму, что они точно так же выполняют мою работу, а может, лучше и больше, я вручу свое перо младшему собрату, обниму, скажу ему: “А теперь ты продолжай это дело”, – и выйду из редакции. А сегодня нам не хватает хороших, грамотных специалистов. Я это не к тому говорю, что я лучше остальных и прочее... Нет, но то, чем я занимаюсь здесь на протяжении многих лет, мне кажется нужным. В этой нескладной жизни тот разговор, который ведет наша газета с народом, мне представляется важным и необходимым. Поэтому я здесь и нахожусь. И покуда эта необходимость будет существовать, я буду выполнять свою работу» (19, 3).

¹⁰⁴ Капаев И. Воспоминания о поэте Кериме Мхце // Капаев И. Мониста. – М., 2008. – С. 211.

¹⁰⁵ Губин А. Свинец пуль и чугуна снарядов... // Кавказская здравница. – 1996. – 20 июля. – С. 5.

Капаев затрагивает и другую сферу жизнедеятельности Керима того времени: посиделки в мастерской художника Мухадина Карданова на шестом этаже дома, находящегося на стыке улиц Комсомольской и Кирова в Черкесске. Карданов был членом Союза художников СССР и в 1975 году получил государственную мастерскую. В скором времени она стала местом встреч местной богемы: художников, журналистов, писателей, актеров театра. Завсегдатаями являлись Владимир Тугов, Иса Капаев, Керим Мхце, чуть позже к ним присоединились поэт Юсуф Созаруков, прозаик Юрий Шидов, художник Мухаммед Хахандуков, время от времени появлялись Хутов и Хизир Шемирзов. Это был своеобразный салон, неформальный клуб молодой творческой интеллигенции, в котором приживались не все: «Подсознательно каждый понимал, что здесь оседали не случайные люди, – говорил об этом Ю. Созаруков. – Так оно и вышло: сегодня наиболее значимыми в национальных культурах стали именно они» (27).

«Времяпрепровождение в мастерской Мухадина – очень важная веха в нашей жизни, – подчеркивает Капаев. – Мы очень много разговаривали, пили. Наверное, тяжело было хозяину принимать нас ежедневно. Но мы об этом не думали. Мы жаждали этих встреч. Тоже счастливое время – и тоже отдельная тема для воспоминаний. Я вспоминаю эту пору с ностальгией и щемящей болью. Мы уже пожилые люди... А кажется, что только вчера мы сидели в помещении, увешанном картинами Мухадина, произносили тосты, делились своими впечатлениями о литературе, искусстве, пренебрегая мирскими заботами...»¹⁰⁶

Обычно хозяин показывал свои новые работы, авторы декламировали свежие произведения, обсуждались вопросы, связанные с культурой, литературой, театром, кино. Керима часто просили читать «Белую ворону» или «Абазинию», сам же любил повторять четверостишие Корнилова:

А с утра на пригорок,
Весь в мехах, но босой,
Вышел суслик из норки
Похмелиться росой...

¹⁰⁶ Капаев И. Воспоминания о поэте Кериме Мхце // Капаев И. Мониста. – М., 2008. – С. 210–211.

«Он сразу обратил на себя внимание тем, что серьезно воспринимал все, – говорил о Кериме той поры Ю. Созаруков. – Он выделялся даже среди этой пестрой публики. И как-то так получилось, что мы, не сговариваясь, относились к нему как к святому, как к идеалисту. Создавалось впечатление, будто у него нет врагов. К нему тянулись. Он умел быть собеседником. Он находил нужный тон в разговоре с любым человеком. Он понимал, что людей нужно воспринимать такими, какие они есть, и по возможности сглаживать шероховатости и, где можно, обойти остроту. Ему это удавалось. Были случаи, когда он сатанел, взрывался. Для этого нужно было сказать что-то гадкое, низкое, неприемлемое для него. А до той ступени он терпел всякого собеседника» (27).

Касаясь вопросов внутреннего, духовного мира Керима, Абдул Шенкао отмечал: «Искренно верил и служил коммунистической идеологии. Мог врезаться, если при нем говорили анекдоты о Ленине. Не выносил хамства по отношению к девушкам. Однажды один мужчина позволил себе непристойность в адрес девушки. Керим потребовал извинений. Тот стал корячиться. Керим как дал ему в челюсть, тот с крыльца слетел. Как человек он был спокойным и уравновешенным, но в нужную минуту становился резким и решительным, умел постоять и за себя, и за других. В Черкесске собралась компания у Тугова. Затесался среди них то ли милиционер, то ли работник тюрьмы. И вот, когда чуть подвыпили, тот вышел на балкон, вытащил пистолет и среди бела дня стал стрелять в дом напротив. Керим выскочил, ударил его и отобрал пистолет. Тот обиделся и ушел. Потом его и с работы уволили» (33, 1).

«В обычной жизни он вел такой образ, что было непонятно, когда он пишет стихи: целый день работал в газете, любил застолья, мог пьянствовать до полночи, а утром выдавал новые стихи, – говорит художник Мухаммед Хахандуков. – Представление о нем создавалось по стихам, которые он писал и читал на русском. Отношение к людям, событиям раскрывало его личность, мироощущение. Литинститут для него оказался хорошей школой. Он бывал дома у Евтушенко, оставался у него, ночь напролет читали стихи, говорили о поэзии... Если бы он в Кериме не видел поэта, вряд ли общался бы с ним.

Керим всегда высказывался мягко, был деликатен в споре, не настаивал, не навязывал своего мнения, но при этом всегда имел свой взгляд, свою позицию. Поэзия была его второй внутренней

жизнью, недоступной никому. Плохо было то, что во время встреч в мастерской много места отводилось возлияниям. К тому времени Керим уже был привязан к спиртному. Много он не пил, но хмелел. Мог прикемарить и снова принимать участие в дискуссиях. Но никогда не становился скандальным, развязным. Засиживались допоздна, а утром он приходил на работу свежим, чистым, выбритым» (35).

Дань возлияниям отдавалась не только в мастерской, но и в редакции газеты: после рабочего дня мужчины, бывало, задерживались, играли в шахматы, завершавшиеся откупориванием бутылок. Керим долгое время был самым молодым сотрудником газеты и по национальным этическим нормам не мог отмахнуться и уйти, если бы даже захотел. Более того: младший, как правило, отправлялся за спиртным и обслуживал стол. Али Мхце, двоюродный брат Керима, заходя за ним в конце рабочего дня, неоднократно попадал на такие стихийные застолья. Кстати сказать, он заметил, что главным в них являлась не выпивка сама по себе, а душевность, царившая за столом, песни Пасарби Цекова, великолепные полуфольклорные истории Шахимби Физикова, лирические выступления Бемурзы Тхайцухова, стихи Керима... Здесь звучала колоритная, чистая национальная речь, которую больше нигде услышать было невозможно. Привлекали не только тосты, но и разговоры (21). Впоследствии общая атмосфера подобных сиделок найдет свое отражение в маленькой поэме К. Мхце «Эти».

Основная компания состояла, как правило, из уже сложившихся поэтов и писателей, каждый из них знал себе цену и ревностно относился к собственным заслугам. Но при этом, к удивлению Али, они признавали, что лучшим среди них является именно Керим (21). «Къаримхвыц» (Керимчик) – так называли его в редакции.

Все, кто наблюдал Керима за столом, замечали, что он почти не притрагивался к закуске, а пил наравне со всеми. «И в молодости, когда был здоров, ел мало, – вспоминает Абдул. – Со студенческих лет очень полюбил кофе, сам хорошо варил его. Гурманом не был, в еде – неприхотлив, не было у него особо любимых блюд» (33, 2).

«Очень хорошо готовил, – делится и Олеся Мхце. – Картошку как порезал, так из сковородки и вынимал. Больше всего любил жареную картошку и мясо, а если вареное, то в холодном виде.

Любил лук, перец, аджику. Бывало, вернется с работы, и пока суп подогревается, отрежет лук и ест с хлебом. Кушать один не любил, а когда собирались все вместе, и он жевал со всеми. Ему это нравилось» (23).

Встречи в мастерской Карданова продолжались и в 80-е годы, но потом постепенно прекратились. О том, что последовало за этой порой, Капаев говорит с ощутимой грустью: «После мы начали увязать в семейных делах. У нас были дети, они подрастали и требовали не только внимания: их надо было одевать, обувать, кормить. О продолжении богемной жизни и говорить было нечего. Начали расходиться наши жизненные пути. Семья, работа. И многое зависело от того, какие взаимоотношения дома и какова работа»¹⁰⁷.

Новая семья

Как говорилось выше, первая встреча Керима с Ларисой Миляевой произошла в студенческие годы, когда он в составе агитбригады выступал перед студентами Новомосковского технологического университета. После окончания вуза Лариса по распределению была направлена в Черкесск, и именно на тот завод, на котором некогда начинал свою трудовую деятельность Керим: завод резино-технических изделий. Состоялась новая встреча, и 20 ноября 1975 года Керим и Лариса поженились.

Александра, мать поэта, с самого начала была против этого брака. «Как ты женился на ней, никого не ставя в известность, так и отведи ее обратно» («Ари заджвгъи йымдыруа дшгIаугыз апш дгах»), – сказала она сыну, но, столкнувшись с его твердым решением, смирилась, пригласила новобрачных в аул и сыграла свадьбу (18).

Новая семья жила в общежитии РТИ по улице Демиденко. Здесь и появились на свет сын Артур в 1976 году и дочь Олеся в 1978-м. Сохранилась записка, переданная Керимом жене в роддом после рождения сына. Она хорошо передает эмоциональное состояние молодого поэта, его отношение к жене и самому событию как таковому:

¹⁰⁷ Капаев И. Воспоминания о поэте Кериме Мхце // Капаев И. Мониста. – М., 2008. – С. 211.

Милая моя!

Благодаря тебе жизнь моя стала длиннее вдвое. За это короткое время я о многом подумал. Пришел к мудрому и прекрасному выводу. Мое пребывание на земле до краев наполнилось смыслом. Я уже начал мечтать, что мой сын будет лучше меня, пойдет дальше меня.

Я сейчас уже мучительно тоскую по тебе и по нему. Когда я представлю, как я крепко-крепко буду прижимать вас к себе, целовать, то меня пробирает дрожь. Я счастлив по-настоящему, по-земному.

Любименькая моя, ты дала мне все, что может пожелать человек на этом свете. Теперь я должен и буду лучше, чем был. В общем, я вместе со своим сынишкой родился заново.

Жду вас. Целую 1000 раз.

Твой муж – Керим.

19.VII.76¹⁰⁸.

Вообще к детям Керим был привязан сильно. В сохранившихся письмах он их называл не иначе, как «Артурчик», «Олесечка», «Лесенька», «сладенькие», «сладенькие малютки», «сладенькие малыши».

«Много внимания уделял нам, – признается Олеся. – Знал, что Артуру нравится шоколад, а мне – фрукты. В детстве он стриг нас сам, и это у него хорошо получалось. Сам делал уколы, когда мы болели. Фотографировал. У меня много детских фотографий. Рисовал красиво и никогда не отказывал, если я просила его что-нибудь нарисовать. В последний день каникул мы обычно ходили на речку с удочкой, продуктами. Однажды попали под град, и он очень был обеспокоен этим. Никогда не наказывал, голоса даже не повышал. Был вспыльчив, но в силу воспитанности старался скрывать раздражение. Если даже позволял себе что-то, потом казнил сам. В первом классе он отшлепал Артура, потом жалел об этом всю жизнь» (23).

Люда Курачинова сообщает: в начале 1980-х Керим лежал в больнице, но постарался выписаться пораньше, чтобы успеть купить Артуру подарок на день рождения (16).

¹⁰⁸ Копия записки Керима Ларисе от 19.07.76. – Архив П.К. Чекалова.

Дети выросли, стали студентами Карачаево-Черкесского государственного университета, на выходные приезжали домой в Черкесск, но он тем не менее ездил в Карачаевск, чтобы проведать их.

«Он говорил, что мы с ним по характеру похожи. Любил, когда я ему гладила. Мог разбудить утром и сказать: “Мне на работу. Погладь рубашку”. Сам был ответственным и требовал от других того же. И потому не любил, когда его просьбу откладывали. Но никогда никого не обижал. Он любил и жалел людей» (23).

Письма к Ларисе дают отчетливое представление об отношении к ней. Красноречивый факт: в течение сентября 1979 года, когда он проходил курсы повышения квалификации в Ростове, он написал ей шесть писем. И обычными обращениями к ней были «Ларочка», «Ларисочка», «милая моя», «миленькая», «любименькая», «сладенькая». Просто «Ларисой» он называл ее лишь в тех случаях, когда был чем-либо недоволен. Прощался обычно: «Целую тебя сильно-сильно. Твой Керим», «Целую тебя крепко. Целую маму, Артурчика и Олесечку. Твой Керим», «Пока – все. Жду. Целую. Твой Керим», «Целую вас всех. Скучаю. Жду. Большой привет маме и всем родным. Керим», «Целую 1 000 000 раз. Твой Керим»...

Несомненно, что в Ларисе Керим хотел видеть не только любимую, но и любящую жену, надежного и верного друга, свою жизненную опору. И об этом тоже свидетельствуют письма: «За меня не беспокойся. Не голодаю. Не очень нервничаю. Если ты мне напишешь, будет немного легче. А там скоро и я приеду домой. А пока мне достаточно знать, что меня ждет любимая и любящая жена и друг»¹⁰⁹. Через два дня он обращался к ней: «Прошу тебя, люби меня, пожалуйста! Миленькая, я знаю, что ты не блещешь частым писанием писем. Но ведь для собственного мужа можно сделать хотя бы небольшое исключение. А то ведь здесь на душе – тоска зеленая. Помоги мне жить»¹¹⁰.

После этих слов становится как-то неловко за поэта, не удастся избавиться от ощущения, будто он выпрашивал любовь и внимание у собственной жены.

Тогда Лариса осталась с двумя маленькими детьми: три и один год. Забот и хлопот хватало, и, по всей вероятности, было не до

¹⁰⁹ Копия письма Керима Ларисе от 7.09.79. – Архив П.К. Чекалова.

¹¹⁰ Копия письма Керима Ларисе от 9.09.79. – Архив П.К. Чекалова.

писем, хотя при желании, наверно, можно было найти время для ответного письма, но его не было так долго, что поэт не выдержал: «Лариса. Что произошло? Я уже пятый раз выпрашиваю у тебя письмо или хоть крохотную весточку. В день несколько раз шарю в ящике с письмами. А уже 20 дней прошло со времени моего отъезда. Если я настолько не нужен тебе, что у тебя даже никакой потребности нет написать мне, то хоть об этом сообщи. Жду с болью из последних сил. Керим. 18.09.79. (...)

Если сразу же в день получения не напишешь, то не пиши вообще»¹¹¹.

Вскоре после этого, по всей видимости, он получил письмо и на радостях пишет большой и размашистый ответ. Удивительно, как резко меняется настроение и тональность:

Ларочка, добрый день!

Оказалось, что я напрасно паниковал, как обычно. Как никогда прежде, я почувствовал сегодня твою власть над собой. Власть – по-хорошему, по-красивому. Т. е. власть любви. Пусть я старею, но, черт возьми, только теперь я понял, что такое любить. Не говори об этом моим (т. е. нашим) детям, а то они посмеются надо мной. Дело в том, что я опять влюбился в тебя. Но вообще-то я думаю так: пусть они видят, как их папа любит их маму, не день, не два, а всегда, всю жизнь. (Так оно и будет.) И пусть учатся. Т. к. смысл жизни после долгих, мучительных исканий я вижу только в этом. Слишком рационально? Чепуха! Дело в том, что это уже дело не столько разума, сколько моего (и твоего) сердца. Я люблю тебя сильной, сладкой, горькой, безумной любовью. Кажется, я тебе еще давно говорил, что если я тебя потеряю, то я потеряю – все. Меня не станет¹¹². И если абазины будут выпендриваться, что у них есть хороший поэт, то ты можешь смело сказать, что он есть у них благодаря тебе...»¹¹³

Слишком многое в своей жизни поэт связывал со второй женой, слишком многое возлагал, уповал и щедрой рукой разбрасывал перед ней самые светлые порывы сердца... 16 января 1998 года поэт признавался: «Я против нее ничего не имею. (...) Она не знает, чем я занимаюсь, я не вмешиваюсь в ее дела. Сосуществуем абсолютно независимо друг от друга. И так продолжается десять лет. Но и пре-

¹¹¹ Копия письма Керима Ларисе от 18.09.79. – Архив П.К. Чекалова.

¹¹² Все подчеркивания принадлежат К. Мхце.

¹¹³ Копия письма Керима Ларисе от 22.09.79. – Архив П.К. Чекалова.

дать детей я не могу. Сын, кстати, на пятом курсе учится в КЧГУ, ни одной четверки не имеет, уже член Союза журналистов. Не пьет ни пива, ни сухого вина; не курит, не хулиганит. Я ему в шутку говорю: за тебя я и выкурил, и выпил, и отхулиганил...» (19, 5).

Когда родные поняли, что жизнь Керима не задалась и во второй раз, мать предложила ему забрать детей и вернуться к ним (18). «И я ему говорил, – подхватил тему присутствовавший при беседе с Александрой Мусса Мхце. – У меня времянка из трех комнат. Хочешь, в одной живи, а в другой пиши... Не захотел...» (20).

Из предыдущего материала мы знаем, что он неоднократно пыривался вернуться к Алле, но от последнего решительного шага его всегда что-то удерживало. Вернее, не «что-то», а именно то, чему он сам дал отчетливое объяснение: принес себя в жертву детям. И когда первая жена говорила ему: «Но ты же оставил меня с сыном», – он ей отвечал: «Я знал, что ты сможешь его воспитать. Ты сильная. А это – совершенно другое» (7).

Когда Керим проработал несколько лет в редакции газеты, ему предоставили трехкомнатную квартиру, но, по словам Александры, он уступил ее С.К. Симхову, сославшись на то, что он еще молод и успеет получить жилье большей площади, и со своей семьей перешел в его (Симхова) полуторку (18). Потом началась перестройка, государство перестало выделять бесплатные квартиры своим гражданам, и поэт вынужден был до конца своих дней со взрослыми уже детьми проживать и творить в тесной малогабаритной квартире.

Дальнейшая эволюция творческого сознания поэта

26 сентября 1981 года в предисловии к подборке стихотворений К. Мхце в газете «Коммунизм алашара» говорилось: «Недавно поэт закончил новую книгу – “Рассветные цветы”».

В набор она была сдана только через год (19 октября 1982 года), и потому можно предположить, что Керим в течение этого времени имел возможность корректировать ее состав, изымая или дополняя новыми стихами. Книга была подписана в печать 1 марта 1983 года, и в том же году вышла в свет. В нее вошли две поэмы

и 61 стихотворение, 13 из которых были перенесены из предыдущих изданий.

Казалось бы, после сборника «В одном мире», в котором были представлены ставшие вершинными для всего творчества Мхце стихотворения «Альдебаран», «Non dolet», «Мой путь», «Сон», «Монолог», поэту нечем будет удивлять читателя, так как он уже успел достичь и представить высокую степень мастерства, зрелость мышления, четкость организации литературного материала, отточенность формы... И тем не менее пятая книга являет собой качественно нечто иное: автору удалось открыть новые поэтические горизонты и представить другой, еще более совершенный уровень поэзии.

В сборнике «В одном мире» действительно нет ни одного слабого стихотворения. Абсолютное большинство вошедших в него произведений можно характеризовать как хорошие и отличные с небольшим перевесом в пользу первых. Но все же здесь присутствует около десятка посредственных, в число которых входит и поэма «На поле Курском» в 200 строк. Она несколько ослабляет книгу, разрыхляет, делает пористым поэтический монолит.

«Рассветные цветы» в этом плане представляют совершенно иную картину, хотя и здесь можно обнаружить два небольших посредственных стихотворения. Все же остальное пространство занимают произведения, которые можно квалифицировать только как хорошие и превосходные, причем число последних вдвое преобладает над хорошими. Естественно, что такой качественный уровень резко выделяет «Рассветные цветы». Здесь почти в каждом произведении ощущается рука зрелого мастера.

Воспроизведем одно стихотворение.

Абазашта

АмГІва сыквІ,
 йГІасІІаситІ апша хышвашва.
 АмГІва сыквІ
 уа уыхъаз бзиракІ сацта,
 Абазашта –
 йапхъахуз са сашва,
 ЙцІыхъвахуш са сашва – Абазашта.

«СЮДА ПРИШЕЛ Я, ЧТОБЫ ЗДЕСЬ ОСТАТЬСЯ...»

Йсчвыдзызтын мышкІы
уара улашара
СгІаквхуштІ адгЫл
амГІва змаухуа лашвта,
Абазашта –
йапхъахуз сбзибара,
ЙцІыхъвахуш сбзибара – Абазашта.

Суымджьабан
санрыладзхра укъабатква, –
ЙгІауызсрауаштІ сгвы
ахІврапшдза йапшта,
Абазашта –
йапхъахуз смурадква,
ЙцІыхъвахуш смурадква – Абазашта.

Схъахъ апны
уыжвгЫ шардара укъагІа,
Адуней йгІаунахІвыргЫ
йамуашта,
Абазашта –
йапхъахуз са схыгІа,
ЦІыхъва змам са схыгІа – Абазашта.

И в данном случае я умышленно не воспроизвожу подстрочник, так как иноязычному читателю он никакого представления о стихотворении составить не может.

В апреле 1988 года в газете «Коммунизм алашара», приводя отрывок из этого стихотворения, я не совсем почтительно обращался к читателям: «Если вы не заметили красоту и силу этих строк, не ищите очки. Ваши глаза ни при чем. Виногато ваше сердце. А сердцу разве очки помогут?»¹¹⁴ Тем самым мне хотелось сказать, что только абсолютно глухая к прекрасному душа не способна уловить высочайших достоинств этого стихотворения, а мало-мальски эстетически подготовленное сердце не может не покорить цельность, пронзительность, абсолютное совершенство его. Это – шедевр!

¹¹⁴ Чекалов П. Поэзия и жизнь // Коммунизм алашара. – 1988. – 9 апр. – С. 9.

В словаре Ожегова слово «шедевр» трактуется как «исключительное по своим достоинствам произведение искусства, литературы, образцовое создание мастера»¹¹⁵. Поэтический текст Мхце вполне соответствует приведенному определению. Это же слово я использовал бы применительно и к другому стихотворению, «Ребенок» (не путать с одноименным стихотворением из сборника «В одном мире»). В обоих произведениях поразительна не только виртуозность владения техникой стиха, но и непосредственно переливающееся в читателя настроение, тот эмоциональный, чувственный отклик, который рождают они в душах читателей. Можно смело сказать, что ни один из национальных поэтов не мог добиться подобного эффекта, оказать на своего читателя такое поразительное воздействие.

В «Рассветные цветы», как мы упоминали об этом, входят две поэмы. Одна из них – «Сказка моей бабушки» – лирические раздумья героя о природе человека, перспективах его эволюции, возможности контакта с внеземной цивилизацией. Нам представляется, что она родилась под влиянием романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день...». Во всяком случае, определенные переключки отчетливо обнаруживают себя¹¹⁶.

В начале данной главы я говорил о первой не совсем удачной попытке обращения Мхце к крупной стихотворной форме. Действительно, от поэмы «На поле Курском», несмотря на наличие великолепно выполненных отдельных частей, все же остается впечатление недотянутости ее до необходимого эстетического уровня. Совсем иная ситуация в «Сказке моей бабушки»: здесь лирическое повествование льется спокойно и размеренно. Поразительное воздействие оказывает образ персонифицированного детства, вместе с героем взбирающегося на ночь на стог сена и внимающего его печальным размышлениям. До Мхце не было в национальной поэзии прецедента лирической поэмы. Еще одна восхитительная особенность данного произведения заключается в том, что оно написано довольно длинным шестистопным амфибрахией, в отдельных строках достигающим семи-восьми стоп. Таким образом, длина некоторых строк в слововом выражении достигает 22–25! Под пером любого другого национального поэта

¹¹⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1983. – С. 794.

¹¹⁶ По словам А. Джердисовой, К. Мхце высоко ценил творчество Ч. Айтматова, особенно его романы «И дольше века длится день...», «Плаха» (6, 10).

такая форма оказалась бы губительной для поэтической стороны дела, так как абазинский язык – один из самых сложных в мире, и такое нагромождение стоп в одной строке не только затруднило бы восприятие содержания, но ритмические перебивы и перекосы оказались бы неизбежны. Несравненное мастерство К. Мхце сказалося в том, что он не просто сумел безупречно выдержать заданный ритм до конца, при этом он еще сумел сопроводить текст душевностью, только ему свойственной проникающей в душу интонацией. Прибавим к этому нетривиальное содержание как бы самопроизвольно, с легкостью выкатившегося из рук клубка развивающегося сюжета, сильное эстетическое воздействие, оказываемое на читателя, и мы поймем, что перед нами нечто абсолютно цельное, завершенное, новаторское произведение, невозможное под каким-либо иным авторством.

Между поэмами «На поле Курском» и «Сказка моей бабушки», говоря словами известного литературного персонажа, «дистанция огромного размера». А между «Сказкой моей бабушки» и «Воспоминанием», несомненно, лучшей поэмой в истории абазинской литературы, – такая же разница в пользу второго, как между первыми двумя...

Маме Лины Шенкао, корреспондента абазинского отдела республиканского радио, было уже за 80, когда дочь прочитала ей начало поэмы «Воспоминание», описывающее возвращение в родительский дом лирического героя из дальних мест и волнительную встречу его с матерью... Старая женщина послушала и просто спросила: «А откуда он меня знает?»

Я думаю, что никакими другими словами нельзя выразить высшей оценки поэту, как этот непосредственный вопрос аульской женщины, вдруг узнавшей себя в образе матери поэта!

«Воспоминание» – необычайно сильное, завораживающее, излучающее особую энергетику произведение! Здесь пронзительная лирическая струя перемежается, переплетается с мощным эпическим потоком, текст обладает трепетностью, щемящей грустью, неподдельной болью за трагическую историю некогда могущественного этноса; он наполнен достоверными историческими и современными реалиями и символами: образ домика матери в родном ауле, воспроизведенный в начале поэмы, в конце ее вырастает в символический образ Дома-Родины абазин. Это реквием, исторгнутый из глубины истрадавшегося за свой народ сердца!

Поэма оказывает потрясающее воздействие, и нет никакого сомнения в том, что это – гениальное произведение.

Выдающийся немецкий философ XVIII века Иммануил Кант вывел формулу гениальности – *«это способность создать то, чему нельзя научиться»*¹¹⁷.

В «Воспоминании», «Абазаште», «Ребенке» выразилось то, чему действительно нельзя научиться ни в каком Литературном институте, обрести никакими практическими навыками. Все три произведения иначе как вдохновенным порывом, прорывом назвать невозможно. Мы не можем разумно и логично объяснить, из чего вытекает это ощущение высочайшей гармонии, обаяния, сильнейшего эстетического воздействия, сходного с душевным потрясением. Это не просто образцовые произведения, это то, что повторить или пересоздать без ущерба для оригинальной художественной составляющей нельзя. Здесь слились воедино рациональное (знание действительности, истории собственного народа, жизненный и творческий опыт, обретенный уровень мастерства) и иррациональное, недоступное разуму, невыразимое в каких-либо логических понятиях и суждениях, построенное на художественном чутье и интуиции, по наитию. «Рассветные цветы» убеждают: научиться тому, чем обладал Керим Мхце, – невозможно. Это высший дар, не поддающийся никакому алгебраическому исчислению.

Пятый сборник поэта, как и все другие, заслуживает отдельного развернутого монографического исследования, но в рамках данной книги предлагаю ограничиться разговором о двух значительных, но менее значимых, чем затронутые выше, произведениях.

Стихотворение «Говорил Будда» было написано в 1980 году, опубликовано в национальной газете 26 сентября 1981 года, в следующем году вошло в коллективный сборник абазинских писателей «Долина звезд» (1982), а затем – в авторские сборники Мхце «Рассветные цветы» (1983) и «В миг полулета-полуосени» (1993). Приведенные факты говорят о пристрастности автора к собственному сочинению, ему была дорога основная мысль произведения. Создавалось оно, по признанию самого Мхце, довольно быстро: за час-два, но предварительная внутренняя работа шла долго¹¹⁸.

¹¹⁷ История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. В 5 т. Т. 3. – М.: Искусство, 1967. – С. 79.

¹¹⁸ Ответы на анкету К. Мхце 1.11.97.

Еще в студенческие годы внимание Керима привлекли некоторые мировые религии, особый интерес вызвали заложенные в них идеи, объединяющие огромные массы людей. В связи с этим прочитывалась различная литература по христианству, буддизму, исламу, не исключая и первоисточники. Кстати сказать, впоследствии Мхце стал переводить на абазинский язык отрывки из Корана, и значительная часть их была опубликована в газете, но в этой работе поэта больше всего привлекала творческая сторона дела, а не религиозная пропаганда. По отношению к вере Мхце – убежденный атеист, и он с большой долей скепсиса отзывался о попытках реанимации мусульманства в абазинском народе¹¹⁹.

Что же касается непосредственно Будды, то в одном из его жизнеописаний Мхце встретил предсказание о том, что по прошествии лет он возродится в образе козленка. Фраза запала в душу и через несколько лет превратилась в зерно, из которого произросло лирико-философское произведение.

Стихотворение состоит из четырех строф и структурно делится на две равные половинки. В первой лирический субъект при виде пасущихся козлят вспоминает предсказание Будды, но так как козлята внешне неразличимы, герой остается в недоумении: в котором же из них воплотился «отшельник из шакъев»?

Во второй части герой обращается к Всевышнему с просьбой: если и ему суждено появиться на свет вторично, возродить его не в облике бессловесного и всем довольного козленка, а человеком, хотя бы и самым несчастным из несчастных.

В стихотворении с самого начала ощущается сдержанно-скептическое отношение к основателю одной из мировых религий. Это сказывается в отсутствии какой-либо торжественности в слоге стиха, в легкой и будничной сюжетной канве, в просторечном выражении «поди узнай» («йгІадырх уцата»), относящемся непосредственно к Будде: «Поди узнай, в котором из них Будда...»

Вторая часть стихотворения представляется основной: здесь не только дается разрешение намеченной темы, но и зреет яростно-тихий бунт лирического героя против сложившегося порядка вещей, когда человеку в следующей жизни предназначено явиться в образе животного. Такой вариант его не устраивает, и, опровергая все каноны, он заявляет о желании снова возродиться человеком.

¹¹⁹ Мхце К. Существоем сегодня, а завтра что? // Абазашта. – 1993. – 2 фев. – С. 2.

В данном случае на читателя оказывает влияние не только блестяще выраженная поэтическая мысль, близкая всякому человеку, но и неподдельная искренность, взволнованность интонации, с которой лирический герой обращается к Богу. Тут же как бы сами собой обозначаются исповедуемые героем ценности, когда самая разнесчастная человеческая судьба оказывается предпочтительней благополучного существования любого животного, будь то даже такой милый и симпатичный, безмятежный и всем довольный козленок. Стихотворение завершается мольбой, обращенной к Всевышнему: «Пусти меня **страдать** среди людей!», что невольно напоминает пушкинское: «Я жить хочу, чтоб **мыслить и страдать**».

Интересно отметить, что обоих поэтов в жизни привлекает не наслаждение ее радостями, а упоение невзгодами. Причем у Пушкина необходимость *мыслить* становится одним из первейших условий жизнедеятельности, а истинный смысл второго глагола, «страдать», первоначально воспринимаемого как неизбежный и неотвратимый придаток жизни, с которым приходится мириться, может выявиться по мере интерпретации стихотворения Мхце, так как семантические функции этого слова в обоих стихотворениях кажутся идентичным. У абазинского поэта мукам нет альтернативы. Складывается ощущение, будто жизнь объективно создана для страдания. Во всяком случае, мироощущение лирического героя позволяет воспринимать жизнь и страдание как равнозначные величины.

Тут небезынтересно отметить, что и философия буддизма исходит из того, что жизнь ничтожна, а род человеческий обречен на страдания. **Страдание** вообще является основополагающим в учении Будды, построенном на четырех «высоких истинах»: *истине страдания, истине происхождения страдания, истине уничтожения страдания и истине о пути, ведущем к уничтожению страдания*. Первая из них Учителем раскрывается таким образом:

*«Вот, братья, высокая истина **страдания**: рождение есть **страдание**, старость есть **страдание**, болезнь есть **страдание**, смерть есть **страдание**, разлука с людьми любимыми есть **страдание**, близость людей нелюбимых есть **страдание**, недостижимость желаний есть **страдание**...»¹²⁰*

¹²⁰ Будда. Конфуций. Магомет. Франциск Ассизский. Савонарола. – М., 1995. – С. 38–41.

Таким образом, по учению Будды, все существование человека сводится лишь к цепи мучений, что согласуется и с выводом из личного опыта лирического героя о предназначении жизни для страданий; и тема стихотворения в заключительной просьбе о возрождении для страдания приобретает, казалось бы, естественное и логическое завершение. Но тут же намечается и противоречие с одним из главных постулатов буддизма.

Дело в том, что избавление от страданий буддизм предлагает через постижение четырех истин и освобождение от «десяти цепей». Ценой такого «освобождения» является уход от жизни, отказ от всех желаний и устремлений, погашение в себе всего живого и чувственного, в результате чего человек превращается в непробиваемого и равнодушного созерцателя. И, в отличие от проповедуемой буддизмом отрешенности от мира, герой устремляется *страдать* в мир людей: «Пусти меня *страдать среди людей*». Причем для лирического героя нет необходимости избавляться от страданий, наоборот, только в этом ощущении и воплощается для него полнокровная жизнь, потому что мучиться и страдать способно лишь живое, обладающее трепетной душой существо. И никакая «нирвана», никакое состояние «высшего просветления» не перевешивают в системе ценностей лирического героя эти земные качества.

Если рассматривать стихотворение «Говорил Будда» изолированно от других лирических произведений Мхце, то его заключительную строчку можно принять как согласие героя обречь себя на страдания взамен предоставления ему возможности прожить еще одну жизнь. Но в контексте творчества («Абазашта», «Каскадер», «В дороге», «Письмо путника», «Помню – не мальчик», «Наследство», «Дождь льет...», «О, как я хотел...», «Экзюпери», «Стреляйте!», «Элегия», «Я ощущаю, проходит жизнь моя», «Мысль, пришедшая в парке») эта строка обретает иное звучание, и готовность к страданию воспринимается уже не как переживание личных горестей, а как переживания за судьбу человечества, всех людей, в мир которых он устремляется с такой подкупающей открытостью.

Как было замечено выше, вторая часть стихотворения является основной, так как все намеченные мотивы стягиваются и заплетаются здесь в единый узел поэтической мысли. Но последние две строфы хороши не только в содержательном плане, они и с формальной стороны выполнены безукоризненно, тогда как первым двум недостает четкости и емкости завершающих. В них иной

раз избирается не самый оптимальный порядок слов, неоправданным представляется повторение слова «узнай» («йГадырх») в конце седьмой и начале восьмой строк. Но в то же время этот прием в четвертой строфе используется к месту и по назначению: двойное повторение «я не прошу» в начале строк, превращаясь в анафору, кажется даже необходимым, так как усиливает звучание стиха, придает ему упругость, определяет уровень искренности и горячности, с которой подается прошение Всевышнему:

Я не прошу судьбы – расцвеченной лучами,
Я не прошу состояния – которое оспаривают...

К сожалению, по подстрочному переводу нельзя судить о верности только что высказанных наблюдений и в силу его поэтической неорганизованности, и в силу растянутости строк: в первой – 13 слогов, во второй – 18, тогда как в подлиннике соответственно 9 и 8, вследствие чего оригинал действительно предстает емким и упругим:

Са сгьахIвум алахь – нурла йхьрыста.
Са сгьахIвум амлыкв – йамаркIуа...

Набранная высота интонации не только не спадает, а к концу стихотворения обретает еще большую звонкость, обозначая возможный предел искреннего прошения:

Снаспынтшадзатынгъи – гIвычIвгIвыста
СыгвмачIныс срылажых аугIаква!

(Хоть самым разнесчастным, но человеком пусти меня страдать среди людей!)

В мае 1986 года в переводе А. Лавлинского на русский язык данное стихотворение было помещено на страницы газеты «Ленинское знамя». Но Керим остался недоволен им и собственно-ручно стал править перевод, после чего, по признанию самого поэта, от первоначального варианта мало что осталось. Но и в таком виде переводное произведение не удовлетворяло автора, и он считал, что его нужно еще дорабатывать и дорабатывать¹²¹.

¹²¹ Ответы на анкету К. Мхце 1.11.97.

Сюжетное и композиционное соответствие между оригиналом и переводом полное: стихотворение состоит из 16 строк, разбитых на четыре строфы. В обоих случаях начальные четыре строки служат завязкой, последующие десять обозначают развитие действия, а заключительные две – кульминацию. На этой высокой ноте завершаются и абазинский, и русский варианты.

Рифмовка тоже идентичная: перекрестная (женская рифма чередуется с мужской), разница только в том, что оригинал состоит исключительно из точных рифм, а в переводе половина рифм является неточной. Последнее обстоятельство, естественно, никак не влияет на уровень перевода, свою роль в этом плане сыграли другие факторы, и первым из них, на наш взгляд, является удлинение стиха при переводе. Если оригинал выполнен четырехстопным ямбом, то перевод – шестистопным ямбохореем (первые три стопы – ямбические, последующие три – хорейские, и такая структура выдерживается от начала и до конца переводного стихотворения). Таким образом, русская строка теряет емкость и лаконизм абазинской, она становится такой долгой, что после седьмого слога образуется цезура как бы для перевода дыхания.

Необходимо признать, что основная мысль стихотворения и общее его содержание переданы верно, но в силу разности языков и объективной невозможности идентичного пересоздания художественного произведения был допущен некоторый отход от подлинника. Показательно в этом плане сопоставление третьей строфы оригинального и переводного стихотворений.

Подстрочный перевод абазинского текста:

Мой бог, кто волен своим сердцем,
Если и мне пошлешь вторую жизнь,
На этом свете всем довольным
Козленком бессловесным не создай

Поэтический перевод:

О бог мой!.. Коль и вправду настолько ты чудесен,
что можешь жизнь вторую мне щедро подарить,
не возроди, не надо, козленком бессловесным,
который всем доволен – ему бы лишь пожить!

При всем смысловом тождестве между ними обнаруживается существенная разница. Во-первых, сдержанно-почтительное обращение «мой бог» заменяется на более эмоциональное «о бог мой!..», чему служат местоимение «о», инверсия «бог мой» и восклицательный знак с многоточием, усиливающий просительную интонацию, что несколько сдвигает характер лирического субъекта. Абазинский герой разговаривает с Всевышним на равных, хотя и осознает силу его и могущество. Опущенное при переводе четкое и бесстрастное определение «кто волен своим сердцем», прочитываемое в контексте стиха как «свободно реализующий любое желание сердца», призвана компенсировать отягощенная и размытая фраза «коль и вправду настолько ты чудесен», что нельзя признать равноценным абазинскому варианту.

При всей непроясненности вопроса о возрождении перевод второй строки, а именно – подчеркивание щедрости возможного подарка («...можешь жизнь вторую мне **щедро подарить**»), несколько напоминает выпрашивание, что углубляет намеченную в первоначальном обращении к богу разницу между русским и национальным лирическими героями.

При переводе сохранены имеющие важное семантическое значение эпитеты, относящиеся к козленку: «всем довольный», «бессловесный», и перестановка последовательности никакой роли не играет. В контексте абазинского стиха оба определения не несут какой-либо негативной окраски, скорее они тоже объективны. Таким образом, соблюдена некая корректность по отношению и к данному персонажу, хотя подспудно читатель осознает, что именно эти качества неприемлемы для лирического героя, что и объясняет его нежелание возродиться в образе безмятежного козленка. Другое дело, что в переводе появляется дополнительная привносящая иронию оценка: «ему бы лишь пожить!», представляющей лишней и еще более отдаляющей лирического героя русского варианта от абазинского: герой оригинала не опускается до выражения скептического отношения к козленку.

Все эти упущения, кажущиеся в отдельности малозначительными, ослабляют звучание стиха на русском языке. Но более всего, как отмечалось выше, сказывается здесь многословность. Если рассматриваемую строфу в подлиннике построчно составляют четыре, три, четыре, три слова, и при этом помимо важных в семантическом плане определений нет каких-либо излишеств, то эту же

строфу при переводе составляют девять, семь, шесть и семь слов, в результате чего развитие поэтической мысли замедляется, стих отягощается малозначащими деталями. Нужно признать, что это же обстоятельство определяет неудачу и четвертой заключительной строфы, первые две строчки которой начинаются с утверждения «я не прошу», образующего анафору:

Я не прошу судьбы – расцвеченной лучами,
Я не прошу состояния – которое осларивают...

Смысл этих строк подлинника передан в принципе верно, хотя и произошли некоторые видоизменения:

Я не прошу ни славы, подобной шумным рекам,
ни золотого клада – ты слышишь, чудодей!

В русском варианте произошла смена существительных: «судьбы» – на «славу», «состояния» – на «клад», но они не нарушают, а достаточно гармонично вписываются в контекст стиха, хотя «судьба» подлинника все же обладает большей значимостью, в ней общечеловеческое начало, тогда как переводная «слава» ассоциируется с честолюбивыми устремлениями индивидуума. В связи со сменой существительных изменились и определения, но и они представляются более расхожими, чем оригинальными. Хотя при переводе не была сохранена анафора, усиление интонации, которое она создавала, компенсируется дополнительным пронзительным обращением к Богу, отсутствующим в подлиннике: «ты слышишь, чудодей!»

Последние две строчки перевода нельзя упрекнуть в том, что содержание оригинала в них искажено хоть в малой степени, что они не выразили заключенной в них идеи стихотворения. Здесь все передано совершенно верно:

Пусть самой горькой доли – но только
человеком
верни меня на Землю
страдать
среди людей!

В переводе важное значение обретает и то, что «человеком» дано в разрядку и отдельной строкой. Таким же образом выде-

лено и одно из главных смыслообразующих слов стихотворения – «страдать» (эти формальные особенности отсутствуют в подлиннике). И все же и эти строки проигрывают абазинским. И заключается проигрыш не в передаче содержания, а в форме его передачи. Если К. Мхце удалось на абазинском языке вместить свою мысль в пять слов («Снаспынтшадзатынгъи – гывычвггвыста сыгвмачныс срылажъх ауглакв»), то переводчику, чтобы сказать то же самое на русском языке, понадобилось 14, что почти втрое превышает объем оригинала. При этом были потеряны не только емкость, но также строгость и отточенность формы, лаконизм и афористичность абазинской фразы.

Неудача переводного произведения в немалой степени была определена еще и тем, что в нем исчезла свойственная оригиналу искренняя и доверительная интонация, в силу чего русский вариант вместо интимного получил декларативный характер.

Стихотворение «Телеграммы» воспроизводит тексты четырех телеграмм, в которых максимально сохранены все внешние признаки посланий такого рода с указанием конкретных адресов и инициалов адресата; текст, как и водится, составлен без заглавных букв и знаков препинания. Чтобы не разрушить структуру стиха, при составлении подстрочного перевода нам пришлось использовать предлоги и союзы, которых нет в оригинале: в абазинском языке они сливаются с знаменательными словами, и это естественное состояние языка еще больше подчеркивает телеграфный стиль. «Подлинность» телеграмм оттеняется и формой свободного стиха, в которую они воплощены. Рассмотрим их в заданной автором последовательности.

I.

– Куда?
 – Москва улица Добролюбова дом 9.
 – Кому?
 – В. З.
 Поздравляю днем рождения
 соскучился
 жажду встречи
 немного задержали
 мелкие делишки

как завершу
 прилечу к тебе
сверхзвуковым самолетом
чувства мои и мысли
 навсегда
связаны с тобой
 жди моя светлая.

Отметим сразу, что адрес и адресат указаны не только для того, чтобы стилизация оказалась максимальной. И в данном, и в последующих текстах телеграмм они несут большую смысловую нагрузку, и с их помощью, а также используя некоторые биографические сведения об авторе, можно попробовать восстановить картину, предшествовавшую телеграфным посланиям.

Мы уже знаем, что, обучаясь в Литературном институте в Москве, Керим со второго курса проживал в общежитии своего вуза по улице Добролюбова, 9. Можно предположить, что первая телеграмма написана недавним выпускником института с места распределения, а адресована она, вероятно, студентке этого же вуза, продолжающей обучение. Текст же телеграммы со всей очевидностью демонстрирует романтическую, возвышенную влюбленность. Горячность чувств молодого литератора сквозит в его признаниях: соскучился, жажду встречи, мысли и чувства связаны с тобой навсегда... Характерно, что по молодости лет и дела ему кажутся «делишками», и что собирается он добираться до любимой не чем иным, как сверхзвуковым самолетом...

Между первой и второй телеграммами лежит какой-то промежуток времени. И можно предположить, что за этот срок возлюбленная успела окончить институт и переехать в Казань, на что указывает адрес во второй телеграмме.

П.

- Куда?
- Казань улица Сарапульская дом 70.
- Кому?
- В. З.

Поздравляю
 новым годом

вспоминаю
 думаю о встрече
 дел накопилось
 никак не разделаюсь
 как освобожусь немного
 выберу время и приеду
 в неделю дважды
 едет поезд
 когда куплю билет
 сообщу
 встречай на вокзале
 до свиданья.

Во второй телеграмме мы уже не замечаем горячности, присущей первой. Наоборот, уж слишком все здесь спокойно и размеренно. Примечательно, что первоначальное «соскучился» превращается во «вспоминаю» (в абазинском языке эти два слова передаются одним и тем же глаголом, в зависимости от значения употребляющемся в совершенном или несовершенном виде: «бгIасгвалашватI» – «бгIасгвалашвитI»). Очень тонко: использовано как будто то же первоначальное слово, и звучание почти идентичное, а смысл уже – совсем иной). И встреча уже не жадется, о ней просто думается. И дела (уже не «делишки») обретают свой вес и подлинное значение. И выбор транспорта кажется тоже не случайным: вместо сверхзвукового самолета предпочтение отдается поезду. Характерно и то, что во второй телеграмме снято красноречивое обращение «светлая моя»... Все это говорит о том, что за прошедшее время чувства героя изрядно поостыли, но они не покинули его вовсе, о чем свидетельствуют как сам факт поздравления, так и признание о том, что он вспоминает и думает о встрече, хотя бы и поездом, но все еще надеется навестить ее.

Вероятно, встреча так и не состоялась. Но если даже она и произошла, все равно никакого позитивного следствия не имела, на что указывает уже третья телеграмма.

III.

– Куда?

– Казань главпочтамт
до востребования.

– Кому?

– Н. В. З.

Поздравляю

 пусть счастье твое будет долгим
пусть ни разу судьба тебя

 не обманет

как сказать

 жив я

 и здоров

хотел выбрать время

 и написать письмо

но от дел

 будь они неладны

 никак не избавлюсь

как ни стараюсь

 все больше и больше накапливаются

если окажусь как-нибудь

 в тех краях

сообщу как-нибудь

 до свиданья.

Нельзя не отметить сразу, что эта телеграмма направляется уже не по адресу проживания, а на главпочтамт до востребования. Причину такой замены приоткрывает прибавившаяся к двум буквам инициалов героини третья: «Н. В. З.». Можно предположить, что новая буква обозначает фамилию мужа. И телеграмма отправлена в связи с бракосочетанием некогда любимой девушки. Сам факт замужества не вызывает в герое какого-либо протеста, и уже одно это говорит о том, что любовь иссякла, но осталось доброе, хорошее отношение, и потому не возникает никаких сомнений в искренности его пожеланий: пусть счастье твое длится долго, пусть ни разу судьба тебя не обманет... И это, в свою очередь, говорит о том, что связующая их нить не оборвалась окончательно: все еще есть желание высказаться, поделиться мыслями и переживаниями в письме, он все еще хочет увидеть ее, но дважды неумест-

но вставленное в телеграмму местоимение («если окажусь *как-нибудь* в тех краях сообщу *как-нибудь*») говорит о том, что вряд ли суждено сбыться и той иллюзорной встрече, на которую уповает герой. О правомерности такого предположения свидетельствует уже четвертая, заключительная телеграмма.

IV.

– Куда?
– Во вселенную.
– Кому?
– Не помню.
Не поздравляю тебя
 с днем рождения
не поздравляю тебя
 с новым годом
не поздравляю тебя
 с днем бракосочетания
не вспоминаю
 не думаю о встрече
никаких дел уже нет но
самолеты мои и поезда
 не двигаются
успеваю
 времени океан
но не напишу
 и письма
и эта телеграмма
 не дойдет.

Здесь уже нет речи ни о какой любви: телеграмма адресована во вселенную, а имя адресата – позабыто; воспоминания отошли, нет мыслей о встрече, самолеты и поезда навсегда прикованы... Но странное дело: зачем нужна была тогда четвертая телеграмма? Ведь уже третья со всей определенностью указывала на логический конец взаимоотношений двух молодых людей, и разве демонстративное указание на то, что он ее не поздравляет ни с днем рождения, ни с Новым годом, ни с днем бракосочетания, открытое признание его в том, что он ее не вспоминает, не думает о встрече, – разве все это добавляет что-либо новое к тому, что уже ска-

зано? Оказывается, да, добавляет, и совершенно обратное тому, на какой мысли читатель завершает третью телеграмму. Именно эта демонстративность указывает на то, что любовь не погибла, не ушла, она еще жива, просто оказалась заваленной грудой дел, возможно, и другими, личными, бытовыми проблемами самого героя¹²². Но осознано все это слишком поздно, когда все потеряно и нет возврата к прошлому. Именно вот это отчаяние и заставило молодого литератора написать последнюю и, казалось бы, никому не нужную телеграмму. Она кажется бессмысленной, если иметь в виду, что до В.З. телеграмма действительно не дойдет, но она обретает свой смысл, если иметь в виду, что предназначена она для читателя, чтобы донести до него позднее раскаяние героя, горечь его и отчаяние от того, что не сумел сохранить свою любовь.

Мы не знаем, есть ли в мировой поэтической практике нечто подобное форме стихотворения К. Мхце. Если нет, – это оказывает ему честь первооткрывателя; но если даже и да, стихотворение от этого не теряет своего эстетического значения. Уместить в четыре короткие телеграммы историю медленного угасания любви и позднего осознания того, что потеряно навсегда, – уже это многое говорит о таланте и оригинальности национального поэта.

Впоследствии литературовед В.Б. Тугов скажет: «“Телеграммы”, думается, – одно из самых приметных произведений, написанных о любви в XX веке. (...) Такое произведение мог создать только поэт, стоящий на уровне лучших образцов мировой классики!»¹²³

После издания «Рассветных цветов» ни одной профессиональной рецензии, ни одного читательского отклика в газете не появилось...

Вообще с рецепцией творчества К. Мхце в те годы сложилась странная и до конца не понятная ситуация. За первые девять лет творческого пути начинающего стихотворца на страницах национальной газеты о нем появилось пять положительных отзывов. Затем были изданы «Эта земля» (1975), «В одном мире» (1979), «Рассветные цветы» (1983), свидетельствовавшие о несомненном

¹²² В.Б. Тугов по этому поводу выскажется лаконично: «Она (любовь. – П.Ч.) оказалась задавленной бытом». (Тугов В. Поэзия мысли и чувства // Мхце К.Л. Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 1. – Черкесск, 2009. – С. 29).

¹²³ Тугов В. Поэзия мысли и чувства // Мхце К.Л. Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 1. – Черкесск, 2009. – С. 29.

таланте и крепнущем даровании поэта, но за последующие 14 лет, с 1972 по 1985 годы включительно, не считая повторяющегося материала в школьном учебнике-хрестоматии по абазинской литературе, творчеству Мхце было посвящено всего шесть публикаций. Одна из них представляла собой короткую информацию о принятии Керима членом в Союз писателей СССР¹²⁴, другая сообщала о встрече поэта с учащимися красновосточной средней школы¹²⁵, в третьей поэт сам отвечал на вопросы читателей¹²⁶. Об отзыве В. Тугова о ранней лирике Мхце¹²⁷ и рецензии М. Чикатуева на сборник «В одном мире»¹²⁸ мы говорили в соответствующих местах. Еще в одной статье М. Чикатуева, посвященной проблемам абазинского языка и литературы, Кериму отводилась одна поэтическая фраза: «Абазинским горным родником, белым родником, увлекающим всякого, кто к нему прислушивается, просветляя всякого, кто пьет из него, вселяя большую надежду, – так звучит и живет среди нашего народа удивительная поэзия Мхце Керима»¹²⁹.

И это все... Такая ситуация сегодня представляется досадным, нелепым недоразумением.

Страницы из дневника

Сохранилось несколько вырванных из блокнота Керима листков, представляющих собой дневниковые записи на абазинском языке. Неизвестно, имели ли они начало и продолжение: в архиве поэта ничего подобного больше обнаружить не удалось. Возможно, по каким-то соображениям Керим уничтожил остальную часть записей, возможно, только эти страницы и были написаны им в виде дневника.

Мы уже ссылались на эту рукопись в главке «Раннее детство». Здесь воспроизведем переведенный нами фрагмент, касающийся пребывания поэта в больнице весной 1984 года.

¹²⁴ Принят в Союз писателей СССР // Коммунизм алашара. – 1978. – 4 марта.

¹²⁵ Быда Р. Радостная встреча // Коммунизм алашара. – 1981. – 21 нояб.

¹²⁶ Мхце К. Еще одна заря занимается // Коммунизм алашара. – 1984. – 6 дек.

¹²⁷ Тугов В.Б. Пора размышлений. – Черкесск, 1979. – С. 131–133, 140–142.

¹²⁸ Чикатуев М. Новый свет // Коммунизм алашара. – 1980. – 9 фев.

¹²⁹ Чикатуев М. Несколько задач по поводу языка и литературы // Коммунизм алашара. – 1985. – 16 мая.

26.03.84.

Вот и дошел я до развилки своего пути. Как будто устал. Присяду и отдохну немного. Оглянусь на то, что осталось позади, подумаю над тем, что лежит впереди.

Что я вынес из прожитых мною немалых лет? На любого человека, вступающего в этот мир, налагается особенное дело, которому он должен служить каждое мгновение. Иначе он тенью сойдет с лица земли... До чего же должны быть тяжелы последние его минуты!

На этот раз, чтобы поразмыслить над своей жизнью, «остановился» я в больнице. Вокруг все бело: стены – белые, постель – белая, входящие – одеты в белое. Бел и мир, заглядывающий в окно. И лежащая передо мной равнина – бела. Если мне еще суждено нанести на нее свои следы, какими станут они?

Это дело будущего. Подумаю над этим, когда немного приду в себя. Сейчас я оглядываюсь назад и рассматриваю следы, оставшиеся позади меня. Что делать? Есть среди них и те, за которые мне стыдно. Немало и таких, что болью отдаются в сердце и навевают грусть. Порой я был виновен сам, порою – нет. Кто теперь разберется во всем этом? Ни одна живая душа. Но как бы там ни было, это мои следы. И есть одно обстоятельство, которое облегчает сердце и вселяет силу, – я прожил человеком на этой земле...

17.04.84.

Боль заставила меня молчать все эти долгие дни...

27 марта. Наверно, этот день я забуду не скоро. Всего чуть-чуть недостало до того, чтобы на кладбище в Ново-Кувинске появился новый надгробный камень с надписью: «Мхце Керим. 6.V.1949 – 27.III.1984». И те, кто обратил бы на него внимание, наверно, вздохнули бы и сказали: «Молод был. Но что поделаешь? Из тех, что здесь похоронены, есть много и помоложе его».

Случилось вот что. Перед операцией я забыл предупредить врачей, что я не переносу новокаин. И они не спросили. Когда ввели наркоз и принялись оперировать, мне стало плохо, и я начал терять сознание. Сначала сердце застучало сильно-сильно, а потом удары стали слышны еле-еле. Когда мне показалось, что оно остановится вообще, я собрал все свои силы и подал голос. Не помню точно, что я тогда сказал, но врачи засуетились вокруг меня, укололи, дали понюхать что-то. И я через силу потянулся

сюда. Мне казалось, что из всего мозга работает только крохотная часть у левого виска. А потом безудержно стало затягивать в сон, но я боялся, что, заснув, не смогу проснуться. В это время я заметил маленькую медсестру, державшую мою левую руку и смотревшую на меня своими широкими синими глазами. Мне показалось, что весь этот белый свет ее добрыми глазами с жалостью заглядывает мне прямо в сердце.

– Как тебя зовут? – спросил я девушку.

Она сказала, но я сразу же забыл.

– Если хочешь, я прочитаю тебе свои стихи.

– Ни о чем не думайте и лежите спокойно. Сейчас вы ни одного стихотворения не вспомните.

– Нет, я вспомню. Слушай. – И начал читать что-то. Она смотрела на меня, не отводя своего участливого и сердечного взгляда...

После того как меня прооперировали и вернули в палату, я еще долго чувствовал себя так, словно пребываю в каком-то дурном, тяжелом сне, из которого никак не могу вырваться. Когда немного пришел в себя, понял, что и на этот раз мы разминулись со смертью. Хотя мы и почувствовали дыхание друг друга, но все же разминулись. Судя по всему, еще поживу!

О чем подумалось, когда я взглянул в лицо смерти? Стало обидно, что мало удалось сделать за прожитые годы. Еще одно: стеснялся людей и самого себя, что я, абазинский мужчина, столь бесславно покидаю этот мир. Другое дело, если бы за правду, веру, народ или хотя бы за одного человека сложил голову. Или хотя бы истратил все свои силы без остатка и упал. А это что? Так и насекомое может умереть. Здесь ни ума, ни мужества не требуется...

Е-е, дедушкин внучек, раз судьба смилостивилась и позволила еще пожить, нужно работать, работать. И днем, и ночью!

Творческий процесс

По словам Олеси Мхце, утро свое Керим ежедневно начинал с холодного душа. Потом брился, завтракал и уходил на работу. Он жил в нескольких минутах ходьбы от Дома печати, где размещались редакции всех национальных газет и книжное издательство,

и потому, если день выдавался жарким или душным, во время обеденного перерыва мог вернуться домой и снова облиться холодной водой.

После рабочего дня ложился перед телевизором, включал какой-нибудь детектив, чтобы отвлечься, и обычно засыпал. «До конца почти ни одного фильма не досматривал... Смотрю, он спит уже. Возьмешь, выключишь, он проснется и попросит включить снова».

Потом вставал в два – три ночи и садился за стол. На вопрос: «Почему именно в это время?» – Олеся отвечает: «Потому что у нас все поздно ложатся. Когда все улягутся, утомонятся, тогда он и приступал к работе» (23).

Рабочим кабинетом для него служила кухня. «Я помню с детства: в кухне всегда горела настольная лампа. Если даже ночью встанешь, сквозь стеклянную дверь виден его силуэт, склонившийся над бумагой. Обильное курение сигарет, кофе – обязательно. Это все, что ему было нужно в это время. Периодически вставал, чтобы поставить чайник. Остывший он не пил даже летом.

Писал на стандартных листах и всегда подкладывал газету или бумагу, чтобы мягче было писать. Исписанные страницы не разбрасывал, не откладывал в сторону, а подкладывал под ту же рабочую стопку. Ключками бумаг пользовался редко, и то только тогда, когда выписывал из прочитанного понравившуюся мысль. Когда читал, он закладочки делал и прямо на них записывал высказывания, а потом использовал их как сюжет или мысль для нового произведения, переводил, укладывал в нужную стихотворную форму.

Все, что им написано, практически создано ночью. Даже если мы уезжали и дома никого не было, он все равно больше работал по ночам. Он сам говорил, что ночью чувства обостряются: и тишина, и звуки улицы, шорох листвы – все воспринимается по-другому.

У него на столе стояло маленькое радио, и оно работало даже тогда, когда он писал. Иногда его раздражало что-то. Вой собаки, например. «Ах, тварь такая! Сейчас я ее пристрелю!..» Бывали и такие выражения, но он, конечно, никому не причинил бы вреда. Такое он мог сказать лишь в пылу.

Работал долго и напряженно, оттачивал все до мелочей. Случалось даже, что кровь из носа шла. Кто не знает этого – не поверит. Читается так легко, что, кажется, и писалось так же. И трудно себе

представить, что человек работал над этим, прилагал не только интеллектуальные, душевные, но и физические усилия. Он и сам говорил: “Если все думают, что мне это легко дается, то ошибаются”.

Обычно он примерно знал, о чем будет стихотворение, и что-то мог написать сразу. А потом начиналась шлифовка. Даже если стихотворение было почти готово и оставалась только последняя фраза, он все равно ходил и мучился. Находился в постоянном напряжении, пока не закончит. “Пойду, прогуляюсь”, – обычные его слова, если что-то в работе не клеилось. Очень любил дождь. Он говорил: “Во время дождя мысли лучше приходят”. В последние годы любил наблюдать из окна, чтобы на него не капало, а с детства я помню, что он любил именно ходить под дождем без зонта... А когда заканчивал стихотворение, это даже на лице отражалось: оно становилось светлее.

Если ночная работа складывалась удачно и у него оставалось время, он мог еще поспать, но нередко выходило так, что, не укладываясь, он шел в редакцию. Почему казалось, что он выглядел старше своих лет? Да потому, что человек сутками не спал нормально¹³⁰.

Вообще он восстанавливался довольно быстро: стоило ему вздремнуть утром пару часов – и он уже как огурчик! Универсальный человек! Он знал себя, свой организм, мог полностью расслабиться, отключиться. И утром вставал легко.

Много и часто читал стихи: и свои, и чужие. Много помнил наизусть. И если в каком-то фильме звучали стихи, он почти всегда угадывал автора» (23).

И Х. Аджибеков признавался, что в жизни своей не встречал человека, который знал бы стихов больше Керима.

Зная, что Хаджисмель владеет иностранными языками, Керим однажды попросил его прочитать что-нибудь на немецком. Тот прочел наизусть несколько стихотворений Гейне и был удивлен, когда в одном из них поэт поправил последовательность слов (2). В другой раз Марьян Шенкао решила блеснуть перед братом знанием немецкого и стала читать вслух «Лорелею» Гейне, но после первых двух строк Керим подхватил и сам дочитал стихи до конца (30).

¹³⁰ Х. Аджибеков, работавший с Керимом в одном кабинете, вспоминал: «Я частенько замечал, что он приходил на работу невывспавшимся, не отдохнувшим. Садился в кресло, дремал немного, а потом принимался за работу» (2).

По словам Олеси, Керим вообще читал много, в том числе и газеты: «Был в курсе всего. Чаще это происходило вечером. В последнее время перечитывал Достоевского, Пушкина, Гете, Ахматову. Но больше всего – Достоевского. О Бодлере говорил: “Он шизик, конечно, но почитай, интересно”» (23).

Как-то застав Керима за чтением книги В. Кожина «Как пишут стихи», Аджибеков шутливо спросил: «Разве обучения в Литинституте недостаточно для того, чтобы научиться писать стихи?» – «Он не такой, как другие, он глубже», – как бы оправдываясь, ответил поэт (2).

У А. Джердисовой сохранились подаренные ей Керимом книги из личной библиотеки: Е. Наумов «Сергей Есенин. Жизнь и творчество» (М. – Л., 1965), П. Юшин «Поэзия Сергея Есенина 1910–1923 годов» (М.: МГУ, 1966), А. Михайлов «Поэты и поэзия» (М., 1978). Нет сомнения в том, что они также были изучены поэтом. Все это говорит о серьезном отношении Керима к поэзии, неустанной заботе о повышении собственного мастерства. И большую роль в этом играло усвоение чужого творческого опыта не только через непосредственное знакомство с творениями отечественных и зарубежных мастеров слова, но и через основательное штудирование научно-исследовательских работ, раскрывающих тайны ремесла выдающихся поэтов.

Вопросы творческого характера затрагивались во время моих встреч с поэтом. Так, шестого сентября 1993 года у нас состоялась такая беседа:

«– Что вынуждает тебя сочинять стихи?»

– Причины разные. Работая в газете, случается, что к чьему-то юбилею или календарной дате необходимо что-то сочинить. Естественно, за такую работу принимаешься без охоты. Но бывает и так: начинаешь, пересиливая себя, а потом тебя захватывает. Или вот сидишь, читаешь, и какая-то мысль увлекает тебя. Самое странное, что импульсом может послужить чтение даже чего-то абсолютно бездарного...

– Тебе трудно даются стихи?

– Хоть сейчас назови любую тему, и в течение часа я напишу с десяток стихотворений. Не отличных, но сносных, которые можно даже опубликовать. Но такое, если и случается, я, как правило, в книги не включаю.

– Из поэтов кто тебя привлекает сейчас больше всего?

– Кажется, Бодлер¹³¹. Потом – Гейне. нравятся многие, читаю многих, вплоть до Элиота. У каждого подмечаешь что-то, берешь себе на заметку: мысль, настроение... Бывает, что на протяжении какого-то времени ближе всего оказывается кто-то один, наиболее созвучный твоему душевному состоянию.

– Как ты относишься к Есенину?

– Хорошо. Постоянно возвращаюсь к нему. Рубцов мне близок. Мы были знакомы, и лирика его нравится. Если замечаю книги Вознесенского, Евтушенко, – никогда не прохожу мимо. Встречается у них и халтура, но есть и то, что можно отнести к шедеврам.

– Когда принимаешься за стихи, сначала обдумываешь форму?

– Случается по-всякому. Если пришедшую на ум фразу прокрутить в голове два-три раза, становится ясно, выйдут из нее стихи или нет. Если годится, начинаешь работать. Но сколько ни писал, никогда не задумывался о том, почему я подобрал тот или иной размер. Форма специально не подыскивается, она вырабатывается сама собой в ходе работы. Бывает и так: знаешь, с чего начать и чем закончить, остается заполнить серединку. Но чаще всего тебя захватывает что-то, а после того как выговорился, принимаешься за отделку. Концовка имеет большое значение.

– В твоих стихах много идей и мыслей. Ты берешься за стихи с целью выразить их, или они рождаются в ходе творческой работы?

– Они приходят вместе. Обычно поэт мыслит не предложениями, а строками. И строка является не в виде беспорядочного набора слов, а в определенной последовательности, имея свой ритм. И, следуя заданному ритму, ты развиваешь смысловое содержание стиха.

¹³¹ В октябре 1994 г. Б. Тхайцухов печатно воспроизвел отзыв Керима о Бодлере: «Я не встречал еще ни одного поэта, который оказался бы столь близок моей душе, как Бодлер. Я перечитал его не менее ста раз, но снова и снова возвращаясь к его стихам, я нахожу их обновленными. Одно и то же стихотворение во второй раз прочитывается по-другому. Его поэзию с наскока не поймешь. Он глубок настолько, что невозможно выучить наизусть. И он всегда приходит к тебе в соответствии с твоим настроением: когда сердцу тревожно, растрavляет еще больше, когда весело – поддерживает веселье. И все это – одним и тем же стихотворением!!!» (Тхайцухов Б. Поэт, следующий за звездой // Абазашта. – 1994. – 12 окт. – С. 3). С. Кнухова поведала о том, что еще в студенческие годы Керим выкрал из библиотеки сборник Ш. Бодлера, хранил долго, а потом подарил художнику М. Карданову (9.10.12).

– Рифмовка у тебя интересная. Сознательно работаешь над ней?

– Нет, это получается интуитивно: в процессе работы рифмовка устанавливается сама собой.

– Что предпочтительнее для тебя: точная или неточная рифма?

– Раньше я использовал и неточную, сейчас больше ориентируюсь на точную.

– Почему?

– Пушкин не употреблял неточные. Правда, однажды я обнаружил у него одну неточную, выписал, но потом позабыл...» (19, 4).

18 июля 1990 года в русскоязычной областной газете «Ленинское знамя» Керим опубликовал несколько переводных миниатюр из книги Б. Тхайцухова «Одним выстрелом». Среди них – подборка афористических выражений под общим названием «Заметки о литературе»¹³². Нам представляется, что они выражают творческое мировоззрение не только автора, но и переводчика, так как Керим брался перекладывать лишь то, что было близко ему по духу¹³³. Поэтому в продолжение темы воспроизведем несколько фраз из этой публикации:

Поэзия – это мелодия слов. Звучание каждого слова должно органично вписываться в мелодию. Однако основная задача поэзии не ограничивается этим: она одновременно должна быть и мелодией мыслей. Бессмысленная, слащавая поэзия сродни поначалу интригующей, но очень скоро становящейся в тягость игривой болтовне красивой, но глупой женщины.

* * *

Тот, чей рот набит халвой, не может петь. Тот, кто среб руками золото, не может подать милостыню. Вот почему у поэта и рот, и руки должны быть свободными.

¹³² Тхайцухов Б. Заметки о литературе // Ленинское знамя. – 1990. – 18 июля. – С. 3. – Перевод К. Мхце.

¹³³ Во время беседы с тележурналистом Б. Хасароковым в мае 1997 г. Керим выразил свое переводческое кредо: «Если стихотворение не понравилось мне, я никогда не примусь за его переложение». И потом относительно переводных произведений, вошедших в сборник «Вы не узнаете, кто я...», добавил: «Сюда я включил только любимые стихи близких мне по духу поэтов». Телепередача «Абазашта – сердце мое» была подготовлена в студии телекомпании «Канал-3» и вышла в эфир в июле 1997 г.

* * *

Поэт, даже будучи незрячим, может заглянуть в такие глубины человеческого сердца, куда не в силах проникнуть и рентгеновские лучи.

Хороший поэт стоит многих посредственных врачей: его диагноз никогда не бывает ошибочным.

* * *

Сердце каждого из поэтов-мудрецов изувечено жизнью настолько, что испепелить его уже невозможно. В этом – их несчастье. Однако невозможно пройти мимо их великой боли, не преклонив головы. И в этом – их счастье, недоступное остальным смертным.

* * *

Я наверняка знаю, что до предела моей жизни дойду гораздо раньше, чем до предела моей поэзии. Но есть у меня одно утешение: в бесконечном странствии на том свете моими неразлучными спутниками будут написанные мною стихи.

* * *

«Лишь мертвые молчат», – гласит поговорка. Я не могу согласиться с этим. Истинные поэты после смерти говорят гораздо больше, чем при жизни.

Дополним эти заметки высказываниями самого поэта, обнаруженными среди его рукописей:

В поэзии вывести новый образ в тысячу раз труднее, чем отразить новое чувство. Но великую поэзию создает их единство.

* * *

Литература погибает не тогда, когда исчезают писатели, а тогда, когда написанное ими оказывается невостребованным.

* * *

Завершенность (или совершенство) – понятие весьма относительное. Это объясняется несовершенством человеческой природы.

* * *

Недаром один хороший советский поэт сказал: «Я б запретил уставом Совнаркома писать о родине бездарные стихи». А мы добавим: и бездарную прозу – тоже. Не меньшей запрещающей инстанцией тут должна быть писательская совесть.

Преступление – писать о родине и дружбе ради своей сочинительской карьеры.

Сборник «Вначале была любовь»

Шестой сборник К. Мхце был сдан в набор 2 октября 1986 года, подписан в печать 12 июня следующего года и тем же летом увидел свет тиражом в 500 экземпляров. В него вошли две поэмы и 65 стихотворений, созданных в основном в период с 1983 по 1986 годы.

Книге был предпослан эпиграф из Леонардо да Винчи: «Не оглядывается тот, кто устремлен к звезде». В абазинской версии фраза звучала: «АйачІва ацІыхъва йтагылата йцауа зынги дгъ-гІахъынхІвыхуам» (кто идет вслед за звездой, никогда не возвращается). Уже здесь наметилось дальнейшее развитие образа путеводной звезды, сквозным мотивом проходившей через все поэтические книги Керима. И первое же стихотворение сборника открывалось строками, наполненными сознанием трагически-бесповоротной линии судьбы:

СыйачІва сгъзынамдзастІ, ауаса
ГІахъынхІвымгІва гсымахым ужвы

(Я не достиг звезды своей, однако нету мне обратного пути).

Это было программным заявлением, выражающим безоглядность самоотдачи автора и лирического героя избранной поэтической сфере. В рецензии на сборник поэтесса Ф. Апсова отметила, что высказывание Леонардо да Винчи можно считать эпиграфом не только к книге, но и ко всему творчеству, всей жизни поэта¹³⁴. И мы полностью солидарны с этим утверждением.

Немного позднее Б. Тхайцухов, возвращаясь к смыслу эпиграфа и соотнося его с самим поэтом, писал: «Керим идет вслед за самой светлой, сыплющей жизненными искрами прекрасной звездой. И так как это звезда абазинской литературы, абазинской поэзии, пусть следует за ней, не отставая, своим дыханием поддерживая ее горение. Ему не дано остановиться в своем движении, повернуть назад и предаться покою. Это – судьба»¹³⁵.

Название книге дала строка из четвертого стихотворения:

¹³⁴ Апсова Ф. Нульдины и бакъканы // Коммунизм алашара. – 1988. – 6 авг.

¹³⁵ Тхайцухов Б. Поэт, следующий за звездой // Абазашта. – 1994. – 12 окт. – С. 3.

Сквшызкъ шарда цІтІ ауасаражкв
ЙамакІуиштара йабарыс;
ЙырхІвитІ: «Апхъапхъа йаъан Ажва!»
ЙырхІвитІ: «Момо, йапхъан Ауыс!»

ХІдуней ахъахъ сГІамдауиштара
ДатшапІ, датшапІ сара йхъасцІаз:
Апхъапхъа йаъан Абзибара –
Ауысгы Ажвагы гІазшаз.

(Много тысячелетий спорили мудрецы. Одни говорили: «Вначале было Слово!» Другие: «Нет, вначале было Дело!» С тех пор, как обхожу эту землю, в другое, в другое уверовал я: *вначале была Любовь*, породившая и Дело, и Слово.)

Абазинский поэт по-своему выразил суждение норвежского писателя К. Гамсуна, что *«любовь стала первоисточником мира и его властелином»*, к которому в свое время обращались и балкарский поэт К. Кулиев (*«...Свет любви во мгле – / Первопричина жизни на земле»*), и известный советский поэт Р. Рождественский (*«Все начинается с любви!»*). Идея стихотворения, как видим, не нова, но романтическую мысль о том, что любовь является началом всех начал, поэтически оформил и впервые озвучил на абазинском языке Мхце, придав любовной теме философское звучание.

В стихотворении «Пчела», как и в поэме «Сказка моей бабушки», Мхце поднимает проблемы уже не личного, не общенационального даже, а планетарного уровня. И открывается оно образами, соответствующими глобальному замыслу: перекаты-вающимися волнами времени, проносящимися над землей ветрами столетий, миллиардными исчислениями обитателей земного шара... Но затем, как бы по принципу контраста, поэт от масштабных картин переходит к изображению мелочной, суетной жизни людей, безоглядно расходующих свой бесценный дар – срок земной жизни – на недостойные человеческого разума и величия узкокорыстные интересы, тяжбы, склоки, обиды:

Азаджв йквтІу азаджв йгвара
йхъыпазтын
хъвынчІвыла йажвылитІ...
Нартыхв цыракІи

арцынакIи ззагIвымшаз
арбаква рапш хIахъвлапшитI.

(Если чья-то курица перепрыгнет через чужую изгородь, хватаются за вилы... Взираем друг на друга, как петухи, не поделившие меж собой курицу или кукурузное зернышко.)

И далее поэт с горечью констатирует: вместо того чтобы выпускать для людей жизненно необходимые вещи и предметы, человечество, соревнуясь, выдумывает и изготавливает новые виды вооружения, способные испепелить земной шар неоднократно:

Апсра гIазшIыхъуа асамолетква
ажвгIванд йалагIжъитI,
апсра гIазцрыхъуа адзыгъбаква
атенгъыз йхъыгIжъылитI,
ацхъсра йагIвызу ахIаракIъатIква
ауапчახв йхъагIжъылитI...

(Запускаем в небо изрыгающие смерть самолеты, выпускаем в океаны дышащие смертью корабли, выводим в космос ракеты, подобные удару молнии...)

И вдруг на этом фоне всеобщего помутнения разума совершенно в иной стилистической манере поэт переходит к описанию спокойной-сосредоточенной работы пчелы:

Ауаса...
ащхахвыц,
хIызлу йаламкIва,
хабартагы хIамбауа,
сквшмильуанкI апхъала апшта
агIапын хIврапшдза йгIаквчIван
йымгвжважвадзакIва
цха гIанархарджъитI.

(А... маленькая пчелка, невзирая на творящееся вокруг, не обращая на нас никакого внимания, точно так же, как и миллион лет назад, присела на весенний цветок и неторопливо собирает нектар.)

Это финальный образ. Поэт даже не счел нужным как-либо прокомментировать противопоставление безумной гонки воо-

ружений с мирной работой крохотного существа. Оно настолько разительно и красноречиво, что читатель сам способен вывести заключение о том, что человечество, обладающее мощным интеллектом и техническими возможностями, ориентировано не на созидание, а на разрушение. И жизнь насекомого оказывается устроена гораздо мудрее, чем жизнь человека разумного. И этот неожиданный парадокс является не высказанной прямо, но всем ходом повествования целенаправленно вырабатываемой главной мыслью стихотворения.

Следует заметить: вступив в пору жизненной и творческой зрелости, Керим уже умел из самого будничного явления извлекать нетривиальные умозаключения. Так, стихотворение «Перекасти-поле» («Джьюгальба») открывается незатейливой осенней картиной: мимо бредущего по степи путника проносится подгоняемое ветром перекасти-поле. «Будто пустился на поиски счастья», – с долей иронии замечает лирический герой вслед удаляющемуся иссохшемуся растению. И эта спонтанно родившаяся мысль в дальнейшем вырастает в многозначительный смыслообраз, выражающий идею всего стихотворения:

Апша гIашвшвуан, йгIакшун тшарбынчуа.
Араса схъвыцуа сцун саргы:
«Йнаспынтшадзугъи – дыгънаспынтшам,
Насып дазыпшгIузтын ауи».

(Свистел ветер, упорствуя, ударял порывами. Я шагал и думал про себя: «И самый несчастный – не несчастлив, куда он ищет счастье».)

Великолепная жизнеутверждающая формула! Абазинский вариант последних двух строк отличается от русского лапидарностью (всего пять слов!), необычайной емкостью и выразительностью, характерной для крылатых выражений. Они и воспринимаются как завершенный и совершенный афоризм. И какую-то прелесть и обаяние придает миниатюре парадоксальность, оксюморонность ситуации, когда и самый несчастливый оказывается не совсем несчастным, поскольку он все еще ищет счастье.

Характерной особенностью этой поры творчества Мхце является начиненность текста мыслью при филигранной отделке фор-

мы стиха. И наиболее зримо эта черта предстает в миниатюрах – сложнейшем жанре лирической поэзии.

В сборник вошел цикл из 18 стихотворных миниатюр с общим наименованием «Заметки сердца» («Агватраква»). Они настолько выразительны и самодостаточны, что зачастую не требуют какого-либо дополнительного комментария:

Щарда сзымчпазтІхІва
сбазарныс сахадзатІ.
Щарда сгвыргъбатІ
счвагыи щарда тшатІ,
ДжьахІанамгыи
джьанатгыи гІазхъдрахалгІаз
ари адуней шакІву
хъасцІатІ!

(Хотя свершил не так уж много, но все ж пожить успел. Немало претерпел и радовался вдоволь и понял, что прообразом ада и рая явился этот мир.)

* * *

ЦхърыгІара хІазыпшгІарныс
хІахьпацара?
Даъазарквын
хІйыхІварын анчва...
ХІакъыль, зны йгІазшаз
ари абзара,
хІакъыль акІвпІ
йызыхчауаш
уахьчІва!

(Куда за помощью нам обратиться? Был бы бог – его бы попросили... Только разум, породивший жизнь, эту жизнь спасти способен.)

* * *

НцІра мачІ нуцІрыгыи
сквшышвкІ йайхІата
убазаргыи
угвы пшказларгІатІ.
Ауаса... ухъа багъьазтІ. –

Угвы уаздыргІвуамца
бзирата йухаз
йгІаншитІ
уыззымдыргІвыз ухъа
йангІасхуагы.

(Хоть мало прожил ты иль пережил столетье, пусть мягким сердце остается, но твердой пусть пребудет голова. Случается: добро, что сделал ты по зову сердца, бьет по голове, которую не слушался.)

* * *

Аква гІакІачІвитІ.
Сыкв амгІващ хІвынчІвы
са скІахІауа, сгІагылхуа
сыгІвитІ,
сыгІвитІ:
ауахъ
сайхІа гвырбзига змам заджвы
сахъыла дгІацІыруазшва
бжьыкІ гІасгвыквгІвитІ.
Ауи абжьы
зымгІахуа санцара...
ауи агІан акІвхуштІ
саналгуш сынцІра.

(Льет ливень. По тропе раскисшей бегу, бегу, то падая, то поднимаясь снова, как будто издали доносится голос, для которого лишь я – последняя надежда. Наверно, жизнь моя закончится тогда, когда я перестану слышать этот голос.)

* * *

Момо,
бара быгъгІалрымхтІ сыдза.
Ба бакІвпІ, апхІвыс,
сара сгІазшаз анчва!
ЙгІасызтда, шта, ызин
сара уахъчІва
бгІанасыркъввыс бара
ахъацІа йпныдза?

(Нет, тебя не извлекли из моего ребра. Ты, женщина, создавшая меня, – богиня! Так кто сегодня дал мне право тебя до уровня мужчины низводить?)

Хотим оговориться: оценить по достоинству приведенные примеры может лишь абазиноязычный читатель; читатель, исходящий из подстрочного перевода, может получить только превратное представление о национальном поэте, так как подстрочник не воспроизводит ни структуры, ни ритмики, ни образной системы, ни музыкально-рифменного оформления, то есть всего того, что обычный текст возводит в ранг Поэзии. За их рамками остается нечто такое, чего нельзя передать чисто информационным путем: дух стиха, тонкие нюансы настроения, намеки, двуплановость или многозначность отдельных образов. Происходит нечто подобное тому, о чем Л. Гинзбург некогда с горечью говорила: «По-немецки получалась философия, по-русски – “безвкусица”»¹³⁶. Причину такого преобразования в свое время вскрывал Б.В. Томашевский: «Если отнять у мысли ту форму выражения, в которую эта мысль облачается, то вообще может получиться нечто совсем иное»¹³⁷. Наши подстрочники теряют «форму выражения», вследствие чего остроумные, отшлифованные до последней детали миниатюры на другом языке нередко превращаются в банальные размышления.

Вообще следует заметить, что абазинская поэзия 1930–50-х годов не знала коротких стихотворений, они стали появляться только с 1960-х годов у Б. Тхайцухова и М. Чикатуева, у которых можно выявить прекрасные поэтические воплощения.

Б. Тхайцухов:

Ацла гыррасакI глашIвштын,
Адгьыл йгIаквшван йглаIвачватI:
«Адгьыл хьгIа, уыжвгьи жвла шIыцта
Снахвта цIлата сгIархIвачвах».

(С дерева упал на землю грецкий орех и простонал: «Земля родная, прими мое семя и позволь мне снова деревом прошуметь».)

¹³⁶ Гинзбург Л. О лирике. Изд-е 2, доп. – Л.: Советский писатель, 1974. – С. 74.

¹³⁷ Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 7.

М. Чикатуев:

НапI гIасзыбчатI са базъазадзата,
НапI гIасзыбчан – сбхъаштылхтI, сара схъапщ...
ЗъарагIвуда арса напI ззыбчпаз,
ЗъарагIвуда йбхъаштылхыз, са сапш?

(Ты рукой помахала умело; поманив, позабыла меня, золотая моя. Скольким ты вот так же махала, скольких позабыла, как меня?)

Но стихи такого уровня были довольно редки. Чаще всего они представляли собой не органические создания, а логические построения.

Свою значительную лепту в развитие жанра миниатюр в те же годы внесла М. Тлябичева. В ее произведениях обнаруживается отчетливо выраженное поэтическое начало, взаимосвязь всех компонентов стиха, логическое развитие мысли, перетекание ее из одной части в другую, завершенность:

АпшарыхъынхIв стдзы йгIагIвнасын
Йаквнакъбан йджвыквылхтI хъышвгъи швгъи...
ХъыгIадъа швысхъымсуазма араса,
Сылахъ апшарыхъынхIвква, шваргъи.

(В мой дом ворвался ветер и унесся, погромохав дверьми и окнами... Вот так бы, без боли, пронеслись и вы надо мной, судьбы моей буйные ветры.)

Не отрицая того, что сделано другими поэтами в разработке дву-, четверо-, пяти-, шестистиший, следует признать, что утверждение их в абазинской поэзии во многом принадлежит К. Мхце и А. Ионову, так как в их творчестве эти формы представлены достаточно богато и в наиболее совершенном виде.

В стихотворении «Экзюпери» актуализируется мотив служения, отчетливо проявивший себя уже в ранней лирике. Тексту стиха предпослан эпиграф из «Планеты людей» Антуана де Сент-Экзюпери: «Держитесь!.. Мы идем!.. Мы спасем вас!» Эпиграф передает стихотворению атмосферу свершившегося бедствия, и таким образом Мхце как бы вводит свое стихотворение в контекст известной повести французского писателя. Напомним

ситуацию, сложившуюся в седьмой главе под названием «В сердце пустыни»: вследствие авиакатастрофы летчик и механик остаются одни посреди Сахары. Оценивая положение, автор-рассказчик резюмирует: «Где мы – неизвестно. Питья – меньше литра. Если мы не очень уклонились в сторону от трассы, нас найдут в лучшем случае через неделю, и это уже поздно. А если нас занесло далеко в сторону, то найдут через полгода. На авиацию рассчитывать нечего: нас будут разыскивать на пространстве в сотню тысяч квадратных километров». Оба летчика осознают полнейшую безвыходность и тем не менее вступают в борьбу за жизнь, но, как это ни покажется парадоксальным, не за свою, а за жизнь тех, кто им дорог и любим ими: «Но там – там закричат, заплачут, стгорая в отчаянии... думать об этом нестерпимо. Там погибают, не могу я смотреть на это сложа руки! *Каждая секунда нашего молчания убивает тех, кого я люблю.* Неудержимый гнев закипает во мне: отчего я скован и не могу помчаться на помощь? Отчего этот огромный костер не разнесет наш крик по всему свету? *Держитесь!.. Мы идем!.. Мы спасем вас! (...)* И снова убеждаемся – *это не мы терпим бедствие. Терпят бедствие те, кто нас ждет!* Те, для кого так грозно наше молчание. Те, кого уже терзает чудовищная ошибка. Как же к ним не спешить!»

Подчеркнем: на помощь идут не те, чье положение благополучно, и не к тем, кто потерпел аварию среди пустыни, а именно они, обреченные на гибель и нуждающиеся в экстренном спасении, спешат к тем, кто в них нуждается! В этом парадоксе заключен весь пафос произведения Экзюпери и все его величие!

Несомненно, что абазинского поэта не могла не взволновать, не покориť такая жизненная позиция, такое отношение к миру и человечеству, и потому он перенимает не только основную идею и пафос французского произведения, но и сюжет. Используя лирические возможности, Мхце ставит своего героя в ту же ситуацию, в которой оказались летчики, разница только в том, что в отличие от реального крушения в повести Экзюпери у героя Мхце крушение духовное; если героям повести, чтобы выжить, суждено пройти физические мытарства, то герой Мхце испытывает моральные терзания. Произведение создано в форме свободного стиха, каждая деталь в нем многозначительна, и потому воспроизведем его целиком в подстрочном переводе:

Самолет мечты моей юности
летел среди звезд,
но крылья его устали,
и он упал в безводной пустыне.
Люди,
я хотел сообщить о себе,
но рация повреждена.
До конца горизонта молча лежит предо мной
Сахара безмятежности, равнодушия,
бледных дел и слез бессилия.
Из трещин земли выглядывают
разлапистые пауки и уродливые ящерицы;
снижаясь при моем падении
и взмывая вверх, когда поднимаюсь,
кружит надо мной серый стервятник.
Много дней, много жизней уже
тяжело передвигаю свои окровавленные ноги, –
я иду туда, куда направлена голова,
направлено сердце, направлена душа.
...Своим исчезновением, своим молчанием
мы убиваем любимых людей.
И поэтому,
хотя бы только поэтому
я не исчезну,
я не исчезну
в этой безлюдной пустыне,
где меня никогда не найдут.
Голосом любящим сердца моего,
любящие меня человеки,
я прошу вас:
не падайте духом,
поверив в мое затянувшееся молчание.
Я иду к вам,
я иду в вашу сторону, –
я спасу вас!

Обратим внимание на то, что людское равнодушие, инфантильность и безмятежность воплощены в соответствующий сюжету образ распластавшейся до горизонта Сахары. Это пустынь-

ное море людской апатии приобретает еще более негативную эмоциональную окраску при помощи воссоздания уродливых его обитателей. И потому немудрено, что морально разбитый «самолет мечты юности» не смог преодолеть громадное пространство, устал и сложил крылья. И тем не менее сам летчик не сдается до последнего – он пешком пытается преодолеть то расстояние, которое оказалось не под силу самолету мечты, и, ведомый одной любовью, бредет в сторону людей долгие дни, по наполненности страданием равные жизням.

Можно заметить, что сюжеты двух произведений развиваются параллельно. Абазинский автор включает в стихотворение даже «поврежденную рацию», подсказанную, вероятно, упоминанием Экзюпери о том, что «и радио на борту нет». И это не единственная реминисценция, Мхце ориентируется на них сознательно: «своим молчанием мы убиваем любимых людей», «я иду к вам... я спасу вас!», при этом не покушаясь на авторство и названием стихотворения и эпиграфом к нему указывая конкретный источник. Для него важно и самоценно уже то, что грандиозные по смысловой наполненности и великолепные по форме выражения идеи зазвучали на абазинском языке и вошли в национальный культурный обиход. Но при этом было бы несправедливо утверждать, что стихотворение Мхце – лишь калька французской повести. Абазинский автор создал лирическое произведение, построенное и развивающееся по своим законам. Мы уже отмечали некоторые различия, добавим к ним и то, что Мхце воссоздает картину и детали, характерные в первую очередь для положения его героя. Так, например, Сахара в повести Экзюпери – реальная пустыня, и она никакого дополнительного образного смысла не несет, тогда как у Мхце это образ, воплощающий гигантские размеры людского равнодушия. Поэт добивается лирической полноты, вводя в текст образы разлапистых пауков, уродливых ящериц, серого стервятника, отсутствующие у Экзюпери. Но пафос двух произведений один и тот же, и Мхце использует его потому, что это соответствует его жизненной философии, его жизненной концепции. И, таким образом, эффектный финал – не искусственное построение, а естественный и логический исход мировоззрения лирического героя, его отношения к миру, величайшей любви к людям, подтверждаемой и другими произведениями сборника. Так, например, в «Письме путника» лирический герой делится с матерью помыслами:

Арса снацлун, арса снацлун
РхьыгIа йалсырдзгIапI мацIдзакI.

(Все хотелось, все хотелось хоть чуть-чуть уменьшить боль (людей – П. Ч.)»; в «Наследии» он же просто, как бытовой предмет, протягивает людям свою жизнь: «ЙнашвызсрауитI ари йлахъв-гIахъасру сынцIра» (протягиваю вам свою судьбу-мгновенье), а в «Элегии о любви» чувство героя приобретает величественно-трагические очертания:

СгIазцымхуш ахвырта ангIаснылра
Са тшгIахъштIысхгIуштI адгьыл йхъынхIвуа,
Схвырта сыма стхъуштI аугIаква рпныла
Ужвыгы хыкIта йсылазжъуа ртшпыхIва.

(Когда я получу смертельную рану, я приподнимусь над кружащейся планетой и, зажимая рану, двинусь в сторону людей, еще одной пулей принимая их оскорбление.)

Осязаемое великолепие картине придает грандиозный фон: смертельно раненый лирический герой не просто приподнимается над землей, его мученический силуэт проявляется на фоне всей кружащейся планеты, и весь драматизм заключается в том, что, получив рану от людей, герой вследствие своей безмерной любви, словно птица на выстрел, снова направляется в их же сторону. Но самое страшное оказывается в том, что люди не только не способны оценить его любовь и жертвенность, они даже не испытывают в них нужды.

В сборнике «Вначале была любовь» находит свое дальнейшее развитие любовная лирика, представленная стихотворениями «Элегия о любви», «В твой адрес», «Песня», «Сколько времени прошло», «Романс», «Ода о любви». Выраженные в названиях последних двух стихотворений жанры (романс, ода) явились первыми произведениями подобного рода в абазинской поэзии. Удивительным при этом представляется то обстоятельство, что к жанру оды Мхце обратился в то время, когда она уже напрочь вышла из употребления даже в русской поэзии. Таким образом, поэт, с одной стороны, воскрешает позабытый жанр, а с другой – обогащает жанровую палитру национальной поэзии.

В стихотворении «Письмо путника» находит продолжение один из основополагающих мотивов лирики Мхце – мотив пути. Это пронзительнейшее произведение – одно из самых лучших не только в творчестве поэта, но и во всей абазинской поэзии. Наряду с ним безусловным шедевром мы признали бы стихотворение «Ива» – лирическое переживание собственной судьбы, излияние дереву, как близкому собеседнику, всей накопившейся на душе горечи. Общими для двух стихотворений становятся характерные для лучших произведений Мхце интонация доверительности, обнаженность чувств, неподдельная нежность, шемящая грусть, пронзительность звучания. Уровень поэзии здесь определяется не только словами, но и магией межстрочья, особой лирической атмосферой, создаваемой звучанием стиха вообще.

Здесь же укажем на факт того, что неожиданно на исходе советской эпохи и литературы в поэме с демонстративным наименованием «Маленький человек» Мхце возродил нехарактерную для литературы XX века тему маленького человека. Нульдин – абазинский вариант Акакия Башмачкина и Макара Девушкина¹³⁸. И тема, и образ главного героя поэмы явились новаторскими для абазинской национальной литературы.

Сборник «Вначале была любовь» явился очередной поэтической вершиной, покоренной Керимом Мхце.

Осмысление абазинской критикой творчества К.Л. Мхце во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов

В марте 1986 года в предисловии к подборке стихотворений из не вышедшего еще сборника «Вначале была любовь» Б. Тхайцухов отмечал, что стихи Керима подобны роднику: сколько ни черпай из них, при очередном прочтении они наполняются новой мыслью; каждое слово в них ласкает душу, затрагивает и будоражит нити сердца; в знакомом явлении обнаруживается и пред-

¹³⁸ По сообщению О.К. Мхце, Керим в последние годы перечитывал Достоевского с мыслью воссоздать на национальном материале образ абазинского Алеши Карамазова (23).

ставляется то, что казалось невыразимым. Сообщая читателям, что новая книга поэта выйдет в следующем году, писатель выражал уверенность в том, что «она загорится новой светлой звездой на национальном литературном небосклоне»¹³⁹.

Уже после выхода сборника в октябре 1987 года Тхайцухов отозвался о нем следующим образом: «Состоящая всего из 100 страниц, эта небольшая книжка, если взвесить ее сердцем, перевешивает золото. Керим Мхце твердо следует за поэтической звездой, не оглядываясь, не помышляя о возвращении; он растворил себя в сложном, тревожном, трудном, но полном прекрасных надежд мире и идет вперед»¹⁴⁰.

Весной следующего года в двух номерах национальной газеты была напечатана моя работа о Кериме «Поэзия и жизнь», в которой проводилась интерпретация 14 стихотворений. Нередко они сопровождались восторженными отзывами, оценками, выраженными в превосходной степени. Так, о стихотворении «Далёко там где-то, далёко» говорилось: «Трудно отыскать другое произведение, которое может сравниться с ним по красоте слога и звучания. Голова кружится от этой прелестной мелодии, подобной сладчайшей песне. Такой песни и не отыскать на свете, разве что во сне только услышать можно». Относительно стихотворных миниатюр Мхце утверждалось: «Эти маленькие стихи до того чисты, прекрасны, наполнены поэзией, что не только самые известные поэты современности, но и самые великие поэты прошлых эпох не постеснялись бы поставить под ними свои подписи». Помимо частных наблюдений в статье приводилось и мнение общего плана: «Стихи К. Мхце проникают в сердце, наполняют гордостью: есть, есть и у нас большой талант!» Завершалась публикация умозакланием: «Если бы меня спросили: достиг Керим орлиной высоты, покорил поэтические вершины или нет, я бы ответил: “Берите выше!” Весь путь абазинской литературы, все ее открытия и богатства вместе с достижениями мировой поэзии влились в талант сердца К. Мхце. Это подняло его высоко, придало его поэзии орлиный полет. Уже не молод этот орел, но и силы его раскрылись еще не до конца. Когда же они развернутся во всю мощь, вы увидите: как некогда в одном его стихотворении орлы обнару-

¹³⁹ Тхайцухов Б. Еще не вышедшая книга // Коммунизм алашара. – 1986. – 22 марта.

¹⁴⁰ Тхайцухов Б. Стихи и поэмы // Коммунизм алашара. – 1987. – 24 окт.

жили потерянное солнце и закружили вокруг него, так и он найдет свое солнце, найдет – и загорится звездой!»¹⁴¹

Летом того же 1988 года газета опубликовала статью Ф. Апсовой «Нульдины и бакканы», анализировавшую главных персонажей поэмы «Маленький человек». Но открывалась она предреканием того, что поэзия Мхце переживет свое время и никогда не устареет. Отмечая, что Керим большой поэт, автор статьи настаивала: «Хочу подчеркнуть последние слова. Я убеждена в этом на все сто процентов»¹⁴².

В первом номере национальной газеты за 1989 год были помещены три читательских письма-отзыва на творчество Мхце. В предисловии к ним Б. Тхайцухов извещал, что Керим получает письма от читателей-абазин, по делам службы пребывающих за пределами родины: в Афганистане, Монголии, Кампучии, разных городах Советского Союза. Выражая досаду по поводу того, что абазины Карачаево-Черкесии до конца не осознают значения своего национального поэта, Тхайцухов тем не менее выражал уверенность в том, что Мхце дано счастье угадывать и воплощать в своей поэзии сердечные чаяния народа, о чем, по его убеждению, и свидетельствовали приводимые ниже отзывы¹⁴³.

В одном из них С. Кишмахова делилась размышлением о том, что далеко не всем пишущим удастся затронуть душу читателя. «Не знаю, оттого ли, что ты мой соплеменник, но твои стихи проникли в мое сердце», – заключала она свое письмо¹⁴⁴.

Сообщая о том, что она внимательно читает не только стихи Керима, но и публикуемые материалы о его поэзии, Р. Гукова признавалась: «Я с воодушевлением называю Керима нашим абазинским Пушкиным. Очень люблю его стихи и горжусь тем, что у нас есть такой поэт»¹⁴⁵.

Третье письмо было подписано группой учениц Псыжской средней школы, и они, как мне кажется, чутко уловили основной нерв поэзии Мхце: «Все мы знаем, что жизнь непроста, многогранна, и каждый человек должен занимать в ней свое определенное

¹⁴¹ Чекалов П. Поэзия и жизнь // Коммунизм алашара. – 1988. – 9 апр. – С. 9.

¹⁴² Апсова Ф. Нульдины и бакканы // Коммунизм алашара. – 1988. – 6 авг.

¹⁴³ Тхайцухов Б. Три письма // Коммунизм алашара. – 1989. – 7 янв.

¹⁴⁴ Кишмахова С. «Добрый день, Керим!» // Коммунизм алашара. – 1989. – 7 янв.

¹⁴⁵ Гукова Р. «Дорогая редакция!» // Коммунизм алашара. – 1989. – 7 янв.

место. Мы читали об этом в книгах, да и учителя говорили нам об этом неоднократно. Но глубже всего эту проблему раскрыло перед нами небольшое стихотворение К. Мхце “Ива”... Что-то невыразимое словами вливает в нас это произведение.

Стихи Керима пробуждают лучшие чувства.

Поэт редко обращается к пейзажной лирике в чистом виде. Ему хорошо удается параллельное изображение состояния человека и природы. Так, в стихотворении “Еще одна весна” переплетаются воедино природное и человеческое.

Когда берешь в руки книгу Мхце, о каждом стихотворении думаешь: “Наверно, вот это самое лучшее...” И так дочитываешь сборник до конца.

Его стихи радуют и печалют, в них встречаешься с близкими тебе мыслями, проникающими до глубины души. Иногда пугаешься: как он узнал, как угадал то, что таится в нашем сердце... Столь нежно и печально умеет писать только Керим Мхце. И мы хотим, чтобы он еще долго радовал и заставлял плакать нас своими стихами, полными надежд и грусти»¹⁴⁶.

В 1990 году в Черкесске и Грозном вышли в свет две мои научные публикации: «О роли переводов с русского в развитии младописьменных литератур»¹⁴⁷ и «Традиции Маяковского в абазинской поэзии»¹⁴⁸. В первой из них наряду с переводческой деятельностью абазинских авторов подробному анализу подвергался перевод К. Мхце пушкинского «Памятника», а во втором прослеживалось развитие отдельных черт лирического героя Маяковского в поэзии Керима.

За последовавшие два года (1991–1992) в газете были напечатаны четыре статьи А. Джердисовой: «Говорил Будда», «Сколько ты живыми умертвил?», «И убивают их мушиные сердца», «Я жизни буду удивляться». Первые три в большей степени рассматривают проявление в жизни тех проблем, которые затронул поэт в своих произведениях, а последняя представляется наиболее филологи-

¹⁴⁶ Кагова О., Ламкова О., Курджева Ф., Мукова З., Хаткова З. «Столь нежно и печально...» // Коммунизм алашара. – 1989. – 7 янв.

¹⁴⁷ Чекалов П. О роли переводов с русского в развитии младописьменных литератур // Литературы народов Карачаево-Черкесии. Концепция художественного развития. – Черкесск, 1990. – С. 103–119.

¹⁴⁸ Чекалов П. Традиции Маяковского в абазинской поэзии // Маяковские чтения. – Грозный, 1990. – С. 85–86.

ческой, вскрывающей авторское восприятие поэзии Мхце и ее характерные признаки. Поэтому подробнее остановимся на ней.

Статья «Я жизни буду удивляться» открывается заявлением общего характера: «Я знаю, что поэзия Керима Мхце является классикой абазинской литературы. Хотя возраст его нельзя назвать преклонным, но в поэзии он выступает мудрецом. Стихи его лишены искусственности, все они оживлены идущим из сердца чувством, и ощущение такое, будто они разом появились на свет в готовом виде».

Далее автор подробно интерпретирует стихотворения «Ива», «Еще одна весна», «Еще одна элегия» и попутно отмечает, что поэт обладает собственным почерком, незаимствованным и неповторимым поэтическим голосом. Подчеркивается, что абазинский язык, считающийся трудным, грубым, неповоротливым, под рукой поэта буквально играет («йшинапҭыцІахъвмаруа»). Констатируя, что вся поэзия Мхце – сплошная лирика, Джердисова замечает: во всем, что создано поэтом, проглядывает его личность: если он повествует о радости, его улыбчивый взгляд просвечивает сквозь строки, если печалится, кажется, что строфы истекают слезами. Какой бы темы он ни касался, вскрывает ее столь глубоко, что при повторном чтении замечаешь мысль, на которую не обратил внимания вначале. И лишь после третьего, четвертого обращения, когда насладишься радостью и печалью, перед тобой раскрывается безукоризненная техника исполнения, и снова поражаешься тому, как удалось ему в общеизвестном явлении выразить то, что, казалось, не имеет названия¹⁴⁹.

В марте 1993 года национальная газета обнародовала еще одно высказывание поэта М. Чикатуева о К. Мхце: «Возможно, в течение целого тысячелетия нам, абазинам, не доведется вырастить другого такого поэта, как Керим Мхце. Его нужно посадить на ладонь, на ладонь всех говорящих на нашем языке, и лелеять»¹⁵⁰.

Осенью того же года на страницах той же газеты была напечатана другая моя статья, «Оценят жизнь мою потом». Основную часть ее составлял обзор 12 положительных отзывов о творчестве Мхце, завершавшийся суждением: «Наверно, ни одному абазинскому писателю не доводилось услышать в свой адрес

¹⁴⁹ Джердисова А. «Я жизни буду удивляться» // Коммунизм алашара. – 1991. – 11 июня.

¹⁵⁰ Чекалов П. Мысли и боли // Абазашта. – 1993. – 6 марта.

столько лестных, теплых, содержательных откликов. Но когда соотносишь их с тем, что сделано поэтом, и эти слова, лучше которых, казалось бы, и выдумать нельзя, представляются недостаточными».

Из заключительной части этой работы мне хотелось бы воспроизвести некоторые важные, с моей точки зрения, мысли, которые были дороги мне тогда и остаются таковыми поныне.

«Керим обладает огромным даром. Как никому другому удалось ему раскрыть перед читателем свое сердце и выразить все, что там клубилось и пылало: грусть и отчаяние, самые светлые чувства и прекрасные надежды. Поэтому, наверно, его поэзия и оказалась столь близка людям, трогает сердца и делает их мягче...

Я не встречал человека, который до такой степени соответствовал бы званию поэта. И характером, и стилем, и манерой письма, и настроением, и образом лирического героя, и тем, как умеет дойти до самых потаенных уголков сердца, он не похож ни на одного из знакомых мне абазинских писателей. Из русских поэтов, как мне представляется, ближе всего к нему стоит Сергей Есенин. Некоторым такое соотнесение может показаться чрезмерным, но те, кто хорошо знаком с творчеством обоих поэтов, могут согласиться со мной. Их роднит боль за родную страну и свой народ, открытость лирического героя, нежность поэтического слова, умение передать невыразимые движения души, соотнесение, слияние природного и человеческого начал, умение выводить одно из другого, пояснять одним другое. Объединяет этих поэтов и свойственное им глубокое образное мышление.

Керим возвел лирику на недостижимую высоту, и она ни в чем не уступает вершинным достижениям мировой поэзии. Мне кажется, что многие до сих пор этого не понимают.

Последующие поколения будут знать Керима лучше, чем мы, живущие с ним в одно и то же время, имеющие возможность подойти и поговорить с ним, принимающие с газетных полос еще теплые его стихи. Керим настолько близок нам, что не можем до конца осознать истинного его значения. Есенин говорил:

Лицом к лицу – лица не увидать.
Большое видится на расстоянии.

Грустной традицией нашей жизни стало произнесение высоких речей перед памятниками усопших достойных людей. Не пора ли образумиться? Не лучше ли эти же слова адресовать человеку еще при жизни?

Наша литература еще не достигла поры зрелости, она все еще развивается. И когда она раскроется в полную силу, возможно, то, что сегодня кажется превосходным, поблекнет и потеряет свое величие. И тем не менее трудно поверить, что когда-нибудь (через 20, 60, 80, 100 лет) появится другой поэт, который будет писать лучше Керима, до того велик его талант, до того дышит он поэзией, до того поэзия проникла в его кровь, до того высокопоэтично все, что выходит из-под его пера.

Хотя сейчас Кериму годами не удастся издавать написанные им книги, наступит время, когда о нем и его лирике будут выходить научно-исследовательские работы и монографии. Если бы у нашего народа было достаточно национального самосознания, он освободил бы своего поэта от опутывающих, не дающих ему продохнуть проблем, вручил бы ему золотое перо и дал бы возможность сосредоточиться только на творчестве. Но привыкшие к бедственному положению наши души не смеют верить, что такое время когда-нибудь наступит...

Я вполне отдаю себе отчет в том, что говорю: если бы Керим родился русским или англичанином, его имя уже обошло бы полсвета и его книги издавались бы на главных языках мира. Наше счастье, что он родился абазинцем, но мы до того несчастны, что до сих пор не способны по достоинству оценить этого данного нам богом человека»¹⁵¹.

Подводя итоги приведенному в данном параграфе обзору, отметим, что в течение восьми лет (с 1986 по 1993 год) на страницах национальной периодической печати (преимущественно), в сборниках научных работ (в меньшей степени), в школьном учебнике по абазинской литературе появилось 20 публикаций различного рода. В них наблюдается попытка постижения феномена Мхце, осмысления и популяризации его творчества среди читающей публики. Но это, к сожалению, не означает, что народ усвоил и проникся изложенными в публикациях идеями.

¹⁵¹ Чекалов П. «Оценят жизнь мою потом» // Абазашта. – 1993. – 11 сент.

Абхазо-грузинская война в житейской и творческой судьбе К. Мхце

На пятой странице «Нового энциклопедического словаря» приводится краткая статья следующего содержания: «**Абазины** (самоназвание – абаза) – народ в России, в Карачаево-Черкесии (27 т. ч.). Всего в России 33 т. ч. Живут также в Турции и арабских странах (10 т. ч.). Общая численность 44 т. ч. (1995). Язык абазинский. Верующие – мусульмане-сунниты»¹⁵².

На восьмой странице этого же издания наличествует другая статья: «**Абхазы** (самоназвание – апсуа), народ в Грузии, коренное население Абхазии. Численность в Грузии 96 т. ч., в том числе в Абхазии 93 т. ч. Живут также в России (6 т. ч.), Турции (6 т. ч.) и арабских странах. Общая численность 115 т. ч. (1995). Язык – абхазский. Верующие – мусульмане-сунниты и православные»¹⁵³.

Оставим на совести составителей словаря факт отнесения народа независимой Республики Абхазии к Грузии, обратим внимание на близкое (всего через две страницы) расположение статей в энциклопедии, своеобразно символизирующее генетическую близость и родственность двух народов, их материальной и духовной культуры.

В предисловии к коллективной монографии «Абазины» отмечается, что абазины до XIV века «жили на северо-западном побережье Черного моря между реками Туапсе и Бзыбью»¹⁵⁴. Для человека, знакомого с географией Кавказа, становится ясно, что часть указанной территории относится к пределам современной Абхазии.

На странице 15 этой же монографии говорится: «Абхазы и абазины имеют общих предков – племена апсилов, абазгов, мисимиан, санигов и отчасти зихов. В VIII веке эти племена консолидировались в древнеабхазскую народность. Не позднее X века из этой народности выделилась древнеабазинская народность»¹⁵⁵.

¹⁵² Новый энциклопедический словарь. – М.: Рипол Классик, Большая Российская энциклопедия. – 2004. – С. 5.

¹⁵³ Новый энциклопедический словарь. – М.: Рипол Классик, Большая Российская энциклопедия. – 2004. – С. 8.

¹⁵⁴ Абазины. Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1989. – С. 3.

¹⁵⁵ Абазины. Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1989. – С. 15.

Из-за натиска внешних врагов, феодально-родовых междоусобиц, поиска новых пастбищных угодий с XIV по XVIII век продолжалось переселение абазин на северные склоны Главного Кавказского хребта, они занимали верховья рек Лабы, Урупа, Большого и Малого Зеленчуков, Кубани и Теберды. Так некогда единый народ оказался территориально разобленным, но ни абхазы, ни абазинцы не забывали об общих корнях и истоках.

Этот краткий исторический экскурс объясняет причины того, почему абазинцы так близко к сердцу восприняли вторжение грузинских войск на территорию Абхазии 14 августа 1992 года.

Первый отклик Керима Мхце на события в Абхазии появился в газете 27 августа. Будучи лириком, пропускающим все через свое сердце, он подошел к вопросу от собственного лица: «Мои глаза не видят ничего, кроме пламени, поднявшегося над райской землей Абхазии. Уши мои не слышат ничего, кроме выстрелов и разрывов, доносящихся из гор и долин Абхазии. В сердце моем нет места иным чувствам, кроме боли и отчаяния, вызываемых абхазской трагедией. Ум мой отказывается думать о чем-либо еще, кроме будущего абхазского народа, воюющего за свою свободу и сохранение этноса...»

В конце статьи поэт переходил уже к вопросам и задачам общего характера: «Да, абхазы и мы – родные братья, мы должны поддержать их в час беды, находиться рядом с ними, а если понадобится, то и умереть вместе с ними. Их и нас родила одна и та же мать. Если жить, то жить вместе, если умирать – умрем вместе»¹⁵⁶.

Отметим со всей определенностью, что К. Мхце не принадлежал к категории тех людей, которые призывают к действию, а сами отсиживаются в тихом уголке, продолжая совершенствование в публичной риторике. Любой человек, знавший его хоть немного, не может допустить малейшего сомнения в искренности и чистосердечности его признаний. Абазинский поэт и публицист не мог ограничиться только выражением своей позиции, ему действительно нужно было оказаться рядом с воюющим за свою независимость братским народом, и нет сомнения в том, а если требуется – пожертвовать жизнью.

Еще 16 августа он пошел к А. Джердисовой и, не застав ее дома, оставил записку: «Считаю, что в срочном порядке должен уехать в

¹⁵⁶ Мхце К. И мы тоже люди // Абазашта. – 1992. – 27 августа. – С. 1.

Абхазию, это мой долг. (...) Сложить голову за святое дело – большое счастье. Такое удается немногим...»¹⁵⁷. Но выехать сразу ему, вероятно, не удалось. По сообщению газеты, с 8 сентября Керим Мхце был прикомандирован к пресс-центру правительства Абхазии, временно дислоцировавшемуся в Гудауте, в качестве собственного корреспондента «Абазашты»¹⁵⁸.

Следует особо подчеркнуть: Керим никогда не обладал воинственным, а тем более агрессивным характером. Трудно представить себе человека более мягкого и миролюбивого, менее приспособленного к военному быту и условиям, чем он. И тем не менее в горячую точку отправился именно он, и не по заданию редакции, а по собственному горячему желанию. Тогдшний редактор газеты Р.М. Хужев вспоминает, как он вместе с Б. Тхайцуховым отговаривали его от этой рискованной затеи, но Керим настоял на своем.

Керим обладал гипертрофированной чуткостью к чужой боли, и именно поэтому его шаг был продиктован чувством долга в первую очередь перед своей совестью, а потом уже – перед братьями по крови и духу. Здесь же немаловажно отметить еще один факт из творческой биографии поэта и публициста.

В январе 1988 года абазинская газета к двухсотлетию Дж.Г. Байрона приурочила публикацию небольшого очерка и четырех его стихотворений в переводе К. Мхце. Среди них были «Стансы» и «Из дневника в Кефалонии».

В школе и Литературном институте Мхце изучал немецкий язык и даже пытался переводить с подлинника Гете и Шиллера, но английского языка он не знал, и потому, вероятнее всего, переводы его осуществлялись с русских переводов С. Маршака («Стансы») и А. Блока («Из дневника...»). Здесь небезынтересно будет напомнить их содержание:

Стансы

Кто драться не может за волю свою,
Чужую отстаивать может.
За греков и римлян в далеком краю
Он буйную голову сложит.

¹⁵⁷ Записка К. Мхце от 16 августа 1992 г. – Архив А. Джердисовой.

¹⁵⁸ Предисловие к корреспонденции К. Мхце «Еще стреляют» // Абазашта. – 1992. – 15 сент. – С. 2.

За общее благо борись до конца –
И будет тебе воздаянье.
Тому, кто избегнет петли и свинца,
Пожалуют рыцаря званье.

Мхце адекватно воспроизвел форму маршаковского перевода, чередуя четырехстопный амфибрахий нечетных строк с трехстопными четными. Что касается содержательной стороны, то и она была воссоздана без какого-либо ущерба, особенно в первой строфе; во второй же абазинский поэт попытался несколько приземлить европейскую романтическую выпренность («воздаянье», «рыцаря званье») и заменить ее более соответствующими Кавказу понятиями. Обратный подстрочный перевод с абазинского на русский будет выглядеть так:

Борись за общее дело.
Если ты погибнешь, сохранится имя героя.
Если же тебе удастся избежать смерти,
Станешь сыном народа, за который ты воевал.

Обратим внимание на тот факт, что Мхце, в отличие от Маршака, вводит в заключительную строфу оппозицию «жизнь – смерть», что позволяет, избегая обтекаемых, аморфных слов, со всей отчетливостью обнажить идею произведения. Подчеркнем, что привнесенные детали не только не противоречат, но и не изменяют общего духа стихотворения, делают его еще более выразительным.

Стихотворение «Из дневника в Кефалонии» русской читательской публике известно в переводе поэта-символиста начала XX века Александра Блока:

Встревожен мертвых сон, – могу ли спать?
Тираны давят мир, – я ль уступлю?
Созрела жатва, мне ли медлить жать?
На ложе – колкий терн; я не дремлю;
В моих ушах, что день, поет труба,
Ей вторит сердце.

Блоковский пятистопный ямб Мхце перевел в шестистопный и в этот размер благополучно вместил аналогичное содержание стихотворения. Правда, и здесь не обошлось без некоторого вмешательства: последние две строки у Мхце принимают более заостренную идейную направленность. В чем и как это выразилось?

У Блока «труба» (в контексте стиха – военный атрибут, подающий сигнал сбора) представлена лирически: она *поет*. То есть функции трубы низведены до роли любого другого музыкального инструмента, издающего мелодии и ласкающего слух. Отметим, что контекст не исключает восприятия трубы и в ее военно-прикладном смысле, но это второе значение оказывается все же несколько завуалированным. У Мхце, наоборот, образ трубы однозначен и использован в своем прямом значении, строго соответствующем контексту стиха: *зовет на бой*.

Заключительная строка Блока предстает многозначной: «вторит сердце» можно понимать и как мысленное повторение про себя мелодий поющей трубы, и как отзыв сердца на веление трубы. И такой подход вполне согласуется с поэтикой символизма, его установкой на размывание точного представления о предмете изображения. У Мхце отсутствует блоковская многозначность, последняя строка прочитывается только в одном узком и целенаправленном семантическом ключе: «Мое сердце отвечает ей» (трубе). Таким образом, лирический герой Мхце гораздо явственнее, чем у Блока, выражает свою готовность откликнуться на зов трубы, призывающей принять бой.

Абазинский поэт неоднократно признавался, что не может приступить к переводу произведения, которое ему не нравится или не близко по духу. Если бы мы не знали, что «Стансы» и «Из дневника в Кефалонии» были переведены еще в 1988 году, то вполне могли бы предположить, что Мхце обратился к их переложению в дни военной агрессии Грузии против Абхазии, настолько созвучны оказались они тогдашнему его внутреннему состоянию и мировоззрению. Но даже с учетом того, что переводы были осуществлены за четыре с половиной года до грузино-абхазской войны, невозможно представить, чтобы Мхце мысленно не возвращался к ним и не примеривал к себе поэтический завет великого английского поэта-романтика.

Не думаем, что наше предположение будет очень далеким от истины, если скажем, что Керим Мхце воспринимал свою коман-

дировку в воюющую Абхазию не только как гражданский, но и как поэтический долг. В его поведении в те дни нельзя не усмотреть определенных традиций, идущих от того же Байрона, положившего свою голову за освобождение Греции.

Итак, по свидетельству газеты «Абазашта», К. Мхце оказался в Абхазии уже 8 сентября и в ближайшие три недели передал в газету шесть развернутых корреспонденций о событиях в республике. Последняя из них, «Народ в отчаянии», была опубликована в национальной газете 26 сентября. Потрясение от увиденного было велико. Он никак не мог понять, как грузины с такой многовековой историей, богатейшей культурой могли проявить невиданное злодеяние и жестокость по отношению к малочисленным абхазам. «Я допускаю, что руководству Грузии удалось одурачить свой народ и направить его по ложному пути, но куда делась грузинская интеллигенция? Почему ни один из них не подает своего голоса? Почему они не объяснят своему народу позорность для Грузии происходящих событий?» – в отчаянии задавал поэт вопросы, на которые не мог найти удовлетворительного ответа¹⁵⁹. «Народ Грузии сегодня можно считать погибшим, сожравшим собственный разум», – приходил он к неутешительному диагнозу в другой публикации¹⁶⁰.

Прошло около двух месяцев, прежде чем он приступил к публикации серии развернутых очерков по впечатлениям, вынесенным из военной командировки. Они имели общее заглавие: «Абхазия, тебя не смогут уничтожить!» («Уара угьырзышуашым, Апсны!») В предисловии автор объяснял наличие этой временной дистанции: «Взглянув в глаза этого грандиозного бедствия, невозможно писать о нем сразу. Нужно снова все перечувствовать сердцем, охватить и осмыслить умом, чтобы подобрать соответствующие слова».

Выражая непоколебимую уверенность в освобождении Абхазии, Мхце тем не менее не смог скрыть своего угнетенного состояния и пессимизма в отношении будущих перспектив между Абхазией и Грузией: «Я вернулся из Абхазии с тяжелым сердцем, со спутанными тревожными мыслями и чувствами. (...) Даже если на

¹⁵⁹ Мхце К. Хотя обличье у них человеческое... // Абазашта. – 1992. – 24 ноября. – С. 3.

¹⁶⁰ Мхце К. Абхазия, тебя не смогут уничтожить! // Абазашта. – 1992. – 21 ноября. – С. 5.

протяжении столетия непрестанно будет лить дождь, все равно он не смоет кровь, пролившуюся между двумя этими народами»¹⁶¹.

3 октября 1993 года, буквально на третий день после вытеснения грузинских войск и установления на восточной границе по реке Ингури национального флага Абхазии, Мхце снова оказался там, чтобы засвидетельствовать последствия этой колоссальной трагедии, в которой, однако, абхазский народ проявил свои лучшие качества: неггибаемый дух, неустрашимое мужество, волю к победе. В республике все еще было неспокойно, война продолжалась в Сванетии. Было опасно передвигаться не только по дорогам, но и по улицам освобожденного уже Сухума. Поэтому вместе с документом об аккредитации Мхце выдали и оружие в целях самообороны. Начиная с 30 октября того же года Керим предпринял публикацию новой серии очерков о послевоенной Абхазии. Всего за 1992–1993 годы им было осуществлено 25 разножанровых публикаций (корреспонденции, статьи, очерки) в 19 номерах газеты «Абазашта». Остановимся кратко на их содержательной стороне.

В самой первой информации из Абхазии 15 сентября 1992 года Мхце сообщал об абазинском батальоне, сформированном из ребят-добровольцев, воевавших во главе с М. Килбой на стороне абхазов. (Забегая вперед, скажем, что из героев Абхазской войны К. Мхце выделил и посвятил отдельные очерки абазину Мухамату Килбе, черкесу Мусе Даурову, чеченцу Шамилю Басаеву.) В следующем материале от 17 сентября он рассказывал о бесчинствах, творимых грузинами на оккупированной территории: «Они не взирают ни на что – стреляют в кого попало, грабят дома и людей, отбирают все, что придется им по нраву. Это не вымысел. Я стал свидетелем того, как в отбитом у грузин БМП (военной бронированной машине) абхазы обнаружили различный награбленный скарб, среди которого было и нижнее женское белье...

Случается и такое: останавливают абхаза на улице, требуют паспорт, зачеркивают графу “национальность” и вписывают: “осел”.

Обычно сдержанный Мхце в этом случае не справляется с эмоциями и сопровождает данный эпизод емким словом, выражающим его отношение к описываемому: «Проклятье».

Останавливаясь на противостоянии грузин и абхазов в направлении Гагра – Бзыбь в середине сентября 1992 года, Мхце не мог

¹⁶¹ Мхце К. Абхазия, тебя не смогут уничтожить! // Абазашта. – 1992. – 21 ноября. – С. 5.

скрыть своего удивления по поводу соотношения людских ресурсов и вооружения. По его свидетельству, у абхазов и северокавказских добровольцев было всего шесть танков («и те отбиты у грузин», замечал он в скобках), а у противника их было более 60; на каждой позиции численность грузин превышала 2000 человек, а абхазов – менее 150. «Видно, на войне сила заключается не только в вооружении», – подытоживал свои наблюдения абазинский поэт.

В очерке «В Гагро-Бзыбском направлении» Мхце воспроизводил признание командира батальона второй позиции Геннадия Чанба по этому вопросу: «Сейчас среди наших ребят встречаются такие, у кого, кроме одной гранаты, больше никакого оружия не имеется. Многие воюют старыми дедовскими охотничьими ружьями. У меня и того нет. Был у меня пистолет, да из жалости отдал одному парню. Если бы сейчас грузины, проявив мужество, пошли бы в атаку, у нас патронов хватило бы лишь на 15 минут боя. Но они не могут решиться и поливают нас огнем из своих окопов». А следующее признание Чанба о роли северокавказских добровольцев в этой войне («Если бы они своевременно не оказались рядом с нами, грузины за пять дней захватили бы всю Абхазию») Мхце завершал собственным признанием: «Никогда в жизни я не был так горд за своих земляков, как в те минуты».

Одна из первых примет прифронтовых населенных пунктов, отмечаемых Керимом, – безлюдность. Так, в Гудауте он обращает внимание на то, что на улице почти не видно стариков, девушек и детей. Оказавшись в Пицунде, журналист также замечает: «На некогда переполненных людьми улицах сейчас гуляет ветер; пляж, который в свое время кишел отдыхающими, сейчас пуст, как раскрытая ладонь».

В очерках безлюдность сопровождается разрухой: «Селение Эшеру узнать невозможно: здесь разрушены все дома. Особенно пострадала школа – от нее не осталось ни единого целого помещения...» Военный пейзаж дополняют обгорелый танк в Эшере, огромное количество расстрелянных гильз, галькой хрустевших под ногами и затруднявших движение, помятый придорожный знак с названием населенного пункта на абхазском и грузинском языках, изрешеченный пулями до такой степени, что на нем уже ничего невозможно разобрать. И, как обычно, Керим сопровождает свое бытовое наблюдение обобщением социально-политического характера: «Как невозможно выправить, залатать и снова

повесить этот щит в качестве дорожного знака, так невозможно восстановить прежние отношения Грузии и Абхазии, обгагрившиеся кровью».

Еще через год, во время второй командировки, Мхце снова констатировал те же страшные картины последствий войны: «Эшера оказалась разрушенной еще больше, чем в прошлом году. В селении Ачадара остались лишь одни обгорелые стены домов. Не видно никакого движения. Не только людей, даже бездомного пса нельзя встретить на этих улицах. Селение вымерло. Как я узнал впоследствии, грузины на всей территории оккупированной Абхазии – от Сухума до Ингури, от Очамчира до Ткварчела – со всеми абхазскими селами поступили так же».

Переходя к описанию освобожденной столицы, Мхце отмечал: «Из девятиэтажных домов нового района Сухума ни один уже не пригоден для жилья: их стены и крыши пробиты бомбами, минами и снарядами. (...) Все учреждения, связанные с абхазской историей и культурой, – музеи, институты, театр, государственный архив, школы, библиотеки – разрушены. То, что не поддавалось разрушению, обливалось бензином и поджигалось. Вот двенадцатиэтажное здание совета министров Абхазии, некогда облагораживавшее своей красотой всю округу. Грузины обстреливали его из минометов и артиллерийских орудий, неоднократно пытались подорвать, но ничего не вышло. Тогда они облили его изнутри и снаружи бензином и подожгли. Здание осталось на месте, но это уже не тот дом, что озарял это место лучами жизни, от него осталось только обуглившееся черное тело. Его невозможно восстановить, отреставрировать, можно только убрать, очистить место и заново отстроить». И снова, как и характерно для публицистического стиля Мхце, от конкретного наблюдения он переходит к обобщениям: «Еще тогда, когда деньги чего-то стоили, на строительство этого здания были потрачены многие миллионы, а теперь потребуются миллиарды. Но как можно подсчитать цену погибших в огне войны памятников истории и культуры, архивных документов?! Как вернуть сложивших головы за освобождение Абхазии сынов и дочерей Кавказа?..»

Довершая общий портрет освобожденного Сухума, Керим запечатлел и такие кадры: «То там, то здесь раздавались выстрелы из пистолетов, автоматов и пулеметов. Неизвестно, кто и по ком стрелял. За исключением толпы людей, собравшейся у хлебного

магазина, редко кого из прохожих можно было встретить на улицах, да и те пугливо озирались в сторону раздававшихся выстрелов. Повсюду лежали горы мусора, запах тления перехватывал дыхание, – за все время оккупации грузины ни разу не убрали улицы, не вывезли мусор. На улицах все еще лежали разлагавшиеся трупы грузинских военных, и над ними роились мухи.

Во время моего пребывания в Сухуме дни стояли теплыми, как летом, однако никто не купался, не удил рыбу: море продолжало выбрасывать на берег трупы людей...»

Считая Абхазию неотъемлемой частью Грузии, в одном из своих выступлений по телевидению Э.А. Шеварднадзе объяснял вторжение войск Госсвета в соседнюю республику тем, что грузины имеют право внутри своей страны передвигать свои войска в любом направлении. Отталкиваясь от этих слов, Мхце показывает, чем обернулось это «передвижение» для абхазов: грузины задерживали всех мужчин, нередко без суда и следствия расстреливая на месте, насиловали девушек, грабили дома и квартиры, зарясь порой даже на нижнее белье и парфюмерию; не пропускали без внимания ни одной машины, отбирали, если встречали сопротивление, – убивали хозяев и на кораблях переправляли вглубь Грузии. В течение одного только месяца из Сухума было вывезено более трех тысяч легковых машин. Тешась, они открывали огонь из автоматов внутри театра, из научно-исследовательского института вывезли в Тбилиси весь архив, который собирался десятилетиями... «Да, вот так передвигаются войска Шеварднадзе “внутри своей страны”, – заключает свой печальный перечень поэт и журналист.

От констатаций общего плана Мхце переходит к частным, когда рассказывает о том, как группа грузинских гвардейцев ворвалась в дом Ивана Какаскири, сапогами и прикладами автоматов избива до потери сознания, после чего шприцами выкачивали кровь из вен и разбрызгивали по стенам. В другом доме другая группа солдат решила поиздеваться над 12–13-летней девочкой. Кинувшегося на помощь деда они расстреляли и на его груди в очередь изнасиловали девочку... Казалось бы, что может быть бесчеловечнее и жестокосерднее этой истории, но Мхце приводит и более ужасающие эпизоды. «Злодеяния, вытворяемые здесь грузинами, не идут ни в какое сравнение с теми, что позволяли себе немецкие фашисты», – приходил он к ожесточающему выво-

ду. И потому не случайно очерк, в котором описываются все эти события, был озаглавлен: «Хотя обличье у них человеческое...». Контекст статьи позволяет заполнить многоточия соответствующими словами: «по сути, они звери».

Кериму, органически не способному к насилию и не приемлющему его в любой форме, трудно было писать обо всем этом, но он пересиливал себя, так как осознавал: «Без этого правды об этой войне не будет».

Кредо К. Мхце – поэта и публициста – заключалось в правдивом отображении всего того, чему он стал свидетелем. Это кредо проявлялось не только тогда, когда он писал о зверствах грузин, но и тогда, когда сами абхазы представляли в неприглядном свете. «Я не хотел говорить об этом, – признавался он в очерке “Сухум – Ингури” в номере от 2 ноября 1993 года, – но правду, какой бы горькой и уродливой она ни была, скрыть не удастся. И не нужно даже пытаться делать это, так как вымыслы и сплетни станут еще более отвратительными».

И этот творческий принцип позволил ему заметить и зафиксировать и такие моменты: «Да, правда, во время освобождения Сухума абхазы расстреливали многих грузинских солдат, пытавшихся сдаться в плен. Да, правда, гражданских лиц, содействовавших политике злодеяний Госсовета Грузии, выводили из домов и убивали, расхватывали имущество беженцев, без спроса захватывали дома и квартиры и писали на дверях и воротах: “Не трогать! Частная собственность”. Пуская автоматные очереди над головами стариков, женщин и детей, сажали в автобусы, отвозили до реки Ингури, предупреждали, чтобы больше не возвращались, и выпроваживали. Было все это».

Ему было противно, омерзительно наблюдать за всем этим. По его же признанию, такие явления «колючкой вонзались в сердце». И хотя он душой не принимал грабежа и насилия и со стороны абхазов, разумом понимал причины происходящего: абхазы мстили за нанесенные обиды и поругание. Правительство Абхазии вело борьбу с мародерами, судило их по законам военного времени, но поэт осознавал, что все это – результат развязанного кровопролития, неотъемлемые штрихи к портрету всякой войны.

За время пребывания на земле воюющей Абхазии Кериму вместе с абхазским тележурналистом Владиславом Сакания и оператором Анзором Кварчелия приходилось побывать в различ-

ных переплетах. Об этом он вспоминал походя в очерке «Гудаута»: «Вместе с ними мы объездили много дорог. Случалось, мы голодали, уставали так, что не оставалось сил на разговоры. Бывало, что в горном лесу, на разбитой дороге нашу машину градом осыпали пули, а при переходе через мост реки Гумиста на нас набросилась группа вооруженных грузин, желая разорвать нас во что бы то ни стало...» О последнем эпизоде несколько подробнее Мхце рассказывал ранее в корреспонденции «Абхазия воюет»: «Когда мы пробирались через мост к селению Ачадара, нас окружила группа грузин, готовых разодрать нас на части. Я никогда не встречал подобных лиц. Не было на свете таких слов, которые были бы способны образумить их. Если бы не несколько стариков, мужчин в годах, остановивших их, нетрудно предугадать, чем могла завершиться для нас эта встреча».

В другой корреспонденции, «В Гагро-Бзыбском направлении», Мхце рассказывал о том, как им троим приходилось на машине пробираться через заминированный мост. Еще в одной публикации, «Вести из Абхазии», он сообщал о том, как в середине сентября, во время перемирия и обмена военнопленными, группа абхазских журналистов вместе с Керимом перешла фронт и прибыла в Сухум для изучения последствий грузинской оккупации столицы Абхазии. Для перемещения по городу необходимо было получить соответствующие документы в комендатуре, но там им ничего не выдали, наоборот, отобрали все фотопленки и видеокассеты, заперли в комнате и продержали пять часов. «Все это они объясняли заботой о нас, но при этом, не скрывая, издевательски посмеивались», – комментировал Мхце происходившее.

Приведенные факты говорят о том, что Керим в Абхазии пребывал далеко не в комфортных условиях, он неоднократно подвергал свою жизнь опасности, добывая правдивую информацию для читателей «Абазашты».

Впечатления о пребывании К. Мхце в Абхазии во время войны и после нее нашли свое воплощение не только в публицистике, но и в поэтическом творчестве.

9 февраля 1994 года в газете «Абазашта» было опубликовано два стихотворения: «Они», «Слово абхазской женщины», имевшие общий заголовок: «Абхазская тетрадь (из цикла стихотворений)». 26 марта того же года под тем же названием были опубликованы еще три стихотворения: «Голос моря», «Грузинские

женщины», «После боя». В вышедшем в том же году сборнике стихотворений Мхце «Вы не узнаете, кто я...» эти произведения, дополненные еще одним, «Грузинский генерал», были объединены в единый цикл с заглавием «Абхазская тетрадь».

Уже после выхода сборника, 19 сентября 1994 года, в интервью журналисту Б. Хасарокову Керим поделился историей возникновения стихотворений об абхазской трагедии: «Безусловно, во время войны, через месяц после ее начала, когда рушился мир, у меня не было условий сидеть и спокойно работать над стихами, но все они уже тогда в черновых набросках были занесены в мой блокнот. Тогда главной моей задачей являлась журналистская работа, ознакомление читателей с ситуацией в Абхазии. После возвращения, когда я заново пропустил перед глазами все увиденное, услышанное, когда я заново попытался осмыслить то, чему явился свидетелем, я вернулся к этим стихам и стал их дорабатывать. Вот так они появились на свет. Уже после того, как рукопись была сдана в типографию и вышел сборник, я сожалел о том, что включил в цикл кое-какие стихи, и, кстати сказать, кое-что осталось не включенным. Поэтому в будущем я планирую еще работать над этими посвященными событиям в Абхазии стихотворениями...»¹⁶²

Мы не располагаем данными, возвращался К. Мхце к продолжению этого цикла или нет, в архиве поэта, который попал к нам в руки после его смерти, следов развития данной темы обнаружено не было.

Прежде чем переходить к анализу «Абхазской тетради», необходимо отметить, что мотивы почти всех стихотворений так или иначе перекликаются с теми, что прозвучали в публицистических материалах автора. Это и понятно: истоки их были одни и те же. Так, например, в очерке «Гудауга» Мхце воспроизводил впечатления первого дня пребывания в воюющей Абхазии: «В первую ночь, несмотря на огромную усталость, мне не удалось заснуть. Тяжелые мысли, накатывавшиеся на меня вместе с шумом моря, не давали сомкнуть глаза. Временами мне казалось, что стон морского прибоя доносит отчаянный голос погибших махаджиров, увидевших трагедию, в которую оказалась ввергнута их земля».

Поясним: махаджиры – горцы, вынужденные покинуть родные места и перебраться в Турцию после окончания Кавказской вой-

¹⁶² Мхце К. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. – Черкесск, 2014. – С. 49–50.

ны. По свидетельству очевидцев, многие из них погибли в пути, и их трупы выбрасывались в море. Известны случаи, когда тонули переполненные махаджирами суда. И именно к ним, к памяти погибших предков обращался поэт в стихотворении «Голос моря». Воспроизведем его в переводе А. Галамаги:

Когда на время утихнет бой
И станет тихо ночной порою,
Ты можешь услышать, как бьет прибой,
Стонет рядом волной морскою.

Нет, мои братья, не волны там
Стонут скорбно и о скалы бьются.
Это предки наши зывают к нам
И сквозь шум прибоя велят проснуться.

Вводя в контекст стихотворения обобщенный образ погибших в результате другой войны предков, Мхце придает лирическому повествованию объемность: потрясены не только те, на кого обрушилась страшная беда, кто стал живым свидетелем кровавой бойни, но и мертвецы. Испытываемая родной землей боль настолько остра и глубока, что достигает душ погребенных в морских пучинах махаджиров, вызывая у них отчаянный стон. Такое переосмысление придает народной трагедии многомерность, измеряет, переводит ее масштабы в эмоционально-абстрактные параметры.

В публикации от 15 декабря 1992 года «Заметки из дневника» Керим рассказал историю одной вдовы-абхазки. Когда погиб один из троих воевавших ее сыновей, она пробралась на фронт и отыскала его тело. Во время похорон никто не заметил на ее глазах ни одной слезинки. Вероятнее всего, что эта вдова стала прототипом лирической героини стихотворения «Слово абхазской женщины», от чьего лица ведется повествование-обращение к образу женщины, нареченной популярным в Грузии именем. Текст стиха воспроизводится в подстрочном переводе:

Ах, Тамар, Тамрико, некогда бывшая мне сестрой,
Я никак не могу понять, отчего
Ты послала своих сыновей убивать моих,
Чем смогла я тебя прогневить?

Обычно ответственность за развязывание военных действий ложится на руководителя страны-инициатора. Обзор публикаций в газете «Абазашта», включая статьи и самого К. Мхце, показал, что мишенью для обвинений в конфликте между грузинами и абхазами стал председатель Госсовета Грузии Э.А. Шеварднадзе, и это вполне оправдано. Но в то же время было бы не очень дальновидным и справедливым сваливать всю вину за случившееся лишь на одного человека: ответственность лидера должно разделять все общество, не сумевшее или не посчитавшее нужным противостоять агрессивным его намерениям. В данном случае Мхце представляет грузинское общество в лице одной обобщенной женщины-матери, которая не только не остановила, но и благословила своих сыновей на войну против соседней республики, и они «внесли ад в маленький домик» абхазской женщины, отняв у нее детей, но и сами не избежали возмездия:

Плачь вдоволь теперь, Тамар, –
 Вскормленные твоей грудью сыновья,
 Опозорив тебя, стали пищей ворон.
 О, я не плачу, – вскормленные моей грудью сыновья
 Сложили головы, но защитили землю Абхазии.
 Погибли в войне твои сыновья,
 Погибли в войне мои сыновья.
 И что же теперь ты могла бы сказать?..
 Нас рассудит с тобой справедливый бог,
 Ай-й, Тамар, некогда бывшая мне сестрой
 Грузинская женщина.

Главным в лирическом откровении героини является даже не обвинение «бывшей ее сестры» в содействии разжиганию военных действий, а мысль о том, что эта война никому не принесла счастья, а только горе обоим участвовавшим сторонам. Разница только в том, что одна сторона опозорила себя несправедливыми притязаниями, а другая вела себя достойно, защищая от нашествия землю предков.

В другом стихотворении, «Грузинские женщины», выведенные в названии персонажи выступают уже не олицетворением всего грузинского общества, а определенной ее частью, наиболее ярко воплотившей в себе самые агрессивные и низменные намерения:

В Тбилиси прошел большой митинг
грузинских женщин.
Они били себя в грудь и кричали,
потом решили так:
«В наших мужчинах нет мужества,
мы оказались обмануты. –
Посмотрите на них: до сих пор
они не усмирили Абхазию!
Где имущество, на которое мы рассчитывали?
Где золото?
И то, что имеешь, не имеешь,
когда имеешь таких слабаков.
Наши мужчины без мужества –
наденем на них платки,
Возьмем вместо них оружие
и покорим абхазов!..»
Как ни бесились грузинские женщины,
но Абхазия устояла.
Неся своим женам проклятья,
вернулись грузинские мужчины к себе...
Правда: незавидна судьба народа,
у которого мужчины растеряли мужество, –
но там, где женщины перестали быть женщинами,
это уже – не народ!

Здесь необходимо заметить, что К. Мхце и в жизни, и в поэзии к женщине всегда относился коленопреклоненно, по-рыцарски. И нужно было, чтобы свершилось нечто ужасное, глубоко возмущившее душу и разум поэта, чтобы так неуважительно, оскорбительно отозваться не об одной даже конкретной женщине, а о женщинах целого народа. Вероятнее всего, что таким событием, спровоцировавшим поэта на подобное стихотворение с уничтожительной афористической концовкой, явился реальный митинг грузинских женщин с призывами наподобие тех, что отразились в стихотворении. Мхце никогда не посмел бы и не позволил бы себе такой категорический и в высшей степени нелицеприятный отзыв, если бы не считал, что имел на это достаточные моральные основания. При всем этом мы не можем не усмотреть в его реакции горячности, эмоционального пережлеста, неправомерного обоб-

щения. Но так или иначе в стихотворении выразилось его настроение, его отношение к грузинским женщинам и обществу в целом, выработавшееся в ходе военных действий в Абхазии. И если поэт впоследствии выражал сожаление по поводу включения в цикл некоторых стихотворений, возможно, это относилось к данному произведению.

Стихотворение «Они» тяготеет к философскому плану. Здесь поэт пытается осмыслить логику становления психологии людей, которые оказались способны к безжалостному истреблению себе подобных. И нам представляется, что Мхце поэтическими средствами удалось создать их внутренний портрет:

Они когда-то были детьми
и, как все дети вселенной,
были прекрасны;
потом они стали заключенными
и, как все зэки на свете,
стали жалкими;
потом они стали гвардейцами
и, как все гвардейцы в мире,
стали мародерами;
потом они стали фашистами
и, как все фашисты на земле,
превратились в выроdkов.
Когда они пришли в абхазскую землю,
предав ее огню,
когда шли по пояс
в крови невинных людей,
во главе их строя шагали,
призывая и воодушевляя,
черные тени
Джугашвили и Бери;и
им вослед,
проклиная, глядели
грустные тени
Руставели и Пиросмани.
И грузинская земля,
ослепшая,
оглошшая,

онемевшая грузинская земля
молчала.
Молчала,
словно покойник,
испугавшийся собственной смерти...
(Перевод А. Галамаги)

Вряд ли эпическими или публицистическими средствами можно было создать столь лаконичное, пластичное произведение с огромной силой эмоционального воздействия. К. Мхце удалось емко и компактно уложить в небольшое стихотворение свободной формы образ грузинских гвардейцев, что называется, в рост. Отметим и своеобразную, строго выдержанную внутреннюю логику развития героев стихотворения. Подобная логика, вероятно, возможна и для других родов литературы, но именно для лирики она явилась наиболее естественной и органичной. Поэтической находкой считаем и заключительный образ грузинской земли, устранившейся злодеяний собственных некогда бывших прекрасными детей.

Прежде чем перейти к разговору о следующем стихотворении, вспомним заметку К. Мхце от 17 ноября 1993 года: «В Гудаутской тюрьме содержатся 64 грузинских военнопленных. Что с ними сделают? Обменяют на пленных абхазов или на их останки? Отпустят или... расстреляют? Глядя на них, кажется, что им самим безразлична их будущая судьба.

Среди пленных есть и генерал. На вид ему лет пятьдесят. Вот наш с ним разговор:

– Генерал, я не спрашиваю вас о причине нападения на Абхазию, и вы, и я хорошо знаем ее. Как вы лично попали в плен?

– На войне много чего случается.

– Предполагаете ли вы выбраться отсюда живым?

– Я не думаю об этом. Но, если бы я хотел, за время четырехмесячного пребывания здесь я четыре раза мог уйти отсюда.

– Как? Сбежали бы?

– Нет. Руководство армии Госсовета неоднократно предлагало обменять меня на пленных абхазов, и абхазская сторона не возражала. Я не захотел. Пока не будут освобождены все солдаты, попавшие в плен по моей вине, я не уйду отсюда.

– А если вас расстреляют до того?

– Для меня это предпочтительнее...»

Из всех публикаций Мхце это единственный эпизод, когда поведение грузинской стороны в той войне вызывает уважение и одновременно чувство сожаления. Нет никакого сомнения, что именно этот случай лег в основу следующего стихотворения, созданного в форме диалога:

Грузинский генерал
Со всеми своими солдатами
Попал в плен.
Вместе со своими солдатами
Он был заключен в Гудаутскую тюрьму.
Бескровное лицо его говорило о том,
Что в сердце не осталось надежды.
Я спросил:
«Когда вы с оружием в руках
Шли по Абхазии,
Истребляя ни в чем не повинных людей,
Чего вы хотели добиться?» –
«Не помню, – ответил он. – Ничего не помню».
«Если бы вас освободили,
Вернули оружие
И снова велели идти на Абхазию,
Пошли бы вы воевать?» –
Спросил я его.
«Не знаю, – ответил он. – Ничего не знаю».
Но вот что меня удивило:
Абхазы разрешили грузинскому генералу
Вернуться домой, но он отказался.
«Солдаты оказались в плену по моей вине.
Пока их не освободят,
Я не выйду из вашей тюрьмы».
Так сказал грузинский генерал...
Шли дни и месяцы.
Наконец грузинский генерал остался один.
«Теперь идите, – сказали ему абхазы. –
Пусть останется на вашей совести все,
Что вы совершили».

«Дайте мне подумать до завтра, – попросил он. –
Дайте подумать до утра...»
Ночью в Гудаутской тюрьме
Грузинский генерал покончил с собой...
(Перевод А. Галамаги)

Произведение создано в форме свободного стиха, что еще больше сближает его с публицистической основой. Но при внешнем сходстве двух произведений между ними обнаруживаются и существенные различия. Если в зачине заметки Мхце обращает внимание на группу из 64 военнопленных, задумывается об их будущей судьбе и затем только переходит к диалогу с генералом, то в стихотворении с самого начала на первый план выводится образ генерала, а о группе солдат упоминается только в связи с ним. Опуская размышления о дальнейшей перспективе их судеб, в стихотворном произведении К. Мхце мотив обреченности, выделенный в заметке как характерный признак всех заключенных, переносит на одного генерала, и с этого момента он становится единственным и главным персонажем лирического повествования. Отметим также игнорирование в стихотворении возраста генерала, разницу содержания диалога в двух произведениях: общим для них остается только твердое намерение генерала остаться в тюрьме до тех пор, пока не освободят всех солдат. В формулировке остальных вопросов и ответов Мхце несколько отходит от их реальной основы, подчиняя их уже лирическим задачам: повторы одних и тех же слов, единообразие конструкций ответов генерала призваны подчеркнуть его подавленность, душевное смятение, потрясение неких жизненных основ, в одночасье превратившихся в руины. Именно этим внутренним его состоянием объясняется и психологически мотивируется его решение покончить с собой накануне освобождения.

Ни в заметке, ни в стихотворении имя генерала не упоминается. Нам неизвестно также, конец генерала в финале стихотворения соответствует реалиям его человеческой судьбы или это уже художественный вымысел поэта. Но нам кажется, что выведенный в лице грузинского генерала персонаж представляет собой образ человека, осознавшего свои преступления против человечности, раскаявшегося в своих злодеяниях, но не сумевшего жить дальше с грузом осознанной вины.

В уже упомянутом нами интервью К. Мхце журналисту Б. Хасарокову поэт обращался и вспоминал истоки, основной импульс, позволивший ему создать стихотворение «После боя»: «Существует такой неписанный закон для каждой войны: когда заканчивается сражение, выделяется время для того, чтобы обе воюющие стороны могли убрать с поля боя убитых и предать их земле. Я стал свидетелем того, как после одного боя абхазы выполнили свой священный долг перед братьями по оружию и похоронили их в соответствии с обычаями. Грузины же оставили своих убитых, они не захотели возиться с ними. По-моему, уже одно это показывает нравственную шкалу каждого из этих народов»¹⁶³.

6 августа 1993 года, во время пресс-конференции в г. Черкесске, тогдашний заместитель министра обороны Абхазии М. Килба отмечал, что грузины нередко оставляли на поле боя многочисленные трупы погибших¹⁶⁴. И сам Мхце в своих публикациях касался этой темы: «Шеварднадзе и его клике никогда не простится и кровь молодых ребят-грузин, отправленных на смерть в эту позорную войну. Уже разложившиеся трупы многих из них разбросаны по горам и сопкам Абхазии, немало из них оказались сброшенными в море самими грузинами, чтобы не возиться. Хотите – верьте, хотите – нет, но нередко грузины не считали нужным предавать земле прах погибших соотечественников»¹⁶⁵.

Вот эта проблема отношения к покойникам и положена в основу заключительного стихотворения цикла «После боя»:

Неделю назад здесь прошло сражение.
С нашей стороны погибли самые лучшие,
С их стороны оказались убитыми худшие.
Мы собрали тела наших погибших
И, скорбя сердцем, предали земле.
Они оставили тела мертвецов
на съедение ворон.
В этой райской долине,
превращенной в смрадный ад,

¹⁶³ Мхце К. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. – Черкесск, 2014. – С. 50.

¹⁶⁴ Абхазия была, есть и будет! // Абазашта. – 1993, – 11 августа. – С. 1.

¹⁶⁵ Мхце К. Хотя обличье у них человеческое... // Абазашта. – 1992. – 28 ноября. – С. 5.

Разбросанные повсюду,
 никому не нужные – они,
Мечтавшие захватить нашу землю,
Лишившись своей родины, не могут
Уйти на тот свет или вернуться на этот.
Запах тления перехватывает дыхание.
Но сегодня – поверите ли?! – сегодня
Мое сердце посетило озарение:
Не способные даже
 похоронить своих покойников,
Потерявшие свою честь враги
Нас никогда одолеть не сумеют,
Я поверил в то, что Абхазия сохранится!
 (Перевод подстрочный)

Отношение к погибшим становится для поэта мерилom благо-родства и человечности. Антитеза, положенная в основу стихотворения, и вытекающая из нее идея произведения абсолютно прозрачны и не требуют дополнительной интерпретации. Мы только хотим обратить внимание на мотив единения лирического героя с народом Абхазии, выраженный местоимениями «мы», «нас», «наши». Лирическое повествование ведется не сторонним наблюдателем, не журналистом из другой страны и даже не названным братом, а личностью, осознающей и чувствующей себя естественной, органичной частью этого народа. И дело, за которое воевала Абхазия, лирический герой ощущает кровно своим. Характерно в этом плане название одной из публикаций К. Мхце той поры «Считайте меня абхазом», в которую был включен перевод на абазинский язык клятвы добровольцев Северного Кавказа:

«Я, доброволец, по личному зову своего сердца, возмущенный неприятием своевременных мер местными правителями, народных фронтов, Вооруженных сил России и ее президента, добровольно объединяюсь по пути в Абхазию с теми, кто хочет остановить агрессию Грузии против мирного населения, и в кругу своих единомышленников торжественно клянусь: (...).

Клянусь защищать любого человека любой национальности в равной степени – абхаза, русского, казака, армянина, грека, грузина, мингрельца, всех тех, кто сегодня с народом Абхазии отстаивает независимость малой родины – Абхазии.

С этой минуты мы отказываемся от гражданства предавших нас правителей и просим правительство Абхазии считать всех нас с 20 августа с 00 часов абхазами. Теперь защита Абхазии – наше неотъемлемое право и обязанность. Для нас теперь она, Абхазия, – Родина»¹⁶⁶.

16 января 1998 года Керим в частной беседе признался мне: «Журналист не имеет права прикасаться к оружию. Но когда я увидел то, что творилось, – не выдержал...

Я не мог этого до той поры, пока не увидел, что вытворяли грузины. Это были настоящие фашисты... Я никак не мог прийти в себя, собраться... Подорвавшихся на минах ребят я собирал по частям. Руки были в крови так, как бывают они во время разделывания бараньей туши. Поэтому, когда вернулся оттуда, вынес из дома все, что имеет какое-то отношение к Грузии, включая и книги классиков, – и сжег.

Потом, когда абхазы стали отвоевывать свою землю, я снимал фотоаппаратом, как они грабили грузинские дома. За это один абхаз выстрелил в меня, но не попал. Его остановил другой.

Всю Абхазию пешком исходил. От Очамчира до Ткварчала прошел, ночевал под кустами. Это кошмар, что там творилось! Два раза я там был. В общей сложности – около четырех месяцев. Но этого мне вот так хватило!..» – и Керим подносит ладонь к горлу (19, 6).

Керим Мхце не был солдатом, он был журналистом и поэтом, добровольно посетившим воюющую республику и своим пером борющимся за отстаивание ее свободы и независимости. И как некогда он примеривал к себе поэтические заветы Байрона, так и впоследствии он не мог не примерять и не принять сердцем содержание переведенной им клятвы. Его публицистика, лирический отклик на события в Абхазии, человеческое и гражданское поведение в той ситуации представляют нам личность с активной жизненной позицией, со своими принципами и идеалами, органичную в помыслах и действиях, готовую отдать жизнь за правое дело. Поэтому не случайно, а вполне закономерно, что 14 сентября 2012 года президент Абхазии А.З. Анкваб подписал указ о награждении К.Л. Мхце орденом «Честь и слава» (посмертно).

¹⁶⁶ Мхце К. «Считайте меня абхазом» // Абазашта. – 1992. – 24 ноября. – С. 5.

Инициатива награждения принадлежала Р.М. Хужеву. Еще 8 апреля 2008 года был готов письменный проект обращения Совета старейшин абазинского народа к тогдашнему президенту Республики Абхазии, но до С.В. Багапша документ тогда так и не дошел.

В 2010 году в журнале «Сухум» была опубликована моя статья «Тема грузино-абхазской войны в публицистическом и поэтическом наследии К.Л. Мхце»¹⁶⁷, перепечатанная в следующем году журналом «Абаза» под названием «Певец страны бесконечных дорог»¹⁶⁸. Она явилась основанием для официального представления К. Мхце к награде. Все необходимые документы были подготовлены В.К. Зантария, президентом культурного фонда «Абхазия – Северный Кавказ», и Г.Ш. Аламиа, генеральным секретарем Всемирного абхазо-абазинского конгресса.

Содержательные и формальные особенности сборника «В миг полулета-полуосени»

24 декабря 1987 года Керим говорил мне: «Спать некогда, дел уйма. Сплю по четыре, от силы пять часов в сутки. Готовлю новый сборник стихов “В миг полулета-полуосени”. Это будет своеобразной итоговой книгой, так как в ней отразится мое зрелое творчество, взгляд на мир, общее мировоззрение. Высоты своего развития я еще не достиг и скоро еще не достигну. Мне кажется, что именно сейчас я могу создать что-то серьезное» (19, 2).

26 февраля 1994 года в газете «Абазашта» появилась информация, озаглавленная «В миг полулета-полуосени». «Так назвал вышедший несколько дней назад сборник стихотворений и поэм Керим Мхце», – говорилось в самом начале публикации¹⁶⁹.

¹⁶⁷ Чекалов П.К. Тема грузино-абхазской войны в публицистическом и поэтическом наследии К.Л. Мхце // Сухум. – Сухум. – 2010. – № 2. – С. 322–340.

¹⁶⁸ Чекалов П. Певец страны бесконечных дорог // Абаза. – 2011. – № 2. – С. 3–17.

¹⁶⁹ «В миг полулета-полуосени» // Абазашта. – 1994. – 26 февраля.

Книга была сдана в набор 10 октября 1993 года, подписана в печать 20 декабря. Вероятно, тогда же год издания на титульном листе был обозначен как 1993-й, но на самом деле сборник увидел свет только в феврале следующего, 1994 года.

Книга вышла не в республиканском, а в частном издательстве «Аджьпа», и не на бюджетные средства, а на деньги предпринимателя Адама Дагужиева. Об этом сообщал сам К. Мхце в интервью журналисту Б. Хасарокову¹⁷⁰. В нем же поэт отмечал, что рукопись пролежала в государственном издательстве семь лет¹⁷¹, дожидаясь своей очереди, но вследствие произошедших в стране политических и экономических реформ ожидание затянулось настолько, что пришлось издавать ее частным порядком.

Немаловажна и следующая деталь: рукопись не оставалась в неизменном виде, поэт возвращался к ней время от времени и вносил поправки и изменения. В телеинтервью он по этому поводу шутливо заметил: «Кажется, книга выиграла от того, что она так долго не выходила»¹⁷².

В конечном счете сборник вобрал в себя великолепно выполненный перевод русской былины «Лукоян Берендеевич» в 206 строк, маленькую поэму «Эти» в 127 строк, 79 новых стихотворений, созданных в период с 1987 по 1993 годы, и 35 из ранее изданных поэтических книг. Таким образом, почти треть всех стихотворных произведений составили перепечатки. Чем это обусловлено?

Керим был убежден, что век его не будет продолжительным. Тому есть множество свидетельств современников. На это же указывает и последнее стихотворение рассматриваемого сборника «Послесловие» («ЦӀхъважва»). Абазинский вариант названия позволяет интерпретировать его как «заключительное» или «последнее слово». Воспроизведем его текст с подстрочным переводом:

Сгвы йтаз
гъгӀашвгвнымгӀвытӀ...
ЙгӀахвынгылтӀ
ари абыхъв

¹⁷⁰ Мхце К. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. – Черкесск, 2014. – С. 56.

¹⁷¹ Сборник «В миг полудета-полуосени» действительно пролежал в республиканском издательстве определенное время, но, по всей видимости, все же не семь лет, так как многие произведения, вошедшие в него, были написаны в период с 1988 по 1992 годы.

¹⁷² Мхце К. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. – Черкесск, 2014. – С. 64.

сынцІра...
О ужвыгЫ мацІдзакІ
швгІасызшы,
швгІасабырта
швгІасыхадза:
УахьчІвума –
уачІвума
сбгъашвущІ
ари абыхъв сара,
сшбгъашвумца –
сцІырбжьыла –
сгвы йтаз
нашвсыргІахуаштІ
ацІыхъвадза!

(Вы не поняли того, что тайлось в моем сердце... Моя жизнь ступила на край этого обрыва... О, погодите еще чуть-чуть, успокойтесь и уделите мне немного внимания: не сегодня, так завтра упаду я с этой кручи, и криком падения до конца доскажу я все то, что лежало в моем сердце!)

Так вот, сборник «В миг полулета-полуосени» действительно изначально мыслился как итоговый, вследствие чего Керим намеренно собрал в нем из предыдущих книг все, что было дорого его сердцу. Поэтому не случайно и то, что из всех своих изданий как наиболее совершенное поэт выделял именно его¹⁷³.

* * *

Как и предыдущий сборник, «В миг полулета-полуосени» открывается характерным для поэзии Мхце мотивом пути, отчетливо заявленным в первом же стихотворении «Земля, на которой я родился»:

УыжвгІандзара са – уыжвгІандзара! –
РыцІа-рыцІа бзи йызбауа,
ЙгІамаьздаркІвитІ адгъыл лашара –
ЗынзаджвыкІгЫ сгвы знымчвгІауа.

¹⁷³ Мхце К. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. – Черкесск, 2014. – С. 64.

(До сих пор я, до сих пор, все больше и больше влюбляясь, *обхожу светлую землю*, которая мне никогда не приедается.)

Стихотворение исполнено внутреннего подъема, герой радостно вспоминает миг, когда он малышом впервые переступил порог отчего дома, а затем – босоное детство, проведенное на берегу быстрой реки, приход первой любви, формирование цели и смысла жизни, пробуждение в нем песенного начала... И, хотя на этом пути его настигла осень жизни, он с удовлетворением отмечает, что ни перед одним божеством не склонил головы и не торговал своим именем... Все это позволяет лирическому герою подвести жизненный итог: «Я провел свою дорогу по этой земле, стихами мир благословил» («Ари адгьыл йалызгатI сымГва / Суысала сазхIвахIвтI адуней»). Фраза свидетельствует об осознании лирическим героем выполненного долга. И вот это ощущение полнокровно прожитой жизни позволяет завершить стихотворение достойным заключительным аккордом – великолепным образом сердца, что останется жить даже после того, как не станет его обладателя:

Са скъазу нашхыйа гIадзата
 Саннардасхра знымзара-зны
 Сгвы старала йбзазуштI, йгIанхата
 СъагIадрийыз адгьыл апны!

(Когда придет мой грустный черед и будут предавать меня земле, мое сердце вместо меня останется жить на земле, на которой я родился.)

Интонационно стихотворение не соответствует общему духу и настрою поэзии Мхце конца 1980 – начала 1990-х: слишком все здесь бодро и оптимистично. Обращает на себя внимание эпитет «светлая» по отношению к «земле», которая к тому времени уже имела устойчивое сопровождение – «холодная». Помимо того, здесь же присутствует образ не просто нехарактерный, а невозможный для мировоззрения Мхце того периода:

ДадзхъачIвапI абар сара сытшгIва
 Суысква назырдазахуаш ацIей

(Вот сидит возле моего очага мальчик, который продолжит начатые мною дела.)

В сущности, здесь речь идет о поэтическом наследнике, которого в действительности не было и нет поныне. Более того, в «Монологе» и «Футболе» утверждалось совершенно обратное. Откуда же возникли эти нетипичные для рассматриваемого этапа образы? Почему невозможное стало возможным?

Здесь, думается, дело заключается в следующем. Текст «Земли, на которой я родился» создавался не как стихотворный, а как песенный на радостно-ликующую мелодию композитора Владимира Чикатуева: мажорный характер музыки предопределил приподнятое содержание и соответствующий образный ряд. А о том, что общий строй данного стихотворения действительно не соответствовал мироощущению Мхце того времени, говорит дальнейшее развитие мотива пути в этом же сборнике.

В стихотворении «Пришел сюда...» мы видим уже разочаровавшегося героя, которому так и не удалось покорить свою заветную вершину – символический образ высокой цели. Он сосредоточенно обходит гору вокруг, убивает в себе все прежние мечты и, как известный древнегреческий философ, поселяется в бочке. Но капитуляция перед трудностями, осложненными объективными причинами (на это указывается в стихотворении), заканчивается сожалением о потерянном времени: дела, от которых он бежал, лежат незавершенными, и непокоренная вершина все так же высится перед ним, что заставляет героя снова приступить к выполнению своего жизненного долга.

Столь же безрадостное настроение свойственно и стихотворению «Луна и смерть», где преобладают мотивы смертельной усталости, надрыва, наступления ранней смерти еще до того, как герой достигает намеченной цели:

«Лунная ночь. Если б иголка лежала на земле, и та была б заметна. Смотрю на дальний край земли. Скоро я его достигну и отдохну там скоро.

Лунная ночь... Иду из последних сил. Издали смотрю на горизонт. Успокаиваю свое сердце: “Скоро, скоро мы дойдем, потерпи немного, ничего страшного не случилось...”

Лунная ночь... Прекрасная земля манит возможностью счастья... Но... тихо упал я посреди степи, и ранняя усталость успокоила мое сердце.

Лунная ночь... И куда я шел? И жизнь... не привиделась ли мне она? Холодная луна стоит надо мной и смотрит на дальний край земли».

Здесь мы встречаемся с героем, сознательно пренебрегшим земными радостями, избравшим себе уделом утопическую мечту добраться до горизонта. И немудрено, что он не достигает своей цели, ибо за одним горизонтом открывается следующий. Мысль о несбыточности мечты усиливается заключительным образом луны, и после смерти героя холодно глядящей за новый край земли. И тем не менее следует подчеркнуть, что даже нереальность и невозможность воплощения желания еще больше оттеняет высоту помыслов и стремлений героя.

В этом стихотворении обнаруживается еще один мотив: в контексте стиха несколько двойственно звучит вопрос: «И куда я шел?», словно герой забыл о конечном пункте назначения. Тот же вопрос прочитывается и со скептической интонацией: И зачем я шел? И стоило ли начинать этот путь? И кому он нужен?.. В таком аспекте угадывается разочарование героя в том, что им сделано, в степени востребованности народом результатов свершенного им.

Последний мотив, словно перетекая, находит продолжение в стихотворении «Я», открывающем цикл «Страницы дневника». Оно состоит из пяти шестистрочных строф со сходной структурой. Использованный четырехстопный ямб имеет свою ритмическую специфику: на фоне полномерных, рифмующихся между собой 4-й и 6-й строк выделяются наращенные дополнительным слогом 1-я, 2-я, 3-я и 5-я, также рифмующиеся между собой, что создает особую ритмико-интонационную гармонию. На примере первой строфы покажем свойственную и всем остальным метрическую схему:

БжапхныркIвата-бжадзынхахьата,	U-U-U-U-U
Йызубушыз айхIара збахьата,	U-U-U-U-U
Ауаса йсылшахьу мачIдзата	U-U-U-U-U
ЙгIахьстIын ари сымшгIвыра хвыц	U-U-U-U-
СазхьвыцхитI са йназдасхьу нцIрата	U-U-U-U-U
Ауи гIансцIыхуазшва шIыц-шIыц...	U-U-U-U-

(В миг полулета-полуосени, когда я увидел большую часть того, что суждено было увидеть, свершив при этом ничтожно мало, раскрыл я этот маленький дневник и размышляю над прожитой жизнью, как будто переживаю ее заново...)

Мы застаем героя в минуту душевного надлома, глубокой сердечной печали, когда он пытается осмыслить пройденную часть жизненного пути, еще и еще раз возвращаясь к отдельным его этапам, но так и не обнаруживает в собственной судьбе ни единого проблеска, ни одного позитивного момента. И в этом плане наиболее важными, концентрирующими в себе основной эмоциональный заряд стиха выступают срединные 2-я, 3-я и 4-я строфы:

Сара – йгГалгвмачГыз апХIвыс чвзаба,
Йхъа зквнаймыргаз йыгIзахныс заба,
Ауаса йыламдзыз асаба –
Анахъ, анахъ гIапныта зны,
СангIадзынгылуаз къдыргIазабла,
Йстахъызыа адуней апны?

Сара – уысдукI йаздышуа згвыла
Йзырхауыз анасып ахыла,
Ауаса зымгIва хъгIваз ауыла –
Анахъ, анахъ пхынхъата зны,
Смурад ангIацIалыркIвуз сыла,
Йстахъызыа адуней апны?

Сара – зыгвтара гIаздамыХIвыз,
Зпри къраль апны урамлата йджвыквыз,
Хъа зхъамкIва хъара зму йырлыгыз –
Анахъ, анахъ пхынквтага зны,
Йансхъдраштых адуней сыззыквыз,
Йстахъызыа адуней апны?

(Я – рожденный страданьем женщины-вдовы, не удостоившийся воспитания собственного отца, но не затерявшийся в пыли, – когда давным-давно, весенней порой, подрастал, преодолевая муки, чего хотел я в мире этом?)

Я – сердцем жаждавший большого дела, направившийся в сторону счастья, но путь которого был перекрыт, – давным-давно, в начале лета, когда мечта еще маячила перед глазами, чего хотел я в мире этом?

Я – кому не удались желания сердца, кто по родной стране мыкался уличным псом, прислуживал тем, кто, не имея головы, зани-

мал главные посты, – давным-давно, в середине лета, когда меня заставили забыть, для чего явился на свет, чего хотел я в мире этом?)

Обратим внимание на то, как поэту удалось формой стиха подчеркнуть волнами накатывающую на героя безысходную горечь, нарастание интонационного надрыва от первой строки к третьей (все – на одну рифму!), затем спад на четвертой, потом снова напор, возвращение тоски и опустошенности (пятая строка) и снова спад (шестая) с тем, чтобы с новой строфой начать все сызнова.

Отметим и четкую организацию приведенных строф, каждая из которых представляет собой одно развернутое, но законченное предложение, открывающееся личным местоимением первого лица, продолжающееся печальной самоаттестацией с указанием символического времени (весенняя пора, начало лета, середина лета – как возрастные категории) и завершающееся одним и тем же риторическим вопросом, выражающим тупиковость, безвыходность положения героя.

На всех уровнях стиха мы видим предельную отточенность, гармоничное сочетание формы и содержания, их спаянность и взаимообусловленность. Все эти признаки со всей очевидностью демонстрируют абсолютного мастера, достигшего пределы совершенства.

Трагическое мироощущение лирического субъекта Мхце конца 1980-х – начала 1990-х отчетливо отразилось и в стихотворении «Прощение уличного пса», в котором проявилась еще одна нехарактерная для поэзии Керима особенность: будучи лириком, он предпочитал выражать все от своего лица, не прибегая к ролевой поэзии, и данное произведение – единственное исключение, когда он использовал маску животного.

Вообще образ собаки в творчестве К. Мхце резко отличается от общепринятого в мировой литературе: верного и преданного друга человека. Если, например, у Есенина это глубоко чувствующее и страдающее существо («Песнь о собаке»), верный друг и посредник между героем и любимой («Сукин сын»), красавец, с которым можно грустно поделиться тайной сердца («Собаке Качалова»), то у Мхце собака чаще всего является олицетворением низменности с постоянной печатью отверженности. Нельзя не уловить, например, оттенок пренебрежительности в следующих строках: «Ах, сыркычІта ІацІцІуаштІ араѳа – / ЫыгыІасайшху-ам алакѳагыи...» (ах, видно, всем я тут надоел, даже собаки меня

не облаивают... – «Ах») или: «ГВывчГвГвыс бжбы абою араѳа, – / Алашбжынадзара ггум» (где тут раздаваться человеческому голосу, даже собачьего лая не слышно. – «Тебе»). Собака оказывается способной напугать, вселить тревожные мысли: «Абар ужвы лашбжыкГ гаган / Сара йыгьсахаъарысхуам сГВывлакГ» (вот слышался собачий лай, и я не могу сомкнуть глаз. – «Еще чуть-чуть»). Порой этот образ олицетворяет недоброжелателей и недругов лирического героя: «Зны уыГВза бзиква рхГвахГвра уала, / Зынги йГгауайшуа алакв...» (то купался в восторгах друзей, то собаки тебя облаивали. – «Поэту»), «ЙцГыхъваршвшвуз алакв гГасыщталитГ, / Зны йГГасыщталквуз – цГыхъваршвшвитГ» (вилявшие хвостами собаки преследуют меня, преследовавшие – виляют. – «Не знаю»). В том же смысловом ключе воспринимается и строка: «ЙамагГныйищГ алакв / ЗагГыла ргвы гГасабгъазшва йзГасайшуа?» (отчего это собаки так подозрительно лают на меня? – «Возвращаюсь»). И потому не случайно, а вследствие логического развития образа рождается метафора «лающая судьба» («Прошение уличного пса») и соотнесение образа лирического героя с уличным псом: «*Зири къраль апы урам лата йджвыквыз...*» (кто по родной стране мыкался уличным псом... – «Я»).

Возможно, реально образ у поэта развивался в иной последовательности, но финал его один и тот же: ощущение себя отверженным всеми, проклятым жизнью и богом псом. Со всей очевидностью эта параллель выступает и в «Прошении уличного пса»:

СъатшкГараллакГгы сГГатшкГларыцитГ.
 Суыуа схъапшылитГ ажвГГванд квайчГва.
 Уа субГланалахГ, ахъта сацитГ!
 Йыгыумбума йтшауа сара счва?

Сымгва чвыта йгъзымгатГ мышзаджвыкГ.
 ЙызгванахГуда са йсуыршвауа?
 Схъа гГанащцашта йгвапу напГыкГ
 Сгъазнаргвыгъум ашахв йГГацинапуа...

ДгвмачГуа дыцГга агвара шапГы
 Ари адггыл санГГаквылцГуз сан
 ЙызлымдыруазГя спхыцГга къ...
 ЙшГГаснарыгуашыз арса ѳиман?..

(Куда ни зайду, отовсюду меня изгоняют. Воя, взглядываю на черное небо. О Господи, я замерзаю! Неужели не видишь, что приходится мне выносить? Не провел я сытым ни одного дня. Чей грех заставляешь меня оплачивать? Не дает мне надежды занимающаяся заря, что найдется рука, которая погладит мою голову... Когда, страдая под забором, выводила на свет меня мать, неужели не знала об уготованной мне б... участи, заставляющей возносить мольбы?)

Как видим, монолог произносится от лица собаки, и восприятие жизни, и все ощущения – собачьи. Гонимое, голодное и замерзающее существо, доведенное до предела отчаяния, как к последней инстанции обращается к Богу за разъяснением вопроса: почему с рождения уготована ему такая мучительная судьба? Характерно, что небо, куда с последней надеждой взглядывает воющее создание, окрашено в черный цвет. Это кажется естественным для ночи, когда произносится мольба, и тем не менее это еще один смысловой штрих, дополняющий непроглядно-черную судьбу бездомной собаки.

Отметим также, что в этом стихотворении впервые в абазинский художественный текст вводится нецензурное слово, обозначенное начальной буквой и многоточиями, но восстанавливаемое по контексту и рифме. Но при этом необходимо заметить, что данное слово достаточно мотивировано: оскорбленному и униженному, доведенному до отчаяния псу / человеку не до изысканности, когда в нем клокочет боль. И потому в последующем обращении к Всевышнему содержится всего лишь одна просьба: ниспослать ему смерть в виде последней милости:

Анчва йдуу, снауьхIвигI ура,
 РыцхIащара мачIдзакI сызIарау:
 СцIыхъва йтцата йгIасайшуа сынцIра
 Амш гIатамылскIва саджьаль гIасрау.

(Всемогущий, прошу, прояви хоть немного жалости: прогони от меня лающую судьбу и ниспошли мне гибель, покуда день не настал.)

Единственный выход для пса из трагедии жизни – умереть, потому что и заря нового дня никакой надежды не приносит. Подчеркнем еще раз естественное и органичное проявление в ткани стиха метафоры «лающая судьба».

Характерно и то, что собака, как и лирический герой Мхце, не обладает агрессивностью, она ни на кого не держит зла за выпавшую на ее долю участь:

Са стшкГаразымжжкваз рылахь – абан –
Сылахь ацкГыс йызлагъу гьшардам.
Щта, йзазызбуш ачГвыйа гвыбгъан
Спсадггыл хьшвашва – сГаззымхчаз сурам?

(Вон и судьба тех, кто меня не впустил, немногим лучше моей. Так отчего мне жаловаться на свою холодную родину – не защитившую меня улицу?)

Заключительная строфа построена таким образом, что ее можно воспринять и как логический финал монолога собаки, и как философское обобщение от лица автора:

Урам лагьи ГГвара зму алагьи
ДызхГыркъванчуш ачГвыйа заджвы?
ХГпсадггыл рыцхГа гьГлахГзымхчатГ хГаргьи
ЙанхънаГГвуз агвалымсра цхГашвы.

(И бездомному псу, и псу с конурой зачем осуждать кого-то? И мы не сумели защитить нашу бедную родину, когда покрывал ее лед бессердечия.)

Как это нередко бывает у К. Мхце, финал стихотворения заставляет по-новому взглянуть на все произведение: частная драматическая судьба уличного пса оказывается лишь следствием того, что все мы не сумели защитить свою родину – и большую, и малую – от наледи бессердечия.

Не только по последней строфе, одинаково относящейся и к собаке, и к человеку, можно судить о внутренней соотнесенности образа пса и лирического героя. Родственность их обнаруживается в первую очередь по трагичности мироощущения, восприятия жизни как безрадостной, сплошной боли, безнадежности ее перспектив.

Нередко исходный мотив в произведениях К. Мхце является не только удачной отправной точкой, но, дав импульс для развития поэтической мысли, он же нередко служит и достойным логическим завершением. Таково стихотворение «Бессилие»,

представляющее собой нелицеприятный прямой разговор поэта со своим народом: всем содержанием и интонационным строем стихотворение выражает горькую обиду автора на людей, не принявших его любви, его песен, не сумевших распознать истинного его значения. И счет предъясняется с первой строфы:

Зны суасаражвта,
 зны сджьагIафа ччахъвата,
 Зны сшвыртшхъвауа,
 зны сылшвцуа ахIвынчIвы,
 Сгвы сымлыквта,
 йымхъйушыз сгвала счIахъвата
 ЙназдастI сынцIра..
 АчIвийа йшвхIвуш ужвы?

(Представляя себя то мудрецом, то смешным клоуном, то похваливая, то окуная в грязь, я, чьим состоянием было лишь собственное сердце, а хлебом – несбывшиеся желания, проводил жизнь... Что скажете теперь?)

И с каждой строфой резкий, лишенный полутонов и двусмысленности разговор обостряется:

Ашахв апныла
 швызлазшIыстуаз сашваквта
 Дзын хъвлапынхъакI
 цIла бгъыта йгIакIашвшватI.
 ЙангIашвызша
 асквшышв асрычвхIва хъшвашваквта
 Сбзибари сгвмачIри
 рымца швгъамырпхатI.

 Смурад гъжвымбатI,
 швгвалымсра йаладзтI сгвышхвара.
 Сара сзачIвдзаз
 гъшвыздырхуашым зынги.
 ЙыгъшвызгIанызжъуам
 сгIващараква рнышвкъвара,
 Йхъантазтынги,
 са йсыцызгитI ауи.

АчІвыйа йшвхІвуш,
згвы йахвиту абазарІа,
ЗыугІахъа тшдырра
йахвитым аугІа?
ШвбгъамшваскІва агІвадыгъ,
йызгІайыз швбзазара,
Сара санбгъашвауа
сцІырбжъы швшвыргІа!

(Песни, которыми звал я вас к заре, осенним вечером осыпались древесной листвой. Когда выпали вам холодные вьюги столетия, огонь любви моей и отчаяния никого не согрел. Моей мечты вы не заметили, и воодушевление потонуло в вашем равнодушии. Вы уже никогда не поймете, кем я был для вас на самом деле. Я не оставляю вам сора моих ошибок, как бы ни был тяжек мой груз, я унесу его с собой. Что скажете теперь, вольные сердцем абазины, не вольные в своем национальном самосознании? Пока вы не упали с кручи, к которой подошла ваша жизнь, услышите выкрик мой, когда я упаду!)

Как видим, поэт не только укоряет людей в равнодушии, духовной слепоте, неумении внять призыву, оценить степень самоотдачи и самоотверженности лирического героя, нежелании понять истинной его пророческой миссии («Вы уже никогда не поймете, кем я был для вас на самом деле»), он осознает и свои ошибки, и свое бессилие исправить что-либо, и тут же выражает готовность предостеречь народ от неверного, губительного шага хотя бы своим последним предсмертным выкриком. Все это, сливаясь воедино, определяет трагический характер произведения. У поэта мало надежд, что его соотечественники в будущем сохранят себя как народ. Но если это случится каким-то чудесным образом, то он (уже погибший, упавший с кручи) готов вернуться к ним и влиться в их жизнь в любом, даже самом смешном обличье. И здесь намечается поворот к мотиву, прозвучавшему в самом начале стихотворения:

Шва швгІащаквхузтын,
амара джъащакъвата
Швдуней ахъахъ
мышкІы йангІакІкІара,

*Йа суасаражвта,
йа сджьаГлафа ччахъвата*
ЙшвымдырзакIва
сншвылалхуаштI сара.

(И если вы сохранитесь и солнце однажды удивительно засияет над вашим миром, *то мудрецом, то клоуном смешным* вернусь я снова незаметно к вам.)

Но если в начале стихотворения для поэта было оскорбительно восприятие его как шута, то в конце этот мотив сглаживается: герой согласен на все, лишь бы его народ сумел спасти, сохранить себя.

Вообще при повторении в финале стихотворения образа или мотива, прозвучавших в начале, они, как правило, заметно видоизменяются, отягощаются новыми смысловыми оттенками, а нередко даже обретают неожиданный характер. Таково стихотворение «Пришел сюда...», где явление лирического героя в мир приходится на время застоя. (В скобках можно заметить, что в абазинском языке не было слова, обозначающего «застой», поэт в соответствии с законами национального языка удачно создает неологизм «замангыл» – буквально: «стоящее время».)

Араъа сГайын
рейша сГаквшватI
Йымцырадзас
азамангыл...

(Пришел сюда и прямо попал на пустое время застоя...)

От испытанного разочарования герой убивает свои лучшие помыслы (в тексте так и говорится: «убил мечты свои») и, как Диоген, поселяется в бочке. Образ бочки, как и новообретенный образ жизни вообще, передает протест героя, нежелание жить по стандартным, шаблонным нормам и законам. Когда же песком сквозь пальцы просочились годы зрелости, а дерево мысли так и не принесло никаких плодов, он осознал, как мало времени остается ему для завершения дел, от которых он когда-то постыдно бежал. И развивающаяся таким образом поэтическая мысль завершается уместной и вполне логичной фразой, обладающей краткостью и емкостью афоризма:

XIa xIakIвпI «йгылу» –
xIaнIашIасра.
Зынги «йыгыгылам»
азаман!

(Это мы стоим, когда останавливаемся. Время никогда не стоит!)

К сожалению, та же мысль, что великолепно звучит по-абазински, становится рыхлой и банальной на русском языке, и подстрочный перевод, кроме общего содержания, никакого представления о художественном уровне заключительных строк не передает. Но, так или иначе, в конце стихотворения опровергается смысл вступительной фразы, и в этом поэту помогает им же образованный неологизм «стоящее время», суть которого как раз обыгрывается в заключении: время никогда не стоит, это мы стоим, когда бежим от своего поэтического и гражданского долга.

По тому же принципу построена и «Элегия», открывающаяся строфой:

Спахъла йаъу сазхъвыцитI.
Сыла йIацIалхитI йаъаз...
СьдзитI, псейспамца сьдзитI
Зыла сьмдзырныс ахъаз.

(Я думаю о том, что будет. Я вспоминаю то, что было... Исчезаю, медленно исчезаю, чтоб не исчезнуть сразу.)

Попутно отметим, что проникновенный лиризм последних двух строк обладает такой художественной силой, что они буквально завораживают и опьяняют, а в чем заключается конкретная причина такого воздействия – невозможно уловить, вычлениить и объяснить. Возможно, сказывается здесь лирический повтор: «*СьдзитI, псейспамца сьдзитI*» (исчезаю, медленно исчезаю); вероятно, играет свою роль и банальнейший, на первый взгляд, но обладающий совершенной полнотой лирической мотивированности смысл четвертой строки: «...зыла сьмдзырныс ахъаз» (...чтоб не исчезнуть сразу). В создании впечатления наверняка участвует и аллитерация, особый вид которой мы охарактеризовали бы как ассоциативный, так как в двух строчках шесть раз встречается звук «с», дважды – близкий к нему по звучанию «з», трижды – «дз», близкий по звучанию уже к «з», и однажды «ц», близкий к «дз». Но в принципе эти предположения ничего

не означают и никак не объясняют магической силы простых и безыскусных строк, и в этом сказывается бессилие науки перед красотой и гармонией.

Но вернемся к нашей теме и для сопоставления с первой приведем заключительную строфу:

Схъабра шкIвокIвара гIагашвитI.
 Сысквшква кIнылитI ахъылагъь...
 СыдзитI, псейспамца тшаласшитI
 ЙчмазагIву сугIа рылахъ.

(В волосы пробирается белизна. Годы катятся под уклон... Исчезаю, – медленно растворяю себя в больной судьбе моего народа.)

Можно заметить, что хотя в финале и сохранена основная функция повторяющегося мотива исчезновения, но она заметно видоизменена: если в первом случае герой медленно исчезает по общему для всех закону природы, то во втором случае он сознательно растворяет себя в больной судьбе своего народа, тем самым обозначая новый мотив жертвенности.

Стихотворение «Когда мы расстанемся» открывается признанием: «Хвага хъшвашвата, гвасрата хIа дхIбжьагылапI заджвы...» (холодной обидной тенью кто-то стоит между нами). Поэтическая мысль развивается далее, но в конце снова возвращается к начальному мотиву: когда мы расстанемся на рассвете и я унесу тайну боли сердца своего, я вернусь к тебе, не издавая ни единого земного звука, и однажды ночью сиротливой безобидной тенью встану между вами.

Хотя действие теней двух персонажей одинаково – в определенный час являться и становиться между любимой и ее поклонником, – все же наблюдается большая разница как в мотивах поступков, так и в их содержании. Если тень третьего своим присутствием – холодным и обидным – мешала лирическому герою любить, то его собственная – сиротливая и безобидная – никакого вреда не причинит, потому что явится лишь в воспоминаниях любимой женщины и уже после смерти. Такое прочтение подсказывается тем, что он будет приходить, не издавая ни единого *земного* звука; тому же способствует и смысл фразы «уыжвласыла хIгъанйахуашым ари адгъыл апны» (не скоро мы встретимся на

этой земле). То, что лирический герой погибнет от неразделенной любви, соответствует общему настроению произведения, и, что немаловажно, гибель его произойдет как раз оттого, что при жизни ему мешала любить тень того, третьего. И какой кротостью и смирением, какой безмерной любовью нужно было обладать, чтобы, в свою очередь явившись между ними, не помышлять о мести, даже не попытаться помешать им?!

Мхце использует повтор образа или мотива не только в финале, он может строить целое стихотворение на повторении не одного даже, а нескольких образов. Так, например, построена «Несвободная песня». Стихотворение небольшое, состоит лишь из двух строф, и в первой из них один за другим следуют три поэтических образа:

Йхвитым ашва гзыпссГушым зынги,
УаухитІ уау мацІдзакІ зларцІаз ахьГара,
УыжвгІандзара дгыГІацымхастІ заджвгы
КІьасачва йыззгІайыз абзибара.

(Несвободная песня не сможет взлететь никогда, ядом становится сладость с капелькой яда, до сих пор ни один не остался в живых, к кому слишком поздно приходила любовь.)

Во второй строфе все образы, намеченные в первой, повторяются в той же последовательности, но, как это обычно бывает у Мхце, они не только видоизменяются, а становятся противоположны по смыслу первоначально использованным:

Сара сашва йшхвитмызгы йпссГІатІ.
Уаута йсдрыфдза! – сбззитІ уыжвгІандзара.
Сшгвяджбуазымца са уаргы сГІауцхатІ,
ЗацКІыс кІьаса аьахым сбзибара.

(Моя песня, хотя и была несвободной, – взлетела. Сколько яда скормили мне! – но жив до сих пор. Исстрадавшись, уцелел и от тебя, любовь, поздней которой не бывало в мире.)

Среди повторяющихся образов встречаются, как это ни покажется странным, даже знаки препинания. Так, стихотворение «Ты» открывается строфой:

Сгвала хІвапсата,
 сакъыль йгІанагта
 Йаназхъасца
 сшгІвычІвгІвысу саргы
 Спахъ угІагылтІ Уара
шІтыга знака
 Йсумырбахуа
 мызгы марагы...

(Когда пробудились желания моего сердца и я поверил, что я человек, Ты встал передо мной *восклицательным знаком*, заслоняя собою луну и солнце...)

В образе «Ты» в данном случае персонифицируется политическая система, при которой вырос и сформировался лирический герой. И далее изображается как раз то, как шел этот процесс формирования, как система властно регулировала жизнь и помыслы героя: «Ты мне говоришь, какую любовью должен я любить свою мать и родину, какую слезою мне плакать и какую честь нести по этой земле, каковы должны быть мои помыслы, какими говорить словами, какому богу молиться, какую длину должны иметь мои шаги, чтобы я не вышел за очерченный тобою круг...» Таким образом, персонифицированная система неслучайно олицетворяется в восклицательном знаке, подчеркивающим властность, категоричность, неуместность каких-либо возражений со стороны индивидуума. И в конце стихотворения лирический герой дает согласие выполнять все вышеизложенные требования, если только отыщутся у безликого персонажа ответы на *вопросительные знаки* более сердца лирического героя:

Са сигІвызата
 ачрын къарабгъа
 Счва сшуызтыцІра
 йсымдыруа накІгІакІ,
 Джъауап рейша
 азгІаута апхъапхъа
 Сгвы ахъыгІаква
разигІара знак!!!

(Я, подобно верному рабу, из кожи вылезу вон без проволочек, если дашь прямой ответ на боли сердца моего *вопросительный знак!!!*)

Так образы восклицательного и вопросительного знаков обрамляют стихотворение, и роль их в структуре стиха настолько значительна, что они становятся одними из главных элементов. Противопоставляя различные по эмоциональной наполненности знаки, поэт тем самым уравнивает запросы тех, кого они олицетворяют, и в таком поединке боли сердца отдельной личности становятся равнозначны требованиям и указаниям целой политической системы. Для нас же это первый факт, когда знаки препинания в поэзии становятся самостоятельными образами.

Порой в качестве исходной точки развития лирической мысли поэт использует известные афоризмы и крылатые выражения. Так, у абазин существует анекдот о том, как Ходжа, увидев большой камень на дороге, наклонился, поднатужился, но, когда не смог сдвинуть его с места, сокрушенно проговорил: «Да-а, прошло мое время!..» Разогнулся, огляделся и, когда вокруг никого не заметил, добавил: «Да и в свое время особой удалью не отличался» («Йансзаманызгы сгычIвагIвамызтI»). В стихотворении «Как кто-то сказал» Мхце уже в первой строке апеллирует к последней фразе, ставшей крылатой:

Заджвы йхIваща,
 санчкIвынызгы сгычIвагIвамызтI:
 РахIа йъасу атшгы
 сгIакIашвун,
 Сла бага гьамкIуазтI,
 сшвокъ – гьпчарахIымызтI,
 СзабакIлакIгы зынла сгIакIайгвун.

(Как кто-то сказал, и в юности я не отличался особой удалью: падал с самой смирной лошади; моя собака не брала лисиц, ружье мое не было метким, с кем бы ни начинал бороться, – сразу одолевал меня...)

И далее перечень жизненных неудач расширяется все больше и больше: лучших девушек разобрали лучшие парни, он не добился ни высоких чинов, ни почетных кресел, не сумел набить деньгами карманы, сделать свое имя известным, перенести через реку сочи-

(Как кто-то сказал, я не придал значения ни ушедшим годам, ни судьбе, обращавшейся со мной, как мачеха: не потерял ничего, не изменился ни в чем, остался таким же, как в молодости!)

И восклицательный знак в конце стихотворения еще раз подчеркивает, что поэту гораздо ближе неудачливые бессребренники, чем рвачи и карьеристы.

От русской поговорки берет свое начало стихотворение «Трава»:

«СымщтҀахь ахІврагыҀ гҀамйыхыргҀатҀ», –
Арса зхІваз – нагҀлат дахьвхатҀ...

(«После меня хоть трава не расти», – кто так сказал, тот проклят будь...)

С самого начала поэт четко и недвусмысленно вычерчивает резкое и непримиримое отношение как к сути поговорки, так и к ее автору. Для него приемлемее умереть, не успев произнести доброго слова, чем оставить после себя хоть одно дурное. Последняя мысль по-абазински выражена настолько выразительно, что обретает силу крылатого выражения: «Ажва бзикІ сымхІваскҀва спсыхыргҀатҀ, – / Ажва гвымхакҀ гҀастнымхатҀ!»

Исполненный добрых надежд на грядущее столетие, лирический герой, лежа в летней траве, любовно вглядывается в синеву неба. Он рад и благословляет траву расти и после него еще выше и краше, хотя она покрыла его следы так, что никто их уже отыскать не сможет. В данном случае трава символизирует забвение имени и творчества поэта, а в позиции лирического героя по отношению к ней проявляется жертвенное начало: пусть он будет забыт и забыто все, что им создано, но лишь бы росла трава, выступающая в стихотворении в целом символом вечно обновляющейся жизни, а образ поэта – олицетворением непреходящей любви к жизни и свету. Именно поэтому он и после смерти готов каждой весной прорасти из-под земли вместе с травой, чтобы любоваться синим небосводом:

Ансисквша, гҀапни-гҀапнипхьадза
ЙҀгҀайзаджвыкҀыргҀатҀ ахІвра, –
Адгьыл сацҀгалслуштҀ ауйпхьадза
АжвгҀванд чҀыхв сапшныс сара!

Неподражаемую игру воображения Мхце можно проиллюстрировать стихотворением «Футбол», которое открывается изображением спортивного матча и общей атмосферы стадиона, наполненного болельщиками. Они кричат, свистят, бушуют, наблюдая за игрой. Чтобы подчеркнуть накал страстей на трибунах, поэт дополняет описание сравнительным оборотом: «как будто сегодня разыгрывают счастье» («уахьчІва йГаркІянуазшва насып»). А спортсмены мечутся, бросаются друг на друга, сбивают с ног противников, и вот уже тренеры вынуждены производить замены, выпускать на поле футболистов со свежими силами...

Казалось бы, стихотворение на чисто спортивную тему. Но в третьей строфе происходит резкий поворот, и в произведение вторгается литературная тема, которая уже до конца развивается параллельно с футбольной. Что может быть общего между ними? Как можно увязать две разные, даже несовместимые между собой сферы? Вот тут и проявляется оригинальность автора, нестандартность его мышления, умение соединять несоединимое, выявляя и наглядно представляя одно через другое. И заметим: две темы связываются между собой ненасильственно, не сшиваются белыми нитками, они так плотно подгоняются, сращиваются между собой, что никакой искусственности не ощущается, наоборот, все получается очень естественно и органично. И этого эффекта Мхце добивается тем, что находит верный ракурс, в котором спортивная и творческая деятельности уравниваются. И гранью такой выступает *мотив борьбы*.

ХІаргы топ хІаситІ. – Топ хІацаситІ
 ХІугІахъа рылахъи хІари.
 Заджвы – дкІаркъьитІ, заджвгы – дырчвбзазитІ, –
 Жъыхъ змам топасрахатІ ари!

(И мы играем в мяч. В футбол играем мы с судьбой своего народа. Кого-то сбивают, кто-то выживает, в спортивное состязание превратилось это.)

В литературной «игре», оказывается, срабатывают те же законы, что и в футболе, вследствие чего творческая жизнь принимает форму безжалостного соревнования. Но тут же между ними намечается одна существенная разница: если на футбольном поле вместо сбитого, травмированного спортсмена выпускают другого, то в

национальной литературе не оказывается «запасного» творческого лица. И эта проблема ставится прямо, открыто, бескомпромиссно: «Араба йкIахIаз йтарала – / Дабоу?! – йгIаталуаш дхIымма хIа?» (Здесь вместо выбывшего кто на поле выйдет? Есть ли он у нас?)

Вопрос оказывается риторическим: «запасных» писателей у абазин нет! И это умозаключение заостряется, конкретизируется фактами из национальной литературной жизни: места, некогда занимаемые Хамидом Жировым, Пасарби Цековым, Кали Джегутановым, так и остались пустыми. И как некогда Маяковский обращался к пролетарским поэтам, так и Мхце адресует свой голос, не лишенный назидательности, соратникам по перу:

Ауат дзынквата хIырхъамчIвыуа
Рцынхъвгьи хIгIахъвмарра атахъыпI –
УахъчIва дзачIвызлакIгьи хIа хIыуа
ДбжьагIвыпI, дагвыквсыгIвпI, дгвашвхагIвыпI.

(Не плача над ними осенним дождем, мы должны играть и за них. Сегодня каждый из нас выступает тренером, нападающим, вратарем.)

Спортивная терминология в литературном контексте преобразуется, превращается в метафору активного служения национальной культуре оставшимися силами.

В начале финальной строфы параллель футбол / литература расширяется и сменяется другой параллелью: жизнь / футбол. Суровые законы жизни оказываются сродни спортивным, где не выдерживает тот, кто остается в одиночестве («Жьыхъ змам абзара-топасра / ДарбцIитI зыгла зхъазы йгIанхаз...»). Но в самом конце, в заключительном двустии Мхце снова возвращается к литературно-футбольному соотношению и, обращаясь к зрителям / читателям, завершает свое стихотворение шемящим мотивом предстоящего расставания, порожденного прозвучавшим ранее мотивом ухода из литературной жизни старших товарищей:

ХIыгвква къазула йанашIасра,
Астадион, напIы ухIызгIас!!!

(Когда наши сердца останутся по очереди, стадион, тогда рукоплещи!!!)

Отметим, что заключительные строки снова актуализируют проблему постепенного угасания национальной литературы, вероятность полного ее исчезновения в не столь далеком будущем.

На наш взгляд, А. Галамаге удалось великолепно переложить данное стихотворение на русский язык:

Футбол

(Абазинским писателям)

В футбол играют те, что юны,
В футбол играют, не в войну.
Бушуют полные трибуны,
Как будто счастье на кону.

Иной устал, иного сбили,
А третий выдохся, притих.
Выходят вместо них другие,
Играющие лучше них...

И мы как будто в мяч играем
С народа своего судьбой.
Сбивают нас, мы выживаем
И вновь на поле рвемся в бой.

Здесь, если кто-то даст промашку,
Заменит ли его другой?
Мы в боль одеты, как в рубашку,
Преследуемы клеветой.

Мы много вынесли когда-то,
Нам чужд обманчивый задор.
Места Кали, Хамида, Паты
Не заняты и до сих пор.

Но полно, мы, по ним не плача,
Должны играть за них, как встарь.
Сегодня каждый, не иначе,
Защитник, форвард и вратарь.

Самоуспокоенье – лживо,
Уж лучше вечно битым быть.
Давайте жить, покуда живы,
Ценить друг друга и любить!

Жизнь как футбол, ей чужда жалость,
В ней одиночка не силен.
Когда мы все уйдем, – тогда лишь
Пусть рукоплещет стадион!!!

* * *

Мхце умел тонко облечь «чувствуемую мысль» в проникновенное слово, но он интересен и неординарностью используемых поэтических приемов. Иной раз он заводит речь о нарочито обыденных, всем известных вещах, подвергает стилистическому однообразию построение строк, пользуется на протяжении всего стихотворения одними и теми же рифмами... Но за этой заурядностью обычно проступает нечто неожиданное и непредсказуемое. Возьмем, к примеру, стихотворение «Время жизни твоей»:

Асы гІасуан,
ЙыгыгІасыхуам.
Апша гІашвшуан,
ЙыгыгІашвшыхуам.
Аква гІаквун,
ЙыгыгІаквахуам.
Апша гынцІкІвун,
ЙыгыгынцІкІвахуам.
ЙгІауыквхІвуан адз,
ЙыгыгІаухысхуам.
ЙгІауайшвун ап,
Ужвы угъауысхым.
ЙачІвакІ уызпшуан,
Йыгыгуызпшыхуам.
Удуней хьантан,
ЗакІгы гьуыхъхуам.
Асы гІасуан...
Апша гІасуан...
УынцІразаман –
ЛакъвгІахъасран.

Падал снег,
Уже не падает.
Ветер свистел,
Теперь не свистит.
Шел дождь,
Не идет больше.
Ветер стонал,
Теперь не стонет.
Выпадал иней (на тебя),
Больше не падает.
Молния прицеливалась,
Теперь оставила.
Звезда ждала,
Не дожидается.
Мир твой был тяжек,
Теперь не больно.
Падал снег...
Дул ветер...
Время жизни твоей –
Лишь мгновенье.

Как отмечалось неоднократно, текст подстрочного перевода вне естественной своей поэтической формы страшно обедняется, и русского читателя, конечно, возьмет недоумение: что же тут поэтического? Что жизнь кажется мгновением – давно известно, и ничего нового здесь нет...

В данном случае дело заключается не в новизне, а в том, с какой логической последовательностью через привычные явления природы измеряется человеческая жизнь. Заключительная фраза – лишь естественное, как бы самовозникающее завершение стиха. И опять же в абазинском варианте финал звучит куда оригинальней русского, и не только потому, что в абазинской речи известная русскому читателю фраза еще не представляется избитой, но еще и потому, что выражена она в очень емкой и лаконичной форме. Перевод последних двух строк потребовал пяти слов, тогда как в подлиннике они располагают лишь двумя: «УыңцІразаман – / ЛахъвгІахъасран».

Лаконизм и экономность – характерная черта поэтического стиля К. Мхце, за счет чего произведение выигрывает немало. Например, наш подстрочный перевод состоит из 49 слов, а оригинал укладывается в 32. Экономия словесного материала по сравнению с подстрочником – 35%. И это лишь один фактор. А если прибавить к нему естественный для языка оригинала ритм, рифменное оформление, оригинальное измерение человеческой жизни, емкую, логически вытекающую из предшествующего поэтического материала афористическую концовку, – тогда только можно представить себе все то, чего нельзя передать с помощью подстрочника.

Обычное перечисление явлений природы, свойственное стихотворению «Время жизни твоей», усугубляется двойным повторением одних и тех же строк в стихотворении «В саду»:

ЦІсчкІвынкІ гъвычІгъвычІтІ
 Ухъахъла.
 УпхыцІа хытхытхитІ
 Упахъла.
 Убзазара гвмачІтІ
 Уыдзхъа.
 Уаджъаль гІанацІтІ
 УыцІахъ.

Птичка щебечет
 В вышине.
 Доля мечется
 Впереди.
 Жизнь мучается
 Рядом.
 Смерть манит
 Снизу.

ЙатаркIвах,	И снова,
ЙатаркIвах,	И снова,
ЙатаркIвах –	И снова –
Уаджъаль гIанацIитI	Смерть манит
УыцIахъ.	Снизу.
Убзазара гвмачIитI	Жизнь мучается
Уыдзхъа.	Рядом.
УпхыцIа хытхытхитI	Доля мечется
Упахъла.	Впереди.
ЦIисчIкIвынкI гъвычIгъвычIитI	Птичка щебечет
Ухъахъла!	В вышине!

И все же через эту нарочитую простоту явственно проступает оригинальность поэта. Если в предшествующем стихотворении человеческая жизнь определялась явлениями природы, то здесь она измеряется пространственными категориями, обретая при этом философский оттенок: оттолкнувшись от заурядного наблюдения в саду – щебечущей в вышине птички, – поэт главными спутниками человека выделяет мечущуюся долю, мучающуюся жизнь и манящую смерть. Нельзя не отметить красноречивости эпитетов, как и то, в какую сторону от человека располагает автор «спутников»: если птице природой обусловлена высота, то ожидаемая участь (доля) должна быть впереди, потому что она еще не воплотилась в реальность; жизнь всегда рядом, поскольку мы в ней обитаем постоянно, а смерть манит снизу, так как из всех сторон света последний свой приют мы находим в земле. Как видим, неспроста тут все так просто. Помимо того, не может не привлечь внимания построение произведения: повторение первой половины во второй части в последовательности зеркального отражения. Стихотворение, как и заключенная в нем мысль о замкнутости цикла в общем-то безрадостной человеческой жизни, образуя кольцо, возвращается к той же изначальной точке отправления – поющей в вышине птичке, и таким образом самой формой стиха передается незамысловатый жизненный круговорот. Хотя мы не можем не понимать, что автор изрядно потрудился над структурой стиха, все же в нем ни капли искусственности не ощущается: все просто и естественно, как случайно зародившаяся, развившаяся и нашедшая свое логическое завершение мысль.

Еще в поэму «Воспоминание» («Рассветные цветы», 1983) Мхце включил самостоятельный и завершенный фрагмент в семь строф, обладающий определенными формальными и стилистическими особенностями. С одной стороны, все 28 стихотворных строк его были объединены в одно бессоюзное сложное предложение, части которого связывались между собой интонацией перечисления, а с другой, весь текст состоял исключительно из существительных (преимущественно), прилагательных и причастий. Вот этот последний принцип поэт применил и в стихотворении «Осенний этюд» из рассматриваемого сборника. И здесь в четырех строфах поэту удалось воспроизвести картину осени, не используя ни одного глагола:

АжвГванд айачГва шлаква.	Седые звезды неба.
АщхьамГващква.	Горные тропинки.
Адзын хъвыцра хъантаква.	Тягостные осенние мысли.
АбыгыГважква.	Желтые листья.
АцГх ауыра. Йкъваз ашахв.	Долгая ночь. Запоздавший рассвет.
АпстГа хъшвашва.	Холодная роса.
ЙлахъвГгахъасру алахъ ахв.	Мгновенной судьбы цена.
Алахъ ашва.	Судьбы песня.
Аджьугъальа. Архъа пша.	Перекасти-поле. Полевой ветер.
Ахъазыра.	Одиночество.
Йжъагу адуней лаша.	Обманый мира свет.
Аладзцыра.	Капля слезы.
Сныбыжь. Сылапш йцГыруа.	Годы мои. Взгляд кричащий.
Сгвала йГвыму...	Почужевшая мечта...
Зджъарагы уызмырцауа	Никуда не ведущая
АмГва –	Дорога –
мГвума?..	разве дорога?..

По использованному классу слов произведения Мхце идентичны стихотворению Фета «Шепот, робкое дыханье...», в котором также отсутствуют глагольные формы. Данное сопоставление, на наш взгляд, указывает на источник формальных традиций, унаследованных и реализованных абазинским поэтом как во фрагмен-

те из поэмы «Воспоминание», так и в стихотворении «Осенний этюд», хотя тут же обнаруживается кардинальное расхождение произведений на тематическом уровне. Если у русского поэта через описание летнего ночного пейзажа выражается любовный восторг, то у Керима в первом случае через перечисление абстрактных понятий, явлений природы, предметов обихода представлен трагический путь абазинского народа, а во втором – тягостное состояние лирического субъекта, наблюдающего, фиксирующего приметы и явления осени и рефлексирующего над ними.

В абазинском языке явление лунатизма (бессознательное совершение различных действий во время сна) передается словом «чварныкъвара», образованным путем сращения двух лексических единиц: «чвара» (сон) и «ныкъвара» (ходить). По этому же принципу образовано и «чварчважвара» – говорить во сне: «чвара» (сон) + «чважвара» (говорить). В обоих случаях функцию неосознанности поступков, их машинальности выполняет первая часть составных слов «чвар». Керим заметил эту языковую особенность и построил на ней небольшое стихотворение «Некоторые», открывающееся незамысловатым сообщением:

АзджьакІ чварныкъвитІ.

АзджьакІ чварчважвитІ.

(Некоторые ходят во сне. Некоторые разговаривают во сне.)

Здесь все воспроизведено в соответствии с языковыми нормами, но далее поэт вставляет в стихотворение ряд авторских неологизмов, основанных на «чвар»:

АзджьакІ чваргвыгъитІ.

АзджьакІ чваргвжважвитІ.

Къяхвдза йчварнацІитІ,

Псейспа йчвархъхитІ.

Къвышдза йчварбзазитІ.

Тынчдза йчварпсыхитІ...

Новообразования поэта невозможно воспроизвести на русском языке одним словом вследствие отсутствия в нем соответствующих лексем, но общее содержание приведенных строк можно передать приблизительно так: «Некоторые как бы надеются. Некоторые будто торопятся. Радостно как бы стремятся, медленно будто остывают. Как бы ловко живут. Как бы спокойно умирают...»

Шесть вновь образованных составных глаголов благодаря первой лексической единице обретают не просто машинальный, а условный, мнимый характер. Таким образом, оттолкнувшись от реального положения, когда определенная категория людей, пребывающих в нервно-болезненном состоянии, производит во сне неосмысленные действия, автор в дальнейшем переносит эту ситуацию на вполне здоровых людей, которые по каким-то внутренним причинам, скорее всего психологического свойства, не живут по-настоящему, а создают лишь видимость. И картину профанации жизни поэту удалось воссоздать при помощи умелого использования особенности национального языка. Необходимо отметить, что эффект оригинального стихотворения сильнее и ярче вследствие того, что стихотворение из 8 строк составляют только 18 слов, тогда как для передачи этого же содержания на русском языке (и то не совсем точно) понадобилось 30 слов и служебных частей речи.

По словам А. Джердисовой, профессор Р.Н. Клычев отозвался о Кериме: «Маэстро абазинского языка!» (6, 7). Сам поэт о возможностях родного языка отзывался так: «Если бы мы по численности равнялись англичанам, во всем мире и взрослые, и дети с удовольствием изучали бы наш язык, настолько он богат, силен, удивителен! Наш язык превосходит для сочинения стихов и для исполнения песен. Если же нам это не удастся, то виноваты мы, а не язык»¹⁷⁴.

Керим обладал тонким языковым чутьем, и оно проявлялось в его творчестве многогранно. Для полного выражения поэтической мысли он умел подобрать самые точные слова и словоформы, выразить различные, порой неуловимые оттенки настроения, раскрыть состояние души, создать неповторимые по оригинальности и выразительности тропы, прекрасную мелодику, обыграть непередаваемые на другие языки национальные речевые обороты.

Остановимся на некоторых примерах такого ряда.

В стихотворении «Еще одна элегия», как и свойственно данному жанру, поэт печально размышляет о прожитом и свершенном. Структура его нарочито упрощена, и выражается она в том, что все пять строф элегии структурно построены абсолютно идентично. Для наглядности приведем первые две из них:

¹⁷⁴ Мхце К. Еще одна заря занимается // Коммунизм алашара. – 1984. – 6 декабря.

Суысква йгІаджвквксцІаз
рыуа закІгъи
ацІыхъва йгънардзам,
йъзбитІ.
Сылахъ йгІанылыз –
бзигъи чвъгагъи –
лапшыкІ йгъапсам,
йъзбитІ.

СыгІапын зайпхызуаз
апхын хъагІа
анурква зджъара
йгъызбум.
Сгвыргъахъв йязыщцІаз
амгІващ хъара
йахъыйгІан ахІвра,
йгъызбум...

Из дел, начатых мною,
ни одно
не доведено до конца,
вижу.
Все, что в судьбу вплелось, –
и хорошее, и плохое –
и одного взгляда не стоит,
вижу.

Снившегося моей весне
сладкого лета
лучей нигде
не вижу.
К радости сердца
далекая дорога
травой заросла, и
не вижу...

Стихотворение построено в виде перечисления жизненных невзгод, и в каждой строфе, четко разбитой на две фразы, приводится по одному печальному факту, завершающемуся словами «*вижу*» или «*не вижу*». Примечательно, что ими заканчиваются вторая и четвертая строки каждой строфы. Таким образом, тождественность строф наблюдается не только на уровне стилистики и композиции, но и рифмы: из десяти пар пять являются тавтологическими: «*вижу – вижу*», «*не вижу – не вижу*».

Но подчеркнутое структурное однообразие никак не означает эстетической неполноценности произведения. Наоборот, оно отличается стройностью и строгостью формы, а цикличность построения создает своеобразный ритм морской волны, который подхватывает тебя и несет по просторам грусти и печали, все шире и шире разливающихся от строфы к строфе. И далее мы узнаем, что все доброе, свершенное героем с мечтой о прекрасном, по непонятным жизненным законам с противоположным зарядом возвращается к нему же; сочиненные стихи и спетые песни не востребованными пропадают в овраге, никто не понимает грусти поэта, и некому приласкать его плачущее сердце... Подводя итоги печальным размышлениям, можно сделать вывод, что лирический герой потерял всякую надежду и ничего оптимистического в этой жизни не находит.

Казалось бы, формально столь строго выдержанное стихотворение и логически должно быть выдержано до конца. Но – нет, и здесь намечается расхождение между сохраняющейся до заключительной строфы формой и содержанием. И неожиданность обнаруживается, как это обычно и бывает у Мхце, не в последней строфе даже, а в последней строке:

ЙагІан, ауаса
 йгьГамитІ апсра,
 йгьызГайуам ауи,
йызбитІ:
 йжйу анпсата
 йсзальз сара
 абзазара
 бзи йызбитІ!

Было пора,
 но смерть не пришла,
 не может она прийти,
вижу:
 суровой мачехой
 ставшую мне
 жизнь
 хорошо вижу (люблю)!

Только в самом конце становится ясно, почему автор на протяжении всего стихотворения сохраняет одну и ту же банальную рифменную пару. Повторяющаяся многократно, она становится настолько привычной, что читатель даже неосознанно ожидает ее в конце каждой строфы. И что самое парадоксальное, поэт формально не обманывает этого ожидания и завершает стихотворение тем же «*вижу*» («йызбитІ», правда, добавляя к нему маленькое слово «бзи» – «хорошо») и, сохраняя формальное сходство, словосочетание обретает уже совершенно иной смысл! Дело в том, что в абазинском языке «бзи йызбитІ» (буквально: хорошо вижу) означает – *люблю*. И именно это последнее слово в самом финале меняет весь настрой стихотворения, все то, к чему, казалось бы, с неумолимой логической последовательностью шло его содержание: несмотря на все неурядицы и жизненные неудачи, несбывшиеся мечты, незавершенные дела, непонимание его миссии, неостребованность его стихов и песен – самое страшное для поэта! – лирический герой все равно благословляет жизнь и признается ей в любви!

Если бы то же самое было высказано в какой-то иной форме, вероятно, это не вызвало бы столь восхитительного эффекта; но когда о любви говорится теми же грустными словами, в той же печальной интонации, с той же естественностью и искренностью, с использованием все той же заурядной рифмы и, главное, когда

такого финала совершенно не ожидаешь – концовка просто потрясает!

Формально в финале эффект обманутого ожидания отсутствует, потому что поэт до конца выдерживает заданные стиль, структуру и рифму, и тем не менее это двойной эффект обманутого ожидания, потому что почти в то же звучание, в ту же рифменную оболочку вложен уже совершенно иной смысл, не только не вытекающий из того, что было высказано до этого, но прямо противоположный выводу, напрашивающемуся из всего предыдущего текста! Вот эта парадоксальность финала при сохранении всех иных примет стиха и вызывает немой восторг читателя.

Своеобразной в плане исполнения представляется и следующая пятистрочная миниатюра:

УасакI ачва гьахьырхуам гIван.
 Быжьнума йсхьырхьазапI
 сшуасамгьи.
 ХIдуней шыргIапскву
 гьгIасгвынгIвуам:
 Учва ухьихныс йылшитI
 чвакIгьи зхьам,
 Чва ныжьхта
 хьанадзара зхьамгьи...

(С овцы два раза шкуру не снимают. Семь раз с меня содрали, хоть я и не овца. Никак не разберу, как этот мир устроен: тому с тебя снять шкуру удастся, кто вида даже не имеет. Да что там вид! – Кто даже головой не обладает.)

Если судить о стихотворении по подстрочному переводу, – ничего особенного, средненькое произведение, хотя даже по подстрочнику становится очевидным оригинальное противопоставление того, что с овцы шкуру можно содрать лишь однажды, а с человеком, с которого вообще-то шкуру снимать нельзя, эту самую процедуру проделывают как раз неоднократно. Гипертрофированная метафора призвана показать абсурдную житейскую ситуацию, нехарактерную даже для животного мира. В принципе, для миниатюры наличие такой мысли представляется вполне самостоятельным и оправдывающим стихотворный текст. Но... это только начало, и последующий подстрочный перевод, как это

обычно бывает, не способен передать эстетической, художественной стороны стиха.

Во-первых, отметим, что пятистишие не самая ходовая, а довольно редкая поэтическая форма с интересным типом рифмовки. У Керима рифменным созвучием обладают, с одной стороны, 1-я, 3-я, 4-я строки, а с другой – 2-я и 5-я. Отметим и безукоризненный четырехстопный ямб, довершающий ощущение совершенства стиха. Но не только наличие мысли и упомянутых формальных признаков возводит данное стихотворение в ранг поэзии, свою немаловажную роль в этом играет и заключительное двустишие:

Учва ухъихныс йылшитІ
чвакІгъи зхъам,
 Чва ныжьхта
хъанадзара зхъамгъи...

Что в них особенного?

Звуковая организация строк.

В чем и как это выражается?

Обратим внимание на выделенные курсивом слова, части слов и отдельные звуки. В двух строчках трижды используется «чва», трижды «хъа» и один раз «хъ». Фраза оказывается пронизана звуками, концентрирующими в себе смысл двух ключевых слов стихотворения: шкура / кожа («чва») и снимать («хъыхра»). Прекрасное анаграммирование!

Абазины о представительном человеке говорят: «чва йхъапІ» (буквально: обладающий кожей), о невзрачном, наоборот, – «чва гыхъам» (не обладающий кожей). И поэт в пределах одной строки – в начале и конце – сталкивает практически однокоренные, но с разным семантическим наполнением слова, в результате чего эффект от звукописи преобладает над смысловым содержанием стиха: «Учва ухъихныс йылшитІ чвакІгъи зхъам». То есть с тебя шкуру (*учва ухъихныс*) удастся содрать даже самому неказистому, невзрачному на вид человеку (*чвакІгъи зхъам*). Данный парадокс усиливается еще больше в заключительной строке (*чва ныжьхта хъанадзара зхъамгъи*), где то же самое, оказывается, способен проделать человек, который не то что вида, даже головы не имеет, то есть интеллектуально из себя ничего не представляет, полный ноль! Но и тут смысловым парадоксом дело не ограничивается,

оно довершается великолепной инструментовкой, основанной на тех же «чва» и «хъа».

Абазинский текст представляется очень эффектным не только потому, что все это изложено лишь в пяти строчках, благодаря не только интересной рифмовке, ритмической полноценности, превосходному музыкальному оформлению, но потому, что и форма, и содержание национальным читателем воспринимаются одновременно! И ему не нужно объяснять все то, что мы тут столь пространно излагали.

Подчеркнем еще раз: эту игру на близких по звучанию национальных речевых оборотах в полной мере способен оценить лишь носитель абазинского языка.

Считаем, что А. Галамага представил очень удачный перевод данной миниатюры, хотя и не все элементы подлинника отразились в нем:

С овцы два раза шкуру не снимают.
С меня содрали, кажется, шкур семь.
Как мир устроен, я не понимаю:
Не те сдирают, на потеху всем,
Что разумом и силой обладают, –
Что не имеют головы совсем!

С позиции звукописи рассмотрим первую строфу стихотворения «Ложится иней»:

Амшпсыпс апсы цазтІхІва
спсы таркІвапІ сара...
Тшарысасуа
псейспадза ауахъ гІаталитІ.
АпсыцхІа аштиуа
йчвасыситІ ахІвра.
АпсыхІва арпсыткъан
апстІа гІащтІалитІ.

(Хотя полумертвый день испустил свой дух, но я все еще дышу... Гостьей тихо вступает в права свои ночь. Грустно вздыхая, дремлет трава. Увлажнив долину, ложится иней.)

Цезурованный четырехстопный амфибрахий придает стиху протяжно-размеренное, спокойно-сосредоточенное звучание, что органично накладывается на медитативный характер произведения. Но есть здесь еще одна завораживающая особенность – ненавязчивая, уместная, согласующаяся с общим настроением стиха и в то же время в высшей степени искусно выполненная фоническая инструментовка. В первую очередь обратим внимание на то, что в строфе гласный «а» встречается 31 раз, тем самым образуя ассонанс на протяжении всей строфы. Но здесь же присутствует еще одна музыкальная специфика: строфу от начала и до конца пронизывают два звука: «п» (10 раз) и «с» (16 раз), причем в 10 случаях они, смыкаясь, образуют единое сочетание: «пс». Случайно ли автор построил аллитерацию именно на этих звуках? Нет. Ключевым в строфе, как и во всем стихотворении, выступает слово «псmlа» (иней), которое и определило подбор соотносимых с общим звучанием этого слова звуков. Здесь представлено виртуозное анаграммирование, которому, на наш взгляд, могли бы позавидовать и Блок, и Бальмонт.

Раз мы заговорили о звукописи, воспроизведем еще раз первую строфу стихотворения «Как кто-то сказал»:

Заджвы йхІваща,
 санчкІвынызгы сгыІвагІвамызтІ:
РахІа йъасу атшгы
 сгІакІашвун,
Сла бага
 гъамкІуазтІ,
 сшвокъ –
 гыпчарахІмызтІ,
СзбакІлакІгы зынла сгІакІайгвун.

Сразу отметим, что строфа имеет традиционную концевую перекрестную рифмовку: сочетаются окончания 1-й и 3-й, 2-й и 4-й строк. Но внимательный читатель выделит в этом же тексте еще одну рифменную пару, приходящуюся на начало 3-й и 4-й строк: «*сла бага* *гъамкІуазтІ* – *сзбакІлакІгы*». Эффект данного созвучия заключается не только в том, что оно идет дополнительно, так сказать, сверхштатно, не только в том, что здесь в

отличие от концевой используется начальная рифма, но и в том, что она (рифма) является составной и глубокой: первые три слова третьей строки рифмуются с одним словом четвертой.

Развивая далее тему рифмования, обратим внимание и на стихотворение «Наша жизнь»:

ЙГ҃ахъвларыквын *йыгышадзахуам.*
ЙГ҃ашарыквын *йыгыхъвладзахуам.*
Уадырг҃ванагы – х҃Г҃апшит҃Г҃а –
Ц҃иста йпсс҃Г҃ит҃Г҃ ари *х҃Ынц҃Г҃ра:*

Жвац-йапыжвац *х҃Г҃абихвыцын,*
Йац-жвацума х҃Г҃к҃Г҃вынхъа *х҃Ыцын.*
Ай, х҃Г҃ажвуашт҃Г҃ уахъч҃Г҃ва-уач҃Г҃выла.
Уач҃Г҃в-уач҃Г҃вацта... х҃Г҃Г҃аух *х҃Г҃ара...*

Оригинальность рифмовки здесь состоит в том, что в каждой строфе первые две строки соотносятся между собой, третья остается холостой, а четвертая рифмуется с четвертой же строкой следующей строфы. Такой тип рифмовки в абазинской поэзии нов, и в русской он используется крайне редко.

От способа рифмовки перейдем к строфике, вернее, к одной ее частной особенности, получившей название «строфическое кольцо». Оно обладает особой ритмической мелодией, вносящей в стихотворение яркий художественный колорит, задушевную проникновенность, глубину лирического переживания. Таково, например, знаменитое есенинское:

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Этот прием у Мхце великолепно реализуется в стихотворении «Под твоим окном»:

Бхъышв ацІахъ сазгІанагтІ
сара сынциІра,
ЙгІашІаст араъа
сылахъ агІвагвана –
МачІкІ тшыспщата
сымгІвайсхныс уадыргІвана
Бхъышв ацІахъ сазгІанагтІ
сара сынциІра.

Бхъышв ацІахъ сгІайын
сгыланІ са уахъа.
Сшнапшуазымца йсхъабрчвтІ
сызгвалам бымза...
Сицныхчылуа йнахъысыз
бара бшвхъымса
Бхъышв ацІахъ
сдийын
сгыланІ са уахъа.

Бхъышв ацІахъ сгыланІ
схъыгІа срадзауа.
Йыншаз ачІвыйа?
Сгвыгъузма датшата?!
Баразаджв бакІвшва
йсыгхахуа тшпынхІвата
Бхъышв ацІахъ сгыланІ
схъыгІа срадзауа...

Бхъышв ацІахъ сгылын
сджыквылхитІ абар.
АшыйачІва гІашІыхитІ
йкІъазызуа.
ЙтшкІарарымжъыз
ала млащыу сагІвыза
Бхъышв ацІахъ сгвмачын
сджыквылхитІ абар...

Бхъышв ацІахъ
хІвра гъгІайыхуашым зынгы:
Сгвы блытІ ауаъа
йаблын агъагъара.
Квашуата йгІакварыгъи
абзибара
Бхъышв ацІахъ
хІвра гъгІайыхуашым...
зынгы...

(Под твое окно привела меня жизнь, здесь завершилась судьбы моей дорога. – Чтоб, передохнув, пуститься дальше в путь, под твое окно привела меня жизнь.

Пришел и стою сегодня под твоим окном. Ты потушила надо мною безучастный свет... Завидуя тому, кто переступил твой порог, стою, немея, под твоим окном.

Под твоим окном стою, процеживая боль. Случилось что? Надеялся на что? Как будто лишь тебя недоставало для укора, стою я под окном твоим, процеживая боль.

Постоял под твоим окном и пускаюсь снова в путь. Дрожа, просыпается надо мной утренняя звезда. Подобно голодному псу, которого не пустили домой, исстрадавшись под твоим окном, я снова отправляюсь в путь...

Под твоим окном никогда не вырастет трава. Здесь сторело мое сердце, испепелив округу. Даже если ливнем прольется любовь, под твоим окном никогда не вырастет трава...)

Если разговор о формальных изысках Мхце перевести в область метрики, выяснится, что ритмическая палитра представлена очень разнообразно – всего до 30 различных размеров. Естественно, что основная часть из них приходится на традиционные классические метры, но здесь же встречаются и дольник, и тактовик, и акцентный стих, и такие формы белого и свободного стихов, которые были опробованы поэтом еще в предыдущих изданиях.

Диапазон стопности в сборнике исчисляется от двух до шести в двусложных размерах и от одной до пяти в трехсложных. Если эти измерения преобразовать в слоги, получится, что длина строк в различных произведениях варьируется от 2 до 17 слогов.

Метрико-ритмические эксперименты Мхце идут дальше, и в пределах одного стихотворения он порой искусно комбинирует разнометрические строки. Так, например, в стихотворении «Время жизни твоей» полномерный двустопный ямб нечетных строк перемежается полномерным двустопным хореем четных. Для наглядности воспроизведем текст первой строфы и его метрическую схему:

Асы гАсуан,	U-U-
ЙыгыгАсыхуам.	-U-U
Апша гАшвшвуан,	U-U-
ЙыгыгАшвшвыхуам.	-U-U

(В данном случае, как и в случае с рифмой, мы не сопровождаем текст подстрочным переводом в связи с тем, что здесь анализируется форма, а не содержание.)

В стихотворении «Прощение» сочетанию подвергаются двустопный анапест и двустопный амфибрахий:

ЙангАсзылахьра сылахь	UU-UUU-U
СангвмачІра мышкІы,	U-UU-
СбгъанацІата ахъылагъь	UU-UUU-U
Йанджвыквылхра стшы	U-UU-

Отметим, что анапест здесь наращен одним слогом, а амфибрахий, наоборот, усечен.

В «Еще одной элегии» сталкиваемся с другой ритмической конфигурацией: чередованием четырехстопного дактиля с трехстопным амфибрахией:

Суысква йгАджвыквсцІаз рыуа закІгы	-UU-U -UU-
АцІыхъва йгънардам, йызбитІ.	U-UU- U-
Сылахь йгІанылыз – бзигъи чвгъагы –	-UU-U -UU-
ЛашшыкІ йгыпсам, йызбитІ.	U-UU- U-

В данном случае ритм отягощается цезурой на пятом слоге, причем перед ней и дактилические, и амфибрахические стопы оказываются усеченными. Помимо того, последняя стопа дактиля усечена на два слога, а амфибрахия – на один. Данная форма, может быть, исключительная не только для абазинской, но и для русской поэзии.

Если в рассмотренных стихотворениях два разных метра располагаются по разным, но соотносящимся строкам, то в «Земле, на которой я родился» различные метры сталкиваются уже в пределах одной строки, где первые три стопы выступают хореем, а четвертая заключительная – ямбом, в результате чего возникает довольно редкий размер четырехстопного хориямба со следующей структурой:

УьжвгГандзара са – уьжвгГандзара! –	—U—U—UU—U
Рыцла-рыцла бзи йызбауа,	—U—U—UU—
ЙГамыздарКвитI адгьыл лашара –	—U—U—UU—U
ЗыназджвыкIгьи ствы знымчвгЛауа.	—U—U—UU—

По такому же принципу построены и стихотворения «Убежал от себя», «Воскресение».

Как это ни покажется странным по отношению к поэтическому тексту, значительно более искусственному, чем прозаический, но о манере письма абазинского поэта хочется говорить словами М. Ремизовой, адресованными совсем другому писателю: «необыкновенная естественность»¹⁷⁵. Несмотря на классические стихотворные размеры, в которые, как в надежный панцирь, заключен стих Мхце, несмотря на рифменное оперение, искусную звукопись, инверсию и многие другие характерные для стиха элементы, его произведения действительно звучат очень естественно, как будто люди в обычной жизни так и общаются. Как поэт добивался такого эффекта – непостижимо, но для нас именно в этом выражается свойственная его таланту пушкинская простота, на которую в свое время указывал литературовед В.Б. Тугов¹⁷⁶.

* * *

Содержательно-смысловое, метрико-ритмическое, языковое и интонационное богатство, свободное и безупречное оперирование формальными атрибутами стиха не оставляет сомнения в том, что к сборнику «В миг полулета-полуосени» Керим Мхце достиг абсолютного мастерства. Данная книга является венцом творческого развития поэта: в нем что ни стих – то драгоценный камень! Но истинными бриллиантами, венчающими эту корону, выступают два цикла: «Страницы дневника» и «Светлый остров боли». Остановимся подробнее на втором из них.

Названием для него послужила строка из стихотворения «Моей судьбы волна морская», рефреном повторяющаяся в конце каждой строфы: «*АхьыгIаква рдзыгIвжьса лашара*». Сам образ острова боли впервые был использован в стихотворении «Капли судьбы» («Рассветные цветы», 1983), на примере которого можно проследить механику его возникновения. Когда между лири-

¹⁷⁵ Ремизова М. Только текст. – М.: Совпадение, 2007. – С. 108.

¹⁷⁶ Тугов В. Поэзия разума и чувств // День республики. – 1999. – 3 июня.

ческим героем и его любимой наступает разлад, он уходит из дома, бродит по улицам, просеивая обиду сквозь сито сердца («сГамдит I араса сгвасра срадзауа»), и лелеет мечту о том, что в самом большом океане ждет его маленький солнечный островок, куда он мысленно переносится... Но счастливый остров – лишь несбыточная фантазия. И когда герой устает от груза размышлений и бесцельного брожения, он вынужден возвращаться в действительность, в дом, где его никто не ждет и никто из-за его отсутствия не печалится. И тут образ прекрасного, но выдуманного острова накладывается на образ реального дома, где ему доставляют боль, в результате чего рождается великолепная метафора: наш маленький дом – островок болей: «СанГапсара сатазгПайхит I сдзыргIвау / XIара xИтыдзхвыц – ахьыгIаква рдзыгIвбжъя».

«Остров болей» станет сквозным, развивающимся образом в творчестве К. Мхце и в стихотворении «Размышление» («Вначале была любовь», 1987) будет соотноситься уже со всей планетой:

ЙамагIныйа, щта, санадгыл
ЙIгасызшаз анасыпбжа,
Арса са йызсцрихаз *адгьыл* –
Ари схьыгIаква рдзыгIвбжъя?

(Так отчего же, когда подошел я к выпавшему на мою долю полусчастью, такой родной стала мне *Земля – моих болей остров?*)

Но развитие образа на этом не остановилось, уже в сборнике «В миг полулета-полуосени» поэт снова возвратился к нему, и на этот раз «остров боли» стал олицетворением Любви. И, как и в предыдущих стихотворениях, рождение образа в контексте стиха выступает совершенно логичным и естественным:

Са сылахь атенгьыз аквтштшара
Толкьвынла скIанджъя анпнатшы,
СГланагын сгIакварышвтI уа утшы,
АхьыгIаква рдзыгIвбжъя лашара

(Когда морской вал разбил моей судьбы ладью, он вынес и вы-
бросил меня на твой берег, светлый остров боли).

Стихотворение открывается усложненной метафорой, где хрупкая ладья символизирует судьбу лирического героя, морской вал – жизненные перипетии, а последняя пристань героя, светлый остров боли, куда стихийно выносит его волна – Любовь. Отметим, что четыре из пяти строф стихотворения завершаются эпифорой, заключающей в себе главный образ – **светлый остров боли**, вследствие чего он становится лейтмотивом всего произведения; и лишь самая последняя строка стихотворения уточняет, что под этим островом подразумевается любовь: «Сара сдзыгІвбжъ – сара с-Бзибара!» (мой островок – моя Любовь!).

Еще отметим, что остров имеет два равнозначных, точных и емких для мироощущения лирического героя эпитета: светлый и боль. Они органично свойственны Острову Любви, и в зависимости от ситуации преобладает то или иное качество. Для тонко развитого трагического мироощущения героя К. Мхце преобладающим все же является боль.

Лишенный радостей мира, ощущающий себя чужим на жизненном пиру лирический субъект только здесь – на Острове Любви и Боли – чувствует себя на своем месте. Воздух и микроклимат столь исцеляюще воздействуют на него, что он чувствует себя рожденным заново, с удивлением обнаруживает в груди своей сердце, о наличии которого и позабыл. И единственная просьба героя – не изменить ему, дать ему возможность прожить остаток дней своих на этом острове, украшаясь новоприобретенной верой Любви.

Стихотворение является достойным и прекрасным вступлением к циклу не менее прекрасных лирических произведений о любви. Ритм четырехстопного ямба, пронизывающий все стихотворение главный образ, повторяющийся в конце каждой строфы, кольцевая рифмовка, сочетание женской и мужской клаузул, перетекающий из строфы в строфу рифменный ряд на «...ара»:

Са сылахь атенгыз аквштгшара
Толкъвынла скІанджъа анпатшы
СтІанагын сгІакварышвтІ уа утшы,
АхьыгІаква рдзыгІвбжъа лашара.

СахъацалакІгы – уыжвгІандзара
ЙгІасбзаз – схамата йызгатІ,

Ауаса упны – сара йспынхатI,
АхьыгIаква рдзыгIвбжьа лашара.

Са салхъвдан адуней ахъгIара... –

все эти элементы поэтики взаимодействуют столь гармонично, что создают ощущение полного совершенства произведения, единение и взаимопереход формы и содержания!

Одним из самых первых стихотворений цикла выступает «Воскресение».

Когда новорожденный в семье абазин делает первый шаг, родители устраивают по этому случаю праздник, в который входит следующий ритуал: вокруг ребенка раскладываются предметы, символизирующие ту или иную профессию (кинжал – воин, ножницы – портной, книга – ученый и т.д.), и выжидают, пока малыш к чему-нибудь из них не потянется. Считается, что то, к чему прикасается ребенок первым, определяет его предназначение, весь его жизненный путь. И называется этот ритуал по-абазински «гыларгвыгв». Слово это нельзя перевести на русский язык, так как в нем нет лексемы с идентичным значением. Мы столь подробно останавливаемся на семантике данного слова, потому что в структуре стихотворения «Воскресение» оно обретает важное значение. Открывается стихотворение признанием:

Са йыгьсырымчатI
гыларгвыгв,
Йапхъахуз счIвырхъа
йайхIвахIв дгъаам.
ДукI сыруысдамкIва
адгьыл сыкв
Сацган сгвжважвауа
сгвала йзагIам.

(Мне не делали гыларгуг, некому было благословлять мой первый шаг. Не отягощенный вниманием к себе, я жил, торопясь за преждевременными желаньями сердца.)

Итак, лирическому герою никто не справил общепринятого ритуала, и не нашлось никого, кто благословил бы его первый шаг. Рос он сам по себе, заботясь только об одном: поскорее воплотить

«СЮДА ПРИШЕЛ Я, ЧТОБЫ ЗДЕСЬ ОСТАТЬСЯ...»

в реальность добрые намерения сердца. Заметим, что образ *преждевременных желаний* (буквально: желания сердца, которым еще не время) сближается с ситуацией, в которой оказывается пушкинский герой: «Свободы сеятель пустынный, я вышел рано, до звезды...» Затем, как это обычно бывает, наступает горькое разочарование, облеченное автором в метафору:

Са йыгысылымшат
 ствы схчарныс
 Йанарцуз ауи
 сылахь ахьта.

(Мне не удалось спасти свое сердце, когда леденил его холод судьбы.)

Троп выразительно передает, как герой в силу обстоятельств лишился сердца: оно покрылось ледяной коркой, но для лирического героя наличие ледяного сердца равно его отсутствию. Поэтому намеченный в конце второй строфы образ холода находит свое продолжение в следующей:

ЙтыцIхьан сыхвага
 ауатыкв.
 Азаман драдзун
 стIвыла хьывашвакI.
 ЙгIапIатIауыргьи
 йхьывашиву спыкв –
 СажвакI ацкIысгы
 йхьывашван сажвакI...

(Моя тень покинула округу. Время просеивали два *холодных* глаза. Если и шевелились *холодные* губы, – одно слово оказывалось *холоднее* другого.)

Строфа плотно насыщена «холодом»: в четырех строчках трижды встречается обозначающее его слово. Вообще зимняя стужа в поэзии К. Мхце чаще всего ассоциируется если не с физической, то с духовной смертью героя. И здесь он оказывается в холодном онемении: не реагирует ни на какие проявления жизни, не способен проявить ни одного живого движения. Характерно, что обладатель ледяного сердца со временем превращается в тень,

но – немаловажная деталь – и та «покидает округу», словно отправляется в мир иной. Поэтому не случайно, что последующие события герой воспринимает не просто как сон, а как сон, свершающийся на том свете... Вспомним, что такие же ощущения испытывал лирический герой Есенина до встречи с героиней цикла стихов «Любовь хулигана». Как и у русского поэта, оживление, духовное возрождение (не случайно стихотворение называется «Воскресение»), полноту жизни герой Мхце начинает испытывать через любовь к женщине. В момент, когда не осталось никаких надежд на будущее, когда беспросветный холод объял душу, является Она... Преображение наступает после того, как женщина коснулась теплым взглядом его сердца. И лирического героя в первую очередь восхищает сам факт: как она осмелилась, как не побоялась, как смогла вернуть «куску льда» (именно так обозначено сердце в соответствующем месте стихотворения) пьяняще-мучительную жизнь?

Гвы злбзычпайа
 бымшвауа
 Сгвы бГлахьысырныс
 былапш пхала?!
 Йызлабылшайа
 ацхГашвы
 Йкяхвуа-йгвмачГуа псы
 гГлахьабцГлахныс,
 СГадришГыщызшва
 йара ужвы
 Ари сбазара
 джъасбырщახныс?!

(Как решилась ты, не побоявшись, прикоснуться ласковым взглядом к моему сердцу?! Как удалось тебе в лед вдохнуть хмель и муку живую, словно рожденному заново, заставить удивиться собственной жизни?!)

Герой понимает, что все произошло неспроста, если земная женщина смогла всколыхнуть в нем уже забытые первоначальные намерения, если он хоть одно мгновение прожил с сознанием, что он для нее лучше всех...

И вот в последней строфе, как и свойственно многим произведениям Мхце, поэт снова возвращается к упомянутому в начале стихотворения мотиву: «новорожденный» герой уже сам себе делает «гыларгвыгв», тем самым обозначая начало новой жизни, определяя для себя свой жизненный путь, свое предназначение, отныне заключающееся в любви к женщине. Он осознает, что ему нет жизни без нее, отчего он радостно шествует вслед за ней, чтобы... *погибнуть в ее следах*. На этой высокой траги-оптимистической ноте и завершается стихотворение:

Сызнахъамлыргыи
 быщхъа хъыкв,
БцГыхъва стыцГта са
 йгъамам псыхъва:
Схъа йазысчпахын
 гыларгвыгв
СнайитГ сгвыргъауа...
 стадзныс бцГыхъва.

(Если даже не смогу взобраться на твою вершину, нету мне иного пути, как идти за тобой. Сам себе сделав гыларгуг, иду, улыбаясь, чтобы... исчезнуть в твоих следах; буквально: пропасть из-за тебя.)

Поэтическая фантазия К. Мхце чрезвычайно богата, и порой используемые им художественные приемы кажутся неисчерпаемыми. Так, например, стихотворение «Твое имя» может привести в недоумение не только поверхностного читателя, но и знающего толк в поэзии человека: мы привыкли, что название так или иначе определяется темой или содержанием произведения, а данное стихотворение ни с каким именем не связано, и никакое имя в нем не упоминается вообще. В первой строфе мы узнаем, что холодной ночью грустный путник, поскользнувшись, упал с горной кручи, и эхо разнесло по ущельям последний его выкрик: «А-а-а!»

Во второй строфе внимание читателя переводится на ночной пейзаж: в темном небе поблескивают несколько маленьких звезд, а там, внизу, глубоко в ущелье, маленькой змеей ползет река. Но последнюю букву строфы автор растягивает, тем самым придавая образу и звуковое оформление – змеиный посвист:

...адзыгІв ащтанчІвызшва
йкІвыруамца
йабитІ ахьяуыс-с-с...

(речка, извиваясь змеей, продолжает свое дело).

В заключительной строфе оказывается, что две предшествовавшие картины были сонным видением, герой просыпается в холодном поту, оглядывает убогое жилище, ожидавшее прихода любимой грустно распахнутыми окнами. Герой выходит на улицу, и обветрившиеся губы помимо его воли умоляют о встрече. Последнее слово стихотворения разбивается на две части, и вторая половина выносится в отдельную строку. В ней повторяющийся последний звук призван оттенить отчаянное напряжение, с которым оно произносится:

...йхъпшшаз спыккква
саргьи йсымдыргІвуата
йырхІвитІ:
«БгІасын-
йа-а-а»...

Вот и все содержание стихотворения. Но при чем тут какое-то имя? Где оно? В чем и как проявляется смысл заглавия? И тут нужно догадаться, что в данном случае название связано не столько с темой произведения, сколько выступает подсказкой, ключом расшифровки закодированного в тексте имени. И сделано это не так, как общепринято в поэтической практике, – по заглавным буквам строк, прочитывающимся сверху вниз (акrostихи), а путем соединения выделенных концовок строф: «А-а-а-с-с-с-йа-а-а». И если иметь в виду, что весь раздел любовной лирики сборника посвящен Асе (по-абазински – Асйа), все становится на свои места. Остается только обратить внимание на то, с каким напряжением и накалом произносится это имя! Сколько энергии, сколько жажды, сколько мольбы вложено в это зашифрованное и доступное не всякому читателю обращение!

Стихотворение «Прошение» структурно делится на две части, и к первой из них относятся первые четыре строфы, в свою очередь попарно объединяющиеся в две отдельные фразы:

Йангасзылахъра сылахъ,
СангвмачІра мышкы,
СбгъанацІата ахъылагъ
Йанджвкыкылхра стшы,
ЙтасырдзапІта сджьабгІа
Спшвырхъыччауа йсхІвапІ:
«ЙыгърыцхІагІам срыцхІагІа,
ЙрыцхІагІу – датшапІ».

Если судьба обойдется сурово
И я окажусь в отчаянии,
Если, сбросив меня с кручи,
Ускачет мой конь,
Пересилю я муку
И скажу, усмехаясь,
«Мое горе – не горе,
Горе – иное».

Сагъачва сгІаларкІыта
Сырщуазтын сара
Са слакта йгІатапшыта
ЛадзыкІ шрымбара.
ЙкъасчІвахыпІта ахъыгІа
Сгвы йхъыхуала йсхІвапІ:
«ЙыгърыцхІагІам срыцхІагІа,
ЙрыцхІагІу датшапІ».

Если враги окружат
Меня и убьют,
На моем лице не увидят
Они ни одной слезы.
Я боль утаю
И скажу остывающим сердцем:
«Мое горе – не горе,
Горе – иное».

Итак, в четырех строфах первой части поэт представляет две трагические ситуации, структурно выраженные идентично: в первой строфе в сослагательном наклонении повествуется о несчастье, в следующей утверждается, что это – не беда; в последующих двух строфах в той же последовательности повторяется тот же композиционный прием. Обратим внимание на то, что герой отказывается называть горем то, что каждый разумный человек счел бы именно таковым.

Вторую часть стихотворения составляют три строфы, объединенные обращением к любимой, и две из них возвращают нас к изложенным выше эпизодам:

Ай, слашара, сгІаннажъта
Йанджвкыкылхра стшы –
Са сантшыгІвыркІваз апшта
Ла хъгІала бгІаспшы.
Сагъачва сгІакІвдыршата
Сара санырщра –
Адгъыл сывкызшва сбзата
Бсызхъвыцла бара...

Ах, моя светлая, когда ускачет
Конь мой, сбросив меня,
Посмотри на меня ласково,
Будто я еще всадник.
Когда враги окружат
Меня и убьют,
Думай обо мне так,
Будто я еще живу на земле...

Данные строфы убеждают, что лирического героя беспокоит не то, что судьба может отвернуться от него, а враги – убить; гораздо больше тревожит его то, как отнесется к этим событиям любимая. И единственная его просьба к ней при подобном исходе дела – не изменить любви к нему, не предать забвению память о нем, потому что

Ужвыгы йгаркIвауа сыхыыз	Если станет безразличным тебе
Бымбахуа хабар	Еще звучащее имя мое,
СшбзаркIву спсызтын ба быхъыз –	Если живым я умру для тебя –
ЙрыщхIаргIу абар...	Вот это – горе...

Для героя собственная его жизнь и судьба не имеют ровно никакого положительного смысла и значения, если им не дорожит его любимая, и для него только такое обстоятельство может считаться настоящим горем; когда же любимая рядом и, невзирая на все несчастья, относится к нему по-прежнему, то для него и горе – не горе, и беда – не беда. Такое самоотречение, такое самозабвенное преклонение перед любимой – не столь частое явление в жизни и поэзии.

В стихотворении «Любовь поэта» автор использует расхожую метафору: любовь – огонь. Лирический герой с тихим укором вопрошает возлюбленную, почему она не подумала о последствиях, когда зажигала огонь в его сердце... Казалось бы, избитый литературный штамп. Но протяженный четырехстопный анапест придает стиху такую элегическую интонацию, которая как бы очищает метафору от наслоений банальности и возвращает ей первоначальное звучание и ощущение неподдельности испытываемой боли. Этому же удачно способствует и определение, подбираемое к образу сердца: «обветрившееся от одиночества». Оно придает уже знакомому тропу своеобразную свежесть и прелесть, образуя метафору в метафоре: *огонь в сердце* и *огонь в сердце, обветрившемся от одиночества*. Но поэтический образ на этом не завершается, а развивается далее: поэт просит любимую не тревожиться из-за огня, так как скоро он весь выгорит, испепелив своим пламенем сердце, превратив его в золу; останутся, чернея, лишь обгорелые поэтические строки, рождавшиеся в этом сердце и не открывшие никому тайну своих желаний...

Обо всем этом повествуется с такой трагически-смирненной интонацией, что метафора, кажется, теряет свое литературное происхождение и развивается уже по законам жизни... И от первоначального, всерьез не воспринимаемого и кажущегося поверхностным образом не остается и следа: он обретает новые черты и углубляется неизмеримо.

Таким образом, стихотворение реализовано в одной метафоре, и как художественное произведение оно уже самодостаточно. Но автор дополняет лирический сюжет еще одним штрихом, вызывающим у читателя щемящее чувство сожаления по поводу нескладно сложившихся отношений между двумя людьми:

Ай, сыгъуысагІвгІвацамызтІ, –
 сгІвычІвгІвысын сара! –
 ЙгъбымбазапІ ауи
 бангІасшы хъарачІвыла.

(Ах, не просто поэтом я был, я был человеком еще, а его ты во мне не заметила, когда взглянула издали на меня.)

Лирическому герою – стихотворцу – важно донести до любимой, что он переживает любовь не только как литературный факт, он страдает от боли, как и всякий земной человек, которого не разглядели в нем за внешней вывеской поэта.

Образ сгоревшего сердца повторяется и в стихотворении «Под твоим окном»: «Под твоим окном никогда не вырастет трава, здесь сгорело мое сердце, все вокруг опалив». Чтобы еще больше усилить мотив испепеленного и неспособного к возрождению сердца, поэт углубляет образ еще одной заключительной метафорой: «Даже если ливнем прольется любовь, под твоим окном никогда больше не вырастет трава». Начальная строка, повторяясь в конце строфы, замыкает лирический сюжет, образуя строфическое кольцо и формой стиха подчеркивая закольцованность боли героя, безвыходность ее и безысходность.

Через времена года и связанные с ними пробуждение, созревание, увядание и умирание природы К. Мхце умеет передать и своеобразную циклизацию любовных ощущений героини:

АгІапын ква ангІаквара	Когда прольется весенний дождь
Ари бдуней апны,	В этом мире твоём,
Пхызла сыббуштІ мышкІы сара,	Однажды ты увидишь меня во сне,
Бгвы сгІаташвустІ мышкІы.	Вспомнишь однажды меня.

ЙангІайра апхын аквашуа	Когда придет летний ливень
Ари бдуней апны,	В этом мире твоём,
Сара уахъгы тшынгы йшсызпшуа	Сердце подскажет тебе,
ГІабнахІвуаштІ бара бгвы.	Что ждет меня днем и ночью.

Зны адзын ква ангІаквара	Когда однажды пойдет осенний дождь
Ари бдуней апны,	В этом мире твоём
ХІа хІшанымйуш ангІабгвынгІвра,	И ты поймешь, что мы не встретимся,
Йбымрыдзын бара бгвы.	Не отчаивайся.

Зны агын срычвхІва ангІашвшвра,	Когда однажды засвистит зимняя вьюга,
ЙГІаквнапсауа асы,	Наметая сугробы,
ЙбызнатшкІаралуаштІ ба сасра	Зайдет к тебе в гости
Сбзибара... ахъазы.	Моя любовь... одна.

Дождь – влага, дающая жизнь всему растительному миру. Это его качество поэтом переносится и на чувства героини: после весеннего дождя рождаются, просыпаются первые любовные ощущения; после летнего – созревшие чувства жаждут любимого и днем и ночью. Осень – общеизвестный символ увядания всего живого, и осенний дождь не столько питает влагой, сколько оплакивает последние минуты жизни растений. Для героини осенний дождь – символ отрезвления, реальной оценки любовной ситуации, после которой должно последовать какое-то внутреннее решение. В соответствии с общей поэтикой Мхце образ зимы и в данном стихотворении символизирует смерть, но смерть не любви героини, как следовало бы ожидать по логике развития любовного сюжета, а... самого героя. Такой поворот темы – первая неожиданность. Вторая заключается в том, что, несмотря на гибель героя, его любовь остается жить и после него, и именно потому она одна (без самого обладателя этой любви) и навещает героиню в пору зимней метели.

О разделе «Светлый остров боли» в свое время я печатно говорил, что он «ни в какой степени – ни по художественному уровню, ни по мастерству, ни по технике исполнения, ни по глубине, кра-

соте и возвышенности чувств – не уступает стихам, посвященным Есениным – Миклашевской, Данте – Беатриче, Петраркой – Лавуре»¹⁷⁷. И сегодня, через 15 лет, в этом сопоставлении я никакого преувеличения не нахожу.

Психологический нерв сборника «Вы не узнаете, кто я...»

Итак, в феврале 1994 года в частном издательстве «Аджьпа» вышел в свет сборник «В миг полулета-полуосени», а через полгода, на исходе лета, в государственном издательстве – еще один: «Вы не узнаете, кто я...». Объясняя ситуацию, Керим говорил, что благодаря главному редактору в республиканском издательстве за ним сохранили очередь уже вышедшего «Мига...» и, когда она подошла, предложили выпустить другую книгу¹⁷⁸.

Скорее всего, Керим не был готов к такому повороту событий, и обращение издательства оказалось неожиданностью: свежих стихов у него было мало, для целого сборника явно недостаточно, но и упускать счастливую возможность, по всей вероятности, не хотелось. И он кинулся формировать новую книгу: собрал публиковавшиеся за последние годы в национальной газете стихи (набралось более 20), дополнил их произведениями из сборников «Дороги и звезды», «Рассветные цветы» (15 стихотворений и отрывков из поэмы «Воспоминание») и ими заполнил первый раздел, «МшахъамшацГыхъва» («В начале – конце дня»). Второй раздел, «Песней мир благословил», составили тексты песен, написанных им в содружестве с национальными композиторами. И здесь нужно отметить следующее.

По признанию самого Керима, готовые тексты песен он, как правило, отдавал музыкантам, за очень редким исключением не оставляя себе даже дубликата. Здесь большую услугу поэту оказал Б. Хасароков, со студенческих лет увлекавшийся музыкой. Став журналистом республиканского радио и получив доступ к фондам фонотеки, он стал собирать записи абазинских песен, хра-

¹⁷⁷ Чекалов П.К. Керим Мхце. Наброски к творческому портрету. – Карачаевск, 2001. – С. 12.

¹⁷⁸ Мхце К. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. – Черкесск, 2014. – С. 56.

нившихся в архиве радио, а затем на их основе по собственному почину восстановил тексты Мхце и передал их автору. Они и образовали второй раздел книги, где было помещено 20 песенных текстов.

Третий раздел, «Переключка сердец», был скомпонован из 52 переводных стихотворений девяти поэтов, относившихся к разным культурным эпохам и народам. Они были отобраны из тех, что в разные годы публиковались в национальной периодической печати по тому или иному поводу. Таким образом, основу книги составили различные произведения, созданные на протяжении более 20 лет творческой жизни.

Может создаться впечатление, будто в последних двух разделах Мхце выступил в новом для себя амплуа поэта-песенника и переводчика. На самом деле ничего нового в этом не было: переводами Керим занимался со студенческих лет, а над песнями работал со второй половины 1970-х годов. Просто в этой книге впервые компактно и зримо был представлен результат деятельности в этих сферах. И здесь открывается возможность остановиться и неторопливо рассмотреть эти грани таланта Мхце. Но мы все-таки только обозначим эти литературоведческие проблемы и оставим будущим исследователям для изучения, а сами сосредоточимся на том, как отразилось в последней книге умоностроение поэта.

Когда берешь в руки сборник Мхце, обращает на себя внимание его оформление: траурно-черный цвет обложки с белыми разводами в верхней части, в рамке – имя поэта красными буквами на черном фоне... Говорят, редактор М.С.-Г. Тлябичева была возмущена и выражала недовольство внешним видом книги, но сам автор не возражал... Тогда, в 1994 году, все это воспринималось просто как не совсем удачный дизайн, но сегодня, когда известно, что это была последняя книга поэта и после нее он прожил неполных семь лет, траурный фон обложки воспринимается с неким символическим подтекстом.

В качестве названия послужила строка из стихотворения «Бессилие»: «Сара сзачИвдзаз гшвыздырхуашым зынгы...», полный перевод которой звучит так: «Вы уже никогда не узнаете, кем я был для вас на самом деле...» Авторское переложение, помещенное на последней странице книги («Вы не узнаете, кто я...»), было сокращено и упрощено. При этом любопытно, что само стихотворение «Бессилие» в сборник включено не было.

19 сентября радиожурналист Б. Хасароков вел беседу о новой книге с Керимом, и первый его вопрос был связан с заглавием. Отвечая на него, поэт сказал следующее: «Возможно, кто-то подумает, будто я считаю себя таким глубоким, исключительным, что невозможно сразу разгадать истинного моего значения. Я такой мысли не держал даже в самом отдаленном уголке своего сердца. Ничего нового я не открываю, и до меня было сказано: каждый человек представляет собой целый мир, и история его жизни, сердца, ума если не более, то никак не менее важна, чем история всего народа. Мы живем суетливо, в какой-то постоянной спешке, погруженные в свои малые житейские дела – и без этого нельзя, что тут поделаешь? – и не успеваем распознать значение человека еще при его жизни. И названием своей книги я хотел выразить вот это. И каждый волен соотнести с собой смысл этого заглавия»¹⁷⁹.

Как видим, поэт старается личное свое ощущение, самооценку соотнести буквально с каждым человеком. При интерпретации стихотворения «Бессилие» в предыдущей главе мы отмечали, что наряду с равнодушием, духовной слепотой, невниманием к призыву лирический герой укорял людей в неумении оценить степень его самоотдачи, осознать его пророческую миссию, выразившуюся как раз в этой строке. И вынося ее в качестве названия сборника, Мхце еще раз актуализировал болезную для его самосознания тему.

Как художник, используя образные средства поэзии и оставаясь замещенным лирическим героем, Керим способен был высказать наболевшее начистоту, но как частное лицо, вынужденное отвечать на конкретно поставленный вопрос, он не мог прямо от своего имени предъявлять претензии народу. Как минимум это выглядело бы некорректно. Поэтому, вероятно, поэт попытался придать своим словам общий характер.

В частных беседах, в интервью, в публицистике Керим никогда ни единым словом в глазах собеседника себя не возвысил, не унизил ни одного собрата по перу отрицательным отзывом, пренебрежительной репликой, ироничным замечанием. Но это никак не значит, что он не осознавал своего значения. Вполне отдавал себе отчет! Но в каждом жанре он выступал в приемлемых и соответствующих случаю формах. *Художник в нем был честнее, прин-*

¹⁷⁹ Мхце К. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. – Черкесск, 2014. – С. 47.

ципиальнее, искреннее, чем просто человек. Думаю, что это необходимо помнить всегда.

Трагическое мировосприятие было свойственно Мхце с молодых лет¹⁸⁰. Но в данной книге оно углубляется еще больше. Складывается впечатление, будто герою уже не вмоготу нести бремя жизни, что он угнетен некой закабаленностью. И именно этим мотивом, мотивом смертельной усталости, о которой говорится как о безнадежно запущенной и вряд ли излечимой болезни, открывается его последний прижизненный сборник:

Арса йцушызшва сбазара
 ЙыгъымбузтI рыцIа паса...
 Йхантахузтынги спстазара
 СыгъгынцIкIвушым, ауаса
 Чвалатшычпара аламкIва
 СгIапсадзатI ари азын.

(Я не думал чуть ранее, что жизнь моя обернется таким образом... Как бы ни становилось тяжелее, я не собираюсь скулить, но в этот раз я действительно устал непритворно.)

Усталость обнаруживается во всем: в том, как спокойно, без тревоги глядит он на свой «осенний» возраст, как привычно, без былой остроты саднят раны сердца, какими замедленными движениями сжигает лирический герой свои черновики...

Драматизм происходящего подчеркивается введением в текст мотива холода, и, как это свойственно поэтике Мхце, холод выступает не просто как температурное явление, а как непреходящее возрастное состояние героя, вследствие чего он не может отойти от огня, отогревая возле нее не столько охлаждающееся тело, сколько остывающую душу:

Ныбыжь хьтума йгIасчвыцIалуа? –
 Са сыгъзадзхьыцIхуам амца.

(Холод возраста меня пронизывает, что ли? – не могу отойти от огня.)

¹⁸⁰ Подробнее об этом: Трагическое мировосприятие и способы его выражения // Чекалов П.К. Керим Мхце. Наброски к творческому портрету. – Карачаевск, 2001. – С. 42–51.

Ситуацию довершает образ дождя – вечного спутника героя в минуты одиночества, печальных размышлений, душевной неустроенности: «Аквэдзы ахъышвчІвыцала йґлабгъаххитІ йдзыргІвуамца» (молча стекает по стеклам окна дождевая вода)...

Неторопливый двустопный анапест с дактилической и женской клаузулой (нечастое явление в творчестве К. Мхце!) удачно оттеняет общее состояние, заторможенность действий уставшего от жизни героя. Финал стихотворения обретает еще более трагическую окраску за счет того, что образ жизни отягощается еще одним мотивом, прозвучавшим в середине стиха: если ранее герой сосредоточенно сжигал черновики своих произведений, то в конце он опять же без отчаяния, но со ставшей уже привычной безысходностью замечает:

ЙквайчІвагІвыру са сбазара
Са йыгсаухуам агарта

(Я не знаю, куда девать черновую запись своей жизни).

Стихи, написанные начерно, можно доработать, исправить, отшлифовать, в конце концов – сжечь без сожаления, но что делать с жизнью, если она прожита начерно? И эта неразрешимая дилемма обнажает весь драматизм ситуации: душевная усталость, внутренняя опустошенность героя происходят как раз от сознания того, что жизнь с первого – и, увы, единственного – раза не получилась чистой, и от ее черновика никак не избавиться.

Совершенной безнадежностью пронизано также стихотворение «Холод»:

ХьтапІ...
ХьтазтІхІва,
Йъахьту гьакІвым
Йызхьту.

Холодно...
Но холодно
Не оттого,
Что холодно.

ЛащцарапІ...
ЛащцаразтІхІва,
Йъалащцару гьакІвым
Йызлащцару.

Темно...
Но темно
Не оттого,
Что темно.

ЙсхъазыпI...
 ЙсхъазытIхIва,
 Йъасхъазу гъакIвым
 Йызсхъазу...

Одиноко...
 Но одиноко
 Не оттого,
 Что я один...

Настроение лирического героя настолько немотивированно, что миниатюра воспринимается неким фрагментом без конца и без начала. Она может показаться даже бессмысленной игрой на формальностях: в отличие от подстрочника, в подлиннике каждую из трех фраз составляют пять слов, четыре из которых повторяют одно и то же. Но, вдумываясь в текст, осознаешь, что он не столь бессмыслен, как может показаться вначале, просто в нем сознательно опущена вся психологическая подоплека. В трех коротких выражениях автор передал всю беспросветность и бесприютность ощущений своего героя, но не только не указал, но даже не сделал и малейшего намека на их причины. При этом во всех случаях подчеркивается, что холодно, темно и одиноко не оттого, что он один, а во внешнем мире царят мрак и холод. Следовательно, внешние факторы отпадают. Не имея возможности указать хоть на одну конкретную причину угнетенно-мрачного состояния лирического героя, мы можем только констатировать, что вызвано оно причинами внутреннего порядка: душевным дискомфортом, надломом, неуютом.

Указанием на причины душевного состояния лирического героя в какой-то степени может выступить стихотворение «Раз не получается». Воспроизведем его подстрочный перевод:

«Когда вы прочитаете мои стихи, мне казалось, они обогреют вас. Раз этого не случилось... Раз это не получается, разожгите ими свой костер. Хотя и сгорают быстро, но, может быть, они хоть немного вас обогреют.

Когда вы прочитаете мои стихи, надеялся я, в вас проснется милосердие. Раз этого не случилось... Раз это не получается, когда вы набрасываетесь друг на друга, будто враги, подстелите их себе, как солому.

Когда вы прочитаете мои стихи, я предполагал, что в вас расцветет любовь. Раз этого не случилось... Раз это не получается, зашейте их в свои полосатые матрасы, чтобы на них похрапывали уставшие ваши сожители.

Когда вы прочитаете мои стихи, лелеял я надежду, они пробудят в вас честь. Раз этого не случилось... Раз это не получается, возьмите их и вычистите ими запылившиеся закоулочки ваших сердец.

Когда вы прочитаете мои стихи, мне хотелось, чтобы вы новыми глазами взглянули на свою судьбу. Раз этого не случилось... Раз это не получается, сверните из них папиросы, чтобы, покуривая, могли вы подумать о жизни».

Высокий духовный результат, на который рассчитывал поэт, не состоялся. Раз так, он предлагает использовать плод своих ежедневных творческих мук, смысл всей жизни! – в чисто утилитарных целях, чтобы хоть таким образом оправдать их существование. Это высшая жертва поэта, самоуничтожение ради того, чтобы жизнь и творческая деятельность его не обесмыслились окончательно.

Вахид Итаев, чеченский писатель, год проживший в общежитии Литинститута в одной комнате с Керимом, говорил: «Он мечтал совершить для своего малочисленного народа грандиозный подвиг в литературе» (10). Сегодня мы можем констатировать со всей беспристрастностью: задуманный подвиг Керим свершил, и выразилось это в том, что он сумел поднять свою национальную поэзию до классических вершин. Он впечатал свое имя, а вместе с ним и имя своего народа в скрижали истории мировой литературы, и это никто не заметил, не оценил. Более того, он вынужден был влачить довольно жалкое существование, за мизерную плату выполняя роль обычного журналиста безвестной газеты, тираж которой немного превышал четыре тысячи экземпляров. Вместе с женой и повзрослевшими детьми (сын – студент университета, дочь – старшеклассница) жил в квартире, в которой была только одна полноценная комната. Мусса Мхце, дядя поэта, по этому поводу образно выразился: «Если войдут двое, третьему становится некуда» (20).

Социальные условия бытия унижали, не позволяли чувствовать себя мужчиной, достойным главой семейства. Это не могло не задевать самолюбия, не отравлять сознания, но разрешить проблему не было никакой возможности.

Умонастроение поэта в немалой степени определялось и смелой общественной формации, резким переходом от социализма к капитализму, выпавшим как раз на начало 1990-х годов. Россия смело и безоглядно ступила вперед и оказалась не в светлом будущем, а отброшенной на несколько столетий назад, где нагло и

бесцеремонно властвовали корысть, нажива, подлость, морально-этические свинцовые мерзости. Героями эпохи выступили Хлестаковы, Чичиковы, Свидригайловы, казалось бы, навсегда заклеянные классической отечественной литературой. На авансцену российской истории выходили их поздние собратья, через столетия сохранившие свой безнравственный генетический код. Прежние идеалы, которым поэт служил со всей искренностью, властной рукой были сброшены в помойную яму. Настали иные времена, суть которых была запечатлена еще бессмертным Шекспиром:

Зову я смерть. Мне видеть нестерпим
 Достоинство, что просит подаянья,
 Над простотой глумящуюся ложь,
 Ничтожество в роскошном одеянье,
 И совершенству ложный приговор,
 И девственность, поруганную грубо,
 И неуместной почести позор,
 И мощь в плену у немощи беззубой,
 И прямоту, что глупостью слывет,
 И глупость в маске мудреца, пророка,
 И вдохновения зажатый рот,
 И праведность на службе у порока.
 Все мерзостно, что вижу я вокруг...¹⁸¹

Все это для тонкой душевной организации поэта, восприимчивого к боли, несправедливости, людской нечистоплотности, не могло пройти бесследно, не оскорбляя человеческого достоинства, выработанной шкалы ценностей.

Но все же главная боль, по нашему мнению, сосредоточилась в том, что Керим, знавший себе цену, не только не удостоился общественного признания, он почувствовал почти полную неостребованность собственной поэзии и себя как творческого лица. То есть того, на что он положил всю свою в общем-то безрадостную жизнь. Вот это угнетало больше всего, и это провоцировало полное разочарование в жизни, в результатах собственного труда.

¹⁸¹ Шекспир В. Избранное. – М.: Просвещение, 1985 – С. 376.

Абазинская литературная критика и литературоведение о К. Мхце и его поэзии в 1990-е годы

Обернувшись назад и просматривая литературу разных лет о жизни и творчестве К. Мхце, можно убедиться, что за первый 21 год деятельности ему было посвящено всего 16 публикаций, за последующие восемь лет – 20, за последние семь (с 1994 по начало 2001) – 46. Даже количественное соотношение показывает усилившийся интерес абазинской общественности к поэту. Сосредоточим внимание на восприятии и оценке читательской публикой и литературной критикой заключительного этапа творческой жизни поэта.

Во-первых, нужно подчеркнуть: 46 печатных отзывов за семь лет – это немало. Никакой другой абазинский литератор не был удостоен такого внимания со стороны критики и средств массовой информации. Второе. Публикации разнородны как по качественному уровню, так и по жанровому составу: от информации, поздравительной телеграммы, интервью, рецензии, освещения встреч поэта с читателями, репортажа с творческого вечера до научных статей и монографии. Не имея возможности охватить и осветить все подряд, остановимся выборочно на некоторых из них.

В мае 1994 года Мхце исполнилось 45 лет. В связи с этим национальная газета отвела целую полосу отзывам коллег по редакции о Кериме. Здесь были помещены выступления Ф. Апсовой, К. Озовой, Н. Мураткова, Б. Хасарокова. Объединяющим их лейтмотивом звучала мысль: *большой поэт*. Этот же мотив присутствовал и в редакционной статье, где отмечалось, что Мхце «твердо установил в абазинской литературе лирическую поэзию, всех нас заставил поверить, что и на нашем языке можно создавать классические строки»¹⁸². Обращаясь к поэту, К. Озова говорила: «Я уверена, что твое перо по остроте не уступает известным всему миру поэтам, что наш язык не исчезнет, покуда существует в нем твоя поэзия, что твои стихи, словно крылатые птицы, донесут до сердца народа наши огорчения, обиды и радости»¹⁸³. Ф. Апсова

¹⁸² Слово о нашем товарище // Абазашта. – 1994. – 6 мая.

¹⁸³ Озова К. «Керимчик» // Абазашта. – 1994. – 6 мая.

признавалась, что поэму «Маленький человек» она любила, как собственную душу («спсы апшта бзи йызбау»), что весь мир поэта, сердце его и поэзия слились в единую звезду, нетленно сверкающую над ее судьбой¹⁸⁴.

Небезынтересно заметить, что сборник «Вы не узнаете, кто я...» не удостоился ни одной профессиональной или читательской рецензии, а на «В миг полулета-полуосени» поступили три положительных отзыва М. Шенкао, М. Агановой, З. Гуковой. Последняя из них, рассматривая отдельные стихотворения, приходила к выводу, что в сердце человека, написавшего их, не может быть никакой грязи, что он должен быть чист душой и совестью, иначе никак не сумел бы создать столь чистые и ясные строки¹⁸⁵. Воздействие произведений Керима М. Аганова сравнивала с веющим чистым ветерком¹⁸⁶, а М. Шенкао отмечала, что поэт обладает редким талантом, а его стихи – глубокой философичностью и высокой классических образцов¹⁸⁷.

Еще в октябре 1987 года, откликаясь на сборник «Вначале была любовь», профессиональный писатель Б. Тхайцухов писал: «Вся книга свидетельствует, что К. Мхце еще не достиг вершины своего развития, что лучшие его достижения все еще впереди»¹⁸⁸. К этой же мысли он возвращался и в октябре 1994 года после выхода «Мига...». Обращаясь к своему младшему собрату по перу, Тхайцухов одновременно констатировал и предостерегал: «Уже созданное тобой служит доказательством того, что ты большой поэт. Но не забывай, что ты еще не достиг той высоты, на которую способен. Поэтому – не успокаивай себя»¹⁸⁹.

В 1996 году в Москве вышел библиографический справочник «Абазинские писатели». Страницы, посвященные творчеству К. Мхце, открывались оценкой: «Глубокий, проникновенный лирик. Настолько виртуозно владеет формой стиха, его настроением, выразительными средствами языка, что трудно себе предста-

¹⁸⁴ Апсова Ф. Будь здоров, мой брат // Абазашта. – 1994. – 6 мая.

¹⁸⁵ Гукова З. «Протягиваю вам свою судьбу-мгновенье» // Абазашта. – 1995. – 22 июня.

¹⁸⁶ Аганова М. «Бесконечная боль моя, Абазашта» // Абазашта. – 1994. – 3 авг.

¹⁸⁷ Шенкао М. «Когда уставшее сердце мое превратится в льдинку...» // Абазашта. – 1994. – 23 апр.

¹⁸⁸ Тхайцухов Б. Стихи и поэмы // Коммунизм алашара. – 1987. – 24 окт. – С. 11.

¹⁸⁹ Тхайцухов Б. Поэт, идущий за звездой // Абазашта. – 1994. – 12 окт. – С. 3.

вить, что когда-нибудь явится в абазинской поэзии другой поэт, который будет писать лучше него»¹⁹⁰.

«Он давно опередил нас в пути и, возвращаясь, несет нам встречу открывшуюся ему истину, слова любви и самосохранения, – делилась Л. Шебзухова своими впечатлениями о поэзии Мхце на страницах газеты “Абазашта”. – Керим умеет и чужую боль прочувствовать как собственную, раскрыть и преподнести ее созвучными душе словами. И свою боль ему удастся донести до сердца читателя, вызывая ответные жалость и соучастие».

Рассуждая о личных предпочтениях, автор статьи далее сообщила: «Если бы меня попросили выделить из поэзии Мхце одно, на мой взгляд, лучшее произведение, оглядываясь и на другие, я тем не менее указала бы на поэму “Воспоминание”. Поэту удалось вплести в нее и то, что вложено в него нашими предками, и лично им взращенные любовь и боль к своему народу. Одна только эта поэма позволяет К. Мхце вступить в мировую литературу».

Завершалась публикация собственным видением перспектив поэзии национального автора: «Пройдут времена, переменятся люди и жизнь, но никогда не исчезнет и не потускнеет красота слова Керима»¹⁹¹.

25 августа 1999 года Мхце стал лауреатом международной премии имени Умара Алиева. Поздравляя его с этим знаменательным событием, представители культурного центра абазин г. Ставрополя подчеркнули: «Мы не сомневаемся, что творчество Керима достойно самых высоких наград мира»¹⁹².

В том же году поэту исполнилось 50. На юбилей профессор В.Б. Тугов откликнулся статьей «Поэзия разума и чувств», в которой со свойственной ученому академичностью четко и лаконично определил основной характер поэзии Мхце: «С его именем связан качественно новый этап развития национальной поэзии. Стихи и поэмы Мхце внешне неброски, не “одеты в яркие поэтические одежды”. Это создает иллюзию безыскусности, абсолютной простоты. Но простота эта сродни пушкинской и обладает такой глубокой философской и эстетической мыслью, что пытается вобрать в себя и выразить сущность многосложного бытия (...). Прозрач-

¹⁹⁰ Чекалов П. Абазинские писатели: библиографический справочник. – Москва, 1996. – С. 47.

¹⁹¹ Шебзухова Л. Слово Керима // Абазашта. – 1998. – 23 июля.

¹⁹² Дагужиева А. и др. Телеграмма // Абазашта. – 1998. – 1 сент.

ная, но неисчерпаемая глубина – вот, вероятно, самая характерная особенность его поэтической индивидуальности». Он же отмечал, что лирика поэта вписывается в художественные искания мировой литературы¹⁹³.

В связи с полувековой датой Мхце опубликовала свою заметку в газете «Экспресс-почта» и М. Тлябичева, но отзыв ее представляется настолько верным и значительным, что хочется процитировать его чуть ли не полностью:

«Сказать, что Керим Мхце большой поэт, что его творчество – удивительное явление в абазинской литературе, – все равно что ничего не сказать. О поэзии Керима говорить трудно, как трудно говорить простым человеческим языком о прекрасной музыке, покорившей нас раз и навсегда (...). Начиная с самого маленького стиха, кончая большими эпическими произведениями, у него все написано на уровне высокого поэтического мастерства, языком настоящей поэзии. Керим Мхце действительно редчайший поэт, у которого каждое слово сияет, излучая свет добра, любви и боли.

Поэт Керим Мхце – уникальная личность. Бог один раз в столетие дарит народу такие самородки. Абазинский читатель давно называет своего любимого поэта “абазинским Пушкиным” (...). Но к этому я бы добавила то, что мастерство Пушкина в творчестве Керима удачно сочетается и с нежной лирикой Есенина, и с мужественным поэтическим стилем Маяковского... Как удалось природе слить воедино этих титанов поэзии, известно одному Богу (...).

Я бесконечно благодарна Богу и своей судьбе, что в одну эпоху, в одном мире и на одной земле живу рядом с удивительным человеком и прекрасным поэтом, имя которого – Керим Мхце. И вновь говорю себе который раз: стоит жить на этой грешной земле, на которую время от времени Бог присылает своих посланцев в лице пророков, святых и поэтов»¹⁹⁴.

Еще ранее в газете «Абазашта» Тлябичева напечатала статью «Мой брат, мой поэт...», из которой нам хотелось бы воспроизвести несколько тезисов:

«Исполненный небывалой человеческой любовью к исчезающему абазинскому народу, явился удивительный поэт Керим Мхце, чтобы этот народ уже никогда не исчез бесследно.

¹⁹³ Тугов В. Поэзия разума и чувств // День республики. – 1999. – 3 июня.

¹⁹⁴ Тлябичева М. «Знать, совесть чистая нужна» // Экспресс-почта. – 1999. – 29 мая.

У Мхце нет ни одного стихотворения, не созвучного твоей душе, не отзывающегося в твоём сердце, не заставляющего задуматься. В мировой поэзии это удавалось только самым великим мастерам, писавшим лучами своего сердца, сплетавшим стихи нитями собственного сердца.

Я не знаю ни одного поэта, с которым можно было бы сопоставить Керима. Как Пушкин является Пушкиным, а Байрон – Байроном, так и Керим Мхце являет собой Керима Мхце.

Поднявший абазинскую поэзию, еще вчера младенцем лежавшую в колыбели, до высот мировой, Керим для нашего народа значит то же самое, что Пушкин для русского. Дай бог, чтобы абазины теперь сумели возвысить своего национального поэта до уровня Пушкина!»¹⁹⁵

Кому-то отзывы Тлябичевой могут показаться неумеренным и незаслуженным славословием. Напомним, что она – профессиональный литератор, выпускница Литературного института, редактор почти всех поэтических книг Керима. Мы полагаем, что она хорошо разбиралась в предмете разговора и вполне отдавала себе отчет о высказываемых оценках.

В том же году в пяти номерах той же газеты под названием «...Часть истории моей жизни» мной был опубликован большой биографический материал Мхце, явившийся результатом беседы с поэтом¹⁹⁶. В публикации «Мелодии поэзии» Б. Хасароков впервые обратил внимание на песенное творчество Керима, на его совместную работу с различными композиторами¹⁹⁷.

Начало научному изучению поэзии Мхце было положено В.Б. Туговым. В книге «Пора размышлений» он несколько страниц посвятил ранней лирике поэта, подверг анализу отдельные его стихотворения, встраивая их в русло общих исканий абазинской и северокавказской литератур¹⁹⁸. После этого отдельные грани поэзии Мхце были затронуты мной в двух научных публикациях, состоявшихся в 1990 году в Грозном и Черкесске: «Традиции Маяковского в абазинской поэзии»¹⁹⁹, «О роли переводов с русско-

¹⁹⁵ Тлябичева М. Мой брат, мой поэт... // Абазашта. – 1999. – 30 апреля.

¹⁹⁶ Чекалов П. «...Часть истории моей жизни» // Абазашта. – 1999. – 28 сентября, 5, 9, 12, 16 октября.

¹⁹⁷ Хасароков Б. Мелодии поэзии // Абазашта. – 2000. – 20 июня. – С. 3.

¹⁹⁸ Тугов В.Б. Пора размышлений. – Черкесск, 1979. – С. 131–133, 140–142.

¹⁹⁹ Чекалов П. Традиции Маяковского в абазинской поэзии // Маяковские чтения. – Грозный, 1990. – С. 85–86.

го в развитии младописьменных литератур»²⁰⁰ – и в монографии «Страницы истории абазинской литературы»²⁰¹.

Через три года в сборнике «Региональное кавказоведение и тюркология: традиции и современность» были напечатаны тезисы доклада А. Дзыба «Керим Мхце. Природа творчества»²⁰², после чего в Санкт-Петербурге, Ставрополе, Пятигорске, Карачаевске я осуществил публикации еще пяти работ: «Об одном стихотворении К. Мхце»²⁰³, «О творческой манере Керима Мхце»²⁰⁴, «Категория времени в поэзии К. Мхце»²⁰⁵, «Трагическое мировосприятие и способы его выражения в поэзии Керима Мхце»²⁰⁶, «Личность и творчество К.Л. Мхце в оценке абазинской литературной критики»²⁰⁷. Весь этот материал впоследствии вошел в книгу «Керим Мхце. наброски к творческому портрету»²⁰⁸, вышедшую в марте 2001 года. Это была первая монография, посвященная различным аспектам поэтического творчества Мхце. В ней же первый сборник Керима рассматривался как средоточие основных мотивов и образов зрелого творчества, затрагивались формальные признаки поэтического стиля, повтор мотивов, мотивы возвращения, уста-

²⁰⁰ Чекалов П. О роли переводов с русского в развитии младописьменных литератур // Литературы народов Карачаево-Черкесии. Концепция художественного развития. – Черкесск, 1990. – С. 112–113, 116–119.

²⁰¹ Чекалов П. Страницы истории абазинской литературы. – Черкесск, 1995. – С. 31–32, 37–39.

²⁰² Дзыба А. Керим Мхце. Природа творчества // Региональное кавказоведение и тюркология: традиции и современность. Тезисы докладов. – Карачаевск, 1998. – С. 75–76.

²⁰³ Чекалов П. Об одном стихотворении К. Мхце // Текст как объект многоаспектного исследования. Сборник статей. Вып. 3. Ч. 2. – СПб. – Ставрополь, 1998. – С. 66–73.

²⁰⁴ Чекалов П. О творческой манере Керима Мхце (на материале сборника «В одном мире») // Этнонациональная ментальность в художественной литературе. Материалы Всероссийской научной конференции. – Ставрополь, 1999. – С. 177–183.

²⁰⁵ Чекалов П. Категория времени в поэзии К. Мхце // Стилистика и культура речи. Межвузовский сборник научных трудов. – Пятигорск, 2000. – С. 117–120.

²⁰⁶ Чекалов П. Трагическое мировосприятие и способы его выражения в поэзии Керима Мхце // Этничность, культура, менталитет. – Карачаевск: КЧГПУ, 2000. – С. 109–120.

²⁰⁷ Чекалов П. Личность и творчество К.Л. Мхце в оценке абазинской литературной критики // Русский язык и межкультурная коммуникация. Научный журнал. – Пятигорск: ПГЛУ. – 2001. – № 1. – С. 168–175.

²⁰⁸ Чекалов П.К. Керим Мхце. наброски к творческому портрету. – Карачаевск: КЧГПУ, 2001. – 102 с.

лости, эволюция и трансформация мотивов пути и путника, образы птиц и собак. В ней же была представлена интерпретация 12 стихотворений поэта.

Завершая обзор публикаций о жизни и творчестве К. Мхце в период с 1994 по март 2001 года, можно прийти к выводу, что абазинская критика и литературоведение осознали масштаб дарования национального поэта и в силу возможностей пытались донести свои открытия до общественности. Возможно, они произвели какое-то воздействие на определенную часть абазинской читающей публики, но основная масса людей осталась безучастной и не прониклась мыслями и идеями, выраженными печатно.

Душевный строй

Юсуф Созаруков, карачаевский поэт, отозвался об абазинском: «Керим был метеоритного происхождения. – И уточнил: – В смысле – не от мира сего» (27).

Керим действительно обладал качествами, которые выделяли его среди современников не только как творческое лицо, но и как личность.

1 декабря 1997 года на встрече со студентами Ставропольского государственного университета поэт сказал: «Я ощущаю в себе природную потребность сострадать людям, нуждающимся в этом». Через полтора месяца почти то же самое он повторил мне в личной беседе: «Я обладаю гипертрофированной болезненной жалостью» (19, 6).

В конце 1970-х М. Шебзухов встретил Керима, когда тот нес еду человеку опустившемуся, жившему в какой-то трубе (29). Бомжей в то время было очень мало, но и столь участливо относившихся к ним тоже было не так много.

Свои воспоминания о Кериме черкесский поэт, прозаик и драматург Юрий Шидов открывал так: «Хорошо помню наше знакомство. Тогда я невольно отметил про себя, что его звучное и краткое, как росчерк молнии, имя так ладно рифмуется с пронзительным словом “*раним*”. Узнав Керима поближе, а со временем и вникнув в глубинную суть его стихотворных строк, я поразился

этому удивительному соответствию. Но ранимость поэта определялась не обыденным понятием, а его душевным строем, как у чувствительной скрипки. Сердце Керима отзывалось прежде всего на боль не собственную, а ту, что витала рядом. Казалось, все людские невзгоды отражались в его светлых глазах глубокой тоской. А в его поэзии тревожным отзвуком отдавалась вся печаль Человечества»²⁰⁹. И Марьян Шенкао подчеркивала: «Нельзя было грубо вмешиваться в его жизнь, он был очень раним» (30).

В связи с этим я вспоминаю такой эпизод. 25 августа 1993 года в редакции газеты «Абазашта» я записал на магнитофон беседу с Керимом (2,5 часа), в основном биографического плана. Когда разговор был завершен, я зашел к А. Джердисовой. Раздался телефонный звонок. Ася подняла трубку, послушала, вышла из кабинета, вернулась, взяла из шкафа что-то и снова ушла. Когда она возвратилась, и цвет лица, и настроение были иными. Она сказала: «Кериму стало плохо. Я на сто процентов уверена, что это ваш разговор на него подействовал. Он все заново пережил. Я у него ничего не выпрашиваю, не заставляю вспоминать, потому что, бывает, он плачет, как ребенок. Слезы прямо текут...» (6, 1).

В радиопередаче «Мое сердце останется вместо меня...» поэт говорил: «Все, кто обрадовал меня когда-либо, остались в моем сердце навсегда; всех обидевших меня, за исключением одного-двоих, – я давно позабыл»²¹⁰. Сестра Марьян отзывалась: «Абсолютно ни к кому никакой зависти не испытывал и всем все прощал. Можно было обидеть его, а через час подойти и обнять» (30).

Кажется, Керим действительно злопамятностью не отличался, но и сахарным барашком тоже не являлся. Абдул Шенкао, брат и самый близкий друг детства и юности, аттестовал Керима так: «Был очень честолобив, хотя никогда этого не выпячивал. Никому ничего не прощал» (33, 1). Абдул, наверно, знал, о чем говорил, и поэт не был столь прост, как мог показаться или хотел казаться.

В связи со сказанным еще один штрих внутреннего порядка. Сия Кнухова, близкий друг поэта на протяжении ряда лет, познакомившись с моей статьей, где Керим соотносился с Есениным, Петраркой, Данте, подчеркнула: «Керим знал, что он неповто-

²⁰⁹ Шидов Ю. Печаль его была светла // Рукопись воспоминания о Кериме. – Архив П. Чекалова.

²¹⁰ Мхце К. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. – Черкесск, 2014. – С. 16.

рим!» (9.10.12). Мне показалось, что она была задета тем, что я его вообще с кем-то сравниваю.

В редакционной статье, приуроченной к сорокалетию поэта, по отношению к нему было использовано скорее лирическое, чем юбилейно-торжественное слово «*нишка*»: мягкий, нежный. Сообщалось и следующее: «В этом году исполняется 19 лет с тех пор, как Керим начал работать в нашей газете. И за все это время не было в редакции человека, который мог бы сказать, что Керим его обидел»²¹¹.

Многие, в том числе и мужчины, с кем приходилось беседовать, отмечали в поэте ту же черту.

Марьян Шенкао: «Чересчур мягким был» (30);

Леся Ионова: «Был очень мягок, очень» (8);

Хадиль Натхов: «По жизни был очень нежным человеком» (25);

Абубекир Шенкао: «Керим был человеком мягким, нежным, но слово его было твердым. Если ты попросил его о чем-то или поручил что-либо, можно было не напоминать: исполнял все в точности» (32);

Мухаммед Хахандуков: «Очень мягким был человеком, но при этом обладал крепким внутренним стержнем» (35).

Любопытен и такой факт. М. Хахандуков, черкесский художник, друг Керима и оформитель нескольких его книг, за год до смерти поэта принялся писать его портрет. Вспоминая первоначальный замысел, он признавался: «Я хотел так: город вдаль, он идет и боится наступить на траву, память ее... Мне хотелось создать не точный портрет, а образ Керима» (35).

«С наивной, почти детской простотой Керим верил, что окружающая жизнь наполнена только добротой, чистыми помыслами и справедливостью. Но с каким порой растерянным недоумением поэт взирал на всяческие мерзости, предательства, черную завистливость и унижительную людскую подобострастность», – вспоминал Ю. Шидов²¹².

М. Шебзухов: «Не было в нем никакого стремления к материальным благам, корыстных целей: урвать, приобрести... Никогда никого за себя не просил» (29);

Ю. Созаруков: «У него было много знакомых, но – никаких связей прагматического характера: он был человеком без блата, без полезных связей» (27);

²¹¹ Слово о нашем товарище // Абазашта. – 1994. – 5 мая. – С. 3.

²¹² Шидов Ю. Печаль его была светла // Рукопись воспоминания о Кериме. – Архив П. Чекалова.

М. Хахандуков: «Он не умел просить за себя, добиваться, использовать какие-то рычаги» (35).

Честность и порядочность Керима также отмечались многими его друзьями и близкими.

М. Шенкао: «Слишком прямолинейный, честный, не умел угождать» (30);

А. Шенкао: «Всегда говорил правду, даже если за это могли убить» (32);

Ю. Шидов: «Керим был во многом наивным и до кристальной чистоты безгранично честным человеком»²¹³.

Как нечто органичное свойственны были ему деликатность, предупредительность, корректность. Вахид Итаев, близко соприкасавшийся с Керимом в студенческие годы, говорил: «Интеллигентность шла от его внутренних миров, она не была натянута им на себя» (10).

И снова характерный эпизод. В октябре 1994 года я по своим делам зашел к А. Джердисовой в редакцию. В кабинете находился Керим. Мы поздоровались, обменялись дежурными фразами, и он вышел. «Догадался, что я тебе нужна, и ушел, чтобы не мешать», – прокомментировала Ася его уход и потом продолжила: «Очень тактичный. Никогда не зайдет, если дверь закрыта» (6, 2).

Еще одна внутренняя черта поэта: «Чувство собственного достоинства в Кериме было развито очень сильно со школьных лет и до конца жизни. Он никогда ни перед кем не опустил головы, не согнул колен» (38). Это качество отразилось и в одном из его программных стихотворений «Земля, на которой я родился»: «НчвакI йпахьгьи схъа гьнасмьркъвытI» – «Ни перед одним божеством головы не склонил».

Несмотря на различные житейские невзгоды, болезни, недостаточность средств к существованию, никогда не жаловался, не предавался унынию, стойко переносил все трудности.

Х. Натхов: «Ни разу я не видел его в плохом настроении» (25);

М. Шебзухов: «На людях никогда не проявлял ничего пессимистического, шутил, веселился» (29);

И. Капаев: «Керим никогда не жаловался на жизнь» (11);

²¹³ Шидов Ю. Печаль его была светла // Рукопись воспоминания о Кериме. – Архив П. Чекалова.

Ю. Созаруков: «Он не расстегивал душу. Я не помню случая, когда бы он на что-либо пожаловался. Я всегда узнавал о его тяжелом положении от других. Он не любил говорить о таких вещах» (27);

Ю. Шидов: «Керим как незаурядная личность и сильный духом человек всегда переносил мужественно, без истерик и зубовного скрежета все мелочные обиды, да и свои физические недуги. Ко всему подобному Керим относился со свойственной ему снисходительной улыбкой мудреца. Он будто извинялся за низменные слабости других и страдания родных, доставляемые им его собственной смертельной болезнью»²¹⁴.

И сам поэт признавался: «Никогда не унываю – даже в самые критические моменты. Даже – когда был в Абхазии. Какой из меня вояка? Но я и на передовой бывал, и в окопе сидел, и самолеты над нами летали, но я не падал духом, воевал, стрелял...» (19, 6).

В своих воспоминаниях Ю. Шидов затронул еще одну грань творческой личности Мхце: «Керим Леонидович, с рождения наделенный душой лирика, все же не мог позволить себе жизнь свободного художника. Он, как творческий человек, работая в газете, полностью отдавался публицистике и исполнял свои обязанности с большой ответственностью. Керим дорожил службой, понимая, что национальная газета – это прямой путь к сердцам простых соплеменников. Очень часто я заставал его в редакционном кабинете в выходные дни. В сигаретном дыму, в одиночестве он правил очерки и статьи, как свои, так и коллег-журналистов. Ни для кого не секрет, что уйму времени Керим уделял и правкам поэтического творчества братьев по перу. Он никогда не гнушался вкладывать свою душу в иногда не совсем совершенные стихи младших и старших товарищей. Но такая помощь зачастую скромно умалчивалась его подопечными. Сам же поэт об этом не распространялся. Я как-то спросил его, зачем он с таким тщанием трудится над чужими строками.

– Но ведь мы же люди одного цеха, – с улыбкой взглянул на меня Керим, – как рысаки одного табуна. И если у кого-то сбивается шаг, то выглядит это не совсем эстетично. Вот я по мере своего умения и стараюсь привести в порядок наивный слог собратьев.

²¹⁴ Шидов Ю. Печаль его была светла // Рукопись воспоминания о Кериме. – Архив П. Чекалова.

Не хочу, чтобы наша поэзия у кого-то вызывала снисходительную ухмылку»²¹⁵.

В. Тугов отмечал естественность поведения поэта: «Меня всегда в нем поражало одно: в нем не было рисовки. Он не лукавил никогда. Никогда!»²¹⁶

«Сколько мы знали друг друга, я ни разу не видел, чтобы он нервничал, кричал или повышал голос, – вспоминал В. Чикатуев. – Он мог проявлять свои эмоции только тогда, когда читал свои прекрасные стихи»²¹⁷.

Однажды жители Старо-Кувинска отказались от того, чтобы их дети изучали в школе абазинский язык. Аргументом для них являлось то обстоятельство, что «дальше псыжского моста он им не понадобится». В связи с этим была образована комиссия, куда включили и Мхце. После посещения аула Умару Кишмахову Керим запомнился таким: «Ни разу я не видел, чтобы он выходил из себя, как в тот раз. “Подумать только: абазины не хотят изучать собственный язык!..” Он буквально горел! Я думал, у него сердце остановится!..» (13).

«Готов был душу выложить за всех и каждого, – говорила Марьян о брате. – Если знал, что может оказать кому-то помощь, лег бы, умер, но выручил бы» (30). «Когда от него зависело что-то, – подтверждал и Созаруков, – я не помню случая, когда бы он этого не выполнил» (27). «Керим во вред собственному делу много времени уделял другим. Он не умел отказать, не мог сказать «нет». Многие злоупотребляли его мягкостью и безотказностью» (8). И А. Мхце подчеркивал: «Они пользовались его добротой. Его просили, зная, что он отказать не сможет. И он уступал очередь на квартиру, на издание книги...» (21).

Тот же Али отмечал: «Так, как читал свои стихи Керим, никто другой воспроизвести не сможет» (21). «Читал очень проникновенно, – говорит и Л. Ионова. – Когда он бывал у нас, закрывал глаза и произносил: “Асы гласитI, асы гласитI...” – я чувствовала, как на меня падает снег» (8).

Для передачи восприятия стихотворения «Абазиния» в авторском исполнении У. Кишмахов использовал мощное и в высшей

²¹⁵ Шидов Ю. Печаль его была светла. – Рукопись воспоминания о Кериме. – Архив П. Чекалова.

²¹⁶ Запись телепередачи «Звезда, погасшая в полете». – Архив О. Мхце.

²¹⁷ Запись телепередачи «Звезда, погасшая в полете». – Архив О. Мхце.

степени эмоциональное сравнение: «Будто раскаленными прутьями ударяют по твоему обнаженному сердцу!..» (13). И М. Хахан-дуков считал: «У него были великолепные ораторские способности, умел захватывать аудиторию. Я с ним принимал участие в нескольких выступлениях, знаю. Однажды Керима пригласили в Пятигорскую телестудию. Его выступление котировалось на уровне центрального телевидения: спокойное, естественное поведение, грамотная, содержательная речь... Его слушали. Стихи он мог читать в любое время суток и в любом состоянии. Память у него была отменная» (35).

«Когда бывал в ауле, всех обходил, всем уделял внимание, никого не забывал. За это его и любили. “Марьянка, я в аул перееду! Вот увидишь, если не перееду!” – частенько повторял в последнее время» (30). И Абдул вспоминает: «Очень любил аул и до последнего мечтал иметь там свой дом с приличными условиями, чтобы можно было спокойно предаваться творчеству» (33, 2). О том же свидетельствует и М. Шебзухов: «В последние годы говорил о том, что хочет уехать в аул, жить там и писать. Но никто из нас не обладал такими средствами, чтобы предоставить ему такую возможность» (29).

Ю. Шидов отмечал в поэте и черты, характеризовавшие его как творческое лицо: «Для Керима мир не очерчивался резкими границами, он был способен видеть, слышать и ощущать его полутона... Я уверен, все, кто хорошо знал Керима Мхце как гражданина и поэта, отмечали главную черту его характера: *обостренное чувство сыновней нежности к истории и судьбе абазин*. Он возродил в душе народа память об отчем крае, назвав его в своих бессмертных стихах *Абазинией*. Тем самым Керим стал одним из тех, кто всколыхнул в сознании абазин священные чувства патриотизма, самоуважения, гордости за славные деяния своих достойных пращуров»²¹⁸.

²¹⁸ Шидов Ю. Печаль его была светла // Рукопись воспоминания о Кериме. – Архив П. Чекалова.

О времени и о себе

В октябре 1987 года в набросках к выступлению перед жителями аула Псыж Керим писал: «Поверьте, у меня в мыслях нет зарабатывать с помощью поэзии или добиваться признания. Я хочу лишь одного: принести хоть крупицу пользы своему народу. Только в таком случае я буду считать свою жизнь не зря прожитой»²¹⁹.

В радиопередаче «Мое сердце останется вместо меня...», прозвучавшей в эфире в 1991 году, поэт признавался: «Говорю без тени сомнения: я не совершил и сотой доли того, на что был способен»²²⁰. В последнем интервью корреспонденту республиканского радио Х.-И. Аджибекову 15 марта 2001 года эта же мысль прозвучала в иной вариации: «Если из тех грандиозных планов, которые я ставил перед собой в начале творческого пути, я выполнил хоть одну сотую, я буду удовлетворен»²²¹.

Поясняя причины произошедшего или, вернее, того, что не состоялось, поэт говорил: «Случалось, меня одолевала лень, бывало, что я отодвигал в сторону главное призвание моей жизни и увлекался никчемными, мелочными делами. Но основной причиной я все-таки считаю следующее: нередко я убеждался в том, что мои занятия литературой, то, ради чего явился я на свет, в моих глазах теряло смысл. Я осознавал: ни страна, ни общество, ни один представитель моего народа не нуждается в моей поэзии. Я видел, что дорога правдивого, идущего из сердца слова перекрыта. Видел, что дела тех, кто обманывает, виляет перед вышестоящими инстанциями, раболепствует, идут в гору, и они живут припеваючи. Видел, что ни на что не способные, не отягощенные интеллектом люди занимали руководящие посты только благодаря тому, что в свое время окончили ВПШ (Высшую партийную школу. – П.Ч.), а люди мужества и чести, что в тысячу раз были умнее тех, оказывались невостребованными»²²².

Когда 25 августа 1993 года в беседе я затронул проблему издания книг, Керим сказал по этому поводу: «Поэт и писатель должен иметь возможность выпускать то, что им создано,

²¹⁹ Мхце К. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. – Черкесск, 2014. – С. 70.

²²⁰ Мхце К. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. – Черкесск, 2014. – С. 11.

²²¹ Запись интервью К. Мхце корреспонденту республиканского радио Х.-И. Аджибекову 15 марта 2001 г. – Архив П. Чекалова.

²²² Мхце К. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. – Черкесск, 2014. – С. 11.

потому что он пишет не для себя, не для жены, его творения являются не средством самоудовлетворения. Автор хочет донести до народа свои мысли, поделиться раздумьями, вызвать какой-то отклик, призвать к чему-то. Раз так, то все написанное им должно сразу доходить до людей. Но таких возможностей у нас нет и, по всей вероятности, не будет. К слову: чтобы выпустить рукопись моих стихов, что лежит сейчас в издательстве, я должен заплатить около миллиона рублей²²³. Собственную книгу я должен издавать на собственные средства. У меня таких денег нет.

– Тебе не жалко себя, что попал в такое время?

– Случается, что и жалею. Но жалею не только потому, что не выпускают мою книгу, но и потому, что мне не удастся сделать для своего народа то, что я смог бы сделать.

– Ты вступил на творческую стезю в тот период, когда мы боролись за коммунизм. Какой след оставило это время в твоей житейской и творческой судьбе?

– (Усмехается.) Среди тех, кто боролся за коммунизм, находился и я. Меня воспитали пионерия и комсомол. Молодым, еще во время службы в армии, я вступил в партию (коммунистическую. – П.Ч.), являлся секретарем комсомольской организации роты... Всей душой и сердцем верил я в светлое будущее, что наша страна – лучшая в мире, что наш путь развития (социалистический. – П.Ч.) – самый верный и справедливый. И сегодня я не хочу, подобно многим, порочить и оплевывать советское прошлое. Я не собираюсь перечеркивать все то хорошее, что было связано с той эпохой. Если бы моя жизнь выпала на нынешнее время, вполне возможно, что и то небольшое, что я создал, не увидело бы света, и мы с тобой не сидели бы сейчас и не обсуждали мои книги. За это я признателен советской власти.

– Она позволила реализовать твой творческий потенциал?

– Нет! Нет! Она не позволила этого, но дала возможность не умереть и вырасти. Для полной реализации того, что было заложено во мне, меня нужно было воспитать и содержать примерно как большинство русских классиков, чтобы я, кроме учебы и творчества, больше ни о чем не думал. Вот тогда я смог бы сделать все, на что был способен. Но я не в претензии. Страна была такая.

²²³ Речь идет о рукописи книги «В миг полулета-полусосени».

Время было такое. Нужно было вместе со всеми делать то, что они делали. И сейчас я занят тем же. А на прошлое я не хочу ни клеветать, ни расхваливать. В целом я доволен. (...)

Творческий человек должен быть свободен во всем. Во всем! Нельзя к нему подходить с мерками: это подойдет, это – не подойдет. Нельзя с ним обращаться как с ребенком: не наступай в лужу, не стой там, не делай этого!.. Такая чрезмерная опека мешает творческому лицу, особенно поэту, выполнить свою миссию. Для меня основные трудности того времени были связаны с этим. (...)

Однажды после того, как я сказал обкомовскому работнику, кто он на самом деле (было такое дело), меня сюда не впускали. (Наша беседа проходила в редакции газеты “Абазашта”. – П.Ч.) Мне сказали: “С тех пор, как существует эта газета, ни один из наших людей с членами обкома не разговаривал так, как ты. Как ты посмел?! Пока не исправишь того, что напортачил, не подходи сюда близко!” Это тоже часть истории моей жизни. Моя партийная карточка и сейчас лежит в ящике моего стола, могу показать, если хочешь. Туда вписан выговор. И помимо того было, когда меня учили тому, как нужно правильно жить, мыслить²²⁴. Но я не смог измениться, остался тем же, кем и был. И не потому, что я сам по себе такой хороший и умный. Нет. Просто для этого нужно было родиться заново. Моя жизненная философия такова: если тебе удастся помочь человеку, окажи эту помощь; если не удастся, – не мешай, не вреди ему.

– Тебе не кажется, что лирический герой твоих произведений, особенно последних лет, несколько приbedняется?

– Кажется. Но, если быть точнее, дело тут не в том, что он приbedняется. Это является следствием того, что сердце мое выплывает, когда я думаю о будущем своего народа. Основная причина состояния героя определяется тем, что он, как и я, не уверен, сохранимся мы или не сохранимся. Если когда-нибудь наша дорога станет светлее, если придет убеждение, что мы еще проживем,

²²⁴ Пройдет еще совсем немного времени, и отношение поэта к коммунистическому прошлому и демократическому настоящему проявится значительно радикальнее: 18 октября 1998 г. в органе коммунистов КЧР «Прометей» он публикует стихотворение с заключительной строфой: «...Но откуда ее лжемессии / Не успели, предавши, продать, / Коммунисты, спасите Россию, / Ибо нечего будет спасать!»

не покинем этот мир, то и строй моих стихов изменится соответственно²²⁵.

– На сегодня у тебя шесть изданных сборников²²⁶. Какой из них тебе больше всего нравится?

– (Смеется.) Ни один не нравится. Ни одним я не доволен. Более-менее сносными мне представляются книги, начиная с “Водном мире”²²⁷. Вышедшие ранее я даже за стихи не считаю, они являются ученическими. Если бы меня спросили: “Какое свое стихотворение ты считаешь лучшим?”, я бы ответил: “То, что еще не написано”. В этом нет ничего нового, но, если я не буду уверен в том, что мое последующее произведение окажется лучше того, что уже создано, я не смогу писать. Это не значит, что последующее обязательно будет лучше, но я должен верить в это, чтобы творить²²⁸.

– Как ты оцениваешь собственное творчество? Как видится тебе то, что создано тобой в абазинской поэзии?

– Сразу хочу сказать: я никогда не считал и сейчас не считаю себя чем-то значительным. Но то, что я пишу, и то, чем я занимаюсь, как мне кажется, хоть кому-то понадобится. Эта мысль придает мне силы и заставляет работать. Литература одним гением не создается, будь он даже таким, как Лев Толстой. Но и здесь... чуть-чуть... так, немного... капельку, мне кажется, удалось сделать. Объяснить сейчас это я не смогу. Думаю, что и никто другой сейчас это не сможет. Понадобится время, довольно много времени, чтобы люди осмыслили. Я не считаю свои стихи лучше стихов другого поэта. Упаси бог от такого сравнения. Но то небольшое, что мне удается, я делаю от души. Я так полагаю. И покуда я буду жить на этой земле, я буду думать так.

– Какие творческие планы у тебя на будущее?

– Это не секрет, и ни от кого не скрываю: буду работать безостановочно. Когда-то я шутя говорил: если я окажусь на необитае-

²²⁵ Через два с небольшим года по этому же поводу Керим сказал следующее: «У меня сейчас настроение подавленное... Я никогда не считал перспективы нашего народа заманчивыми, но теперь они стали вообще катастрофическими. Особенно осознал я это во время последней подписной кампании. Ни в твоей газете, ни в твоей книге никто не нуждается. И это оптимизма не прибавляет» (19, 5).

²²⁶ На время беседы (август 1993 г.) так оно и было.

²²⁷ «В одном мире» – четвертая книга поэта, вышла в 1979 году.

²²⁸ 24 декабря 1987 г. Керим на эту тему высказался так: «Когда мне покажется, что следующая моя книга не лучше предыдущей, – я брошу писать. Честно. Уйду коров пасти».

мом острове и пойму, что не выберусь оттуда и мои стихи никогда не дойдут до людей, ради чего тогда писать? Теперь не то что на необитаемом острове, даже если меня заключат в подземелье, не оставлю поэзии, буду писать. Это потому, что я верю: ничто бесследно не уходит. Поэзия – дело хорошее. Это любовь человека к миру. Я не верю, что ее дух, ее сияние когда-нибудь исчезнут» (19, 3).

Хроника последних лет

25 мая 1995 года Керим был назначен заместителем редактора газеты «Абазашта», но, проработав на этом посту всего один год и семь месяцев, он написал заявление: «Прошу освободить меня от должности заместителя главного редактора и, если это возможно, перевести в отдел культуры (по моей специальности) на любую должность, включая и должность младшего литсотрудника. Это заявление продиктовано моими нравственными принципами. 5 января 1997 г.»²²⁹

Уже на следующий день вышел приказ: «В связи с производственной необходимостью, связанной с улучшением работы отдела культуры редакции, а также учитывая личную просьбу Мхце К.Л., освободить его от обязанности заместителя главного редактора и перевести на прежнюю должность – редактор отдела с 6.01.97 г. (Имеется заявление Мхце К.Л. в личном деле.)»²³⁰

Обычно с такой должности по собственному желанию не уходили. Причины, побудившие поэта пойти на такой шаг, по всей видимости, крылись не в пресловутом «не сработались», а имели морально-этическую основу, на что указывает последняя приписка: «*Это заявление продиктовано моими нравственными принципами*». Зная характер Керима, можно не сомневаться, что одного этого мотива для него было вполне достаточно для принятия соответствующего решения. Общий стиль заявления, готовность перейти на любую должность, «включая и должность младшего литсотрудника», позволяют сделать вывод о том, что поэтом двигала и какая-то личная обида.

²²⁹ Заявление хранится в личном деле К.Л. Мхце в редакции газеты «Абазашта».

²³⁰ Приказ № 2 от 6.01.97 г. по редакции газеты «Абазашта».

Такой демарш, разумеется, не мог не задеть самолюбия редактора. В ответ он стал относиться к Мхце просто как к штатному работнику без учета масштаба личности последнего и заслуг его перед национальной поэзией. Вероятно, следствием установившихся отношений явился появившийся через три месяца приказ: «За употребление спиртных напитков 6 марта в рабочее время редактора отдела Мхце Керима Леонидовича на первый случай ставлю на вид. Предупреждаю: отныне ни один случай нарушения правил внутреннего распорядка не будет проходить ненаказанным, будут приниматься все меры в соответствии со статьями КЗОТа...»²³¹

В те годы я работал в Ставропольском государственном университете и среди прочих учебных предметов вел курс по литературе народов Северного Кавказа. В рамках этой дисциплины 1 декабря 1997 года я пригласил Керима в Ставрополь для встречи со студентами филологического факультета, а заодно вечером – и с абазинской диаспорой города. Все сложилось удачно, встречи состоялись, и, кажется, все остались довольны. Я возвращался домой с Мурадином Кунижевым, в свое время окончившим сельскохозяйственный институт, долгое время работавшим в Институте овцеводства и козоводства, человеком, в общем, далеким от поэзии. Так вот, он тогда высказал несколько тонких наблюдений относительно мотива страдания в стихах поэта и сообщил, что в какой-то момент во время чтения стихов Керимом у него вдруг навернулись слезы и он вынужден был наклонить голову, чтобы не выдать своего волнения. На следующий день позвонила Клара Аганова и сказала: «Я не представляла, что наш язык так богат звуками, интонациями и мыслями».

В июне 1998 года К. Мхце было присвоено почетное звание «Народный поэт Карачаево-Черкесской республики». На самом торжественном мероприятии по вручению удостоверений в Доме правительства Керима не было, и есть основания предполагать, что он несколько скептически относился к данной награде. Во всяком случае, через месяц с небольшим поэт высказался по этому поводу: «По чьему-либо указу народными поэтами не ста-

²³¹ Приказ № 10 от 7.03.97 г. по редакции газеты «Абазашта».

новятся. Значение каждого из нас определится только после того, как мы покинем этот мир»²³².

11 ноября в редакции газеты вышел очередной приказ, непосредственно касавшийся Керима: «За пьянку 19 октября с.г. на рабочем месте, прогул, допущенный 29 октября с.г., за появление затем на работе после обеда в нетрезвом состоянии, невыполнение своих прямых обязанностей редактора отдела культуры Мхце К.Л. лишить премиальных по итогам за IV квартал 1998 года»²³³.

Напряжение, возникшее между поэтом и редактором, возросло, и нужно сказать, что Керим давал поводы для того, чтобы быть им недовольным. То, что раньше не замечалось и прощалось в знак уважения к таланту, теперь обретало протокольно-канцелярский характер.

28 апреля 1999 года, накануне своего пятидесятилетия, Мхце написал заявление на имя главного редактора: «Прошу Вас предоставить мне очередной трудовой отпуск за 1999 г. с 5 мая с.г. Обязуюсь за время отпуска наверстать невыполненный мной по причине затянувшегося обострения моей болезни план работы. В случае невыполнения данного обязательства прошу это заявление рассматривать как заявление об увольнении по собственному желанию»²³⁴.

В ответ через два дня вышел приказ, отчетливо расставлявший все точки над «і»:

«1. В связи с переходом на другую работу, по причине которой собкор редакции Мхце Керим Леонидович длительное время не справляется с возложенными на него обязанностями:

а) начиная с 1 марта с.г. зарплату ему начислять из расчета написанного им количества строк,

б) не начислять премиальные по итогам за первый квартал (данные по месяцам ниже приводятся),

в) согласно заявлению Мхце К.Л. уходить в отпуск с 5 мая с.г. при выведении среднемесячной зарплаты март и апрель не включать в перерасчет,

г) вместо положенной материальной помощи в размере месячного оклада во время отпуска начислить ему 50%.

²³² Наше место – рядом со своим народом // Абазашта. – 1998. – 28 июля. – С. 3.

²³³ Приказ № 43 от 11.11. 98 г. по редакции газеты «Абазашта».

²³⁴ Заявление хранится в личном деле К.Л. Мхце в редакции газеты «Абазашта».

2. Если обещания, данные администрации и коллективу, не будут выполняться, Мхце К.Л. после отпуска будет освобожден от работы либо согласно заявлению, либо по приказу, после чего по его желанию можно будет заключить договор на полугодие или на квартал с тем расчетом, чтобы ему выплачивали только за тот объем, который он выполнит.

3. Мхце К.Л. сам себя изолировал от коллектива. Отдавая дань уважения его таланту, учитывая, что 5 мая с.г. ему исполняется 50 лет, коллеги терпеливо относились к тому, что он стал писать от случая к случаю. Постоянно его работу выполняют другие сотрудники, беря на себя лишнюю нагрузку. Это вызывает в коллективе нервозность и возмущения. За последние четыре месяца им написаны всего 1584 строки (меньше, чем полумесячный план: январь – 640, февраль – 313, март – 393, апрель – 238 строк).

4. За 4 месяца Мхце К.Л. в редакцию не представил ни одного больничного листа, хотя он все время ссылается на состояние здоровья»²³⁵.

Таким образом, условия дальнейшего сотрудничества с газетой были определены заблаговременно, и, по всему, редактор отступить от своих слов не был намерен.

Керим ушел в отпуск, и в тот же день ему исполнилось 50²³⁶. Родная газета откликнулась на это событие публикацией подборки из пяти стихотворений поэта, заметки Ф. Апсовой «Сердцем протягиваю тебе все цветы» и статьи М. Тлябичевой «Мой брат, мой поэт...». Она же в русскоязычной газете «Экспресс-почта» поместила другую статью, «Знать, совесть чистая нужна», а профессор В.Б. Тугов в главной республиканской газете напечатал очерк «Поэзия разума и чувств». Их содержания мы касались в последнем обзоре публикаций о жизни и творчестве Мхце. Газета «Курьер» отвела целый разворот стихам Керима, переведенным на русский язык или написанным им на русском языке. Стихи перемежались авторскими признаниями, одно из которых хотелось бы воспроизвести: «Я лиру посвятил”... Нет. Не то. Едва бес не попутал на столь соблазнительном плагиате. Ничему никакой лиры не посвящал. Просто жил и дышал. Грешный, бродил среди

²³⁵ Приказ № 21 от 30.04.99 г. по редакции газеты «Абазашта».

²³⁶ В связи с этим событием редактор распорядился для проведения творческого вечера Мхце выделить председателю профкома А.Х. Курумбаеву из средств редакции 500 рублей. – Приказ № 18 от 5.04. 99 г. по редакции газеты «Абазашта».

грешных людей по грешной земле. Как кокетливо любят повторять поэты, “радуясь и страдая, смеясь и плача”. Человек, покуда он жив, излучает тепло. Таким моим “излучением” и является моя поэзия. Если она хоть немного согрела чью-нибудь затерявшуюся в этом холодном мире душу, значит, я и вправду жил»²³⁷.

Тогда же возникла идея проведения юбилейного творческого вечера, но на эти дни выпали выборы президента Карачаево-Черкесской республики, из-за которых резко обострились отношения между карачаевцами, с одной стороны, абазинами, черкесами, с другой. Республика оказалась на грани войны, в накаленной общественно-политической ситуации было не до торжеств, и с ними решили повременить.

Тем временем отпуск закончился. Нужно было выходить на работу и представлять обещанные материалы. По всей вероятности, этого не случилось. И тогда последовал немногословный и бесстрастный приказ редактора газеты, датированный 3 июня 1999 года: «Соброра редакции газеты “Абазашта” МХЦЕ КЕРИМА ЛЕОНИДОВИЧА освободить от занимаемой должности с 3 июня 1999 г. согласно поданному заявлению от 28.04.1999 г.»²³⁸

По странному стечению обстоятельств через неполных три месяца, 25 августа того же года, за вклад в развитие абазинской литературы Керим стал лауреатом премии имени Умара Алиева. На вопрос Т. Тохтауловой, корреспондента газеты «Курьер», какие еще премии приходилось получать поэту в жизни, тот ответил: «Если не считать квартальных в редакции абазинской газеты (...), то никаких. Эта – первая. И если она окажется и последней, я не буду считать себя обделенным: мне и ее достаточно»²³⁹.

И здесь необходимо сказать следующее.

За год до этого, 27 июля 1998 года региональным управлением Роскомпечати по КЧР была зарегистрирована газета «Курьер Карачаево-Черкесии», учредителем которой выступил Азамат Туков. В качестве редактора он пригласил Мхце, и уже через три недели, а именно 19 августа 1998 года вышел первый номер двенадцатиполосной газеты. Второй номер вышел 9 сентября, тре-

²³⁷ «Тому, что жил, я удивлюсь...» // Курьер Карачаево-Черкесии. – 1999. – Май. – С. 6–7.

²³⁸ Приказ № 29 от 3.06.99 г. по редакции газеты «Абазашта».

²³⁹ Тохтаулова Т. В услужение святому братству // Курьер. – 1999. – 9 сентября. – С. 2.

тий – 30 сентября...²⁴⁰ Понятно, что работа над «Курьером» требовала много времени, сил, напряжения, а Керим еще официально являлся заведующим отделом культуры газеты «Абазашта»... Неудивительно, что он не успевал выдавать в абазинскую газету необходимое количество строк. Любопытен и тот факт, что первые номера «Курьера» формировались в кабинете Керима при редакции абазинской газеты. И то, что он 28 апреля 1999 года пошел ва-банк, практически написав заявление об уходе, говорит о том, что дальнейшую свою работу он связывал с Туковым и его газетой. Но, к сожалению, его надежды не оправдались: стабильной заработной платы у него не было, а зачастую не бывало никакой. Учредитель кормил обещаниями, но ничего не менялось.

Работа в «Курьере» имела еще одну неприглядную сторону: она сочеталась с почти открытым употреблением спиртных напитков. М. Хахандуков по этому поводу говорил: «Туков эксплуатировал талант журналиста Мхце. Но это полбеды: зачем нужно было спаивать? Я видел, когда заходил: на столе бутылка водки, Керим наливает стакан, выпивает и – никакой закуски. Даже водой не запивал. Как это можно? Кстати, он почти никогда не закусывал. Мы ругали его за это, но он в этом плане не менялся. Это, конечно, подрывало его и не столь крепкое здоровье» (35).

Об этой черте – почти не закусывать – существуют и другие свидетельства. Л. Ионова: «Много курил, много пил, а еда остывала на столе» (8); А. Шенкао: «Вообще ел мало. Даже если стол ломится, притронется только, попробует то, это – и все. А пил наравне со всеми. Это его и погубило впоследствии. Здоровье у него было отменное от природы, но стрессы, алкоголь, табак, неустойчивость подорвали его» (33, 2).

По словам Олеси, дочери поэта, в последнее время обычную норму курения Керима составляли две с половиной пачки сигарет в день, хотя и с фильтром, но некрепкие он не признавал (23).

В 20-х числах июля 2000 года Керим с прободением язвы желудка оказался в республиканской больнице. Организм был ослаблен и истощен, поэтому понадобилось капельницами поддерживать и подготовить его к операции. По словам М. Кишмахова, когда доктор начал осматривать Керима, тот сказал ему: «Не утруждай себя, я и так и так не жилец» (12).

²⁴⁰ Именно эта работа редактора «Курьера» имела в виду в приказе по редакции газеты «Абазашта» от 30.04.99 г.: «В связи с переходом на другую работу...».

Понадобилась донорская кровь, и на станцию переливания крови пошли дети Артур и Олеся, сестры Люба и Люда, пришли на помощь коллеги из редакции газеты... Получилось так, что Кериму перелили кровь, взятую у дочери Олеси, и он был рад такому обстоятельству. 27 июля хирург Мухарби Татаршао успешно провел операцию, и впоследствии Керим посвятил ему шутивное стихотворение.

Выписывали Керима из больницы 7 августа. Рядом находились родственники, суетились вокруг него, а он сказал: «Сегодня день рождения мамы».

Неизвестно, когда вышел последний номер газеты «Курьер»: то ли во второй половине 1999-го, то ли в первой половине 2000-го. Газета закрылась, и Керим вообще остался не у дел. Ко всем его бедам прибавилось и вынужденное безделье. Было от чего прийти в отчаяние. Но это было не все. «В последние годы чувствовалось некое разочарование в жизни, – говорил о Кериме М. Хахандуков. – Он ощущал свою невостребованность как поэт» (35).

Творческие люди обречены на непонимание большинством. Это общий закон. Исходя из него, Ю. Созаруков размышлял таким образом: «Возьмем 35 тысяч абазин. Что это такое? Мизер. А какой процент среди них читающих? А сколько из них понимающих поэзию? Ноль целых ноль десятых?.. Конечно, это не могло не угнетать его. Это была его трагедия! Личная жизнь его тоже – драма. Он так до конца не определился в этом вопросе. Драмой для него было и то, что его пожелания миру встречались с реальным сопротивлением мира и людей, окружавших его. Серость не позволит выделиться кому бы то ни было. Трагизм положения сказывался и в том, что Керим как творческий человек обязан был быть лояльным к власти, взамен чего она предлагала кормушку в виде публикаций, изданий книг, гонорара и других льгот. Но чаще всего к кормушке придвигались серые, бездарные люди и перекрывали подступы к ней другим. Они завладевали чиновными постами и командовали в силу своих узких корыстных интересов и мешали творческому лицу раскрыться в полной мере. Все это в совокупности и определяло трагизм положения Керима» (27).

Можно предположить, что именно в эти дни смертельной тоски появилось четверостишие Керима на русском языке:

Как печальный жид,
 для которого смерти страданье
Стало сладкой мечтою жизни,
Я, пустив свой челн
 по слезе мироздания,
Тоскую давно по собственной тризне.

О мироощущении, самочувствовании поэта в этот период красноречиво свидетельствует и стихотворение, в котором он соотносил себя с огородным пугалом:

ГапныпІ. Адуней гІаннакІылуа АкьагІара-бажвра швгІайгва! Апыпха ауатра йтагыла ЙарыхІитІ акьанджъа пскІьаква.	Весеннее буйство в природе, Лазурью покрыт небосклон; А пугало на огороде Гоняет крикливых ворон.
ПхынхатІ. АгІайыраква ркьуатра УархІвапсушта агІа йнадзатІ. Апыпха йтагыла ауатра Гватшныта йырхъпшылитІ ауат.	Несет разноцветное лето Богатство созревших плодов; У пугала отдыха нету, Он – сторож, ему не до снов.
ДзынхатІ. АтшыгІвра гІацІаргахын Йымцыру ауатра тшпснацитІ. Ауаса ачгІвычатІакІв хахын, Апыпха тшаруышвуа йчІапцитІ.	По осени весь до полоски Убрали с полей урожай; Но пугало в рваных обносках Не спит, под ветрами дрожа.
Саргы, сшатахъыхым збауата, Ауаса сзамайжъауа скърар, Йымцырахаз абаза уатра Сыгвъаджъуа стагылапІ абар.	И я в этом мире не взыскан; Но, честь (Перовия А.С.Богомаги) Средь стылой земли абазинской, Как в стихотворении метафориче-

Поэт подводил итоги не только в литературном, метафорическом смысле, но и буквально. Он ощущал, что наступили последние дни его жизни, и – прощался:

Щта, сарысастІ саргы
Ари адуней хъшвашва...
СамкычІдзаскІва ауи

ЙалсыргитІ сара сашва.

ЛахъвГІахъасраКІ ахІа
ЙыгънуцІуашым – угъжважва!..
ШвГІай, йГІашвмахвын духІа, –
ЙалсыргитІ сара сашва.

ЙыгъсымфатІ заджвы йхъвы,
ЙыгъсымчпатІ гІвыбжа унашва..
ЙамазТІ – йамамызТІ хвы, –
ЙалсыргитІ сара сашва.

Йыгъсыздырам швхъа йту,
Са суаГІа йыбагъашва..
ЙыгІалымстІ сгвала швсату, –
ЙалсыргитІ сара сашва.

Ага ншушзапІ уыжвгы,
ЗакІзаджвыкІгъи нымшазшва..
СрылцІын бзигъи чвгъагы,
ЙалсыргитІ сара сашва.

Вот и я погостил
В этом мире чудесном.
Пусть он к ночи остыл, –
Я сложил свою песню.

Жизнь стрелой пролетит,
А куда – неизвестно;
Но не надо молитв, –
Я сложил свою песню.

Я чужого не брал,
Жил по совести, честно.
Хоть я не идеал, –
Я сложил свою песню.

Мой печальный народ,
Ты прости меня, если
Твой не сбился расчет, –
Я сложил свою песню.

И не жаль, что пора
Стать мне пылью небесной.
В мире зла и добра –
Я сложил свою песню.

Тем временем снова возродилась идея (Феодора А. Творчак)го вечера Мхце. Инициировали ее Р.М. Хужев и Д.К. Лагучев, потом ее подхватила группа людей во главе с Умаром Кишмаховым и Эдвардо Озовым. Они и взяли на себя всю тяжесть организации и проведения вечера. Дату сдвигали несколько раз и остановились на 17 марта. Потом Умар предложил: «Ну что такое 17 марта? Ни туда, ни сюда! Давай 5 мая, в день твоего рождения!» И тогда Керим сказал: «Если хотите провести, проводите сейчас. До своего дня рождения я могу не дожить» (12). Поэта пожурили за пессимизм, но дату больше не переносили.

23 февраля я был в Черкесске. Позвонил Кериму и пригласил его в Ставрополь для встречи со студентами. «Поеду когда захочешь», – с готовностью откликнулся он. «Хорошо: заедем за то-

бой, заберем и привезем обратно». Керим засмеялся: «Увезите, но не привозите» («Сыжвгата сГажвымгхын»)..²⁴¹

В этот день только я узнал о готовящемся мероприятии. «Мне хотелось бы поделиться с земляками, для чего жил на свете, что я хотел свершить», – озвучил Керим тогда главную для себя цель.

Новость взбудоражила меня, хотелось принять какое-то сильное участие во всем этом. Но как?.. К этому времени у меня накопился кое-какой материал о творчестве Керима, и было бы неплохо собрать все это воедино, систематизировать и издать в виде небольшой книжки. Идея была заманчивой, но – перечитать все заново, произвести необходимую правку, выстроить структуру, сдать в издательство, выждать, пока там сверстают, подготовят обложку, выпустят сигнальный экземпляр, который нужно будет просмотреть опять... Все это, казалось, невозможно успеть за три недели, тем более что на эти же дни выпадали праздники: и курман, и Восьмое марта... И тем не менее я позвонил Сергею Пазову, проректору по научной работе Карачаево-Черкесского педуниверситета, и поделился мыслями. «Подготовь материал и привози, – сказал он. – Сделаем, если удастся». Спасибо огромное! Его ответ воодушевил меня, и я принялся за работу...

К слову сказать, накануне творческого вечера Сергей уехал в командировку во Владикавказ и должен был пробыть там до 18 марта включительно, но 17-го мы столкнулись с ним у входа в драмтеатр. «Как же командировка?» – поинтересовался я. «Был там. Отпросился. Керим важнее!» И в тот же вечер прямо на сцене драмтеатра Сергей вручил Кериму первый экземпляр монографии «Керим Мхце. Наброски к творческому портрету»...

Республиканский драматический театр был набит битком. Присутствовало много детей, молодежи, творческой интеллигенции, женщин. Те, кому не достались места, стояли вдоль стен. В зале царил атмосфера оживления и воодушевления. Вечер открыл голос Керима, за кулисами читающего в микрофон «Абазинию». Ведущие Умар Кишмахов и Любовь Гочияева объявили начало и пригласили виновника торжества. На освещенную сцену выступил раскланивающийся, прикладывающий руки к груди поэт. Зал приветствовал его рукоплесканиями...

²⁴¹ В связи с подготовкой творческого вечера встречу со студентами решили перенести на более поздний срок.

Последовали многочисленные выступления, перемежавшиеся песнями и танцами; произносились цветастые поздравления, пожелания, слова благодарности за удивительный талант; звучали стихи Керима в авторском исполнении и стихи, посвященные поэту, и все это сопровождалось аплодисментами, нескончаемыми объятьями. Было много цветов, подарков, конвертов. Возникало ощущение настоящего праздника, единения всего абазинского народа. Нечто подобное впоследствии я наблюдал только в день открытия Абазинского театра и празднования шестидесятилетнего юбилея композитора Владимира Чикатуева.

Прозвучало много добрых, искренних слов, обилие оценочных эпитетов, из которых хочется воспроизвести отдельные фразы:

– У нас вырос поэт огромного масштаба, мирового масштаба! Мы еще не поняли, какого поэта подарил нам Бог. Потребуется еще много времени, чтобы осознать это.

– Только великое и гениальное может позволить себе роскошь быть простым. И подтверждение тому – явление поэта Керима Мхце. Благословен и славен народ, вырастивший такого человека, в котором гармонично сочетаются общеевропейская культура и горская интеллигентность.

– Каждое новое его произведение вливается в сокровищницу не только абазинской, но и мировой поэзии.

– У нас есть ведущий поэт-лирик, имеющий своеобразный почерк, тонкий почерк, как имеет его великий Пушкин.

– Истинный талант!

– Во всемирном масштабе поэт!

– Я преклоняюсь перед тобой за то, что ты свой Божий дар не превратил в ремесло.

– Я горд тем, что принадлежу к тому народу, на языке которого ты создаешь свои стихи!

– Я сочувствую тем, кто не может читать Керима на абазинском языке.

– Керим воплотил в своем творчестве всю абазинскую лексику и унес на сто лет вперед!

– Нам нужно только читать его стихи и боготворить как нашего великого поэта!

– Своим явлением Керим наложил на нас прекрасный долг («псарчІв пшдза гІахІыквциІатІ»), который мы сегодня попытались частично оплатить.

– Для всех нас сегодня – момент истины.

– Недалеко от нас есть обсерватория, которая каждый день выискивает звезды. Их миллиарды и миллиарды! Ну почему бы хоть одну из них не назвать именем Керима Мхце?!

Среди поздравлявших были и сотрудники редакции абазинской газеты. Хорошо выступил Р.М. Хужев, кстати, единственный, кто вспомнил о матери поэта: «Большой поклон маме, родившей и подарившей нам тебя!» Он же заметил, что жизнь Керима принадлежит не ему одному, а всему абазинскому народу, и потому он не вправе распоряжаться ею неразумно.

Славословие продолжалось и на банкете, проходившем в кафе «Встреча». Я сидел почти напротив Керима. В какой-то момент он перевел на меня глаза и сказал:

– Я уже давно ничему не удивляюсь. Но знаешь, чему я удивляюсь сегодня? Что я до сих пор не провалился сквозь землю от услышанных слов. («Ари йсырхИваз сзырхИвата уыжвГандзара араѳа сѳакГылымшвтс».) Я знаю, что я мог свершить и что сделал на самом деле, – и показал первую фалангу на указательном пальце правой руки. – Теперь мне нужно пахать и пахать, чтобы хотя бы отчасти оправдать сказанное в мой адрес.

Он считал, что было произнесено много лишнего, незаслуженно лестного, и он страдальчески морщился, горбился, неуклюже поводил плечами... Было видно, что он ощущал дискомфорт и своим поведением как бы извинялся за неумеренные похвалы.

Когда вечер завершился, ставропольской делегации, принимавшей участие в нем, подарили хІальухъылпу²⁴², приготовленную жителями Ново-Кувинска. Это кое-что означало, и после возвращения мы, активисты абазинского культурного центра Ставрополя, собрались и обсудили вопрос. Было решено пригласить Керима с друзьями, провести встречу со студентами и абазинцами города. В связи с этим я дважды звонил Кериму: определяли день встречи. Сначала наметили на 14 апреля, потом перенесли на 21-е. Когда я спросил, чем он занимается, «Пишу, – ответил он. – Помнишь: “Поэта мертвая рука стихи слагает по привычке”? Так и я...» И смеялся при этом.

На творческом вечере Кериму собрали более 70 тысяч рублей. По тем временам – сумма немалая. Организаторы мероприятия

²⁴² ХІальухъылпа – национальная праздничная халва, украшенная сладостями.

хотели купить ему однокомнатную квартиру, но поэт отказался. Тогда Умар Кишмахов с Керимом пошли к Эдвардо Озову, тот вынул деньги из сейфа и передал Кериму. Когда друзья вышли из Дома правительства, Керим обратился к Умару: «Имея такие деньги, мы разойдемся, ничего не выпив?»

– Керим, – ответил Умар. – У меня есть деньги, на которые можно и выпить, и закусить. Давай сначала занесем деньги к тебе домой, а потом – я тебя приглашаю.

– Нет, – заупрямился Керим. – Сегодня я угощаю! (...) Всю жизнь я прожил без лишней копейки в кармане. Дай мне сегодня почувствовать себя мужчиной!..

«У меня перехватило дыхание и слезы выступили из глаз, – комментировал этот эпизод Умар. – Что тут делать? “Ладно, – говорю. – Пошли”. Поехали в Псыж, в придорожном кафе заказали мамалыгу с сушеным мясом и бутылку водки. Получилось на 180 рублей» (13).

В начале апреля Мухаммед Кишмахов, незадолго до этого избранный председателем совета общественно-политического движения «Абаза», нашел Кериму работу с окладом в две с половиной тысячи рублей и позвонил ему домой. Трубку подняла жена и сказала, что Керим на неделю уехал в аул (12).

В конце первой – начале второй недели апреля Керим спал вечером, потом вздрогнул, проснулся и сказал: «Только что видел во сне маму, и она меня звала». «Мамой он называл бабушку», – уточняет Олеся (23).

Сходную ситуацию описал в своих воспоминаниях И. Капаев. Во время встречи Керим сказал ему: «Иса, в последнее время во сне часто видится покойная бабушка, она меня зовет к себе. И я хочу к ней. Она меня очень любила. И я хочу туда, где она. Тем более я там уже побывал, когда лежал в реанимации...»

– Смотри, накаркаешь! – возмущенно отреагировал Иса²⁴³.

То ли 9, то ли 10 апреля вечером Керим позвонил младшему двоюродному брату Алику. Его не оказалось дома, и Керим попросил поднявшую трубку мать, чтобы тот перезвонил ему после возвращения. Алик вернулся поздно, но тем не менее позвонил, и Керим пригласил его в гости. Пока искупался, привел себя в порядок, добрался, – наступила полночь. Керим поджарил картошку с

²⁴³ Капаев И. Воспоминания о поэте Кериме Мхце // Мониста. – М., 2008. – С. 213.

мясом, они ели, пили, беседовали, Керим читал стихи... Просидели до утра.

«Сейчас мне кажется, что он так простился со мной, – говорит А. Мхце. – Если бы я не пошел тогда, казнил бы себя всю жизнь...

Двенадцатого утром позвонила Олеся и сообщила о смерти Керима. Я примчался первым. Никого еще не было. Он лежал на диване в зале. Я нашел отца и сказал о случившемся. Он приехал. Тесно. Пятый этаж. Маленькая лестничная площадка. Люди будут заходить, а размещаться негде. Тогда отец распорядился перевезти его к нам, на Весеннюю, 147. У нас свой дом, двор... От нас его и повезли потом на кладбище в Ново-Кувинск...» (21).

12 апреля у меня занятия в университете начинались с обеда. Когда я зашел на кафедру, Людмила Петровна Егорова сообщила: «Звонили из Черкесска. Сказали, что умер Мхце... Обширный инфаркт...»

На следующий день делегация ставропольских абазин выехала в Черкесск для участия в траурном митинге, а оттуда – в Ново-Кувинск на похороны поэта. В это время в трех группах филологического факультета Ставропольского госуниверситета Л.П. Егорова вместо меня проводила занятия по теме «Становление абазинской поэзии. Творчество М. Чикатуева и К. Мхце». Тема не была приурочена специально к смерти Керима, просто совпало по расписанию...

Когда тело поэта было предано земле и мулла читал заключительную молитву, с белых акаций, стоявших у ограды кладбища, до моего слуха донеслось пенье двух птиц. Мне все хотелось оглянуться и посмотреть на них, но было неудобно – молитва есть молитва. А когда она закончилась, птицы улетели...

Я почему вспомнил о них?

Книга моя, подаренная Кериму три недели назад, завершалась исследованием образа птиц в его поэзии. На последней странице о них говорилось: «Они олицетворяют собой связующую нить поэта – его творческого наследия – с родиной, следовательно, – с читателем:

Сара сцисква йызнымкIва
йгIапссгIахуаштI арыла,
Са саныквхымгы адгьыл
ауат гIапссгIалуштI

(Мои птицы сюда прилетят не однажды, *даже после того, как не станет меня на земле, они будут сюда прилетать*)»²⁴⁴.

Случайность, конечно, но случайность поразительная: птицы, на которых он возлагал роль посредника между своей поэзией, своей родиной и своим читателем, уже в самый день похорон как бы дали знать, что готовы приступить к возложенной на них высокой миссии.

Символическое значение этой «случайности» по-своему раскрыл и передал известный абазинский журналист Николай Муратов: «Две райские птички присели на дерево, посмотрели в сторону людей, совершавших молитву в честь поэта, склонили головки, как бы поклоняясь, приняли дух божьего Керима, своего Керима, одновременно поднялись и улетели в небо»²⁴⁵.

Уже летом, в августе, в связи с работой по подготовке трехтомного собрания сочинений Мхце я знакомился с рукописями Керима. Не поразиться было невозможно: на одной странице я обнаружил три строчки – набросок к стихотворению, который так и остался незавершенным:

Швара саншвылцIхуа, адгьыл аугIаква,
Заджвы сйымчIвыуыргьI аква сачIвыуаштI.
Са бзи йызбун анцIралагы аква.

(Когда уйду от вас я, жители земли, даже если никто обо мне не заплачет, меня оплачет дождь. Всю жизнь я дождь любил.)

Поразительным было то, что и это предсказание оказалось пророческим: в день похорон шел дождь. Причем он не был кратковременным: он начинал, стихал и снова лил. И так почти весь день...

Через месяц с небольшим после похорон Иса Капаев увидел Керима во сне. «Происходило это в помещении общежития национальной школы-интерната (...). Во сне я купался под душем во флигеле, который почему-то был соединен с одноэтажным общежитием на улице Фабричной (сейчас этого здания нет, его давно снесли). Выкупавшись, одевшись, я собирался уходить, но какая-то сила заставила меня зайти в помещение общежития. В не-

²⁴⁴ Чекалов П.К. Керим Мхце. Наброски к творческому портрету. – Карачаевск, 2001. – С. 96.

²⁴⁵ Муратов Н. Мхце Керим будет с нами всегда // Абазашта. – 2001. – 21 апреля.

сколько рядов стояли койки, заправленные чистыми простынями. В необычно ярком от света помещении никого не было, но через секунду у противоположной стены в дверях появился Керим. Он был аккуратно одет: в белую сорочку, в черные выглаженные брюки. Увидев меня, он поднял руку и радостно произнес:

– Иса, я здесь. Тут действительно хорошо...»²⁴⁶

Посмертная судьба

(Вместо заключения)

Керим Леонидович Мхце вступил на творческий путь в то время, когда абазинская литература прошла период становления, когда поэзия – и даже истинная – не была в новинку, когда основные жанры установились, а свободные стихи преимущественно обрели ритмический порядок, вступив в рамки силлаботонической системы стихосложения. И тем не менее ему удалось ввести в национальную поэзию не востребуемые до него ритмы и размеры, жанры, строфику, рифмовку; он явился родоначальником абазинской философской лирики, по глубине и масштабности, общечеловечности рассматриваемых проблем не уступающей мировой.

По характеру творчества Мхце – ярко выраженный традиционалист, следующий законам, выработанным как национальной, так и классической русской и мировой поэзией. Форма его произведений строга, правильна, выверена, и при этом в них много неожиданного, удивляющего. Поразительна его система выразительных средств языка, достойная обширного научного исследования. Но для рядового читателя главным в его творчестве является не демонстрация новаций, а особая доверительная интонация, подкупающая беспредельная искренность лирического героя, его открытость миру. Мхце обладал редким даром пронзительности.

Несомненный природный талант – важная, но не единственная составляющая успеха поэта. Керим добивался выразительности стиха путем неустанного кропотливого труда, накопления собственного практического опыта. Он был строг и требователен к себе, постоянно расширял кругозор, повышал уровень культуры

²⁴⁶ Капаев И. Воспоминания о поэте Кериме Мхце // Мониста. – М.: Голос-Пресс, 2008. – С. 215.

чтением разнообразной литературы, в том числе и научно-исследовательской.

Скорее всего, это покажется неуместным, но тем не менее воспроизведем несколько высказываний В.Г. Белинского:

«Если бы мы хотели охарактеризовать стих Пушкина одним словом, мы сказали бы, что это по превосходству *поэтический, художественный, артистический стих*, – и этим разгадали бы тайну пафоса всей поэзии Пушкина. (...)

До Пушкина были у нас поэты, но не было ни одного поэта-художника; Пушкин был первым русским *поэтом-художником*. (...)

Это не значит, чтоб в произведениях прежних школ не было ничего примечательного или чтоб они были вовсе лишены поэзии: напротив, в них много примечательного, и они исполнены поэзии, но есть бесконечная разница в характере их поэзии и характере поэзии Пушкина. (...)

У Пушкина *никогда не бывает ничего лишнего, ничего недостающего, но все в меру, все на своем месте, конец гармонирует с началом*, – и, прочитав его пьесу, чувствуешь, что от нее нечего убавить и к ней нечего прибавить»²⁴⁷.

Все это удивительным образом подходит и к характеристике поэзии К. Мхце и очень точно определяет разницу между его творчеством и творчеством абазинских поэтов-предшественников.

Напомним еще одно высказывание поэтессы Миры Тлябичевой: «Керим для нашего народа значит то же самое, что Пушкин для русского. Дай бог, чтобы абазины теперь сумели возвысить своего национального поэта до уровня Пушкина!»²⁴⁸

Нужно признаться: определенные шаги в этом направлении предпринимаются.

С целью увековечения памяти Мхце к годовщине смерти на стене дома, где он жил в г. Черкесске, была открыта мемориальная доска. Такая же доска была вывешена и на здании школы в родном ауле поэта Ново-Кувинске.

Исходя из того, что лучшим памятником писателю являются его творения, группа представителей абазинской интеллигенции

²⁴⁷ Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 т. Т. 6. – М.: Художественная литература, 1981. – С. 264, 265, 271, 274–275.

²⁴⁸ Тлябичева М. Мой брат, мой поэт... // Абазашта. – 1999. – 30 апреля. – С. 3.

к первой годовщине смерти поэта подготовила рукописи трех томов его сочинений к изданию, но из-за отсутствия финансовой поддержки начинание пролежало без движения семь лет. Лишь в 2009 году, в год шестидесятилетия К.Л. Мхце, стараниями и усилиями проректора по научной работе КЧГУ С.У. Пазова удалось ввести в план изданий Карачаево-Черкесского книжного издательства выпуск первого тома, и он увидел свет.

Основу издания составили произведения, вошедшие в первые пять поэтических сборников: «Моя березка» (1968), «Дороги и звезды» (1971), «Эта земля» (1975), «В одном мире» (1979), «Рассветные цветы» (1983). Помимо них составители включили в первый том еще 40 стихотворений, опубликованных поэтом на страницах национальной газеты в период с 1963 по 1970 год, но никогда более не переиздававшихся.

Через три года, в 2012 году, вышел второй том. В него вошли вершинные не только для творчества самого Керима Леонидовича, но и для всей абазинской поэзии сборники стихов и поэм «В начале была любовь» (1987), «В миг полулета-полуосени» (1994), «Вы не узнаете, кто я...» (1994). В книге также нашли свое место печатавшиеся на страницах национальной газеты стихи 1970–2000 годов, а также никогда не публиковавшиеся произведения из архива поэта. Том дополнили тексты песен, переводы на абазинский классиков мировой, русской и кавказских литератур, а также переводы с абазинского на русский стихотворений национальных авторов, выполненные Керимом Леонидовичем. В издании были представлены и стихотворения Мхце, созданные на русском языке, переводы русскими поэтами его оригинальных произведений.

Третий том собрания сочинений К.Л. Мхце был издан в сентябре 2014 года благодаря спонсорской помощи Международной абазино-абхазской ассоциации «Алашара» и состоит из четырех разделов. Первый вобрал в себя интервью и выступления поэта на радио и телевидении, выдержки из его дневника. Все они объединены выраженным в них автобиографическим аспектом. Во втором разделе собраны избранные разножанровые публицистические произведения, представляющие Керима Леонидовича как первоклассного журналиста. Третий раздел образовали литературно-критические работы о жизни и творчестве поэта, появившиеся на страницах периодической печати

с 1967 по 2002 год. Они представляют эволюцию восприятия абазинской общественностью личности и поэзии Мхце. Четвертый раздел составляют комментарии к произведениям поэта. Эта часть тома предназначена для нынешних и будущих исследователей творчества К.Л. Мхце. Завершают том перечень всех изданий поэта и полная на тот момент библиография работ о его жизни и творчестве.

Выпуск трехтомника понимается как дань уважения памяти поэта, поднявшего свою национальную поэзию до классических высот.

5 мая 2009 года в доме культуры Абазинского района (аул Эльбурган) прошел юбилейный торжественный вечер, посвященный 60-летию К.Л. Мхце. Через три года, в 2012 году, вечер памяти состоялся в родном ауле поэта, а за несколько дней до этого по инициативе методиста по культуре и образованию администрации Абазинского района Дж. Шаевой в Эльбурганской средней школе прошли районные чтения, посвященные Мхце. 14 сентября того же 2012 года указом президента Республики Абхазии К.Л. Мхце был награжден посмертно орденом «Честь и слава» за участие и освещение военных событий на территории Абхазии в 1992–93 годах против грузинской агрессии.

После смерти поэта активизировалось осмысление его творческого наследия литературной критикой. Уже в первые дни и недели в абазинской национальной газете «Абазашта» и русскоязычной «Экспресс-почте» появилось 10 публикаций, связанных с осознанием состоявшейся утраты. Тогда же по телевидению Карачаево-Черкесской Республики прошли двадцатиминутный очерк-реквием тележурналиста Георгия Чекалова «Мое сердце останется жить вместо меня...» и тридцатипятиминутный документальный фильм «Звезда, погасшая в полете», подготовленный сыном поэта Артуром Мхце. Обращает на себя внимание то, что как в названии последнего фильма, так и в заголовках некоторых печатных материалов обыгрывался образ звезды, занимавший в творчестве поэта большое место: «Звезда Керима», «Сверкнул звездой и... скрылся», «Звезда первой величины»...

Если за почти сорокалетний период творческой деятельности Мхце и его поэзии было посвящено 80 литературно-критических работ и одна небольшая монография, то за прошедшие после его

кончины 15 лет – более 120, и среди них одна брошюра²⁴⁹, одна книга²⁵⁰ и две солидные монографии²⁵¹.

Уже одно сопоставление цифровых данных указывает на возрастающий профессиональный интерес критики и литературоведения к творческой личности К.Л. Мхце.

Подчеркнем и следующее: если при жизни поэта абсолютное большинство публикаций о нем появлялось в газетах (чаще всего – в абазинской национальной) и на территории КЧАО – КЧР, то в посмертный период география значительно расширилась: Ахен (Германия), Москва, Ставрополь, Пятигорск, Сухум, Грозный, Махачкала, Майкоп, Нальчик, Невинномысск, Черкесск, Карачаевск; намного увеличился и удельный вес научно-исследовательских работ: помимо упомянутых монографий еще более 40 публикаций было осуществлено в составе различных научных сборников, а еще 10 – в журналах «Абаза», «Абазги», «Страна Абаза», «Сухум», «Слово», «Георгика».

Отдельным пунктом выделим и факт того, что результаты исследований поэтического наследия К.Л. Мхце прозвучали на многочисленных региональных, всероссийских, международных научных конференциях, состоявшихся в различных городах Северного Кавказа. В этом же ряду укажем, что 30 июня 2005 года в Адыгейском государственном университете А.М. Тхайцуховой была успешно защищена первая кандидатская диссертация по творчеству абазинского поэта: «Ранняя лирика К.Л. Мхце. Мотивы, образы, динамика развития».

В 2012 году в качестве одной из форм распространения творчества абазинского поэта была выдвинута идея перевода его произведений на русский язык. К весне 2013 года были подготовлены подстрочные переводы 224 стихотворений общим объемом в 3680 строк. Затем последовало обращение в объединение «Алашара» с просьбой поддержать данное начинание, и финансовое обеспечение проекта было получено. После этого в течение года

²⁴⁹ Чекалов П.К., Чекалова Л.А. «Сюда пришел я, чтобы здесь остаться...» – Черкесск, 2002. – 20 с.

²⁵⁰ Узденова М., Узденов М. «Тепло твоей поэзии храним, Керим...» – Кисловодск, 2012. – 108 с.

²⁵¹ Пазова М.С., Чекалов П.К. Метрико-ритмическая палитра К.Л. Мхце периода становления. – Карачаевск: КЧГУ, 2005. – 190 с.; Чекалов П.К., Тхайцухова А.М. Ранняя лирика К.Л. Мхце. – Невинномысск: НИЭУП, 2008. – 222 с.

шли переговоры с разными авторами, пока не была достигнута договоренность с Андреем Галамагой, лауреатом международного фестиваля «Пушкин в Британии». Два года он кропотливо занимался переводами произведений Керима и к лету 2016 года подготовил сборник стихотворений с символическим названием «Возвращаюсь». Издание его планируется в 2017 году.

Стихи К. Мхце посвящались еще при жизни, но особую активность они обрели в первые дни после его смерти. На сегодняшний день можно насчитать более 20 посвящений. Наиболее удачным из них представляется миниатюра Ю. Созарукова, в названии которой выразился профессиональный статус абазинского поэта:

Король

Когда король и шут меняются местами
И верховодит зло по всем другим местам,
Тогда лишь тот король, кто во всемирном сраме
Посмеет быть собой,
 послав весь мир к шутам.

Все это способствует популяризации имени и творчества поэта среди абазин, жителей Карачаево-Черкесии и других северокавказских республик. Но масштаб дарования Мхце требует выведения его поэзии на иные уровни. В связи с этим Международное абазино-абхазское культурно-просветительское объединение «Алашара» планирует переводческие и издательские проекты, в результате которых наследие Керима Леонидовича должно найти своего читателя как на Северном Кавказе, так и в России и, возможно, за ее пределами.

Цитируемая литература

1. Абазины. Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1989.
2. Абхазия была, есть и будет! // Абазашта. – 1993. – 11 августа.
3. Аганова М. «Бесконечная боль моя, Абазашта» // Абазашта. – 1994. – 3 августа.
4. Алянский С. Встречи с Александром Блоком. – М.: Детская литература, 1972.
5. Анохина Л. Еще одна страница дневника // Ставрополье. – 1972. – № 1.
6. Апсова Ф. Нульдины и бакьканы // Коммунизм алашара. – 1988. – 6 августа.
7. Апсова Ф. Будь здоров, мой брат // Абазашта. – 1994. – 6 мая.
8. Апсова Ф. Мы никогда не узнаем, кем он был на самом деле // Абазашта. – 2009. – 7 мая.
9. Беккер К.Ф. Мифы древнего мира. – Саратов: Надежда, 1995. – С. 665.
10. Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 т. Т. 6. – М.: Художественная литература, 1981.
11. Будда. Конфуций. Магомет. Франциск Ассизский. Савонарола. – М., 1995.
12. Быда Р. Радостная встреча // Коммунизм алашара. – 1981. – 21 ноября.
13. «В миг полулета-полуосени» // Абазашта. – 1994. – 26 февраля.
14. Гинзбург Л. О лирике. Издание второе, дополненное. – Л.: Советский писатель, 1974.
15. Губин А. Свинец пуль и чугун снарядов... // Кавказская здравница. – 1996. – 20 июля.
16. Гукова З. «Протягиваю вам свою судьбу-мгновенье» // Абазашта. – 1995. – 22 июня.
17. Гукова Р. «Дорогая редакция!» // Коммунизм алашара. – 1989. – 7 января.
18. Дагужиева А. и др. Телеграмма // Абазашта. – 1998. – 1 сентября.
19. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: ЭКСМО, 2004.

20. Джердисова А. «Я жизни буду удивляться» // Коммунизм алашара. – 1991. – 11 июня.
21. Дзыба А. Керим Мхце. Природа творчества // Региональное кавказоведение и тюркология: традиции и современность. Тезисы докладов. – Карачаевск, 1998.
22. Есенин С.А. О себе // Есенин С.А. Собр. соч. в 2 т. Т. 1. – Минск: Мастацкая літаратура, 1992.
23. Жюльен Н. Словарь символов. Иллюстрированный справочник. – Изд-во «Урал LTD», 1999.
24. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. В 5 т. Т. 3. – М.: Искусство, 1967.
25. Кагова О., Ламкова О., Курджева Ф., Мукова З., Хаткова З. «Столь нежно и печально...» // Коммунизм алашара. – 1989. – 7 января.
26. Капаев И. Воспоминания о поэте Кериме Мхце // Капаев И. Мониста. – М., 2008.
27. Катаев В. Алмазный мой венец. – М.: ДЭМ, 1990.
28. Кишмахова С. «Добрый день, Керим!» // Коммунизм алашара. – 1989. – 7 января.
29. Конради К.О. Гете. Жизнь и творчество. Т. 1. – М.: Радуга, 1987.
30. Муратков Н. Мхце Керим будет с нами всегда // Абазашта. – 2001. – 21 апреля.
31. Мхце К. Названы имена лучших // Коммунизм алашара. – 1975. – 26 июля.
32. Мхце К. Еще одна заря занимается // Коммунизм алашара. – 1984. – 6 декабря.
33. Мхце К. Наше трудное, наше удивительное время // Коммунизм алашара. – 1987. – 25 июля.
34. Мхце К. Человечность, защити меня, если я тебя сохранил // Коммунизм алашара. – 1990. – 22 сентября.
35. Мхце К. Умоляю вас, стоя на коленях // Абазашта. – 1992. – 18 февраля.
36. Мхце К. И мы тоже люди // Абазашта. – 1992. – 27 августа.
37. Мхце К. Абхазия, тебя не смогут уничтожить! // Абазашта. – 1992. – 21 ноября.
38. Мхце К. «Считайте меня абхазом» // Абазашта. – 1992. – 24 ноября.

39. Мхце К. Хотя обличье у них человеческое... // Абазашта. – 1992. – 24 ноября.
40. Мхце К. Существоем сегодня, а завтра что? // Абазашта. – 1993. – 2 февраля.
41. Мхце К. Профессор Владимир Тугов // Абазашта. – 1995. – 5 января.
42. Мхце К.Л. «Часть истории моей жизни...» / Записал П.К. Чекалов // Абазашта. – 1999. – 5 октября.
43. Наше место – рядом со своим народом // Абазашта. – 1998. – 28 июля.
44. Новый энциклопедический словарь. – М.: Рипол Классик, Большая Российская энциклопедия. – 2004.
45. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1983.
46. Озова К. «Керимчик» // Абазашта. – 1994. – 6 мая.
47. Предисловие к корреспонденции К. Мхце «Еще стреляют» // Абазашта. – 1992. – 15 сентября.
48. Принят в Союз писателей СССР // Коммунизм алашара. – 1978. – 4 марта.
49. Ремизова М. Только текст. – М.: Совпадение, 2007.
50. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1986.
51. Словарь символов и знаков / Авт.-сост. Н.Н. Рогалевич. – Минск: Харвест, 2004.
52. Слово о нашем товарище // Абазашта. – 1994. – 5 мая.
53. Тлябичева М. Неопубликованные стихи // Коммунизм алашара. – 1965. – 27 февраля.
54. Тлябичева М. Мой брат, мой поэт... // Абазашта. – 1999. – 30 апреля.
55. Тлябичева М. «Знать, совесть чистая нужна» // Экспресс-почта. – 1999. – 29 мая.
56. Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение. – М.: Учпедгиз, 1959.
57. «Тому, что жил, я удивлюсь...» // Курьер Карачаево-Черкесии. – 1999. – Май.
58. Тохтаулова Т. В услужение святому братству // Курьер. – 1999. – 9 сентября.
59. Тугов В.Б. Пора размышлений. – Черкесск, 1979.
60. Тугов В. Поэзия разума и чувств // День республики. – 1999. – 3 июня.

61. Тугов В. Поэзия мысли и чувства // Мхце К.Л. Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 1. – Черкесск, 2009.
62. Тхагазитов Ю.М. Адыгский роман. – Нальчик, 1987.
63. Тхайцухов Б. Юность творит // Коммунизм алашара. – 1966. – 24 мая.
64. Тхайцухов Б. Зов зари // Коммунизм алашара. – 1967. – 25 мая.
65. Тхайцухов Б. Слышатся звуки земли // Коммунизм алашара. – 1968. – 3 августа.
66. Тхайцухов Б. «Дороги и звезды» // Коммунизм алашара. – 1971. – 13 февраля.
67. Тхайцухов Б. Еще не вышедшая книга // Коммунизм алашара. – 1986. – 22 марта.
68. Тхайцухов Б. Стихи и поэмы // Коммунизм алашара. – 1987. – 24 октября.
69. Тхайцухов Б. Три письма // Коммунизм алашара. – 1989. – 7 января.
70. Тхайцухов Б. Заметки о литературе // Ленинское знамя. – 1990. – 18 июля.
71. Тхайцухов Б. Поэт, идущий за звездой // Абазашта. – 1994. – 12 октября.
72. Хасароков Б. Мелодии поэзии // Абазашта. – 2000. – 20 июня.
73. Чекалов П. Поэзия и жизнь // Коммунизм алашара. – 1988. – 9 апреля.
74. Чекалов П. О роли переводов с русского в развитии младописьменных литератур // Литературы народов Карачаево-Черкесии. Концепция художественного развития. – Черкесск, 1990.
75. Чекалов П. Традиции Маяковского в абазинской поэзии // Маяковские чтения. – Грозный, 1990.
76. Чекалов П. Мысли и боли // Абазашта. – 1993. – 6 марта.
77. Чекалов П. «Оценят жизнь мою потом...» // Абазашта. – 1993. – 11 сентября.
78. Чекалов П. Страницы истории абазинской литературы. – Черкесск, 1995.
79. Чекалов П. Абазинские писатели: биобиблиографический справочник. – Москва, 1996.

80. Чекалов П. Об одном стихотворении К. Мхце // Текст как объект многоаспектного исследования. Сборник статей. Вып. 3. Часть 2. – СПб. – Ставрополь, 1998.

81. Чекалов П. О творческой манере Керима Мхце (на материале сборника «В одном мире») // Этнонациональная ментальность в художественной литературе. Материалы Всероссийской научной конференции. – Ставрополь, 1999.

82. Чекалов П. Трагическое мировосприятие и способы его выражения в поэзии Керима Мхце // Этничность, культура, менталитет. – Карачаевск: КЧГПУ, 2000.

83. Чекалов П. Категория времени в поэзии К. Мхце // Стилистика и культура речи. Межвузовский сборник научных трудов. – Пятигорск, 2000.

84. Чекалов П. Личность и творчество К.Л. Мхце в оценке абазинской литературной критики // Русский язык и межкультурная коммуникация. Научный журнал. – Пятигорск: ПГЛУ. – 2001. – № 1.

85. Чекалов П.К. Керим Мхце. наброски к творческому портрету. – Карачаевск, 2001.

86. Чекалов П.К. Тема грузино-абхазской войны в публицистическом и поэтическом наследии К.Л. Мхце // Сухум. – Сухум. – 2010. – № 2.

87. Чекалов П. Певец страны бесконечных дорог // Абаза. – 2011. – № 2.

88. Чикатуев М. Новый свет // Коммунизм алашара. – 1980. – 9 февраля.

89. Чикатуев М. Несколько задач по поводу языка и литературы // Коммунизм алашара. – 1985. – 16 мая.

90. Шебзухова Л. Слово Керима // Абазашта. – 1998. – 23 июля.

91. Шенкао М. «Когда уставшее сердце мое превратится в льдинку...» // Абазашта. – 1994. – 23 апреля.

Список информаторов

1. Агирбова Любовь Ахмедовна. – 27.07.12.
2. Аджибеков Хаджи-Исмаил Солтанович. – 17.08.12.
3. Аджиева Софья. – 13.06.09.
4. Аламия Геннадий Шаликович. – 19.08.09.
5. Апсова Фатимат Нурмагометовна. – 17.06.12.
6. Джердисова Асият Мухаджировна. – 1) 25.08.93; 2) 31.01.94;
- 3) 22.11.95; 4) 14.12.95; 5) 17.02.96; 6) 4.05.01; 7) 2.06.01; 8) 4.03.05;
- 9) 10.11.10; 10) 31.10.12.
7. Закиосова Светлана Владимировна. – 21.07.12.
8. Ионова Леля Зедовна. – 2.08.12.
9. Ионова Лиза. – 13.06.09.
10. Итаев Вахид Баудинович. – 7.02.13.
11. Капаев Иса Суюнович. – 15.08.01.
12. Кишмахов Магомед Хаджи-Бекирович. – 13.03.02.
13. Кишмахов Умар. – 23.07.01.
14. Кишмахова Тамара. – 6.05.09.
15. Копсергенова Зарема. – 6.05.09.
16. Курачинова Любовь Георгиевна. – 13.06.09.
17. Курачинов Михаил. – 1.07.09.
18. Мхце Александра Ахмедовна. – 14.08.01.
19. Мхце Керим Леонидович. – 1) 27.05.86; 2) 24.12.87;
- 3) 25.08.93; 4) 6.09.93; 5) 20.12.95; 6) 16.01.98.
20. Мхце Мусса Ахмедович. – 14.08.01.
21. Мхце Али Муссович. – 2.08.12.
22. Мхце Арсен Керимович. – 21.07.12.
23. Мхце Олеся Керимовна. – 22.07.02.
24. Накохова Тамара Ахмедовна. – 27.07.12.
25. Натхов Хадиль. – 16.08.01.
26. Сакания Слава Тачович. – 18.08.09.
27. Созаруков Юсуф. – 23.07.02.
28. Табишева Людмила Георгиевна. – 13.06.09.
29. Шебзухов Мухаммед Кещифович. – 23.06.05.
30. Шенкао Марьян Умаровна. – 15.08.01.
31. Шенкао Айшат Умаровна. – 15.08.01.
32. Шенкао Абубекир Умарович. – 5.05.02.
33. Шенкао Абдул Умарович. – 1) 5.05.02; 2) 11.03.05.

34. Шидов Юрий. – 27.12.12.
35. Хахандуков Мухаммед. – 22.05.11.
36. Хужев Рашид Мазанович. – 20.11.09.
37. Чекунова Фатимат Закировна. – 25.10.04.
38. Чимова Софья Мухарбиевна. – 27.07.12.
39. Эбжноу Рауф Иванович. – 19.08.09.

Хроника жизни, творчества и посмертной судьбы К.Л. Мхце

1. 1949 г., 5 мая: родился в ауле Ново-Кувинск Кувинского района.
2. 1956–1961 гг.: учеба в Ново-Кувинской начальной школе.
3. 1961–1967 гг.: учеба в областной школе-интернате.
4. 1963 г., предположительно вторая половина – конец апреля: встреча с поэтом М. Чикатуевым.
5. 1963, 9 мая: публикация стихотворения «Родная страна» на страницах абазинской газеты «Коммунизм алашара».
6. 1965 г.: включение двух стихотворений К. Мхце («Горы» и «Поход») в коллективный сборник абазинских писателей «Заря».
7. 1965 г., 27 февраля: первый отзыв поэтессы М. Тлябичевой о стихах К. Мхце.
8. 1966 г.: включение четырех стихотворений К. Мхце («Песня матери», «Абазашта осенней ночью», «Песни», «Наши часы») в коллективный сборник абазинских писателей «Шаги жизни».
9. 1966 г., 24 мая: публикация подборки стихов К. Мхце с напутственным словом Б. Тхайцухова. Тут же помещалась фотография стихотворца-школьника.
10. 1966 г., декабрь: публикация на русском языке стихотворения «Солдаты» на страницах областной газеты «Ленинское знамя».
11. 1967 г., 25 мая: публикация в газете «Коммунизм алашара» рецензии Б. Тхайцухова «Голос зари» на стихи К. Мхце.
12. 1967 г., июнь: окончание школы-интерната, получение аттестата о среднем образовании.
13. 1967 г., август: неудачная попытка поступления в Карачаево-Черкесский государственный педагогический институт.
14. 1967 г., август – сентябрь: объездчик колхоза им. Ленина.
15. 1967 г., 22 сентября: принят учеником прессовщика на завод резинотехнических изделий в г. Черкесске.
16. 1968, 19 января: присвоен 4-й разряд прессовщика.
17. 1968 г., 20 февраля: уволен по собственному желанию.
18. 1968 г., 27 мая, – 1970 г., 24 июня: служба в рядах Вооруженных сил СССР, сержант, заместитель командира взвода, секретарь комсомольской организации роты, член комитета комсомола части.

19. 1968 г., лето: выход в свет первого поэтического сборника «Моя березка».

20. 1968 г., 3 августа: публикация рецензии Б. Тхайцухова «Раздаются голоса земли» на сборник К. Мхце «Моя березка».

21. 1970 г., февраль: принят кандидатом в члены КПСС.

22. 1970 г., апрель: награжден медалью «За воинскую доблесть» в ознаменование столетия со дня рождения В.И. Ленина.

23. 1970 г., лето: поступление в Литературный институт им. А.М. Горького в Москве.

24. 1970 г., 24 июня: увольнение в запас.

25. 1970 г., 16 июля: регистрация брака с Ф.З. Чекуновой.

26. 1970 г., 11 августа: вышел приказ № 150, зачислявший Керима в Литературный институт им. А.М. Горького СП СССР.

27. 1970 г., сентябрь, – 1975 г., июнь: студент Литературного института, председатель студпрофкома, член партийного бюро института, принят в члены КПСС.

28. 1971 г., февраль: выход в свет второй поэтической книги «Дороги и звезды».

29. 1971 г., 13 февраля: рецензия Б. Тхайцухова на сборник «Дороги и звезды».

30. 1971 г., 12 мая: Кериму дана письменная характеристика, подписанная парторгом, профоргом и старостой группы.

31. 1971 г., 20 мая: руководитель семинара А.А. Михайлов отозвался о Кериме: «К поэзии относится серьезно. Его недостаток в том, что он рано “помудрел”, очень хочет казаться старше своих лет, боится выразить себя молодого, страстного, сегодняшнего. (...) Доверие к себе и к темам современности может вывести его на большую дорогу поэзии».

32. 1972 г., 24 апреля: выступление в Центральном доме литераторов в Москве.

33. 1972 г., 11 мая: отзыв руководителя семинара А.А. Михайлова: «Серьезный студент. Кажется, даже несколько замкнутый в себе, редко выступает на семинарских занятиях, только по поручению. По сравнению с прошлым годом заметно некоторое движение по преодолению традиционности, локальности, образной и тематической ограниченности».

34. 1972 г., сентябрь – октябрь: поездка в Германскую Демократическую Республику с делегацией Литинститута.

35. 1972 г., 4 ноября: рождение сына Арсена.

36. 1972 г., 20–23 ноября: проходил производственную практику в г. Туле, принимал участие в литературных встречах с трудящимися предприятий и жителями города.

37. 1973 г., май: рецензия А.М. Галанова на курсовую работу К. Мхце «Традиция и современность в творчестве абазинского поэта М. Чикатуева»: «Это очень добросовестная и искренняя работа, содержащая немало серьезной информации относительно проблем, какие стоят перед абазинской литературой».

38. 1973: в журнале «Студенческий меридиан» (№ 8) появилось стихотворение «Где-то вдали» в переводе В. Краснопольского.

39. 1974 г., 5 апреля – 30 июня: преддипломная учебно-производственная практика в отделе культуры абазинской газеты «Коммунизм алашара» («Свет коммунизма»).

40. 1975 г., 13 марта: под руководством доцента А.А. Михайлова с оценкой «отлично» защитил дипломную работу на тему «Когда проснутся белые акации».

41. 1975 г., 3, 9 июня: сдал выпускные государственные экзамены по марксистско-ленинской философии, русской и советской литературе.

42. 1975 г., 20 июня: выходит приказ об окончании Литературного института с присвоением квалификации «литературный работник».

43. 1975 г., 21 июня: выдается диплом об окончании Литературного института.

44. 1975 г., 16 июля: официально принят на должность корреспондента газеты «Коммунизм алашара».

45. 1975 г., лето: публикация 73 стихотворений К. Мхце в коллективном сборнике абазинских писателей «Дорогой счастья».

46. 1975 г., 13 октября: развод с Ф.З. Чекуновой.

47. 1975 г., 20 ноября: регистрация брака с Л.Д. Миляевой.

48. 1976 г., 14 июля: рождение сына Артура.

49. 1977, 1 января: назначен старшим литературным сотрудником редакции газеты «Коммунизм алашара».

50. 1977 г.: принят в Союз писателей СССР.

51. 1978 г., 4 марта: в газете «Коммунизм алашара» опубликована информация о приеме К. Мхце в члены Союза писателей СССР.

52. 1978 г., 7 ноября: рождение дочери Олеси.

53. 1979 г., лето: выход в свет четвертой поэтической книги К. Мхце «В одном мире».

54. 1979 г., 29 августа – 28 сентября: прохождение переподготовки в Высшей партийной школе в Ростове-на-Дону.

55. 1980 г., 9 февраля: публикация на страницах газеты «Коммунизм алашара» рецензии М. Чикатуева «Новый свет» на сборник К. Мхце «В одном мире».

56. 1981 г., 2 февраля: назначен заведующим отделом писем редакции газеты «Коммунизм алашара».

57. 1981, 21 ноября: публикация в газете «Коммунизм алашара» заметки о встрече К. Мхце с учителями и учениками Красно-восточной средней школы.

58. 1982 г., 13 мая: назначен заведующим сельскохозяйственным отделом редакции газеты «Коммунизм алашара».

59. 1982 г., 2 августа: освобожден от занимаемой должности.

60. 1982 г., 1 сентября: вновь зачислен заведующим сельскохозяйственным отделом редакции газеты «Коммунизм алашара».

61. 1982 г., 2 октября: переведен литературным сотрудником.

62. 1983 г., весна: выход в свет пятого сборника «Рассветные цветы».

63. 1984 г., 20-е числа марта: попал в больницу.

64. 1984 г., 27 марта: перенес операцию, во время которой чуть было не скончался.

65. 1985 г., 14 марта: назначен заведующим сельскохозяйственным отделом редакции газеты «Коммунизм алашара».

66. 1985 г. 29 марта: переведен литературным сотрудником.

67. 1987 г., лето: издается шестая книга стихов и поэм «В начале была любовь».

68. 1988 г., 15 июня: встреча с А. Джердисовой.

69. 1988 г., 1 октября: назначен старшим корреспондентом редакции газеты «Коммунизм алашара».

70. 1991 г., 5 октября: по республиканскому радио прозвучала подготовленная и озвученная поэтом передача «Мое сердце останется жить вместо меня...»

71. 1992 г., 14 августа: вторжение войск Госсовета Грузии в Абхазию.

72. 1992 г., 16 августа, 16 ч. 24 мин.: пришел к А. Джердисовой и, не застав ее дома, оставил записку: «Считаю, что в срочном порядке должен уехать в Абхазию, это мой долг».

73. 1992 г., 8 сентября: прикомандирован к пресс-центру правительства Абхазии, временно дислоцировавшемуся в Гудауте, в качестве собственного корреспондента газеты «Абазашта».

74. 1993 г., 22 февраля: назначен редактором отдела писем редакции газеты «Абазашта».

75. 1993 г., 3 октября: буквально на третий день после освобождения Абхазии и установления на ее восточной границе по реке Ингур национального флага К. Мхце снова оказался в Абхазии, чтобы засвидетельствовать последствия колоссальной для абхазского народа трагедии. Всего о грузино-абхазской войне за 1992–1993 гг. им было осуществлено 25 разножанровых публикаций в газете «Абазашта».

76. 1994 г., февраль: издание седьмого сборника стихов и поэм «В миг полулета-полуосени». Год издания в самом сборнике отмечен 1993-й.

77. 1994 г., 6 мая: в честь 45-летнего юбилея К.Л. Мхце в газете «Абазашта» целая полоса отводится материалам о жизни и творчестве поэта.

78. 1994 г., осень: выходит в свет последний прижизненный сборник стихов и песен «Вы не узнаете, кто я...».

79. 1994 г., 19 сентября: дает интервью журналисту Б. Хасарову о сборнике «Вы не узнаете, кто я...».

80. 1995 г., 25 мая: назначен заместителем главного редактора газеты «Абазашта».

81. 1997 г., 5 января: пишет заявление об освобождении с занимаемой должности заместителя главного редактора и переводе в отдел культуры. Документ завершается фразой: «Это заявление продиктовано моими нравственными принципами».

82. 1997 г., 6 января: назначен редактором отдела культуры газеты «Абазашта».

83. 1997 г., май: в телестудии «Канал-3» состоялся разговор поэта с журналистом Б. Хасаровым о собственном поэтическом творчестве.

84. 1997 г., 1 декабря: встреча со студентами Ставропольского государственного университета и абазинами г. Ставрополя.

85. 1998 г., 17 июня: публикация в газете «Абазашта» информации о присвоении К. Мхце почетного звания народного поэта Карачаево-Черкесской республики.

86. 1999 г., 28 апреля: пишет заявление на имя главного редактора газеты «Абазашта» следующего содержания: «Прошу вас предоставить мне очередной трудовой отпуск за 1999 г. с 5 мая с.г. Обязуюсь за время отпуска наверстать невыполненный мной по причине затянувшегося обострения моей болезни план работы. В случае невыполнения данного обязательства прошу это заявление рассматривать как заявление об увольнении по собственному желанию».

87. 1999 г., 30 апреля: накануне пятидесятилетнего юбилея К. Мхце в газете «Абазашта» М. Тлябичева напечатала статью «Мой брат, мой поэт...»: «Я не знаю ни одного поэта, с которым можно было бы сопоставить Керима. Как Пушкин является Пушкиным, а Байрон – Байроном, так и Керим Мхце являет собой Керима Мхце».

88. 1999 г., май: в связи с пятидесятилетним юбилеем К.Л. Мхце в газете «Курьер Карачаево-Черкесии» целый разворот отводится русскоязычным и переводным с абазинского на русский стихотворениям поэта под общим названием «Тому, что жил, я удивлюсь...».

89. 1999 г., 29 мая: поэтесса М. Тлябичева в газете «Экспресс-почта» опубликовала юбилейную статью о Мхце «Знать, совесть чистая нужна»: «Я бесконечно благодарна Богу и своей судьбе, что в одну эпоху, в одном мире и на одной земле живу рядом с удивительным человеком и прекрасным поэтом, имя которого – Керим Мхце».

90. 1999 г., 3 июня: В.Б. Тугов в газете «День республики» опубликовал статью «Поэзия разума и чувств», посвященную творчеству К. Мхце.

91. 1999 г., 3 июня: приказ об освобождении Мхце К.Л. с занимаемой должности собкора газеты «Абазашта» согласно поданному заявлению.

92. 1999 г., 25 августа: лауреат премии им. Умара Алиева за вклад в развитие абазинской литературы.

93. 1999 г., сентябрь – октябрь: газета «Абазашта» в пяти номерах подряд публикует интервью К. Мхце П. Чекалову под названием «...Часть истории моей жизни».

94. 2000 г., 20-е числа июля: с прободением язвы желудка оказался в республиканской больнице.

95. 2000 г., 27 июля: хирург Мухарби Татаршао успешно провел операцию.

96. 2000 г., 7 августа: выписался из больницы.

97. 2000 г., 28 ноября: состоялась последняя прижизненная публикация стихов в газете «Абазашта».

98. 2001 г., 15 марта: дал последнее интервью республиканскому радио.

99. 2001 г., март: выход в свет монографии П.К. Чекалова «Керим Мхце. Штрихи к творческому портрету». Первый экземпляр книги был вручен К. Мхце на творческом вечере 17 марта проректором по научной работе КЧГПУ С.У. Пазовым.

100. 2001 г., 17 марта: творческий вечер К.Л. Мхце в здании Карачаево-Черкесского республиканского драматического театра в г. Черкесске.

101. 2001 г., 12 апреля, 8 часов утра: скончался от обширного инфаркта.

102. 2001 г., 13 апреля: после траурного митинга в г. Черкесске похоронен на кладбище родного аула Ново-Кувинск.

103. 2001 г., апрель: по телевидению КЧР прошел телеочерк-реквием Георгия Чекалова «Мое сердце останется жить вместо меня...»

104. 2001 г., 2 июня: по телевидению КЧР прошел документальный фильм «Звезда, погасшая в полете», подготовленный сыном поэта Артуром Мхце.

105. 2002 г., апрель: к годовщине смерти поэта группа абазинской интеллигенции во главе с С.У. Пазовым подготовила рукопись трехтомного собрания сочинений К.Л. Мхце.

106. 2002 г., 10 апреля: к годовщине смерти поэта П.К. и Л.А. Чекаловыми при содействии А.М. Джердисовой выпущена двадцатистраничная брошюра, состоящая из фотографий и стихотворений Мхце.

107. 2002 г., 12 апреля, 11 часов: на доме по ул. Кирова, 4, где жил поэт, была открыта мемориальная доска.

108. 2002 г., 5 мая: на здании школы аула Ново-Кувинск была открытая другая мемориальная доска.

109. 2005 г., февраль: вышла монография М.С. Пазовой и П.К. Чекалова «Метрико-ритмическая палитра К.Л. Мхце периода становления».

110. 2005 г., 30 июня: в Адыгейском государственном университете защищена кандидатская диссертация А.М. Тхайцуховой «Ранняя лирика К.Л. Мхце. Мотивы, образы, динамика развития».

111. 2006 г., 5 октября: монография М.С. Пазовой и П.К. Чекалова «Метрико-ритмическая палитра К.Л. Мхце периода становления» стала лауреатом всероссийского конкурса «Лучшая научная книга 2005 года».

112. 2008 г., июнь: вышла монография А.М. Тхайцуховой и П.К. Чекалова «Ранняя лирика К.Л. Мхце».

113. 2009 г., март: вышел первый том трехтомного собрания сочинений К. Мхце.

114. 2009 г., 5 мая: в доме культуры Абазинского района (аул Эльбурган) прошел юбилейный вечер, посвященный шестидесятилетию К.Л. Мхце.

115. 2009 г.: в журнале «Георгика» (Германия) на немецком языке была опубликована статья П. Чекалова «Грузинская тема в лирике абазинского поэта Керима Мхце».

116. 2010 г., февраль: во втором номере журнала «Сухум» опубликована статья П. Чекалова «Тема грузино-абхазской войны в публицистическом и поэтическом наследии К.Л. Мхце».

117. 2011 г., декабрь: в журнале «Абаза» была перепечатана статья П. Чекалова об отражении грузино-абхазской войны в творчестве Мхце под названием «Певец страны бесконечных дорог».

118. 2012 г., 13 апреля: по инициативе методиста по культуре и образованию администрации Абазинского района Шаевой Джамили в Эльбурганской средней школе прошли районные чтения, посвященные памяти К. Мхце.

119. 2012 г., 5 мая: в доме культуры аула Ново-Кувинск прошел вечер памяти К.Л. Мхце.

120. 2012 г., лето: вышел второй том трехтомного собрания сочинений К.Л. Мхце.

121. 2012 г., 22 августа: в интервью радиостанции «Свобода», транслировавшемся по Европе, рассуждения П.К. Чекалова о современном состоянии абазинского языка и литературы завершились чтением стихотворения Мхце «Абазиния».

122. 2012 г., 14 сентября: указом президента рРеспублики Абхазия К.Л. Мхце награжден орденом «Честь и слава» (посмертно).

123. 2012 г., октябрь: вышла книга М.Ш. и М.М. Узденовых «Тепло твоей поэзии храним, Керим...», к которой был приложен

диск с записями стихов К. Мхце в авторском исполнении, песнями на стихи К. Мхце в исполнении М. Узденовой, аудиовидеопозициями по произведениям К. Мхце, первым мультипликационным фильмом и мультипликационно-музыкальным клипом по стихотворению К. Мхце «Михаил Харитонович».

124. 2012 г.: опубликована статья П.К. Чекалова «Феномен К. Мхце в абазинской национальной культуре», в которой выдвигался и обосновывался тезис гениальности абазинского поэта: «Выдающийся немецкий философ XVIII века Иммануил Кант вывел формулу гениальности – *“это способность создать то, чему нельзя научиться”*. В поэзии Мхце выразилось то, чему действительно нельзя научиться ни в каком литературном институте, нельзя обрести никакими практическими навыками. Невозможно объяснить, из чего вытекает это ощущение высочайшей гармонии, обаяния, сильнейшего эстетического воздействия, сходного с душевным потрясением. Здесь слились воедино рациональное и иррациональное, недоступное разуму, невыразимое в каких-либо логических понятиях и суждениях, построенное на художественном чутье и интуиции. Это высший дар, не поддающийся никакому алгебраическому исчислению».

125. 2014 г., конец сентября: вышел заключительный третий том собрания сочинений К.Л. Мхце.

Издания К.Л. Мхце

1. Моя березка: стихи. – Черкесск, 1968. – 64 с. – На аб. яз.
2. Дороги и звезды: стихи. – Черкесск, 1971. – 62 с. – На аб. яз.
3. Эта земля: стихи // Дорогой счастья. – Черкесск, 1975. – С. 227–281. – На аб. яз.
4. В одном мире: стихи. – Черкесск, 1979. – 168 с. – На аб. яз.
5. Рассветные цветы: стихи и поэмы. – Черкесск, 1983. – 144 с. – На аб. яз.
6. Вначале была любовь: стихи и поэмы. – Черкесск, 1987. – 112 с. – На аб. яз.
7. В миг полулета-полусени: стихи и поэмы. – Черкесск, 1994. – 160 с. – На аб. яз.
8. Вы не узнаете, кто я...: стихи, песни, переводы. – Черкесск, 1994. – 118 с. – На аб. яз.
9. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1: Стихи. – Черкесск, 2009. – 414 с. – На аб. яз.
10. Собрание сочинений в 3 т. Т. 2: Стихи, поэмы. – Черкесск, 2012. – 544 с. – На аб. яз.
11. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3: Интервью, публицистика, литературная критика, комментарии. – Черкесск, 2014. – 448 с. – На аб. яз.

Литература о жизни и творчестве К.Л. Мхце

1. Глябичева М. Неопубликованные стихи // Ком. ал. – 1965. – 27 фев. – На аб. яз.
2. Тхайцухов Б. Юность творит // Ком. ал. – 1966. – 24 мая. – На аб. яз.
3. Братов К. К читателю // Поступь жизни. Коллективный сборник абазинских писателей. – Черкесск, 1966. – С. 5. – На аб. яз.
4. Тхайцухов Б. Голос зари // Ком. ал. – 1967. – 25 мая. – На аб. яз.
5. Тхайцухов Б. Слышатся звуки земли // Ком. ал. – 1968. – 3 авг. – На аб. яз.
6. Тхайцухов Б. «Дороги и звезды» // Ком. ал. – 1971. – 13 фев. – На аб. яз.
7. Тугов В.Б., Шхаева Е.М. Абазинская литература. Учебник-хрестоматия для 10 класса. – Черкесск, 1973. – С. 296. – На аб. яз.
8. История советской многонациональной литературы. В 6 т. Т. 6. – М.: Наука, 1974. – С. 356, 357. – На рус. яз.
9. Тугов В.Б., Шхаева Е.М. Абазинская литература. Учебник-хрестоматия для 10 класса. – Черкесск, 1976. – С. 335. – На аб. яз.
10. Принят в Союз писателей СССР // Ком. ал. – 1978. – 4 марта. – На аб. яз.
11. Тугов В.Б. Пора размышлений. – Черкесск, 1979. – С. 131–133, 140–142. – На аб. яз.
12. Тугов В.Б., Шхаева Е.М. Абазинская литература. Учебник-хрестоматия для 10 класса. – Черкесск, 1980. – С. 241–245. – На аб. яз.
13. Чикатуев М. Новая радость // Ком. ал. – 1980. – 9 фев. – На аб. яз.
14. Быда Р. Радостная встреча // Ком. ал. – 1981. – 21 нояб. – На аб. яз.
15. Мхце К. Еще одна заря занимается // Ком. ал. – 1984. – 6 дек. – На аб. яз.
16. Чикатуев М. Несколько задач по поводу языка и литературы // Ком. ал. – 1985. – 16 мая. – На аб. яз.

17. Тхайцухов Б. Еще не вышедшая книга // Ком. ал. – 1986. – 22 марта. – На аб. яз.
18. Чекалов П. О переводах // Ком. ал. – 1987. – 29 авг. – На аб. яз.
19. Тхайцухов Б. Стихи и поэмы // Ком. ал. – 1987. – 24 окт. – На аб. яз.
20. Чекалов П. Поэзия и жизнь // Ком. ал. – 1988. – 2, 9 апр. – На аб. яз.
21. Апсова Ф. Нульдины и бакьканы // Ком. ал. – 1988. – 6 авг. – На аб. яз.
22. Тугов В.Б., Шхаева Е.М. Абазинская литература. Учебник-хрестоматия для 10 класса. – Черкесск, 1988. – С. 247–252. – На аб. яз.
23. Абазины. Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1989. – С. 199. – На рус. яз.
24. Тхайцухов Б. Три письма // Ком. ал. – 1989. – 7 янв. – На аб. яз.
25. Кишмахова С. Добрый день, Керим! // Ком. ал. – 1989. – 7 янв. – На аб. яз.
26. Гукова Р. Дорогая редакция! // Ком. ал. – 1989. – 7 янв. – На аб. яз.
27. Кагова О., Ламкова О., Курджева Ф., Мукова З., Хаткова З. «Так нежно, так грустно...» // Ком. ал. – 1989. – 7 янв. – На аб. яз.
28. Чекалов П. Традиции Маяковского в абазинской поэзии // Маяковские чтения. – Грозный, 1990. – С. 85–86. – На рус. яз.
29. Чекалов П. О роли переводов с русского в развитии младописьменных литератур // Литературы народов Карачаево-Черкесии. Концепция художественного развития. – Черкесск, 1990. – С. 112–113, 116–119. – На рус. яз.
30. Урусбиева Ф. Портреты и проблемы. – Нальчик, 1990. – С. 131–132. – На рус. яз.
31. Джердисова А. «Я жизни буду удивляться» // Ком. ал. – 1991. – 11 июня. – На аб. яз.
32. Джердисова А. «Говорил Будда» // Абазашта. – 1991. – 24 сент. – На аб. яз.
33. Джердисова А. «И убивают их мушиные сердца» // Абазашта. – 1992. – 8 фев. – На аб. яз.
34. Джердисова А. «Сколько ты живыми умертвил» // Абазашта. – 1992. – 12 дек. – На аб. яз.

35. Чикатуев М. Мысли и боли / Записал П. Чекалов // Абазашта. – 1993. – 6 марта. – На аб. яз.
36. Чекалов П. «Оценят жизнь мою потом» // Абазашта. – 1993. – 11 сент. – На аб. яз.
37. «В миг полулета-полуосени» // Абазашта. – 1993. – 25 дек. – На аб. яз.
38. Ионова Ф. «В миг полулета-полуосени» // Абазашта. – 1994. – 26 фев. – На аб. яз.
39. Издана книга // День респ. – 1994. – 2 марта. – На рус. яз.
40. Шенкао М. «Когда уставшее сердце мое превратится в льдинку...» // Абазашта. – 1994. – 23 апр. – На аб. яз.
41. Слово о нашем товарище // Абазашта. – 1994. – 6 мая. – На аб. яз.
42. Озова К. «Маленький Керим» // Абазашта. – 1994. – 6 мая. – На аб. яз.
43. Апсова Ф. Будь здоров, мой брат // Абазашта. – 1994. – 6 мая. – На аб. яз.
44. Хасароков Б. Верный товарищ моего одиночества // Абазашта. – 1994. – 6 мая. – На аб. яз.
45. Муратков Н. Чей стиль и характер одинаковы // Абазашта. – 1994. – 6 мая. – На аб. яз.
46. Аганова М. «Бесконечная боль моя, Абазашта» // Абазашта. – 1994. – 3 авг. – На аб. яз.
47. Тхайцухов Б. Поэт, идущий за звездой // Абазашта. – 1994. – 12 окт. – На аб. яз.
48. Гукеева З. «Протягиваю вам мою судьбу-мгновенье» // Абазашта. – 1995. – 22 июня. – На аб. яз.
49. Чекалов П. Страницы истории абазинской литературы. – Черкесск, 1995. – С. 31–32, 37–39. – На рус. яз.
50. Тхайцухов Б. Мы жили, живем, будем жить // Абазашта. – 1996. – 24 июля. – На аб. яз.
51. Джердисова А. Откуда писатели берут свои образы? // 1996. – 23 нояб. – На аб. яз.
52. Тхайцухов Б. Встреча читателей с поэтом // Абазашта. – 1996. – 18 дек. – На аб. яз.
53. Тугов В., Шхаева Е. Абазинская литература для 11 класса. Учебник. – Черкесск, 1996. – С. 91–121. – На аб. яз.

54. Чекалов П.К. Абазинские писатели. Биобиблиографический справочник. – М.: ООО «Агент», 1996. – С. 47–49. – На рус. яз.
55. Хасароков Б. «Дарю вам жизнь свою цветком» // Абазашта. – 1997. – 18 окт. – На аб. яз.
56. Джердисова А. Об одной встрече // Абазашта. – 1997. – 11 дек. – На аб. яз.
57. Присвоено почетное звание «Народный поэт КЧР» // День респ. – 1998. – 23 июня.
58. Лагучев П. Весь год впопыхах // Абазашта. – 1998. – 3 июля. – На аб. яз.
59. Посвящено творчеству К. Мхце // Абазашта. – 1998. – 11 июля. – На аб. яз.
60. Поздравляем Керима Мхце // Абазашта. – 1998. – 17 июля. – На аб. яз.
61. Шебзухова Л. Слово Керима // Абазашта. – 1998. – 23 июля. – На аб. яз.
62. Разговор по душам // Абазашта. – 1998. – 28 июля. – На аб. яз.
63. Дзугова А. Удостоены премий // Абазашта. – 1998. – 28 авг. – На аб. яз.
64. Дагужиева А. и др. Телеграмма // Абазашта. – 1998. – 1 сент. – На аб. яз.
65. Чекалов П. Поэзия и время // Абазашта. – 1998. – 1, 5 сент. – На аб. яз.
66. Тахтаулова Т. В услужении святому братству // Курьер Карачаево-Черкесии. – 1998. – 9 сент. – С. 2. – На рус. яз.
67. Чекалов П. Об одном стихотворении К. Мхце // Текст как объект многоаспектного исследования. Сборник статей. Вып. 3. Часть 2. – СПб. – Ставрополь, 1998. – С. 66–73. – На рус. яз.
68. Дзыба А. Керим Мхце. Природа творчества // Региональное кавказоведение и тюркология: традиции и современность. Тезисы докладов. – Карачаевск, 1998. – С. 75–76. – На рус. яз.
69. Тлябичева М. Мой брат, мой поэт... // Абазашта. – 1999. – 30 апр. – На аб. яз.
70. Апсова Ф. Сердцем протягиваю тебе все цветы // Абазашта. – 1999. – 30 апр. – На аб. яз.
71. «Тому, что жил, я удивлюсь...» // Курьер Карачаево-Черкесии. – 1999. – Май. – С. 6–7. – На рус. яз.

72. Тлябичева М. «Знать, совесть чистая нужна» // Экспресс-почта. – 1999. – 29 мая. – С. 3. – На рус. яз.

73. Тугов В. Поэзия разума и чувств (К пятидесятилетию поэта К. Мхце) // День респ. – 1999. – 3 июня. – На рус. яз.

74. Чекалов П. «...Часть истории моей жизни» // Абазашта. – 1999. – 28 сент., 5, 9, 12, 16 окт. – На аб. яз.

75. Чекалов П. О творческой манере Керима Мхце (на материале сборника «В одном мире») // Этнонациональная ментальность в художественной литературе. Материалы Всероссийской научной конференции. – Ставрополь, 1999. – С. 177–183. – На рус. яз.

76. Хасароков Б. Мелодии поэзии // Абазашта. – 2000. – 20 июня. – С. 3. – На аб. яз.

77. Чекалов П. Категория времени в поэзии К. Мхце // Стилистика и культура речи. Межвузовский сборник научных трудов. – Пятигорск, 2000. – С. 117–120. – На рус. яз.

78. Чекалов П. Трагическое мировосприятие и способы его выражения в поэзии Керима Мхце // Этничность, культура, менталитет. (Теоретико-методологические и культурологические аспекты изучения этнического). – Карачаевск: КЧГПУ, 2000. – С. 109–120. – На рус. яз.

79. Чекалов П.К. Личность и творчество К.Л. Мхце в оценке абазинской литературной критики // Русский язык и межкультурная коммуникация. Научный журнал. – Пятигорск: ПГЛУ. – 2001. – № 1. – С. 168–175. – На рус. яз.

80. Чекалов П.К. Керим Мхце. наброски к творческому портрету. – Карачаевск: КЧГПУ, 2001. – 102 с. – На рус. яз.

81. Народному поэту КЧР Мхце Кериму Леонидовичу // Абазашта. – 2001. – 24 марта. – С. 1. – На аб. яз.

82. Натхов Х. «Вы никогда не узнаете, кем я был на самом деле» // Абазашта. – 2001. – 24 марта. – С. 1. – На аб. яз.

83. Ты не права, жизнь... // Абазашта. – 2001. – 14 апр. – С. 3. – На аб. яз.

84. Апсова Ф. Как же так получилось?.. // Абазашта. – 2001. – 14 апр. – С. 3. – На аб. яз.

85. Нартоков С. Памяти товарища // Экспресс-почта. – 2001. – 19 апр. – С. 3. – На рус. яз.

86. Муратков Н. Керим Мхце будет с нами всегда // Абазашта. – 2001. – 21 апр. – С. 2. – На аб. яз.

87. Чекалов П. Слово о Кериме // Абазашта. – 2001. – 5 мая. – С. 3. – На аб. яз.
88. Шенкао М. Сверкнул звездой и... скрылся... // Абазашта. – 2001. – 5 мая. С. 3. – На аб. яз.
89. Этлухова М. Никогда не забудем // Абазашта. – 2001. – 5 мая. – С. 3. – На аб. яз.
90. Звезда первой величины // Экспресс-почта. – 2001. – 31 мая. – С. 3. – На рус. яз.
91. Джердисова А. Философия жизни и смерти // Абазашта. – 2001. – 2 июня – С. 3. – На аб. яз.
92. Тхайцухов Б. Грустные размышления // Абазашта. – 2001. – 5 июня. – С. 3. – На аб. яз.
93. Егорова Л.П. Литературы народов Северного Кавказа. Учебно-методическое пособие. – Ставрополь, 2001. – С. 20–22. – На рус. яз.
94. Чекалов П.К. Мотив возвращения в лирике М. Тлябичевой и К. Мхце // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. Материалы Всероссийской научной конференции. – Майкоп, 2001. – С. 198–199. – На рус. яз.
95. Апсова Ф. «Вот так пиши всегда, Тима...» // Абазашта. – 2002. – 19 янв. – На аб. яз.
96. Джердисова А. «Потом ты можешь литься хоть дождем...» // Абазашта. – 2002. – 2 апр. – На аб. яз.
97. Апсова Ф. Оставивший свое сердце // Абазашта. – 2002. – 9 апр. – На аб. яз.
98. Чекалов П. Как работал Керим Мхце над стихами // Абазашта. – 2002. – 9 апр. – На аб. яз.
99. Чекалов П.К., Чекалова Л.А. «Сюда пришел я, чтобы здесь остаться...»: брошюра. – Черкесск, 2002. – 20 с. – На аб. яз.
100. Чуркин Г. «Я не прошу ни славы, ни золотого клада...» // День респ. – 2002. – 18 апр. – На рус. яз.
101. Мамыщ Н. Керим был Керимом Аллаха // Абазашта. – 2002. – 20 апр. – На аб. яз.
102. Чекалов Г. «Для чего я жил на земле?» // Абазашта. – 2002. – 20 апр. – На аб. яз.
103. Апсова Ф. «Сюда пришел я, чтобы здесь остаться...» // Абазашта. – 2002. – 20 апр. – На аб. яз.
104. Чекалов П. 5 мая поэту Кериму Мхце исполнилось бы 53 года // Абазашта. – 2002. – 30 апр. – На аб. яз.

105. Мамыщ Н. Гражданин, поэт, человек // Абазашта. – 2002. – 14 мая. – На аб. яз.
106. Куначева М. Встреча // Абазашта. – 2002. – 28 мая. – На аб. яз.
107. Тлябичева М. Потеря // Абазашта. – 2002. – 4 июня. – На аб. яз.
108. Ионов А. Поэзия // Абазашта. – 2002. – 13 авг. – На аб. яз.
109. Пазова М.С. Ритмические вариации хорея в сборнике К. Мхце «В одном мире» // Этнорегиональные проблемы изучения национальной культуры. – Карачаевск, 2002. – С. 142–151. – На рус. яз.
110. Чекалов П.К., Пазова М.С. Ямб и его проявления в сборнике К. Мхце «В одном мире» // Вестник. – Карачаевск, 2002. – № 9. – С. 127–143. – На рус. яз.
111. Чекалов П.К., Пазова М.С. Метрико-ритмическая основа сборника К.Л. Мхце «Моя березка» // Теоретические и методические исследования в области педагогики, психологии и гуманитарных наук. Сборник научных материалов. – Невинномысск, НГГТИ, 2002. – С. 146–149. – На рус. яз.
112. Чекалов П.К. Поэтика сборника Керима Мхце «В одном мире» // Литература народов Северного Кавказа. Курс лекций. Часть 1. – Ставрополь, 2003. – С. 50–57. – На рус. яз.
113. Апсова Ф. 12 апреля исполняется два года, как перестало биться сердце Керима Мхце // Абазашта. – 2003. – 12 апр. – На аб. яз.
114. Мхце К. «Сердце мое останется жить вместо меня» // Абазашта. – 2003. – 12 апр. – На аб. яз.
115. Чекалов П. Малая Кува в жизни и творчестве Керима Мхце // Абазашта. – 2003. – 6 мая. – На аб. яз.
116. Тлябичева М. Короткая, но завидная жизнь // Черкес хэку. – 2003. – 16 авг. – На черк. яз.
117. Пазова М.С. Метрическая основа сборника Керима Мхце «Дороги и звезды» // Художественно-историческая интеграция литературного процесса. Материалы региональной научной конференции. – Майкоп: АГУ, 2003. – С. 17–20. – На рус. яз.
118. Тугова Л.Н. Жанрово-композиционные особенности лиро-эпической поэмы // Художественно-историческая интеграция литературного процесса. Материалы региональной научной конференции. – Майкоп: АГУ, 2003. – С. 131. – На рус. яз.

119. Чекалов П.К., Пазова М.С. Метрика и ритмика сборника К.Л. Мхце «Моя березка» // Региональная наука – Отечество. Материалы IV итоговой научной конференции 29–30 апреля 2003 года. – Невинномысск: НГГТИ, 2003. – С. 69–92. – На рус. яз.

120. Чекалов П.К. Из истории развития абазинской поэзии // Антология литературы народов Северного Кавказа. Поэзия. Том 1. Часть 1. – Пятигорск, 2003. – С. 963, 964, 965. – На рус. яз.

121. Чекалов П.К., Силантьев А.Н. Основные образы и мотивы поэзии К.Л. Мхце и их статистические показатели // Русский язык и активные процессы в современной речи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Москва – Ставрополь, 2003. – С. 324–327. – На рус. яз.

122. Тлябичева М. Стоит жить на этой грешной земле // Абаза. – 2003. – № 2. – С. 23. – На рус. яз.

123. Этлухов О. Зов крови. – М.: РГТЭУ, 2003. – С. 112–117.

124. Хасароков Б. «Вы не узнаете, кто я» // Абазашта. – 2004. – 30 апр. – На аб. яз.

125. Чекалов П.К. Антропологическая и мифологическая основа взаимоотношений героя и его возлюбленной в ранней лирике К. Мхце // Теоретические и прикладные проблемы педагогической и детской антропологии. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Ставрополь, 2004. – С. 307–309. – На рус. яз.

126. Пазова М.С. Метрико-ритмическая палитра К. Мхце периода становления // Теоретические и прикладные проблемы педагогической и детской антропологии. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Ставрополь, 2004. – С. 165–171. – На рус. яз.

127. Тхайцухова А.М. Переплетение и трансформация различных мотивов в лирике К. Мхце // Теоретические и прикладные проблемы педагогической и детской антропологии. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Ставрополь, 2004. – С. 171–177. – На рус. яз.

128. Чекалов П.К., Тхайцухова А.М. Основные мотивы и образы поэзии К. Мхце конца 1960-х гг. // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. – Ставрополь: СГПИ, 2004. – Вып. 4. – С. 164–171. – На рус. яз.

129. Чекалов П.К. Керим Мхце // Егорова Л.П. Литературы народов Северного Кавказа. Очерки. – Ставрополь, 2004. – С. 130–142. – На рус. яз.

130. Тхайцухова А.М. Язык произведений К. Мхце раннего периода (1963–1968) // Лингвистическое кавказоведение и тюркология. Традиции и современность. Материалы III Всероссийской научной конференции. – Карачаевск, 2004. – С. 227–332. – На рус. яз.

131. Хуранов А.А. Моя Кува. Краткие очерки из истории аула. (По материалам музея аула Старо-Кувинск). – Черкесск, 2004. – С. 64. – На рус. яз.

132. Чекалов П.К. Мироощущение лирического героя и способы его выражения в произведениях К. Мхце 1968–1970 гг. // Язык. Текст. Дискурс. Межвузовский научный альманах. Вып. 3. – Ставрополь – Пятигорск, 2005. – С. 237–239. – На рус. яз.

133. Тхайцухова А.М. Язык произведений К. Мхце конца 1960-х гг.: Поэтическая лексика. Тропы. Стилистические фигуры // Язык. Текст. Дискурс. Межвузовский научный альманах. Вып. 3. – Ставрополь – Пятигорск, 2005. – С. 240–247.

134. Пазова М.С., Чекалов П.К. Метрико-ритмическая палитра К.Л. Мхце периода становления. – Карачаевск: КЧГУ, 2005. – 190 с.

135. Вспоминая К. Мхце // Абазашта. – 2005 – 5 мая. – На аб. яз.

136. Шебзухова Л. Звезда Керима // Экспресс-почта. – 2005. – 23 нояб. – На рус. яз.

137. Чекалов П.К. Ранняя лирика К.Л. Мхце // Педагогическая наука и практика – региону. – Ставрополь: СГПИ, 2006. – С. 271–273. – На рус. яз.

138. Тхайцухова А.М. Стихотворения малой формы К. Мхце армейского периода // Актуальные проблемы гуманитарных наук. – Ставрополь: ИДНК, 2005. – С. 241–244. – На рус. яз.

139. Джердисова А. «Земля одна... погонщик кто ж?!» // Абазашта. – 2006. – 29 апр. – На аб. яз.

140. Звезды абазинской литературы // Абазашта. – 2006. – 10 июня. – На аб. яз.

141. Джердисова А. Сила слова // Абазашта. – 2006. – 26 окт. – На аб. яз.

142. Абазинские писатели и поэты // Абазашта. – 2006. – 4 нояб. – На аб. яз.
143. Накохов М. Соловей Абазашты // Абаза. Журнал Международной ассоциации абхазо-абазинского народа. – М., 2006. – № 1. – С. 3. – На рус. яз.
144. Чекалов П.К. Образы-символы коня и поезда в лирике К. Мхце // Литература народов Северного Кавказа в контексте отечественной и мировой культуры. – Майкоп: АГУ, АРИГИ, 2006. – С. 353–356. – На рус. яз.
145. Тугов В.Б. Литература в меняющемся мире. Статьи разных лет. – Карачаевск: КЧГУ, 2006. – С. 63–86. – На рус. яз.
146. Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. – С. 1012. – На рус. яз.
147. Джердисова А. «Тому, что жил, я удивлюсь!» // День респ. – 2007. – 20 марта. – На рус. яз.
148. «Буду жить столько, сколько буду нужен своему народу» // Абазашта. – 2007. – 5 мая. – На аб. яз.
149. Джердисова А. «Тому, что жил, я удивлюсь» // Ногай давысы. – 2007. – 5 июня. – На ног. яз.
150. Чекалов П.К. Драматизм любовной лирики К.Л. Мхце начала 1970-х гг. // Кавказская филология. – Пятигорск: ПГЛУ, 2007. – № 1. – С. 55–60. – На рус. яз.
151. Тлябичева М. Мой брат, мой бог, мой поэт... // Нити сердца. – Черкесск, 2007. – С. 83–90. – На аб. яз.
152. Тлябичева М. «О Керим, брат мой добрый, золотая моя нить...» // Нити сердца. – Черкесск, 2007. – С. 91–100. – На аб. яз.
153. Чикатуев М. Временем разбуженные мысли // Антология абазинской поэзии. XX век. В 2 т. Т. 1. – Черкесск – Минеральные Воды, 2007. – С. 58–68, 75–76. – На аб. яз.
154. Чекалов Г. И человечность, и профессионализм // Абазашта. – 2008. – 19 июня. – С. 5. – На аб. яз.
155. Накохов М. Книга о большом поэте // День респ. – 2008. – 25 дек. – С. 3. – На рус. яз.
156. Чекалов П.К. Функциональная роль образа белых акаций в ранней лирике К. Мхце // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. – Майкоп: АГУ, 2008. – С. 359–360.

157. Тугова Л.Н. Осмысление исторического прошлого в поэме К. Мхце «Воспоминание» // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. – Майкоп: АГУ, 2008. – С. 291–293.
158. Джердисова А. Некоторые мысли по поводу абазинской литературы. – Черкесск, 2008. – С. 72–79, 101–104. – На аб. яз.
159. Капаев И. Воспоминания о поэте Кериме Мхце // Мониста. – Москва: Голос-Пресс, 2008. – С. 209–215. – На рус. яз.
160. Чекалов П.К., Тхайцухова А.М. Ранняя лирика К.Л. Мхце. – Невинномысск: НИЭУП, 2008. – 222 с. – На рус. яз.
161. Накохов М. Талант, опередивший время // День респ. – 2009. – 28 апр. – С. 3. – На рус. яз.
162. Тугов В.Б. Поэзия мысли и чувства // Мхце К.Л. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1. – Черкесск, 2009. – С. 8–30. – На аб. яз.
163. Чекалов П.К. Абазинские писатели. Биобиблиографический справочник. – Ставрополь, 2009. – С. 8–9, 98–106, 122. – На рус. яз.
164. Чекалов П. Одна беседа // Абазашта. – 2009. – 7 мая. – С. 7. – На аб. яз.
165. Апсова Ф. Мы никогда не узнаем, кем он был на самом деле... // Абазашта. – 2009. – 7 мая. – С. 7. – На аб. яз.
166. Чекалов П. Звезда абазинской поэзии // Карачай. – 2009. – 7 мая. – С. 3. – На кар. яз.
167. Чекалов П. Звезда Керима Мхце // ДОШ (Слово). Кавказский независимый журнал. – 2009. – № 2. – С. 40–41. – На рус. яз.
168. Чекалов П. Грузинская тема в лирике абазинского поэта Керима Мхце // Георгика. – Ахен (Германия), 2009. – № 32. – С. 120–127. – На нем. яз.
169. Чекалов П.К. Абхазская война в творческой судьбе К.Л. Мхце // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. Материалы VII Международной научной конференции. – Майкоп: АГУ, 2010. – С. 200–203.
170. Лагучев Д. Поэт // Лагучев Д. Одной дорогой. – Черкесск, 2011. – С. 265–272. – На аб. яз.
171. Чекалов П.К. Тема грузино-абхазской войны в публицистическом и поэтическом наследии К.Л. Мхце // Сухум. – Сухум. – 2010. – № 2. – С. 322–340. – На рус. яз.

172. Чекалов П. Певец страны бесконечных дорог // Абаза. – 2011. – № 2. – С. 3–17. – На рус. яз.
173. Джердисова А. «Оценят жизнь мою потом» // Абазашта. – 2011. – 7 мая. – С. 5. – На аб. яз.
174. Джердисова А. Поэт, утешивший уставшее сердце народа // Абазашта. – 2012. – 12 апр. – С. 3. – На аб. яз.
175. Куржев А.А. Он был интеллигентом... // Черкесск: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – 17 апр. – На рус. яз.
176. «Был на самом деле? Или только привиделся?» // Абазашта. – 2012. – 5 мая. – С. 7. – На аб. яз.
177. Чекалов П.К. Перевод как художественная интерпретация оригинала (на материале абазинской литературы) // Историко-функциональное изучение литературы и публицистики: истоки, современность, перспективы. – Ставрополь: СГУ, 2012. – С. 280–283. – На рус. яз.
178. «Проводите и простите мне мою раннюю усталость» // Абазашта. – 2012. – 26 мая. – С. 3. – На аб. яз.
179. Биджиева Ф. «Я хочу писать на своем родном языке...» // День республики. – 2012. – 15 мая. – С. 3. – На рус. яз.
180. Чекалов П.К., Шиков Н.М. Метрико-ритмическая палитра сборника К.Л. Мхце «В одном мире» // Вестник АГУ. – Май-коп. – 2012. – № 2. – С. 64–70. – На рус. яз.
181. Узденова М., Узденов М. Тепло твоей поэзии храним, Керим... – Кисловодск, 2012. – 108 с. – На рус. яз.
182. Барокова Л. Афористические жанры абазинского фольклора в творчестве К. Мхце // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы северокавказских литератур в контексте общероссийского литературного процесса: перспективы развития на рубеже XX–XXI веков». – Грозный: ЧГПИ, 2012. – С. 38–40.
183. Чекалов П. Феномен К. Мхце в абазинской национальной культуре // Гуманитарные науки в регионах России: наследие, современные тенденции и проблемы. Материалы Всероссийской научной конференции. Ч. 2. – Карачаевск: КЧГУ, 2012. – С. 226–233. – На рус. яз.
184. Куржев А.А. Он был интеллигентом... // Куржев А.А. Тепло времени. – Черкесск, 2013. – С. 57–60. – На рус. яз.
185. Хужев Р. Когда плачет один глаз, другой не радуется // Абазги. – 2013. – № 2. – С. 38–40. – На аб. яз.

186. Чекалов П.К. Из творческой биографии К.Л. Мхце // Абазги. – 2013. – № 2. – С. 20–33. – На рус. яз.

187. Чекалов П. О необходимости популяризации творческого наследия Керима Мхце // Страна Абазы. Дайджест культурной жизни. – 2013. – № 1. – С. 37–39. – На рус. яз.

188. Чекалов П. Поэтическая звезда Керима Мхце // Страна Абазы. Дайджест культурной жизни. – 2013. – № 1. – С. 110–112. – На рус. яз.

189. Чекалов П. О некоторых содержательных и формальных особенностях сборника К. Мхце «В миг полулета-полуосени» // Россия и Кавказ в пространстве единой державы: материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар: КСЭИ, 2014. – С. 80–88.

190. Джердисова А. «Сюда пришел я, чтобы здесь остаться...» // Абазашта. – 2014. – 8 мая. – С. 5. – На аб. яз.

191. Джердисова А. Прошла презентация третьего тома К. Мхце // Абазашта. – 2014. – 9 окт. – С. 2. – На аб. яз.

192. Чекалов П. Из творческой биографии Керима Мхце. Литературный институт // Абазги. – 2014. – № 4. – С. 28–35. – На рус. яз.

193. Хасароков Б. Керим Мхце – поэт-песенник // Абазги. – 2014. – № 4. – С. 36–39. – На рус. яз.

194. Керим о себе // Мхце К.Л. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. / Сост. П.К. Чекалов. – Черкесск, 2014. – С. 6–71. – На аб. яз.

195. Литературная критика о творчестве К. Мхце // Мхце К.Л. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. / Сост. П.К. Чекалов. – Черкесск, 2014. – С. 237–334. – На аб. яз.

196. Комментарии к произведениям К.Л. Мхце // Мхце К.Л. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. / Сост. П.К. Чекалов. – Черкесск, 2014. – С. 335–434. – На аб. яз.

197. Чекалов П.К. Осмысление абазинской литературной критикой жизни и творчества К.Л. Мхце // Язык, литература, фольклор. Книга в честь Юнуса Дешериева. – Грозный: ЧГУ, 2014. – С. 185–193. – На аб. яз.

198. Чекалов П.К. Лирика Керима Мхце в орбите творческих взаимосвязей // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп: АГУ, 2014. – № 2. – С. 217–223.

199. Чекалов П.К. Поэзия Керима Мхце: творческие взаимосвязи // Этнос и этнос в динамике культурных процессов. – Черкесск, 2014. – С. 170–178.

200. Чекалов Г. Бесценное достояние народа. Эра «Абазинки» // Страна Абаза. Дайджест культурной жизни. – СПб: Питер, 2014. – № 3. – С. 48, 50–51.

201. Чекалов П. Запущен переводческий проект // Страна Абаза. Дайджест культурной жизни. – СПб: Питер, 2014. – № 3. – С. 92–95.

202. Мхце Керим Леонидович // Абазинские писатели. – Черкесск, 2015. – С. 17. – На рус. яз.

203. Чекалов П.К. Сравнение в абазинском языке: опыт классификации // Абазинский язык и литература: проблемы сохранения и развития. Материалы международной научной конференции. – Карачаевск, 2015. – С. 71–73. – На рус. яз.

204. Чекалов П.К. Творчество Керима Мхце: синхронические и диахронические параллели // Год литературы: этноментальные ориентиры научных поисков в кросскультурном пространстве XXI века. – Махачкала: ДГПУ, 2015. – С. 278–283. – На рус. яз.

205. Баталов К.А. Мхце Керим Леонидович // Абхазский биографический словарь. – Москва – Сухум: АБИГИ, 2015. – С. 532. – На рус. яз.

206. Чекалов П.К., Ионова М.А. Керим Мхце: студенческие годы (по следам архивных материалов) // Актуальные проблемы современной науки. V Международная научно-практическая конференция. Выпуск 5. Т. 1. – Ставрополь, 2016. – С. 46–50. – На рус. яз.

207. Чекалов П.К., Шуаева Е.В. Осмысление наследия поэта // VI Международная научная конференция «Вопросы современной науки. Проблемы, тенденции и перспективы». Часть 2. – М.: Научный журнал «Chronos», 2016. – С. 31–35. – На рус. яз.

Содержание

<i>От автора</i>	4
Из родословной.	8
Раннее детство	12
Начальная школа.	19
Интернат	22
После школы	39
Стихотворения ученического периода	41
Переплетение и трансформация различных мотивов	51
Стихотворения армейского периода.	57
Литературный институт	70
Керим Мхце в воспоминаниях друзей студенческой поры.	77
Сборник «Эта земля»: общая характеристика	83
Предварительные итоги	101
Алла Чекунова и ее место в жизни и творчестве Керима Мхце.	105
Проблематика и стилевая манера сборника «В одном мире»	136
Работа в газете	158
Новая семья	169
Дальнейшая эволюция творческого сознания поэта	173
Страницы из дневника	192
Творческий процесс	194
Сборник «Вначале была любовь»	201
Осмысление абазинской критикой творчества К.Л. Мхце во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов	213
Абхазо-грузинская война в житейской и творческой судьбе К. Мхце	220

Содержательные и формальные особенности сборника «В миг полулета-полуосени»	243
Психологический нерв сборника «Вы не узнаете, кто я...»	295
Абазинская литературная критика и литературоведение о К. Мхце и его поэзии в 1990-е годы	303
Душевный строй	309
О времени и о себе	316
Хроника последних лет	320
Посмертная судьба	335
Цитируемая литература	341
Список информаторов	346
Хроника жизни, творчества и посмертной судьбы К.Л. Мхце	348

Запечатленные мгновения

Иллюстрации и портреты

Издания К.Л. Мхце	357
Литература о жизни и творчестве К.Л. Мхце	358

Литературно-художественное издание

Чекалов Петр Константинович

«Сюда пришел я, чтобы здесь остаться...»

Страницы творческой биографии Керима Леонидовича Мхци

Дизайн-макет – П.Г. Марченко

Корректор – Е.Г. Якимова

Подписано в печать 15.12.2016.
Формат 60 x 90/16. Гарнитура PetersburgС.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,5. Тираж 500 экз. Заказ № 997.

ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва,
ул. Большая Никитская, д. 50а/5, стр.1.
Тел. (495) 690-67-19
www.uniki.ru